ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА

ВЪ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ.

С. Ѳ. Огородникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Морскаго Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1890.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Промышленность и торговля сѣвернаго края до появленія Англичанъ въ Двинскомъ устьѣ.

Причины, вызвавшія основаніе Архангельска, и первоначальная обстройка города.

Глава VI.

Промышленность и торговля Архангельскаго порта въ XVI и XVII ст.

Глава VII.

Глава VIII.

Глава IX.

Посѣщенія Архангельска Петромъ Великимъ, и слѣды этого посѣщенія.

Глава X.

Глава XI.

Глава XII.

Глава XIII.

Промышленность и торговля Архангельскаго порта со второй половины XVIII и до второй половины XIX ст.

Глава XIV.

Глава XV.

Глава XVI.

Глава XVII.

Состояніе торговли и промышленности во вторую половину текущаго столѣтія.

Глава XVIII.

Глава XIX, и послѣдняя.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1884 г. Архангельскъ праздновалъ 300-лѣтній юбилей своего существованія.

Триста лѣтъ—не малое время. Юбиляръ-городъ, будучи нѣкогда единственнымъ въ Россіи коммерческимъ портомъ, занималъ очень видную роль въ судьбахъ нашего отечества, по своему предназначенію укрѣпить и расширить только что возникшія тогда морскія торговыя сношенія Россіи съ иностранными государствами; онъ и по настоящее время сохранилъ еще за собою немаловажное значеніе въ качествѣ центральнаго, экспортнаго пункта для заграничнаго сбыта произведеній всей сѣверной полосы Россіи. Исторія такого портоваго города, въ его различныхъ жизненныхъ фазисахъ, когда самый оживленный періодъ дѣятельности смѣнялся вдругъ полнымъ застоемъ, должна представлять и много любопытнаго, и много поучительнаго.

Приступая къ труду, нами прежде всего руководило желаніе выяснить причины, тормозившія правильное, естественное развитіе не только торговли Архангельскаго порта, но и главной промышленности края, судьбы которой связаны неразрывно съ портовою дѣятельностью.

Задача немаловажная, если принять во вниманіе разбросанность матеріала по различнымъ архивнымъ учрежденіямъ, и первичную разработку этого матеріала при составленіи труда, являющагося какъ-бы второю, важнѣйшею частью напечатанной уже нами исторіи Архангельскаго военнаго порта (*).

(*) См. Морск. Сб. 1875 г., № 4, 5, 7, 8 — 12.

Насколько успѣли мы осуществить свою задачу — судить будутъ другіе, а мы, въ данномъ случаѣ, утѣшаемся изреченіемъ писателя прошлаго вѣка: «несовершенство единаго историка исправляется совершенствомъ другаго».

Матеріалами «Очерка исторіи города Архангельска» служили:

1) Труды Археографической Экспедиціи и т. п. изданія.

2) Подлинныя дѣла, хранящіяся въ архивахъ: Московскихъ—Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (преимущественно дѣла Посольскаго Приказа) и Министерства Юстиціи; Петербургскихъ—Департамента Таможенныхъ Сборовъ (дѣла Коммерцъ-коллегіи, Коммисіи о коммерціи, Д-та Внѣшней Торговли и др.), Главнаго Морскаго (Дѣла Приказа большой казны, Приказа Воинскаго Морскаго флота, графа Апраксина и др.) и Департамента Торговли и Мануфактуръ.

и 3) Историческія сочиненія писателей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, на которыя въ своемъ мѣстѣ указывается въ подстрочныхъ выноскахъ, обозначенныхъ цифрами. Между этими печатными источниками драгоцѣннѣйшимъ подспорьемъ служили труды Крестинина, всецѣло посвященные изученію холмогорской и архангелогородской старины, а также и мѣстныя губернскія вѣдомости, въ которыхъ находится много интереснаго матеріала, для изученія торговли и промышленности архангельскаго края, благодаря основательному знакомству съ историческими моментами жизни Архангельска лицамъ, какъ напр. Истомину, Чернышеву, Заринскому и мн. др., съ любовью потрудившимся надъ архангельскою стариною. Каждый изъ низъ внесъ каплю меда въ общій улей.

Въ своемъ «Очеркѣ исторіи» мы вынуждены были, сверхъ чаянія, игнорировать извѣстнаго Молчанова, автора «Исторіи Архангельской губерніи», потому что при ближайшемъ знакомствѣ съ его книгою оказалось, что добрая ея половина есть дословная перепечатка изъ Крестинина, безъ указанія при томъ на источникъ этого заимствованія.

Сожалѣемъ, что физическая невозможность не позволила намъ воспользоваться мѣстными городскими архивами, безъ чего ощущается неполнота труда; но, какъ облегчающее обстоятельство, нами руководило соображеніе, что бывшіе го-

родскіе пожары унесли съ собою очень много драгоцѣнныхъ свѣдѣній по исторіи края, а остающіеся затѣмъ архивные документы Архангельска принадлежатъ уже, сравнительно, къ болѣе позднѣйшему времени, и потому большею частью могли быть восполнены столичными архивами, къ чему и были направлены всѣ наши усилія.

Извлеченные нами архивные документы дали возможность многое пополнить, многое провѣрить и извлечь новыя данныя бросающія свѣтъ на торгово-промышленную жизнь Архангельскаго порта.

Но при этомъ желаемъ оговориться. Текущее столѣтіе, по предмету нашихъ изысканій, оказалось, увы, скуднѣе предшествовавшаго вѣка, и на многіе интересовавшіе насъ вопросы мы не нашли въ архивахъ подходящихъ свѣдѣній. Сѣверная торговля и промышленность, въ спеціальныхъ архивныхъ учрежденіяхъ текущаго столѣтія какъ-бы замалчивается, или же представляетъ лишь одни, такъ сказать, намеки. Въ болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ находятся наши другіе порты.

Въ заключеніе считаемъ пріятнѣйшимъ для себя долгомъ выразить здѣсь свою искреннюю признательность за любезную готовность полнаго содѣйствія какъ лицамъ, завѣдующимъ всѣми вышеозначенными архивными учрежденіями, такъ и Директору Императорской Публичной Библіотеки Его Высокопревосходительству *А. Ѳ. Бычкову*, Его Превосходительству *Ѳ. Ѳ. Веселаго* и Секретарю Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, Его Превосходительству *Г. Ѳ. Штендману*, предупредительно снабжавшему насъ всѣми рѣдкими печатными изданіями, относящимися до исторіи Сѣвернаго края.

I. Промышленность и торговля сѣвернаго края до появленія Англичанъ въ Двинскомъ устьѣ.

«Коммерція великіе грады населяетъ, богатства и изобиліе въ государствахъ умножаетъ, между иностранными миръ содержитъ и все нужное людямъ приноситъ».
(Исторія города Соли-Вычегодской. 1789 г.).

Глава I.

Народы, населявшіе сѣверный край Европейской Россіи. — Естественныя богатства края. — Новгородская колонизація. — Погосты. — Монастырь Св. Михаила Архангела. — Географическія данныя Заволочья. — Походы Московскихъ Князей въ Заволочье. — Двинскіе посады. — Колмогоры. — Торговля и промышленность Заволочья. — Вліяніе Новгорода на покоренную имъ страну.

Первыя и наиболѣе достовѣрныя извѣстія о сѣверномъ краѣ Европейской Россіи начинаются съ IX вѣка, т. е. со времени основанія Руси. Великій Новгородъ, овладѣвая постепенно этимъ краемъ, много способствовалъ возникновенію въ немъ начатковъ общественнаго благоустройства—промышленности и торговли.

Исходя изъ мысли, что всѣ историческія событія бываютъ слѣдствіемъ какихъ либо причинъ, приходимъ къ убѣжденію, что завоеваніе сѣвернаго края новгородцами имѣло основаніе, по которому обладаніе краемъ представлялось для нихъ прямою необходимостью.

Спрашивается: что-же вызвало къ жизни этотъ нѣкогда пустынный и таинственный край, называемый Архангельскою губерніею? Отвѣчаемъ — естественныя его богатства.

Истина старая, что промышленность и торговля каждой страны подвергаются неизбѣжнымъ колебаніямъ, что временами они процвѣтаютъ, и временами-же приходятъ въ упадокъ, и что причины такихъ колебаній надобно искать въ тѣхъ событіяхъ, которыя пронеслись надъ страною. Прослѣдить такія событія, относящіяся всецѣло къ нашему сѣверному краю, значитъ подготовить почву, которая способствовала возникновенію и росту Архангельска, какъ центральному торгово-промышленному пункту всего сѣвера.

Прибѣгнемъ-же для этого къ непреложному свидѣтельству исторіи и посмотримъ: кто были первые обитатели сѣвернаго края, при какихъ перемѣнахъ устраивался общественный бытъ

на лучшій порядокъ, и въ какомъ состояніи находились промышленность и торговля за разсматриваемый нами періодъ?

Россійскіе лѣтописцы и историки единогласно утверждаютъ, что сѣверо-восточную часть Европейской Россіи, вмѣщающую въ себѣ нынѣшнія губерніи: Вологодскую, Олонецкую, Архангельскую, Вятскую и Пермскую, съ незапамятныхъ временъ заселяли народы финскаго племени, болѣе извѣстные подъ именемъ *Чуди*, подраздѣлявшіеся на отдѣльныя семейства Лопарей, Самоѣдовъ, Корелъ и др., что подтверждается и нашими этнографами. Номенклатура существующихъ понынѣ въ Архангельской губерніи городовъ, урочищъ, деревень, рѣкъ, заливовъ, озеръ и мысовъ, говорящая о не славянскомъ ихъ происхожденіи, оправдываетъ лѣтописныя сказанія о дѣйствительномъ бытіи народа Чудскаго племени, самобытное нарѣчіе котораго перестало существовать лишь въ XVIII в., о чемъ находимъ свидѣтельство М. В. Ломоносова въ извѣстномъ путешествіи академика Лепехина по сѣверу Россіи (¹). Лопари-же, Самоѣды, Корелы и по настоящее время населяютъ Архангельскую губернію, оставаясь близъ излюбленныхъ ими мѣстъ съ давнихъ временъ. Исторія доказываетъ намъ, что край, нынѣ занимаемый Архангельскою губерніею, своими прежде дремучими, непроходимыми лѣсами, безконечными пустынями, обиліемъ рѣкъ и озеръ, и крайнею простотою первобытныхъ его обитателей, съ давнихъ поръ, едвали еще не до призванія Рюрика, обратилъ уже на себя вниманіе завистливыхъ сосѣдей, славянъ Новгородскихъ, не замедлившихъ, путемъ торговыхъ сношеній и колонизаціи, эксплоатировать его въ свою пользу, пока, наконецъ, они силою оружія не овладѣли всѣмъ краемъ, и не стали его полновластными хозяевами.

Въ одномъ старинномъ письменномъ памятникѣ XIV в., о состояніи коренныхъ жителей сѣвера, читаемъ такое сужденіе: «древне быша сіи родове, яко звѣріе дивіе, живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разсѣлинахъ каменныхъ, неимуще ни храма, ни инаго потребнаго къ жительству человѣческому, но токмо животными питахуся, звѣрьми и птицами и морскими рыбами; одежда-же-кожа еленей тѣмъ бяше.... аще

(¹) *Лепехинъ*. Часть IV, стр. 384.

иногда каменемъ звѣря убіетъ, камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое, палицу боготворитъ» ([2]). Таковы были жители сѣверной части нашего Поморья. А вотъ и другое сужденіе того-же времени о народѣ, заселявшемъ южную границу Поморья. «Первѣе единъ азъ пріидохъ на мѣсто сіе святое — говоритъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи преподобный Лазарь, поселившійся въ XIV в. на островѣ Онежскаго озера, — живущаго никого-же не имѣхъ. А живущіе тогда именовались около озера Онеги Лопяне и Чудь, страшливые сыроядцы, близъ мѣста своего живаху... хотяху мя сыроядцы убити и тѣло мое въ ядь себѣ сотворити» ([3]). За тѣмъ, уже въ XVI в. иностранцы, посѣщавшіе Россію, такъ отозвались о сѣверныхъ жителяхъ, что они ни пашутъ, ни сѣютъ, не употребляютъ хлѣба, ни денегъ, питаются лѣсными звѣрями, пьютъ одну воду, живутъ въ дремучихъ лѣсахъ, въ шалашахъ изъ прутьевъ; одѣваются въ грубыя звѣриныя шкуры; большая часть ихъ коснѣетъ въ идолопоклонствѣ ([4]).

Могъ ли, спрашивается, народъ, неимѣвшій подобія гражданственности, долго оставаться господиномъ края, и естественныхъ его богатствъ, заключавшихся въ обиліи пушныхъ звѣрей, рыбъ и птицъ, когда въ ближнемъ сосѣдствѣ съ нимъ жили славяне, граждане торговаго Великаго Новгорода, въ характерѣ которыхъ имѣлись всѣ данныя для отваги и риска, и которые къ тому же обладали, сравнительно, и высшею культурою? Для Великаго Новгорода такая богатая добыча не могла не быть заманчивою.

И вотъ, русская народность на глазахъ, можно сказать, самой исторіи, т. е. съ IX в., стала постепенно распространяться на сѣверо-востокъ, проникнувъ къ сторонѣ р. Онеги и въ Заонежье на берега Сѣверной Двины, преодолѣвая и претворяя въ себя чуждыя народности, уподобляясь, въ данномъ случаѣ, широкому потоку, все ниспровергающему на своемъ пути!

Такимъ образомъ, къ началу уже XII в. новгородцы до-

([2]) *Яхонтовъ*. Житія святыхъ сѣверно-русскихъ подвижниковъ поморскаго края, стр. 5.

([3]) Тамъ-же.

([4]) *Ключевскій*. Сказанія иностранцевъ о Московскомъ Государствѣ. Стр. 169 и 170.

стигли на сѣверѣ до Бѣлаго и Ледовитаго морей, на востокъ — до Уральскихъ горъ, а на юго-западѣ — до р. Ваги, давши первоначально всей этой странѣ одно общее названіе *Заволочья*, какъ лежащей за волоками, и назвавъ Чудь въ ней обитавшую — *Чудью Заволоцкою*. (5). Позже, съ XIII в., географическія данныя о сѣверо-востокѣ начинаютъ значительно проясняться, и собственно *Заволочьемъ* стали уже называться земли, лежащія за волокомъ между Двиною и Онегою, а прочія, дальнія, получили отдѣльныя наименованія: западный берегъ Бѣлаго моря — *Терскимъ* берегомъ; владѣнія новогородскія отъ Бѣлаго моря къ Уралу—волостями *Печора*, *Пермь* и *Югра*. (6) Такъ что вся Новгородская область, въ сложности, занимала почти третью часть всей нынѣшней Европейской Россіи. Занятіе края новгородцами было по большей части актомъ частной предпріимчивости. Подстрекаемые прибыльными морскими и рѣчными промыслами и обиліемъ пушнаго богатства, именитые новгородскіе люди, посадники и бояре, набравъ ватаги вольницы, силою занимали удобныя для себя земли, строили села и города и владѣли ими на правахъ частной собственности, съ платою лишь Новгороду опредѣленнаго оклада отъ добычи, и населяя эту собственность своими рабами или вольными поселенцами. Такъ какъ землевладѣльцы принадлежали къ знаменитымъ Новгородскимъ фамиліямъ, то и своевольничали въ Заволочьѣ какъ хотѣли, пока не выводили изъ терпѣнія Новгородское правительство, прибѣгавшее въ такихъ случаяхъ къ оружію, для усмиренія строптивыхъ. Изъ наиболѣе богатыхъ землевладѣльцевъ въ Заволочьѣ извѣстны Борецкіе и Своеземцовъ: знаменитой Марфѣ Посадницѣ, въ концѣ XV в., по одной только р. Сумѣ принадлежало до 22 деревень, и она же владѣла частью Кемской волости и вотчиною на Терскомъ берегу; Борецкіе имѣли также колоніи на р. Вагѣ, и пожни, ловы и промыслы при устьяхъ С. Двины (7) Своеземцовъ, по-

---

(5) *Костомаровъ*. Сѣверно-русскія народоправства. Т. I, стр. 408.

(6) *Е. К. Огородниковъ*. Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей по книгѣ Большаго чертежа. Стр. 64.

(7) Тамъ-же.

Московскія Универс. извѣстія, 1867 г., Т. II, въ статьѣ Ключевскаго: Хозяйств. дѣят. Солов. м., стр. 552; Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древн. 1878 г., № 3, стр. 6.

ложившій въ XIV в. первое начало мирной и промышленной колонизаціи въ Важской области русскими поселенцами, будучи посадникомъ этой области, купилъ отъ чудскихъ князьковъ земли, простирающіяся «отъ Шенкурскаго погоста до Ростовскихъ межъ», на 200 верстъ въ длину ([8]). Давность занятія новгородцами Заволочья несомнѣнна. Изъ уставной грамоты Новгородскаго князя Святослава Ольговича видимъ, что въ XII в. здѣсь имѣлось уже до 30 погостовъ новгородскаго поселенія, расположенные по всему теченію Онеги до моря, по Пинегѣ, по всему теченью Двины, и по впадающимъ въ нее рѣкамъ Емцѣ, Вагѣ и Вели ([9]).

Было-бы преждевременно, по количеству погостовъ дѣлать выводы о числительности въ Заволочьѣ новгородскаго элемента, потому что самые погосты, какъ бытовая единица или община, хотя и заключали въ себѣ нѣсколько деревень, но эти деревни, особенно въ Поморьѣ, состояли каждая не болѣе, иногда, какъ изъ двухъ, трехъ дворовъ, и даже одного двора, какъ напр. въ одной изъ деревень Марфы на р. Сумѣ жили только два бобыля, а у другаго владѣльца по р.р. Выгу, Шуѣ, Кеми и др. находился только дворъ съ хоромами ([10]). Многія изъ такихъ деревень принадлежали мелкимъ собственникамъ, которые для удобности морскаго промысла селились обыкновенно въ низовьяхъ порожистыхъ рѣкъ, или на приморскихъ островахъ. Поэтому, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ, какъ песчинки въ финскомъ морѣ, погосты новгородскіе въ Заволочьѣ ни числомъ поселенцевъ, ни постройками не изобиловали. Только плодородныя земли и густые лѣса въ раіонѣ р.р. Сухоны, Двины, Юга и Вычегды составляли исключеніе, ибо здѣсь новгородское населеніе, раньше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ получившее осѣдлость вмѣстѣ съ обрусѣлою Чудью, уже было сплошнымъ, и къ тому же проникнутымъ общимъ христіанскимъ духомъ, потому-что еще съ X вѣка новгородцы оставили свое язычество. Эта-то скученность и объясняетъ причину постройки въ

([8]) Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. 1878 г., № 3, стр. 12.
([9]) *Бѣляевъ*. Исторія Новгорода В. Стр. 33.
([10]) Московск. Универс. изв. 1867 г., Т. II, стр. 548.

XII в. на чудскомъ урочищѣ *Пуръ-Наволокъ*, на правомъ Двинскомъ берегу, близъ самаго устья, обители во имя *Архангела Михаила,* первой на сѣверѣ — по времени, и весьма важной — по дальнѣйшему своему значенію. Возникновеніе монашеской обители произошло по настоянію жителей всего придвинскаго края ([11]). Но изъ этого факта еще не слѣдуетъ выводить заключенія, будто новгородскіе колонисты были въ Заволочье добрыми миссіонерами христіанства. Нѣтъ, колонисты смотрѣли на Заволочье не съ просвѣтительными цѣлями, а болѣе такъ сказать съ коммерческой, какъ на источникъ ихъ богатствъ, а на покоренный народъ, какъ на рабовъ вольнаго города. Интересъ самихъ Новгородскихъ князей, по отношенію къ Заволочью, ограничивался преимущественно заботою о сборѣ дани и промышленныхъ доходовъ, а христіанская проповѣдь была уже на послѣднемъ планѣ. Ею позже занялись другіе лица, безвѣстные Новгороду. Вотъ почему, даже въ исходѣ XIV в. мы еще не видимъ на всемъ обширномъ пространствѣ Заволочья, кромѣ Михайло-Архангельской обители, не только другихъ, ей подобныхъ, но даже возникновенія гдѣ либо и малыхъ церквей, или часовенъ. Владѣя выгодною страною, Новгородъ чрезвычайно дорожилъ своимъ Заволочьемъ, и тщательно скрывалъ его отъ взоровъ князей Московскихъ, которые однако съ XIV в. стали явно съ нимъ соперничать, совершая въ страну воинственные походы, чему много помогли и сами Заволоцкіе владѣльцы, враждовавшіе съ Новгородомъ. Со времени перваго похода Московскихъ князей, географія Заволочья стала значительно расширяться. Такъ, въ числѣ мѣстностей лежащихъ при Двинѣ, въ уставныхъ гра-

---

([11]) *Карамзинъ.* Исторія Госуд. Росс., Т. II, примѣч. 64. *Крестининъ.* Начатки о Двинскомъ народѣ. Стр. 17. Епископъ Макарій въ статьѣ своей «Христіанство въ предѣлахъ Арх. губ.», по поводу времени основанія Архангельскаго монастыря, приводитъ нижеслѣдующее: «члены бывшей археографической экспедиціи, на основаніи историческихъ и юридическихъ фактовъ Архангельскаго монастыря, относимыхъ ими къ концу XIV и началу XV в., перваго игумена Луку, имя котораго довольно часто встрѣчается въ этихъ памятникахъ, считаютъ современникомъ Іоанна 3-го, новгородскаго Архіепископа, скончавшагося въ 1414 г., и основаніе монастыря такимъ образомъ относятъ къ концу XIV в.» (Чт. Общ. Ист. и Древ., № 3. стр. 8). Изъ этого видимъ, что вопросъ о времени основанія Архангельскаго монастыря остается и до сихъ поръ вопросомъ открытымъ.

мотахъ уже упоминаются *Матигоры*, *Куръ-островъ*, *Ухтъ-островъ* и *Терпиловъ погостъ* на о. Чубалѣ, а изъ бѣломорскихъ населеній — *Нонокса* и *Луда* ([12]). Далѣе, въ началѣ XV в., въ числѣ Заволоцкихъ погостовъ новгородскій лѣтописецъ перечисляетъ: *Корельскій монастырь Св. Николы*, *Конечный погостъ*, *Яковлю Курью*, *Андреяновъ берегъ*, *Кегъ-островъ*, *Чигломину* и *Хъчемину*, которые вмѣстѣ съ Ноноксою, Онежскимъ погостомъ и Архангельскимъ монастыремъ, не разъ подвергались нападенію *мурмановъ*, т. е. норвежцевъ, приходившихъ на Двину моремъ, для грабежа и добычи.

Заволочье сдѣлалось ареною кровопролитныхъ войнъ, и не разъ переходило изъ подъ власти Новгорода подъ власть Московскихъ князей. «Вся земля новгородская—свидѣтельствуетъ исторія — до самаго моря была пожжена и поплѣнена, потому-что опустошали ее не одни тѣ войны, которыя были съ Великимъ княземъ, или его братьями, но изо всѣхъ земель московскихъ ходили толпы за добычею въ Новгородскія волости» ([13]), пока наконецъ, съ 1471 года, Заволочье крестнымъ цѣлованіемъ не признало надъ собою сильной власти Московскаго В. Кн. Іоанна III Васильевича. Этимъ торжественнымъ актомъ окончилось господство Новгорода надъ страною, получившею въ государственныхъ актахъ именованіе *Двинская земля*.

По древнимъ актамъ о новгородскомъ управленіи Заволочьемъ, до насъ дошедшимъ, можно уже приблизительно составить понятіе о внутреннемъ бытѣ страны, унаслѣдованной Москвою, Такъ, изъ грамоты новгородскаго архіепископа Іоанна, данной на Двину игумену Лукѣ при основаніи Михаило-Архангельской обители, мы видимъ, что въ то время Заволоцкою землею управляли посадники Двинскіе и бояре, и что въ ней имѣлось купечество мѣстное и новгородское. Посредниками между главными правителями и народомъ были купеческіе старосты и сотскіе, выбиравшіеся изъ той же народной среды ([14]). Далѣе, списокъ Двинскихъ земель, составленный въ 1471 году по

([12]) *Е. К. Огородниковъ*. Прибр. Ледов. и Бѣл. морей по книгѣ Большаго чертежа. Стр. 64 и 65.

([13]) *Соловьевъ*. Исторія Россіи, Т. V, стр. 21.

([14]) *Крестининъ*. Историч. начат. о Двинскомъ народѣ, стр. 10.

случаю перехода ихъ подъ московскую власть, перечисляетъ по берегамъ рр. Ваги, Двины, Пинеги, Онеги до усть-Мезени, весьма многія села, погосты и слободы, нынѣ уже не существующія, но прежде населенныя. Въ числѣ извѣстныхъ уже намъ на Двинѣ селеній, списокъ указываетъ на существованіе Емецкаго погоста, Мехренги, Ваймуги, *Колмогоръ*, Падрина погоста, Чухчелемы, Великой Курьи, Койдо-Курьи, Кехты, Княжъ-острова, Низовской луки до моря, Терпилова погоста, *Соломбалы* и пр.; а Нонокса и Уна-Соль именуются мѣстами соловарными; на р. Пинегѣ—Кеврола, Чакола, Немьюга и др. ([15]). С. Двина, какъ главный торговый путь, по которому богатства сѣвера караванами тянулись черезъ цвѣтущіе въ то время города Устюгъ и Вологду въ Великій Новгородъ, естественно служила причиною группировки многихъ на берегахъ ея селеній, среди которыхъ сосредоточивалась новгородская власть, въ лицѣ двинскихъ посадниковъ и двинскихъ бояръ, жившая сперва въ Матигорахъ и Ухтъ-островѣ,—деревняхъ, лежащихъ близъ Колмогоръ ([16]), а въ началѣ XIV в.—уже въ *Колмогорахъ*, чему доказательствомъ служитъ двинская грамота «отъ великаго князя отъ Ивана, отъ посадника Данила, отъ тысяцкаго Авраама и отъ всего Новгорода къ Двинскому посаднику *на Колмогоры* и къ боярамъ Двинскимъ», чтобы двиняне своихъ промысловыхъ ватагъ не посылали ни на Печеру, ни въ Кевролу для ловли птицъ и звѣрей ([17]).

По объясненію Крестинина, историческое происхожденіе Колмогоръ сложилось изъ трехъ чудскихъ деревень: Курцево, Качковка и Падрокурье, принявшихъ позже, кромѣ Качковки, названіе посадовъ, къ которымъ присоединились еще три слободы: Глинки, Никольскій приходъ и Ивановскій приходъ. Изъ этихъ-то всѣхъ посадовъ и слободъ, жившихъ самостоятельно и связанныхъ однимъ лишь общимъ духомъ коммерціи, образовался одинъ посадъ—нынѣшній Холмогоры, или, вѣрнѣе, Колмогоры; а когда именно онъ получилъ свое первоначальное названіе, за уничтоженіемъ пожарами архивныхъ памятни-

---

([15]) Акты Археогр. Эксп. Т. I, стр. 73—75.
([16]) Древн. Росс. Вифліоф. № 18, Двинской лѣтописецъ, стр. 3.
([17]) Акты Археогр. Эксп. Т. I, №№ 1, 2 и 3.

ковъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ ([18]). Такое объясненіе, полагаемъ весьма близкимъ къ истинѣ; оно не грѣшитъ тою натяжкою, какою иные наши историки старались объяснить сказанія византійскихъ писателей о мѣстонахожденіи въ древней Біарміи нѣкоего славнаго города *Унграда*, пріурочивая его къ нынѣшнимъ Холмогорамъ, яко-бы называвшагося тогда *Холмогардіею*, *Холмоградомъ*! Подобныя басни съ дѣйствительною исторіею Колмогорскаго посада ничего общаго имѣть не должны.

Колонизируя весь сѣверъ Россіи своими выходцами, Новгородъ не могъ не внести въ Двинскую землю и своего древняго учрежденія—*половничества*, какъ основаннаго на самомъ простомъ полюбовномъ раздѣлѣ произведеній земли между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ. Это учрежденіе представляетъ собою первообразъ крестьянскаго сословія въ древней Руси, и существовало во всѣхъ новгородскихъ владѣніяхъ. Оно сохранилось даже въ Архангельской губерніи до конца XVIII в. ([19]). Такъ какъ владѣніе землею въ Заволочье не ограничивалось правомъ однихъ бояръ, а покупали землю и черные, посадскіе люди, нуждавшіеся, подобно боярамъ, въ разработкѣ въ первый разъ дикихъ лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстъ подъ пашни и сѣнокосы, то для извлеченія пользы изъ пріобрѣтеннаго покупкою земельнаго участка, такіе собственники, по добровольному соглашенію, нанимали безземельныхъ крестьянъ, или бобылей, поселяя ихъ на этомъ участкѣ, и давая имъ изъ получаемыхъ съ него выгодъ *половину*, откуда произошло и самое названіе *половниковъ*. И относительно податей владѣлецъ и половникъ платили Новгороду равную часть: половину владѣлецъ и половину половникъ. Половничество не ограничивалось одною обработкою земли, но примѣнялось и къ промысламъ всякаго рода, особливо въ рыбныхъ ловляхъ ([20]). Кромѣ обычной дани Новгороду, сбиравшейся съ жителей мѣхами, саломъ морскихъ звѣрей, шкурами животныхъ и т. п., жители собственно Заволочья должны были и прокармливать назначавшихся для управленія своихъ посадниковъ, также и старостъ и сотскихъ, и—быть вѣчно на сторожѣ отъ *ушкуйниковъ*—этихъ грабителей

(18) *Крестининъ.* Начерт. исторіи города Холмогоръ, 1790 г.
(19) *Крестининъ.* Историч. начатки о двинскомъ народѣ, стр. 11.
(20) Журн. Минист. Госуд. Имущ., 1862 г., №№ 1—4, стр. 1, 88, 191 и 255.

Заволочья, вторгавшихся по теченіямъ рѣкъ на своихъ лодкахъ (ушкуяхъ, подымавшихъ до 30 ч.) въ ихъ страну. Защиты не было ни откуда. Все это такъ угнетало заволочанъ, что они дважды пытались свергнуть власть новгородскую, и искать покровительства у Московскихъ Великихъ Князей.

Время для свободнаго процвѣтанія промышленности и торговли еще было впереди. Главную въ краѣ промышленность составляло звѣроловство. Мѣховая торговля была господствующею почти во всей Европѣ. Чтобы судить о ея важности, стоитъ всмотрѣться только въ продажу товаровъ. Денежные знаки въ то время не имѣли большаго значенія; цѣнность всякаго товара опредѣлялась количествомъ мѣховъ, которые имѣя вѣрный сбытъ, ходили какъ деньги; ими платили и торговыя пошлины. Единицею, выражающею цѣнность была *куна* (куница), т. е. понятіе о цѣнности какого либо предмета слагалось съ тѣмъ: много-ли можно за извѣстный предметъ дать куницъ продавцу? Такими-же единицами служили въ краѣ и бѣличьи мѣха. Своеземцевъ, напр. купилъ на Вагѣ земли за 20 т. бѣлокъ и 10 руб. ([21]). Новгородъ изъ Заволочья получалъ тогда мѣха собольи, лисьи, бобровые, куньи и бѣличьи; изъ прочихъ-же предметовъ—моржовое сало, кожи звѣриныя, рыбу, соль, деготь и пр. ([22]). Всѣ эти товары, по своей важности въ тогдашней торговлѣ, доставляли новгородцамъ большіе барыши, а поэтому они и старались издавна селиться поближе къ мѣстамъ производства, въ силу чего и возникло въ Заволочьѣ купечество мѣстное, двинское, доставлявшее двинянамъ, путемъ промѣна, необходимыя принадлежности для одежды, церковнаго и домоваго хозяйства, а отдаленнымъ данникамъ, какъ напр. Юграмъ—желѣзныя орудія. Двинскіе купцы сбывали свой товаръ и въ Московскую область. Изъ уставной двинской грамоты 1398 г. Великаго Князя Василія Дмитріевича видно, что двиняне, для продажи товаровъ ѣздили на р. Волгу ([23]).

Относительно же морскихъ промысловъ надо замѣтить, что

---

(21) Чт. въ Общ. Исторіи и Древн., 1878 г., № 3, стр. 12.

(22) *Костомаровъ*. Сѣверно-русск. народопр., Т. II, стр. 219 и 220. *Аристовъ*. Промышленность древн. Руси. Стр. 127 и 181.

(23) Акт. Археогр. Эксп., Т. I, № 13.

Московскіе князья выговорили себѣ исключительное право посылать промышленныя ватаги на Терскую и Печорскую стороны, для промысла рыбы, звѣря и птицъ, тогда какъ всѣ главные промыслы въ краѣ заключались въ рукахъ мѣстнаго населенія и колонистовъ ([24]). Промышленники новгородскіе, поселившіеся на Поморскомъ берегу, добывали морскаго звѣря (моржей) въ *Студеномъ*, *Мурманскомъ* (Бѣломъ) морѣ, выѣзжая весною на «добытки-весновальники», по выраженію житія преподобныхъ Зосимы и Савватія, и продавали свою добычу купцамъ, пріѣзжавшимъ къ нимъ за звѣринымъ саломъ и кожею ([25]). Эти морскіе промыслы доказываютъ, что мореходство наше весьма ранняго происхожденія, хотя плаваніе тогда по Бѣлому морю и представлялось *бѣднымъ и горькимъ* ([26]). Принимая во вниманіе плохое состояніе въ то время нашихъ мореходныхъ судовъ, станетъ понятнымъ, почему бѣломорское плаваніе считалось бѣднымъ и горькимъ, при наступленіи въ Бѣломъ морѣ раннихъ тумановъ и темныхъ осеннихъ ночей, когда и въ позднѣйшее время эти же причины много препятствовали безопасному плаванію нашихъ промышленниковъ.

Вглядываясь пристально въ бытовое состояніе заволочанъ за время новгородскаго надъ ними владычества, смѣло можемъ сказать, что нашъ сѣверъ тогда былъ въ весьма незавидномъ положеніи; новгородское вліяніе на покоренный народъ было обременительно. Эксплоатируя Заволочье, Новгородъ принесъ краю только ту несомнѣнную пользу, что водворилъ въ немъ русскую народность и познакомилъ съ первыми начатками гражданскаго благоустройства, путемъ ознакомленія мѣстныхъ жителей съ выгодами промышленности и торговли. Но эти уроки достались заволочанамъ не дешево. Богатѣлъ только Новгородъ, да спопутные къ нему по Двинѣ города Вологда, Устюгъ и др., тогда какъ самое Заволочье въ экономическомъ отношеніи пребывало въ далеко неустроенномъ видѣ, и находилось въ положеніи чернорабочаго, силами котораго пользовались при всякомъ удобномъ случаѣ пришлые люди, какъ могли и какъ умѣли.

([24]) Тамъ-же, №№ 1, 2 и 3.

([25]) Москов. Унив. Изв., 1866—1867 г., Т. 7, стр. 561.

([26]) Правосл. Собесѣдн., 1859 г., Сентябрь. Слово черноризца Зиновія Отенскаго (умеръ 1568 г.).

жизнь съ оглядкою не могла благопріятствовать правильному ходу промышленности и торговли края за этотъ новгородскій періодъ.

Глава II.

Господство Москвы надъ Двинскимъ краемъ.—Колонизаціонное вліяніе сѣверныхъ монастырей на торговлю и промышленность края. — Состояніе мореходства на сѣверѣ въ XV стол. — Торговая книга XVI стол.

Съ паденіемъ Новгорода, начался для сѣвера Московскій періодъ, измѣнившій, прежде всего, направленіе торговли края, которая, вмѣсто Новгорода, обратилась теперь на центръ государственный — на Москву. Владычество Москвы наложило еще болѣе тяжелую руку на бывшее Заволочье, которое отселѣ, какъ мы видѣли, получило новое наименованіе — Двинской земли, Двинскаго края. Бывшихъ посадниковъ замѣнили *Земскіе сотскіе*, смѣнявшіеся ежегодно. Они были выборными отъ народа; въ ихъ рукахъ сосредоточивались судъ и сборы податей (1). Земля отъ частныхъ владѣтелей отошла къ Великому Князю и сдѣлалась землею государственною, на которой всѣ жители были обложены извѣстною податью (по полугривнѣ съ сохи). Эти всѣ перемѣны были лишь административнаго свойства, клонившіяся только къ болѣе правильному взиманію податей для умноженія государственной казны; болѣе осязательная, болѣе благотворная перемѣна почувствовалась въ Двинской землѣ не по винѣ администраціи, а по винѣ иныхъ дѣятелей, въ отношеніи которыхъ администрація являлась лишь помощницею—не болѣе, и помощницею усердною.

Говоримъ о новой колонизаціи, смѣнившей новгородскую, и сообщившей странѣ движеніе, выразившееся въ значительномъ подъемѣ экономическихъ ея силъ. Орудіемъ этой новой колонизаціи была не грубая, матеріальная сила, а проповѣдь евангельская, которая мало по малу успѣла сплотить разрозненные враждою племена, и указать способы, помощью труда, побѣждать суровую сѣверную природу.

Такими колонизаторами являлись вездѣ на Руси наши св. подвижники, и имъ-же обязанъ нашъ сѣверъ значительнымъ раз-

(1) Двинск. лѣтоп., часть I, стр. 123.

витіемъ культуры. Ихъ просвѣтительная дѣятельность создала въ краѣ общины, монашескія обители, помощью которыхъ промышленность и торговля получили небывалые еще на сѣверѣ размѣры.

Первою такою общиною въ началѣ XV в. является на одномъ изъ двинскихъ устьевъ *Николо-Корельскій* монастырь, основанный въ 1410 году, въ 35 верстахъ отъ Пуръ-Наволока преподобнымъ Евфиміемъ, просвѣтителемъ корелъ, ранѣе другихъ финскимъ племенъ воспріявшихъ христіанство (²). Этотъ монастырь названъ *Корельскимъ* потому, что сюда, на устье Двины, разновременно выѣзжали и поселялись изъ Заонежья корелы, для удобствъ морскихъ промысловъ, почему и самый берегъ названъ тоже Корельскимъ.

Второю монашескою общиною и въ томъ-же XV в. (1426 г.) является на пустынномъ бѣломорскомъ островѣ *Соловецкій* монастырь, основанный преподобными Савватіемъ и Зосимою, духовные подвиги которыхъ пріобрѣли еще во времена новгородскаго владычества усердныхъ пособниковъ ихъ просвѣтительнымъ стремленіямъ.

Третьею монашескою общиною является на самомъ крайнемъ сѣверѣ *Печенгскій* монастырь, основанный во второй половинѣ XVI в. преподобнымъ Трифономъ, среди лопарей (³). Всѣ эти обители въ большей или меньшей степени преслѣдовали, независимо нравственной и матеріальную цѣль: эксплоатированіе края путемъ колонизаціи и развитія промышленности и торговли. Благодаря этимъ стремленіямъ, получилась возможность постепеннаго обрусѣнія края чрезъ соединеніе разнородныхъ обществъ въ церковныя единицы или приходы, а чрезъ заселеніе земель—образованію новыхъ волостей. Вообще, съ паденіемъ Новгорода началось въ Двинскомъ краѣ болѣе прочное устройство, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніяхъ. Этому устройству всецѣло содѣйствовали наши монастыри, и наибольшую услугу оказалъ Соловецкій, значив-

(²) *К. Е. Огородниковъ.* Прибр. Ледовит. и Бѣл. морей по книгѣ Больш. чертежа. Отд. изд., стр. 52.

(³) Къ XVI-же вѣку слѣдуетъ отнести возникновеніе въ Двинскомъ и Онежскомъ уѣздахъ *Яренскаго* и *Пертоминскаго* монастырей, основанныхъ въ память утонувшихъ соловецкихъ иноковъ; *Лявленскій*, основанный новгородскою посадницею Анастасіею; *Сійскій*—преподобнымъ Антоніемъ, и мн. др.

шійся между ними, какъ свѣтило первой величины. Его вліяніе, благодаря святости жизни основателей, отразилось прежде всего на Поморьѣ, какъ на ближайшей къ монастырю сосѣдней землѣ, занятой смѣшаннымъ населеніемъ русско-корельскимъ. Тамъ появились въ половинѣ XV в. и первыя часовни на р. Выгъ и у Сумы.

Мы не будемъ, да и неимѣемъ надобности перечислять здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ всѣ тѣ земельныя пріобрѣтенія, которыя будучи вызваны нуждою умножавшейся монастырской братіи, поступали путемъ дара, или заклада, или продажи, въ распоряженіе Соловецкаго монастыря, а скажемъ лишь въ какихъ именно мѣстахъ были сдѣланы всѣ эти монастырскія пріобрѣтенія.

Первыя изъ нихъ, при самомъ, такъ сказать, зарожденіи монастыря, явились на Поморскомъ берегу, въ половинѣ XV в., по почину Марфы Посадницы, принесшей въ даръ нѣсколько изъ своихъ Сумскихъ деревень и угодій. Великій Новгородъ, а за нимъ и Москва охотно дарили, съ своей стороны, земельные участки по Поморскому и Корельскому берегамъ, а къ концу того же XV в., монастырскія вотчины появились уже и на Терскомъ берегу, гдѣ въ *Варзугѣ* (1) изъ насельниковъ составились волость и церковный приходъ. Во второй половинѣ XVI в. на Терскомъ-же берегу появляется и другая монастырская волость *Умба*, съ соляными варницами, рыбными и звѣриными ловлями, лѣсами и другими угодьями. Расширивъ, такимъ образомъ число своихъ владѣній въ Бѣломорскомъ краѣ, Соловецкій монастырь, понуждаемый истощеніемъ разработанныхъ уже имъ соляныхъ варницъ, обратился на востокъ отъ р. Сумы къ сторонѣ р. Онеги, на Онежскій и Лѣтній берега, и за тѣмъ сталъ пріобрѣтать участки вверхъ по Двинѣ и далѣе, въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Замѣчательно, что приокеанскій *Мурманскій* берегъ тоже не ускользнулъ отъ зоркаго вниманія монастыря; и тамъ мы видимъ небольшой земельный участокъ въ *Кольской* волости. Такимъ образомъ, Соловецкій

(1) Рѣка Варзуга извѣстна по бывшему здѣсь въ началѣ XV в. *погосту Корельскому*, разоренному «мурманами» въ 1419 г. (Древн. Росс. Вивліоѳ. № 18, Двинск. Лѣтоп., стр. 7).

монастырь, имѣвшій къ началу XVI в. до 44 своихъ вотчинъ, обнималъ своею дѣятельностью къ началу XVII в. уже весь сѣверо-востокъ Бѣломорья, обладая русскими поселеніями при устьяхъ поморскихъ рѣкъ: Варзуги, Кереги, Кеми, Шуи, Выга, Сумы, Колежмы, Нюхчи и Унежмы ([5]).

Ближайшею цѣлью всѣхъ этихъ пріобрѣтеній являлась насущная потребность изысканія средствъ на покрытіе безчисленныхъ расходовъ, бывшихъ неизбѣжными при огромномъ монастырскомъ хозяйствѣ. Эти расходы состояли: въ прокормленіи поселенцевъ на пріобрѣтавшихся обыкновенно монастыремъ пустошахъ; въ снабженіи своихъ крестьянъ потребными промысловыми орудіями и даже одеждою; въ платежѣ ежегоднаго казеннаго оброка съ вотчинъ, рыбныхъ ловель и др. угодій; въ содержаніи почтовой гоньбы, или *ямовъ;* въ обереганіи ратными людьми царскихъ на сѣверѣ вотчинъ и своихъ владѣній, при чемъ болѣе 1000 ч. стрѣльцовъ жили на монастырскій счетъ, и наконецъ, въ содержаніи своей монастырской братіи, которой считалось къ концу XVI в. 270 ч., а къ началу XVII в. 350 ч., не считая жившихъ въ это время въ самомъ монастырѣ слугъ и работныхъ людей (до 600 ч.). Главнѣйшимъ средствомъ на покрытіе всѣхъ этихъ расходовъ служило *солевареніе* ([6]).

Производство соли въ Двинскомъ краѣ было извѣстно еще въ XII в., какъ свидѣтельствуетъ уставная грамота Новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 г., гдѣ опредѣлялось собирать доходъ съ соляныхъ варницъ: «на мори отъ чрена и отъ салгы по пузу» ([7]). Другимъ свидѣтельствомъ о ранней вываркѣ соли въ Двинскомъ краѣ служитъ купчая Чухченем-

---

([5]) Москов. Унив. Изв. 1866 — 1867 г. Т. 7, стр. 552 — 563.

([6]) Тамъ-же. стр. 574.

([7]) Русс. Достопам. I, стр. 84. *Црѣномъ или ченомъ* называется большая желѣзная сковорода, въ которой кипятятъ морскую воду или разсолъ, и вываривають соль. *Салгою* называется большой котелъ, употребляемый также для вызарки соли въ Двинской области (Ист. госуд. Россійс. Т. II, примѣч. 267). *Пузо*— старая новгородская и задвинская единица для соли и сыпучихъ тѣлъ — ржи и овса. Какъ мѣра, пузо было клейменое (Русс. Достопамят. ч. I, стр. 132). *Пузомъ* доселѣ зовется въ архангельскихъ соловарняхъ мѣшокъ соли въ два четверика. (Тамъ-же, стр. 139).

скаго монастыря (основ. на Двинѣ въ половинѣ XV в.), въ которой игуменъ Василій купилъ за волокомъ земли съ водами и «соляныя мѣста» ([8]).

Ненокса и Уна издавна славились солевареніемъ; на основаніи стариннаго права, подтвержденнаго въ 1550 г. царскою грамотою, только одни двиняне могли пріобрѣтать соль изъ первыхъ рукъ въ Унѣ и Неноксѣ, и привозить ее изъ этихъ посадовъ на Колмогорскую ярмарку, для продажи, гдѣ соль играла первенствующую роль. Въ грамотѣ сказано: «кто пріѣдутъ къ нимъ (Холмогорцамъ) въ Двинскую землю на Колмогоры, Вологжане и Устюжане и изъ иныхъ городовъ изъ верхнихъ торговые люди, въ лѣтѣ въ судѣхъ, и въ зимѣ на возѣхъ, и они торгуютъ на Колмогорахъ на гостинѣ берегу, а ниже Колмогоръ въ Уну и въ Неноксу никуды торговать не ѣздятъ. А кто поѣдетъ ниже Колмогоръ торговать, опричь Важанъ и Подвинцевъ, и Язъ Намѣстнику своему Двинскому велѣлъ всѣхъ имати....» ([9]).

Ко времени перехода Двинской земли подъ власть Москвы, соляная промышленность получила, правда, весьма значительное развитіе, но только лишь въ пользу монастырей, которые и захватили эту важную отрасль народнаго хозяйства въ свои могучія руки, благодаря дарованнымъ Великими Князьями льготамъ по разработкѣ и распродажѣ, тогда какъ частная промышленность этого рода, въ силу монастырской монополіи, была совершенно убита. И не только по соляной части, но и для многихъ другихъ отраслей промышленности въ Двинскомъ краѣ, всякая конкуренція сдѣлалась прямою невозможностью.

Чтобы судить, хотя приближенно, о размѣрахъ соляной промышленности нашихъ сѣверныхъ монастырей, достаточно сказать, что вываркою морскаго разсола одинъ Соловецкій монастырь занимался по всему протяженію западнаго берега Онежской губы до Керети включительно, и что на всемъ этомъ протяженіи производствомъ соли заняты были наемные

([8]) Акт. Археогр. Эксп. Т. I. № 32.

([9]) *Крестининъ*. Начерт. исторіи города Холмогоръ, стр. 13.

крестьяне, число которыхъ къ половинѣ XVII в. дошло до 700 ч., жившихъ на полномъ монастырскомъ иждивенiи, и производившихъ ежегодно соли до 130 т. пудовъ, которая безпошлинно отправлялась Двиною въ Устюгъ и Вологду, для промѣна на такое-же количество разныхъ хозяйственныхъ запасовъ, потребныхъ монастырю ([10]). Туда-же, и въ то же время Николо-Корельскiй монастырь ежегодно привозилъ безпошлинно-же до 8 т. пуд. соли и рыбы ([11]), а Печенгскiй монастырь — до 40 т. пуд. соли, сала и др. океанскихъ продуктовъ ([12]). И если присоединить къ тому, что и другiе наши монастыри пользовались подобными-же льготами, тогда станетъ вполнѣ очевиднымъ, въ чьихъ собственно рукахъ сосредоточивалась наибольшая часть промышленности и торговли въ тогдашней Руси. Тѣмъ не менѣе, заслуга сѣверныхъ монастырей, въ колонизацiонно-промышленномъ отношенiи, несомнѣнна. Также несомнѣнна и ихъ духовная дѣятельность въ просвѣщенiи свѣтомъ евангелiя языческихъ племенъ, какъ напр. Чуди, враждебно относившихся къ незванымъ своимъ пришельцамъ. Соловецкiй монастырь и съ этой стороны сдѣлалъ очень много. «Докелѣже не вселишася (препод. Савватiй и Зосима) — пишетъ Максимъ Грекъ въ предисловiи къ житiямъ Соловецкихъ чудотворцевъ — въ пустый оный отокъ (островъ), дотолѣ тамо потонку слышашеся имя Христово. Нынѣ... не токмо бо округъ острова того истиннiи богочетцы и Христовы поклонницы быша, но благодатiю Божiею, мнози языцы иновѣрнiи обратишася.... православная вѣра распространися болѣе трехъ тысящъ отъ Соловецкаго острова и до варяжскаго нѣкоего града, завомаго Варгавъ ([13]).

Дѣйствительно, какъ свидѣтельствуютъ акты XVI в., христiанство распространялось весьма быстро на Терскомъ берегу, среди лопарей, въ соловецкихъ вотчинахъ: Кандалакши и Кольской волости, гдѣ имѣлись и церкви, а это послѣднее

([10]) *Костомаровъ*. Очеркъ торговли Московск. Госуд. въ XVI и XVII, в., стр. 137, 189. Акты Археогр. Эксп., Т. III, стр. 426.

([11]) Чт. Общ. Исторiи и Древн., 1879 г., № 1, стр. 8.

([12]) Морс. Сборн., 1862 г., № 10, стр. 290.

([13]) *Яхонтовъ*. Житiя св. сѣверно-русскихъ подвижниковъ, стр. 7.

явленіе подтверждаетъ силу просвѣтительнаго вліянія Соловецкаго монастыря на всѣ тѣ земли, гдѣ развивалъ онъ свою промышленность. Эксплоатируя эти земли черезъ населеніе и разработку, онъ настолько оживилъ сѣверо-двинской край, что казна получила возможность извлекать денежныя выгоды съ такихъ мѣстностей, которыя ранѣе были совершенно бездоходными, не входя притомъ въ судъ и расправу монастырскихъ крестьянъ, вѣдавшихся единственно у игумена съ братіей ([14]).

Въ силу такого установившагося порядка, освященнаго граматами Московскихъ Царей, поморскіе крестьяне, естественно возлагали на Соловецкій монастырь всѣ свои заботы въ моменты угрожавшихъ имъ извнѣ опасностей; и монастырь былъ дѣйствительно защитникомъ, и притомъ не только одного Поморья, но, можно сказать, и всей тогдашней Россіи, отъ вторженія *Каянскихъ Нѣмцевъ* ([15]), начавшихъ со второй половины XVI в. очень безпокоить сѣверо-двинской край, съ цѣлью раззорить въ немъ все, созданное русскою промышленностью. Призванный силою военныхъ обстоятельствъ къ новому, необычному роду дѣятельности, Соловецкій монастырь справился однако и съ этимъ дѣломъ, поставя въ Сумѣ въ 1582 г. деревянный острогъ съ башнями ([16]), а самый монастырь съ 1584 г. сталъ обносить каменною высокою стѣною, и тоже съ башнями, существующею во всей неприкосновенности до настоящаго времени. Возлагая въ 1591 г. на монастырь защиту Кемской волости, Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ вмѣнялъ ему въ обязанность «подѣлать всякія крѣпости и острогъ сдѣлать, и въ немъ людей ратныхъ изъ монастыря устроить и заставы учинить крѣпкія, чтобъ въ приходъ нѣмецкихъ людей сидѣть было не страшно, и царскихъ гонцовъ возить изъ Кеми до Кереги» ([17]). Послѣдняя, въ данномъ случаѣ, играла ту роль,

---

([14]) *Досиѳей.* Опис. Солов. м. Часть III, грам. № 1.

([15]) Каянскими нѣмцами назывались въ старину финляндцы, по имени областнаго города Каяны (Солов. л., стр. 39).

([16]) Записки Русс. Геогр. Общ., 1853 г., кн. VIII стр. 168.

([17]) Москов. Унив. Изв. 1866 — 1867 г. Т. 7, стр. 560.

что шведы въ 1590 г. высаживались именно въ этой волости и въ Ковдѣ ([18]).

Такимъ образомъ, Соловецкій монастырь не только былъ проповѣдникомъ христіанства, колонизаторомъ и купцомъ, но и воиномъ, стоявшимъ на стражѣ интересовъ Сѣвера.

Обладая бѣломорскимъ и океанскимъ прибрежьями, онъ, конечно, не могъ не вліять, для успѣха своихъ промысловыхъ операцій, и на развитіе въ краѣ судостроенія и мореплаванія, которое, какъ мы уже видѣли, существовало задолго до основанія Соловецкаго монастыря, еще въ пору новгородскаго владычества. Широкое монастырское хозяйство требовало и способовъ соотвѣтствующихъ, касательно перевозки промысловыхъ продуктовъ чрезъ Бѣлое море къ Двинскимъ устьямъ; поэтому необходимыя суда монастырь вначалѣ покупалъ у жителей Онежской округи Подпорожской волости, и Сумскаго посада ([19]), а съ 1548 г. являются при самомъ монастырѣ *верфи*, на которыхъ и строились мореходныя суда, собственно *лодьи* ([20]). Что соловецкая флотилія была не малочисленна, можно судить потому, что въ 1561 г. 15 *соловецкихъ лодей*, по выходѣ изъ Двины съ извѣстью, потерпѣли крушеніе въ Бѣломъ морѣ. ([21]) Поразительнымъ фактомъ дѣятельности того же монастыря служитъ то, что во второй половинѣ XVI в., кромѣ соляныхъ варницъ, онъ разработывалъ *слюду* въ Керетской волости и имѣлъ *желѣзный промыселъ*, т. е. желѣзный заводъ въ одной изъ своихъ поморскихъ вотчинъ, гдѣ, какъ говоритъ лѣтописецъ, «попеченіемъ Соловецкихъ настоятелей отыскиваема была желѣзная руда, и выработывалось хорошее желѣзо на монастырскія потребности» ([22]).

Впрочемъ, судя по новгородскимъ купчимъ XIV в., желѣзная руда уже не была новостью въ двинскомъ краѣ, и ее находили въ Неноксѣ, гдѣ эта руда и продавалась для выплавки, производимой самими крестьянани ([23]).

([18]) Акт. Археогр. Экс., Т. I, стр. 419.
([19]) Лѣтоп. Соловец., стр. 11 и 12.
([20]) *Богославскій*. О куп. судостр. въ Россіи. Часть I, стр. 5.
([21]) Лѣтоп. Солов., стр. 30.
([22]) Тамъ же. Стр. 32.
([23]) Акт. Юридич., Т. III, № 71.
Аристовъ. Промышл. древн. Руси. Стр. 112.

Не менѣе поразительна была дѣятельность и другаго сѣвернаго монастыря *Печенгскаго*, который, подобно Соловецкому, широко вліялъ на многія отрасли мѣстной промышленности, сослуживъ тѣмъ сѣверному краю хорошую службу.

Край, въ которомъ дѣйствовалъ Печенгскій монастырь, назывался тогда Лопскою землею, и съ XI в. былъ уже извѣстенъ въ русской исторіи какъ владѣніе Великаго Новгорода, собиравшаго опредѣленную дань съ его кочующихъ жителей, лопарей. Въ силу своей исторической принадлежности къ Россіи, Лопская земля получила названіе Русской Лапландіи; она представляетъ собою полуостровъ омываемый съ одной стороны Бѣлымъ или Мурманскимъ моремъ, а съ другой—сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ. Враждебное отношеніе шведовъ (мурмановъ) къ русскимъ, выражавшееся въ постоянныхъ раззорительныхъ ихъ набѣгахъ чрезъ лопскія и корельскія земли на Двину, оставили понынѣ о себѣ память въ присвоеніи нѣкоторымъ мѣстностямъ на сѣверѣ названіе *мурманъ*. Напр. приокеанскій берегъ Лапландіи, посѣщавшійся мурманами, носитъ названіе Мурманскаго берега. Бѣлое море тоже называлось долгое время Мурманскимъ, а одно изъ двинскихъ устьевъ, которымъ приходили мурмане разорять наши погосты и монастыри, носитъ и по сейчасъ названіе—Мурманское.

Исторія Печенгскаго монастыря не многосложна. Груба и дика была страна, въ которой этому монастырю пришлось дѣйствовать съ просвѣтительною цѣлью. «Гористыя и блатныя непроходимыя мѣста», гдѣ жилища человѣческія были разсѣяны на разстояніи ста верстъ и далѣе одно отъ другаго; лопари, жившіе подобно дикимъ звѣрямъ, «въ самомъ поганскомъ идолобѣсіи» ([24])—все, взятое въ совокупности, не представляло пріятности русскимъ переселяться въ такую страну, въ которой къ тому же «пришла земля каменистая и стужа великая, во все лѣто снѣги мало сходятъ» ([25]). Только отважные новгородскіе промышленники проникали въ эту страну, для своихъ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, занимаясь ими

([24]) Житіе препод. Трифона Печенгскаго (Прав. Собесѣд., 1859 г. Часть II стр. 92 и 93).

([25]) Акт. Историч., Т. IV, стр. 545.

на всемъ протяженіи Мурманскаго берега до нынѣшняго Вард-эгуза (Варгаева), такъ что ко времени прихода на берега рѣкъ Печенги и Пазрѣки преподобнаго Трифона (около 1524 г.) имѣлась въ Лапландіи волостка *Кола*, одно изъ древнѣйшихъ здѣсь поселеній, возникшее, благодаря удобному географическому положенію, около XIII в., если еще не ранѣе. Такая догадка основана на томъ, что Кола упоминается подъ 1264 годомъ въ договорѣ В. Кн. Ярослава Ярославича Тверскаго съ новгородцами, которые требовали отъ него, чтобы ни онъ, ни княгиня, ни бояре, ни дворяне не имѣли права владѣть въ Колѣ (26). Что Кола была малолюдна даже и въ XVI в., подтверждаетъ составитель житія преподобнаго Трифона, говоря: «тогда бо та волостка малое имѣ поселеніе, изъ русскихъ мѣстъ новопришельцы и воеводы не обрѣтахуся» (27).

Но не смотря на негостепріимность страны и на дикость ея коренныхъ обитателей, христіанская проповѣдь проникла въ Лопскую землю въ XVI в. чрезъ Соловецкаго инока Θеодорита, просвѣтившаго св. крещеніемъ лопарей, живших при р. Колѣ, и чрезъ преподобнаго Трифона, водворившагося на р. Печенгѣ, отстоящей отъ Колы въ разстояніи 158 верстъ къ западу, гдѣ въ 1532 г. былъ имъ основанъ первый погостъ съ церковью во имя Св. Троицы, и гдѣ спустя 20 лѣтъ, возникъ извѣстный на Мурманѣ Печенгскій монастырь, послужившій ядромъ новой русской колонизаціи. Эта духовная община, быстро возросшая, благодаря дарованнымъ монастырю отъ Царя Іоанна IV льготамъ, оживила пустынную мѣстность такимъ промышленно-торговымъ значеніемъ, что время существованія Печенгскаго монастыря составляетъ яркую страницу въ исторіи нашего дальняго сѣвера, краснорѣчиво говорящую о томъ, что безъ правъ и преимуществъ, ни какія начальныя ни промыслы, ни торговля процвѣтать не могутъ. Святость

(26) Зап. Геогр. Общ., 1853 г. Т. VIII, стр. 221.

(27) Правосл. Собесѣд., 1859 г., № 2, стр. 102. Иностранцы-же, а именно Голландцы Винтеркенигъ, Гемекеркъ и Баренцъ, посѣщавшіе Кольскій острогъ въ концѣ XVI в., свидѣтельствуютъ, что въ немъ тогда было не болѣе *трехъ домовъ*, жители которыхъ разбѣжались въ лѣсъ, при видѣ голландскихъ кораблей. (*Гамель*. Англичане въ Россіи. Стр. 20 и 21).

учредителя привлекла сюда людей различнаго общественнаго положенія, изъ которыхъ каждому нашлась своя подходящая работа, направленная учредителемъ къ одной общей цѣли.

Поэтому неудивительно, что Печенгскій монастырь, опираясь на жалованныя грамоты преемниковъ Іоанна IV, и на свое приокеанское положеніе, съумѣлъ извлечь широкія выгоды изъ пустынной дотолѣ мѣстности, и успѣшно эксплоатировать край, относительно промысловыхъ, судостроительныхъ и торговыхъ операцій. Сохранившіеся историческіе акты служатъ памятникомъ экономической монастырской дѣятельности, и изъ нихъ мы видимъ въ какихъ размѣрахъ занимался онъ солевареніемъ, рѣчными и морскими промыслами съ китовою ловлею включительно; имѣлъ свои верфи, на которыхъ строилъ большія лодьи и мелкія промысловыя суда; имѣлъ лѣсные склады, мукомольныя мельницы, скотный дворъ и т. п. ([28]).

Гдѣ именно производились монастыремъ китовые промыслы —изъ актовъ, конечно, видѣть нельзя, потому что въ нихъ только перечисляются продукты, освобожденные отъ обыкновенныхъ пошлинъ; но разъ, что китовые промыслы уже производились, достаточно подтверждаетъ отважную предпріимчивость русскаго морехода, связанную съ раннимъ его плаваніемъ въ сѣверныхъ водахъ, гдѣ онъ тогда былъ полнымъ хозяиномъ, знакомымъ географически съ океанскими островами. *Достаточно вспомнить о давнишнемъ морскомъ пути, проложенномъ нашими мореходами между устьями р. р. Двины и Оби,*— пути, считавшемся ими, такъ сказать, зауряднымъ, торнымъ, чтобы судить о степени знакомства нашего промышленника съ Сѣвернымъ океаномъ. Иначе Герберштейнъ и др. иностранцы XVI в., не собирали бы въ Москвѣ свѣдѣній объ этомъ таинственномъ для нихъ океанѣ, за которымъ, какъ пишетъ Герберштейнъ со словъ русскихъ, лежитъ страна называемая Гренландіею, куда русскіе люди почти не ходятъ, по причинѣ высокихъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, и по большимъ льдамъ, плавающимъ постоянно въ морѣ ([29]). Иначе, и въ исторіографіи Мавро-Урбино (изд. 1722 г.) такъ опре-

---

([28]) Акт. Историч., Т. IV, стр. 550 и 551.

([29]) Запис. Импер. Рус. Геогр. Общ., 1852 г., № 6, стр. 229.

дѣлительно не говорилось бы, что «Россіяне Біармскіе, плавая по сѣверному океану уже 200 и болѣе лѣтъ, обрѣли въ оныхъ моряхъ островъ незнаемый, *обительствуемой* (?) отъ народа Славенскаго, подлежащъ на непрестанные морозы и льды, называли его филоподіа или Новая Земля, величествомъ превосходитъ Кипръ островъ» ([30]). Иначе-бы, наконецъ, посолъ Московскій Истома, въ 1496 г., для исполненія своего дипломатическаго порученія въ Данію, не съумѣлъ бы найти дорогу моремъ вокругъ сѣверной оконечности Скандинавіи, если бы плаваніе по морю было чуждо нашимъ предкамъ ([31])! Да, все это доказываетъ, что русскіе промышленники издавна заходили на Сѣверъ и Сѣверо-востокъ такъ далеко, куда въ то время не заходилъ еще ни одинъ европейскій народъ, и потому-то свѣдѣнія о Сѣверномъ Океанѣ для иностранцевъ XVI в. казались совершенною новостью. Что русскіе-же узнали прежде другихъ и отдаленный Шпицбергенъ, носившій у нихъ названіе *Груманта*, *Грумана*, *Беруна* — неподлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію. Хотя голландцы и приписываютъ себѣ честь открытія этого острова въ 1596 г., но если примемъ во вниманіе широкую дѣятельность Печенгскаго монастыря, производившуюся за долго до сего года,—дѣятельность, обнимавшую собою и китовую ловлю,—позволительно усомниться въ неизвѣстности существованія Груманта для Печенгскихъ промышленниковъ. Тщетно бы мы стали искать въ нашихъ древнихъ актахъ какихъ либо слѣдовъ подобныхъ географическихъ открытій, — ихъ не могло быть потому, что тогдашнее наше правительство не вмѣшивалось въ народные промыслы ни на Новую Землю, ни на Грумантъ; сами-же промышленники, не придавая особаго значенія своимъ случайнымъ открытіямъ, только крестами да могилами отмѣчали слѣды безпримѣрной отваги товарищей и ихъ геройской борьбы съ природою. Такъ было прежде, такъ случилось и потомъ, когда съ именемъ того-же легендарнаго Груманта соединились славные имена Старостиныхъ, Корниловыхъ, Рахмановыхъ, Герасимовыхъ, Пашиныхъ, Пашковыхъ, Химковыхъ, Гвоздаревыхъ, и др., изъ

([30]) *Засицкій*. Историч. и топогр. извѣстія по древности о Россіи. Стр. 76.

([31]) *Литке*. Четырекратное путеш. въ Сѣвер. Ледовит. океанѣ. Часть I, стр. 13—19, 23, 37. Журн. Мин. Народ. Просв., 1856 г. стр. 89.

которыхъ Старостины едва ли не были первыми піонерами на Грумантѣ. Что одинъ изъ нихъ въ XVII в. былъ уже знатнымъ посадскимъ въ Курцовѣ, — доказываетъ Крестининъ въ своей книгѣ «Начертаніе исторіи города Холмогоръ». Въ бумагахъ-же послѣдняго изъ рода Старостиныхъ, Антона Старостина, видѣнныхъ нами, и умершаго въ 1875 г. въ С.-Петербургѣ, значилось; что предки его въ теченіи 400 л. непрерывно занимались на Грумантѣ морскими промыслами!... Объ одномъ изъ Старостиныхъ, Ермилѣ, свидѣтельствуютъ и сами иностранцы. Гартвигъ въ своей книгѣ «Природа и человѣкъ на крайнемъ Сѣверѣ», ссылаясь па ежегодную почти зимовку въ XVIII в. русскихъ промышленниковъ на Шпицбергенѣ, не безъ удивленія говоритъ: «но кто сравнится съ Старостинымъ, который провелъ въ этихъ широтахъ 39 зимъ, и въ томъ числѣ прожилъ на Шпицбергенѣ 15 лѣтъ сряду? Конечно, этотъ человѣкъ заслуживаетъ титулъ шпицбергенскаго царя» (стр. 63). Австрійскій мореплаватель фонъ Драше-Вартембергъ, бывшій на Шпицбергенѣ съ Норденшильдомъ въ 1872—1873 годахъ, указываетъ въ своей книгѣ на *мысъ Старостина*, на *русскіе острова* и на могилу самого Ермила Старостина, умершаго въ 1826 году ([32]).

Относительно же исторической давности китоваго и моржоваго промысловъ, имѣемъ извѣстіе, что Новгородцы промышляли китовъ еще до присоединенія Заволочья къ Москвѣ ([33]). Стефанъ Бурро, англійскій мореходъ, заходившій въ Колу въ 1556 г., видѣлъ въ тамошней губѣ не менѣе 30 лодей, готовившихся отправиться на Новую Землю для моржоваго промысла ([34]). Послѣ этого небольшаго отступленія, обратимся къ дѣятельности Печенгскаго монастыря.

Имѣя право вывозить ежегодно безпошлинно до 40 т. пуд. соли съ своихъ варницъ во внутрь Россіи, монастырь вмѣстѣ съ тѣмъ, и тоже безпошлинно, отпускалъ и избытки своихъ промысловыхъ операцій на собственныхъ морскихъ судахъ къ Двинѣ, для доставки ихъ далѣе на рѣчныхъ судахъ къ Яро-

---

(32) Aus Reise nach Spitzbergen. 1874 г., стр. 25, 26, 128, 241, 303.
(33) Арх. Губ. Вѣд., 1869 г., № 72.
(34) *Гартвигъ*. Природа и человѣкъ. Стр. 81.

славлю и Вологдѣ. Во всѣхъ спопутныхъ городахъ у него имѣлись, какъ и у прочихъ монастырей, свои подворья, обособленныя отъ гостиныхъ дворовъ и освобожденныя отъ повинностей, лежавшихъ на этихъ дворахъ. Подворья служили для склада привозныхъ и закупки мѣстныхъ товаровъ. Закупка производилась тоже безпошлинно. Она состояла въ нижеслѣдующемъ перечнѣ предметовъ: «рожь и ячмень, и овесъ и солодъ, и крупа и толокно, и сѣмя конопляное и масло, и мясо, пшеница и горохъ, и медъ на кутью и воскъ на свѣчи, и на платье холсты и сукна всякія, и обувь, и на обувь всякія кожи дубленыя и юфти бѣлыя и красныя, и конопля, и прядево всякое на неводы и сѣти и на подольники, на судовую снасть, и на лодейныя шеймы (мачты), и на завозы, и смолу, чѣмъ суда смолить, и всякіе заморскіе запасы» ([35]).

Печенгскій монастырь велъ свои торговыя операціи рыбными и другими продуктами не только съ внутренними городами Россіи, но и съ иностранными городами, какъ напр. съ Антверпеномъ и Амстердамомъ, присылавшими сюда свои корабли, —свидѣтельствуетъ голландецъ Симонъ-фанъ-Салингенъ въ 1562—1564 годахъ ([36]), и *торговая книга*, составленная для русскихъ купцовъ въ 1575 и 1610 годахъ, въ которой обозначены цѣны товаровъ, предназначавшихся для заграничнаго сбыта на Мурманскомъ берегу ([37]).

Вотъ на выдержку нѣкоторые предметы съ обозначеніемъ цѣнъ.

Сало говяжье пудъ, стоилъ себѣ 22 алтына, а на Мурманѣ продавалось по 2 ефимка.

40 куницъ стоили себѣ 13 р. 6 алт. и 4 деньги, а на Мурманѣ продавались по 40 золотыхъ, и отвозились въ Испанію.

Россомаха покупалась на Мурманѣ по 4 ефимка, а продавалась въ Англіи по 4 рубля.

За 1000 бѣлокъ сами платили 3 р. 6 алт. и 4 деньги, а продавали брабанцамъ по 40 рубл.

---

(35) Акт. Истор., т. IV, стр. 551.

(36) Вѣстн. Европы, 1885 г., № 7, стр. 268.

(37) Записки по Русской и Славянск. Археологіи, 1851 г., Т. I. Временникъ, 1850 г., № 8.

Кошка черная покупалась по 2 алтына, а въ Брабанѣхъ за 40 кошекъ платили по 4 рубля, и отвозили во Францію и Италію.

Боберъ черный продавался на Мурманѣ по 2 руб.

100 горностаевъ продавалось на Мурманѣ по 3 р., а брабанцы покупали по 5 руб.

Соболи пермскіе 40 штукъ стоили себѣ по 10 руб., а продавались на Мурманѣ по 25 руб.

Масло коровье, пудъ, продавалось на Мурманѣ по 20 алтынъ.

Мясо говяжье бочка—по 2 руб.

Смолы бочка—по 4 ефимка, а себѣ стоила въ 1 р. 10 алт. и 4 деньги.

Вару бочка, вѣсомъ въ 7 пуд., покупали за полтретья рубля, а въ Брабанѣхъ—по 5 и по 6 ефимковъ.

Нефти черной пудъ стоилъ себѣ 1 р. 10 алт. и 4 деньги, а продавали на Мурманѣ по 4 ефимка; бѣлая нефть покупалась по 10 руб. за пудъ.

Пшеницы бочка селедовка, стоила себѣ 33 алт., а продавалась по 3 ефимка.

Пуху сыраго пудъ продавали по 3 руб., а бѣлаго, чистаго по 6 р.

Трески сухой за 100 штукъ брали по 2 ефимка, а себѣ стоила 22 алтына.

Трески соленой (по 18 въ бочкѣ)—по 23 алт. и 2 деньги бочка.

Семга кольская (20 семогъ въ бочкѣ) продавалась по 2 алтына каждая, а бочкою 4 руб. Въ Голландіи бочка семги стоила 12 ефимковъ, и т. д.

Умножавшееся на Сѣверномъ Океанѣ мореходство и торговое значеніе Печенгскаго монастыря, возбудили въ шведахъ такую непріязнь, что они въ 1590 г. разорили всю русскую колонію и сожгли самый монастырь, при чемъ избили иноковъ его въ числѣ 51 ч., и мірянъ въ числѣ 65 ч. ([38]).

Чтобы положить конецъ распространенію русскими своихъ промысловъ по Мурману къ западу, шведы не замедлили въ

([38]) Житіе препод. Трифона. (Правосл. Собесѣд., 1859 г., № 2, стр. 119).

томъ же XVI в. построить на одномъ изъ своихъ острововъ вблизи нашей границы, «въ 60 поприщахъ отъ монастыря» крѣпость Вард-э, извѣстную между поморами подъ именемъ *Варгаева* ([39]).

Свѣдавъ о разореніи Печенгскаго монастыря, Царь Θедоръ Іоанновичъ тогда же повелѣлъ перенести обитель въ ограду Кольскаго острога, гдѣ она вскорѣ и сгорѣла; но возобновленная въ 1619 г. Царемъ Михаиломъ Θедоровичемъ за р. Колою, вблизи острога, стала называться монастыремъ *Ново-Печенгскимъ* или Коло-Печенгскимъ, получившимъ въ 1675 г. отъ Царя Алексѣя Михаиловича возстановленіе всѣхъ прежде дарованныхъ монастырю привиллегій. Послѣднее извѣстіе о промышленной дѣятельности Ново-Печенгскаго монастыря находимъ въ 1701 году, когда имъ было отправлено заграницу: 12,752 шт. сушеной трески, 144 пуд. жиру и 2,470 штукъ семги ([40]). Упраздненіе этого монастыря состоялось въ 1764 г.

Соловецкій и Печенгскій монастыри, обширнымъ развитіемъ промышленности и торговли, оказали нашему сѣверу весьма важную услугу, помогая, какъ мы видѣли, и распространенію русской народности и утвержденію гражданственности среди туземцевъ. Въ этомъ ихъ значеніе и право на благодарность исторіи. Что монастырская торговая монополія имѣла и свою обратную сторону въ общемъ развитіи промышленныхъ силъ тогдашней Россіи,—конечно, не подлежитъ сомнѣнію; но въ данномъ случаѣ съ монастырями должно раздѣлить упрекъ и само тогдашнее правительство, отдававшее многимъ частнымъ лицамъ на откупъ значительныя отрасли государственнаго хозяйства, на подобіе тѣхъ же условій, какія еще въ недавнее относительно время имѣли откупщики на продажу вина. По понятіямъ тогдашняго времени, заниматься монастырямъ торговлею было отнюдь не предосудительно. Тогда русскіе всѣхъ

([39]) Тамъ же, стр. 217. *Рейнеке.* Гидр. опис. Сѣверн. берега Россіи. Часть II, стр. 353. По другимъ источникамъ, крѣпость Вард-э была построена шведами не въ XVI, но въ XIV в. Она, подъ именемъ *сторожеваго дома* упоминается въ разсказѣ Герберштейна о плаваніи Истомы съ Двины въ Данію. (*Замысловскій*: «Герберштейнъ, и его историко-геогр. извѣстія о Россіи». Стр. 108).

([40]) Вѣстникъ Европы, 1885 г., № 8, стр. 625.

сословій, отъ высшихъ до низшихъ, очень любили заниматься торговлею, по замѣчаніямъ иностранцевъ ([41]). Поэтому все сводится къ тому, какое значеніе придавалось тогда торговлѣ вообще: служила-ли она занятіемъ, помогающимъ цѣлямъ государственной жизни, или-же была только средствомъ къ обогащенію отдѣльныхъ лицъ? Факты доказываютъ, что богатый классъ людей всегда стремился захватить отъ казны торговыя дѣла въ свои руки, на выгодныхъ для себя условіяхъ; а слѣдовательно и наши монастыри не могли составлять тогда исключенія изъ общаго взгляда на торговлю. И не одни частныя лица и монастыри домогались первенства въ торговлѣ; домогалось и само правительство, какъ увидимъ далѣе, на льготныхъ для себя правахъ заниматься торговлею, въ ущербъ частной предпріимчивости.

Глава III.

Малонаселенность Двинскаго края въ XVI в.—Податныя единицы: соха, обжа, выть. — Посадскія сословія. — Торговые пункты края. — Система таможенныхъ сборовъ. — Предметы внутренней торговли. — Двинскіе намѣстники.

Пока монастыри устраивали свое благосостояніе, внутренняя жизнь края между тѣмъ шла совершенно своеобразнымъ путемъ. Состояніе двинскихъ жителей, по присоединеніи ихъ подъ высокую руку Московскаго Царя, далеко не гармонировало съ цвѣтущимъ состояніемъ монастырей, которые, подобно пышнымъ замкамъ, гордо высились надъ скученностью ютившихся у ихъ подошвы бѣдныхъ деревенскихъ избъ, принадлежавшихъ обывателямъ посадовъ и городовъ. Большія пустынныя пространства, при худыхъ путяхъ сообщенія, совершенно раздѣляли въ иную пору года между собою наши посады, села и деревни. Видимо, колонизація края развивалась весьма медленно, хотя и безостановочно.

Въ XVI в. только по берегамъ С. Двины еще встрѣчались значительныя селенія, тогда какъ наибольшее пространство края мало было обитаемо, покрыто густыми лѣсами, среди

([41]) *Кильбургеръ.* Краткое извѣстіе о Русской торговлѣ. 1674 г. Стр. 11.

которыхъ лишь изрѣдка попадались луга и пашни. Такъ свидѣтельствуютъ иностранцы. Они пишутъ, что въ первой половинѣ XVI в. въ Двинской области находили мѣста съ хорошими угодьями (соляными ключами), въ которыхъ дворовъ и пашней не бывало никогда; что отъ волости такія мѣста лежали за 20 верстъ ([1]). Этому малолюдству края способствовали къ тому же не мало и разорительныя войны и повальныя болѣзни, свирѣпствовавшія повсемѣстно въ Россіи въ XV в.

Интересно прослѣдить экономическія условія двинскихъ жителей за это время, пока торговля производилась только внутренняя, пока въ устьѣ Двины не появлялись еще торговые англійскіе корабли. Посмотримъ же, что это были за условія?

Со времени Іоанна III двиняне, подобно прочимъ, должны были платить ежегодно въ казну, такъ называвшуюся, посошную подать, или также *подворную*, падавшую не только на черносошныхъ крестьянъ, но и на торгующее сословіе, —подать, которая съ половины XVI в. получила названіе *тягло*, въ смыслѣ прямаго, имущественнаго налога вообще. Общею единицею для распредѣленія податей была тогда *соха*, подраздѣлявшаяся на московскую и новгородскую. Она-же была и старинною русскою единицею для измѣренія земель, введенная едвали не съ XIV в. Новгородская-же соха, или какъ ее называли, *сошка*, была извѣстна въ Двинской землѣ еще со временъ новгородскаго владычества, какъ и другія земельныя мѣры: *лукъ*, *обжа*, *выть* ([2]). Въ селахъ и деревняхъ раскладка

([1]) *Соловьевъ*. Исторія Россіи. Т. V, стр. 430.

([2]) *Подвысоцкій*. «Словарь областнаго Архангельскаго нарѣчія», гдѣ находимъ слѣдующее поясненіе двинскихъ земельныхъ мѣръ: *лукъ* 252 саж.; *обжа* составляла 2 лука; *соха* равнялась 3 обжамъ и 67 вытямъ. *Вытью* опредѣлялось и нынѣ употребляется извѣстное пространство сѣнокосной земли. Въ Шенкурскѣ вытью называютъ 44 копны сѣна; говорятъ: «собралъ 4 выти сѣна». Въ запечерскомъ краѣ Мезенскаго уѣзда, на десятинѣ ставится 70 вытей (выть соотвѣтствуетъ 7 возамъ сѣна, по 20 пудъ каждый). *Обжею* называется также пространство земли, какое работникъ съ лошадью можетъ вспахать въ продолженіи одного дня. По другимъ источникамъ видимъ, что обжа имѣла длиннику 126 саж. и 32 с. поперечнику. (Лѣт. Солов., стр. 23). Выть была участокъ земли въ 7 и 8 десятинъ (Крестининъ. Исторія Холм. Прилож. № 1). Въ XVI в. въ Двинской области, въ средѣ разныхъ земельныхъ мѣръ, имѣла немаловажное значеніе *веревка*. Въ Двинской правой грамотѣ 1571 г. говорится: «отняли, государь, у насъ де-

податей производилась съ конца XVI в. по количеству сохъ, а въ посадахъ — по количеству дворовъ ([3]). Число дворовъ заключавшихся въ сохѣ, было различно. Это различіе слагалось изъ понятія о большей или меньшей степени зажиточности плательщика, т. е. по числу владѣемой земли, по пространству двора и по количеству труда и капитала. Такимъ образомъ, съ посошною или подворною податью сливалась подать «по животомъ и промысломъ». На основаніи этихъ соображеній, все населеніе дѣлилось на три статьи: на людей *лутчихъ*, *середнихъ* и *молодшихъ*. Дворовъ *лутчихъ* торговыхъ людей въ сохѣ полагалось 40, дворовъ *середнихъ* 80 и *молодшихъ* 160; слободскихъ 320 и бобыльскихъ 960. Изъ этого видимъ, что лучшіе люди платили вдвое болѣе среднихъ; и въ четверо болѣе молодшихъ, а бобыль платилъ въ 32 раза менѣе лучшаго торговаго человѣка ([4]). Одновременно съ раскладкою податей по сохамъ, существовала въ двинскихъ посадахъ раскладка и по вытямъ, служившая какъ бы для провѣрки одна другой, хотя выть собственно и была земельною мѣрою, но, какъ видимъ, она же служила и тяглою единицею, потому что въ выть клалось опредѣленное число дворовъ на посадѣ: лучшихъ 12 дворовъ, среднихъ 21 и младшихъ 30 ([5]).

Такой взглядъ на платежныя силы страны отвѣчалъ бы вполнѣ справедливости, еслибы относился одинаково ко всѣмъ тогдашнимъ сословіямъ, жившимъ въ городахъ и посадахъ; въ дѣйствительности же онъ выгораживалъ болѣе богатыхъ, а всею тяжестью ложился на мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и вообще на низшія сословія, называвшимися *черными* посадскими, *тяглыми* людьми, въ отличіе отъ *бѣломѣстцевъ*,

---

ревеньку въ Карзинѣ-курьи, дворъ и дворище; а пашни, государь въ ней *пять веревокъ*, а въ сошномъ обжа безъ трети» (Изв. Археол. Общества, 1876 г. № 7, стр. 164). Если 5 веревокъ составляли $^2/_3$ обжи, то обжа равнялась $7^1/_2$ веревкамъ. По веревкамъ разметывались волостныя подати до 1597 г., когда велѣно брать подати не по веревкамъ, а по сошкамъ и обжамъ. (Тамъ-же).

([3]) Акт. Археог. Эксп., т. IV, стр. 37, 52.

([4]) *Графъ Д. Толстой*. Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи. Стр. 26. *Крестининъ*. Исторія Холмогоръ. Приложеніе № 1.

([5]) Московск. арх. М. Ю. Подлинная писцовая книга, № 9, Мирона Вельяминова

бѣлыхъ людей, подраздѣлявшихся на *гостей*, на купцовъ *гостиной и суконной сотенъ* и на *духовенство*. Эти бѣлые люди не платили тягла и не несли особыхъ *службъ*. Гости-же жили въ царской милости, на льготѣ и покоѣ. Производя оптовую заморскую и внутреннюю торговлю, гости занимали вообще высшую ступень между торговыми людьми и были, по выраженію Кильбургера, *Царскими коммерціи совѣтниками, неограниченно управлявшими торговлею всего государства* (6), тогда какъ купцы гостиной и суконной сотенъ, ведя тоже оптовую и притомъ только внутреннюю торговлю, должны были ею заниматься лишь въ своихъ городахъ и посадахъ. Дворы служилыхъ людей: пушкарей, затинщиковъ, стрѣльцовъ и др., стоявшіе въ городахъ и посадахъ, какъ и дворы монастырскіе, тоже не несли тягла, хотя и занимались въ сосѣдствѣ съ посадскими дворами одною и тою же мелочною торговлею. Чтобы не дать повода посадскимъ тяглымъ людямъ уклоняться отъ платежа повинностей, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, правительство того времени прибѣгло къ круговой отвѣтственности всѣхъ членовъ общины и взимало опредѣленную по раскладкѣ подать съ наличныхъ ея членовъ, дѣлавшихся такимъ образомъ отвѣтственными за пустые дворы бѣжавшихъ поселенцевъ; и чѣмъ болѣе выбѣгало жителей изъ мѣстъ ихъ осѣдлости, тѣмъ хуже становилось остальнымъ (7).

Не менѣе безотрадны были и внутренніе положенные сборы при низкомъ состояніи нашей тогдашней промышленности. Они существовали повсемѣстно, гдѣ происходили торги, а торги были первоначально въ тѣхъ селахъ и погостахъ, гдѣ только благочестіе воздвигало часовни и церкви, куда окрестные жители, стекаясь на богомолье, привозили на продажу и свои домашнія произведенія. Эти села и погосты, богатѣя отъ торговли, становились мало по малу центромъ экономическаго движенія цѣлой округи и превращались въ посады. Въ такихъ посадахъ обязательно должны были находиться и гостиный

(6) *Кильбургеръ*. Стр. 153.
(7) Акт. Археол. Эксп. Т. I, № 234; Т. IV, стр. 51. Акты Юридич., № 229.

дворъ и таможенники. Такимъ торговымъ центромъ въ двинской землѣ издавна былъ, какъ мы уже видѣли, Колмогоры ([8]).

По актамъ Археографической коммисіи имѣется возможность прослѣдить весь порядокъ тогдашнихъ внутреннихъ сборовъ, начинавшійся съ момента въѣзда торгующаго на посадскій торгъ, но мы минуемъ всю ихъ регламентацію, и скажемъ только, что главныхъ видовъ сборовъ было тогда до 30, не включая *заставныхъ* пошлинъ, бравшихся съ провозныхъ товаровъ и съ проѣзжихъ людей.

До постройки Архангельска, къ числу внѣшнихъ таможенъ, не отдѣлявшихся впрочемъ по неразвитости промышленности отъ внутреннихъ, на сѣверѣ принадлежали: Холмогоры, Кеврола, Мезень, Кола, Варзуга и Пустозерскъ съ Вологдою включительно ([9]).

Сложная, запутанная система всѣхъ этихъ сборовъ, продолжавшаяся до половины XVII в., сильно стѣсняла всякую торговлю и промышленность. Да и могла-ли быть какая либо промышленность тамъ, гдѣ предметы даже для домашняго обихода производитель собиралъ только тѣ, которые давала ему непосредственно природа, и когда онъ мало заботился о качественности своихъ промысловъ! Съ другой стороны, производитель былъ лишенъ и самой возможности заботиться объ этой качественности потому, что тѣ лучшіе матеріалы и орудія, которые потребовались бы при его работѣ, должны на пути своего слѣдованія подвергнуться многочисленнымъ пошлинамъ, чрезъ что цѣнность болѣе искусной вещи увеличилась бы, и производитель явно рисковалъ, вмѣсто барыша, получить прямой убытокъ.

При сложныхъ операціяхъ сборовъ, въ силу которыхъ, по

([8]) Кромѣ Холмогоръ, до XVI в. былъ еще на сѣверѣ торговый пунктъ, куда съѣзжались изъ Холмогоръ русскіе купцы для мѣновой торговли, это—*Лампожня*, селеніе, лежавшее близъ нынѣшней Мезени. Оно имѣло тогда крупное значеніе при сношеніяхъ русскихъ съ самоѣдами. Послѣдніе привозили на Лампоженскую ярмарку всѣ роды пушныхъ товаровъ, оленьи шкуры и моржовые клыки, а въ обмѣнъ получали сукно, посуду и др. необходимые для жизни предметы. Лампоженская ярмарка была *Макарьевымъ* своего времени (Акт. Археол. экспед. Т. I, №№ 204, 93 и 94. *Костомаровъ*, Очерки торговли Москов. госуд., стр. 79).

([9]) *Чулковъ*. Опис. Росс. коммерціи. Т. I, стр. 100.

мѣткому выраженію современника, *приходилось съ одного вола драть по две и по три шкуры* ([10]), предметами тогдашней внутренней торговли были только такія произведенія, какъ соль, хлѣбъ, мясо, соль и шкуры морскихъ звѣрей, рыба сушеная и соленая и т. п., тогда какъ всѣ лучшіе, цѣнные предметы были получаемы изъ-за границы черезъ Новгородъ и Псковъ. Впрочемъ наша заводская промышленность не ограничивалась тогда только одною вываркою бѣломорской соли, но съ давнихъ поръ двиняне много выдѣлывали смолы и поташу ([11]).

Къ неблагополучію двинянъ слѣдуетъ присоединить и побочныя причины, тяготѣвшія надъ народнымъ благосостояніемъ не менѣе, чѣмъ всѣ казенные поборы вмѣстѣ взятые. Эти причины лежали въ духѣ самой администраціи, служившей тогда не защитницею и оберегательницею нуждъ народныхъ, но, такъ сказать, сугубою ихъ притѣснительницею.

Съ первой половины XVI в. Двинскою землею стали править царскіе чиновники *тіуны* (приказщики), которыхъ вскорѣ смѣнили *намѣстники*. Въ силу системы тогдашняго вознагражденія лицъ за ихъ труды по служебнымъ дѣламъ, вмѣсто царскаго жалованья, административныя лица должны были *кормиться* отъ управляемаго ими народа, и не только намѣстники, но и ихъ помощники. И такъ какъ кормленіе составляло сущность самаго управленія землею, то ясно, что исполнительная власть этого управленія почти вся находилась въ рукахъ помощниковъ намѣстника, т. е. тіуновъ, доводчиковъ, праветчиковъ и т. п., которые, подобно волкамъ среди овецъ, рыскали по посадамъ, станамъ и волостямъ, вымогая себѣ кормъ отъ беззащитныхъ крестьянъ всякими неправдами ([12]).

Изъ онежской уставной грамоты 1536 г. видимъ, что хлѣбные доходы Двинскаго намѣстника взимались со всѣхъ великокняжескихъ земель, не исключая владычныхъ, монастырскихъ и иныхъ, три раза въ годъ, по праздничнымъ днямъ: на Р. Х., на Пасху и на Петровъ день. Въ первомъ случаѣ, съ 10

([10]) *Посошковъ.* Книга о скудости и богатствѣ, стр. 128.
([11]) *Соловьевъ.* Исторія Россіи Т. VII, стр. 59.
([12]) Уставн. грамота важескимъ жителямъ (Акт. Археогр. комм. 1552 г. № 234).

сохъ, содержавшихъ по три обжи, т. е. съ 450 десятинъ полагалось: 1 полоть мяса, 10 хлѣбовъ, 1 коробье овса (2 четверти) и 1 возъ сѣна; во второмъ—1 полоть мяса и 10 хлѣбовъ; въ третьемъ 1 баранъ и 10 хлѣбовъ. Тіуну—всего въ половину. Вмѣсто приноса натурою, намѣстникъ могъ брать деньгами: за полоть мяса 8 денегъ, за хлѣбъ 1 деньгу, за коробье овса 6 денегъ, за возъ сѣна 8 денегъ, и за барана 6 денегъ—всего 66 денегъ, или 11 алтынъ ([13]). А съ неокладными доходами (за судъ и расправу) намѣстникъ получалъ съ каждой сохи, какъ видимъ изъ сошнаго письма — всего 42 алтына и 4 деньги, т. е. 1 руб. 9 алт. и 2 ден. ([14]) — сумму, при крайней дешевизнѣ тогда самой земли, и ея продуктовъ, весьма значительную. Мѣстопребываніе Двинскаго намѣстника было, по обыкновенію, въ Холмогорахъ. Вся-же Двинская земля въ административномъ отношеніи дѣлилась тогда на половины: на *верхнюю* и *нижнюю* ([15]).

Лѣтописецъ состоянія Россіи въ XVI в., упоминая о дѣйствіяхъ чиновныхъ лицъ, заявлявшихъ себя повсемѣстно съ дурной стороны, довольно замысловато выразился объ нихъ, что они были «тяжки христіанству ([16])». И точно. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого рода вознагражденія за труды были взысканія и съ истцовъ и съ отвѣтчиковъ возмездій, превышавшихъ установленную закономъ плату.

Къ этому еще слѣдуетъ присоединить и неправильное взысканіе сборовъ, предназначавшихся въ государственную казну. Случалось, что намѣстники «оброкъ сбирали на себя, а дань Государю ([17])». Все это въ совокупности заставляло крестьянъ приносить тогдашнему правительству на намѣстниковъ и тіуновъ «челобитья великія» и причинять ему «докуки непре-

---

([13]) Акт. Археогр. Экспед., Т. I, № 181.

([14]) *Крестининъ*. Исторія Холмогоръ. Прилож. № 1.

([15]) Акты Археогр. Экспед., Т. I, № 250. Верхнюю половину составляли посады и волости, начиная отъ Сіи и до Куръ острова; нижнюю половину составляли: Ухтъ-островъ, Великокурье, Койдо-курье, Княжестровъ, Лисьостровъ, Заостровье, Кулуй, Уна, Луда, Ненокса, Вознесенскій приходъ, Мудьюга и Лодма.

([16]) Полн. Собр. Лѣтоп., Т. VIII, изд. Археогр. Ком. 1860 г.

([17]) Двинск. Лѣтоп. Ч. I, стр. 124.

станныя», какъ показываетъ важеская уставная грамота 1552 г., изъ которой видимъ, что «важскаго-де имъ (крестьянамъ) намѣстника и пошлинныхъ людей (сборщиковъ податей) впредь прокормити не можно ... многія деревни запустѣли и крестьяне-де у нихъ отъ того насильства и продажъ и татебъ съ посадовъ разошлись по инымъ городамъ... ([18])». Такія-же жалобы шли и отъ двинянъ, слѣдствіемъ чего уставною Двинскою грамотою 1556 г. былъ измѣненъ порядокъ внутренняго устройства городскихъ и сельскихъ обществъ въ двинскомъ краѣ устраненіемъ навсегда намѣстниковъ, и ихъ тіуновъ, замѣною выборными изъ своей среды въ *излюбленныя головы* двухъ съ товарищи, (числомъ 5 или 6 ч.), для сбора всякихъ доходовъ, и для суда расправы и надъ посадскими и волостными людьми съ помощью сотскихъ, пятидесятскихъ, и десятскихъ, которые должны были избираться какъ въ Холмогорахъ, такъ и въ станахъ и въ волостяхъ, и чтобъ всѣ эти выборные «были добры и прямы и всѣмъ крестьянамъ любы ([19])».

Тѣснимые всевозможными сборами и поборами, ведя мѣновую внутреннюю торговлю произведеніями земли и водъ, которыя другимъ путемъ и сбывать было некуда, двиняне, казалось обречены были на полный застой; они и не подозрѣвали того грядущаго близко событія, которое открыло имъ новые источники сбыта, новые заработки и новыя отрасли промышленности; но которое всю свою громадную важность имѣло собственно для экономической жизни тогдашней Россіи, какъ увидимъ ниже. Къ этому важному государственному событію мы теперь и подошли.

([18]) Акт. Археогр. комм., 1552 г. № 234.
([19]) Акт. Археогр. Эксп., Т. I, 1556 г. № 250.

II. Причины, вызвавшія основаніе Архангельска, и первоначальная обстройка города.

Глава IV.

Сѣверная Двина, и ея устья.—Торговое значеніе Холмогоръ въ концѣ XVI в.—Ненокса и Уна.—Англичане въ устьѣ Двины.—Начало непосредственной заграничной торговли.

Сѣверная Двина, получивъ свое настоящее именованіе отъ слiянія рѣкъ Сухоны и Юга, въ смыслѣ какъ-бы *двойной* рѣки, по толкованію старинныхъ географическихъ словарей Миллера, Щекатова и иныхъ, по мѣрѣ приближенія къ морю расширяла постепенно свое ложе, образовывая на пути къ Холмогорамъ и ниже множество острововъ и протоковъ, и достигнувъ до крутаго и высокаго Пуръ-Наволоксваго мыса, впала въ Бѣлое море на сѣверъ, сѣверо-западъ и на западъ тремя главными устьями: *Березовымъ*, *Мурманскимъ* и *Пудожемскимъ*, Послѣднее при впаденіи раздѣлилось на два рукава, изъ которыхъ самый западный, омывая часть корельскаго берега, получилъ названіе Корельскаго или *Никольскаго* устья — по монастырю св. Николая, построенному, какъ мы видѣли, въ 1410 г., и возобновленному послѣ мурманскаго погрома Марфою Посадницею въ 1471 г., по поводу гибели ея двухъ сыновей, тѣла которыхъ были прибиты къ разоренному монастырю. Эта древняя обитель, имѣвшая въ первую половину XVI в. до 30 монаховъ, владѣла, въ силу льготныхъ грамотъ, близъ лежащими деревнями Якокурскими, Ижемскими, Койдокурскою и Прилуцкою; равно имѣла свои дворы въ двинскомъ уѣздѣ, въ Кехтѣ, Неноксѣ, и пашни съ рыбными ловлями на островахъ Пудожемскаго устья и до Солзы включительно (¹).

Между рукавами Пудожемскаго устья, находится островъ *Ягры*, о которомъ въ писцовыхъ книгахъ начала XVII в. сказано такъ: «при усть Двины рѣки островъ Ягорской, а на немъ боръ соснякъ, что было на немъ карабленое приста-

(¹) Чт. въ Общ. Истор. и Древн., 1879 г. № 1, стр. 8. Акт. Истор. Т. I, стр. 285; Т. II, стр. 77; Акты Археогр. эксп. Т. I, стр. 299.

нище, вдоль 4 версты, а поперегъ 2 версты» ([2]). Отъ мыса Пуръ-Наволока, гдѣ въ то время одиноко возвышалась обитель Михаило-Архангельская и до Пудожемскаго устья считается 40 верстъ, а вверхъ по Двинѣ до Холмогоръ 70 верстъ. На этомъ водномъ пространствѣ, этимъ Никольскимъ устьемъ, издавна плавали наши промысловыя суда, какъ кратчайшимъ путемъ къ Холмогорамъ, съ солью изъ Неноксы и Уны, также и съ моря лодьи монастырскія.

Холмогорскій посадъ во второй половинѣ XVI в. былъ раскинутъ на значительное пространство всего острова, лежащаго вдоль западнаго рукава Двины, и составлялъ 4 отдѣльные посада, называвшіяся: *Курцово*, *Глинки*, *Верхняя половина въ Никольскомъ концѣ* и *Нижняя половина въ Ивановскомъ концѣ*. Здѣсь, въ четвертомъ посадѣ, жили административныя лица края, и тутъ же имѣлась съѣзжая изба, таможня и гостиный дворъ. Позже и въ Глинскомъ посадѣ тоже имѣлась таможня съ гостинымъ дворомъ. Всѣ дома были деревянные, разбросанные въ крайнемъ безпорядкѣ, между которыми находились дворы бѣломѣстцевъ, т. е. монастырскія подворья, торговыхъ и служилыхъ людей, дворы тяглыхъ и много лавокъ. Чтобы судить, хотя приближенно, о численности населенія Холмогоръ второй половини XVI в., достаточно указать, что въ немъ имѣлось по переписи Вельяминова (1622 г.) девять церквей «древяныхъ клѣцки», т. е. срубленныхъ въ клѣтку на манеръ крестьянскихъ избъ, въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Курцовѣ—*Крестовоздвиженская и св. апостола Якова, брата Господня*, при 105 ч. посадскихъ; въ Глинкахъ—*Троицкая* съ придѣломъ *Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи* и *Петропавловская*, при 178 ч. посадскихъ; въ Никольскомъ концѣ—*Зосимо-Савватіевская*, при 72 чел. посадскихъ; въ Ивановскомъ концѣ — *Христорождественская*, *Рождества Іоанна Предтечи*, *Срѣтенія Пречистыя Богородицы Владимірскія* съ придѣломъ *Трехъ Святителей* и *Покровская*, при 303 чел. посадскихъ ([3]).

([2]) Московъ. арх. М. Юст. Подлинная писцовая книга, № 9, стр. 231.

([3]) Подлинная писц. книга № 9, стр. 41—143. Хотя въ своей исторіи Холмогоръ, Крестининъ и говоритъ, что въ XVI в. Холмогоры имѣли только три

Ненокса была въ это время, какъ видимъ изъ той же писцовой книги, значительнымъ по обстройкѣ усольемъ, получившимъ названіе посада только въ началѣ XVII в. Здѣсь имѣлось 4 церкви: *Петропавловская*, *Никольская*, *Параскевы Пятницы* и *Св. Климента Папы Римскаго* (на Крестной горѣ). Упоминаются даже и улицы: пробойная, проѣзжая и переборъ. Между домами тяглыхъ, имѣлись дворы монастырей: Кирилловскаго, Соловецкаго, Сійскаго, Архангельскаго и Николо-Корельскаго. Варницы находились въ разныхъ мѣстахъ на наволокѣ, числомъ до 20, и 11 уже недѣйствовавшихъ.

Въ Унѣ имѣлось три церкви: двѣ *Троицкія* и *Св. Климента Папы Римскаго*; дворы тѣхъ же монастырей, за исключеніемъ Соловецкаго. Соляныхъ варницъ 5, а 18 уже не дѣйствовало.

Познакомившись съ мѣстностями, имѣющими значеніе въ исторіи Сѣвера, перейдемъ теперь къ тому событію, которое положило рѣзкую грань въ торгово-промышленномъ отношеніи не только для Двинскаго края, но и для всей Россіи XVI в.

Въ 1553 году, августа 24, рыбаки Никольскаго устья не мало были поражены приходомъ съ моря невиданнаго ими большаго корабля, бросившаго якорь противъ Ненокскаго усолья. Корабль былъ англійскій, носившій имя «Эдуардъ Благое Предпріятіе», а кормчимъ былъ Ричардъ Ченслеръ. Устрашенные громадностью размѣровъ корабля—пишетъ Ченслеръ въ своихъ запискахъ—рыбаки поспѣшили приплыть къ берегу, но вскорѣ были нагнаны пущеннымъ въ погоню ботомъ. Ихъ привезли на корабль, гдѣ они со страхомъ ожидая своей участи, бросились обнимать ноги того, въ комъ признали начальника. Но онъ обласкавъ ихъ, дѣлалъ вопросы на непонятномъ для нихъ языкѣ и знаками старался узнать отъ нихъ: что это за страна, и кто ихъ Государь? Они отвѣчали, что страна эта Россія, или Московское Государство, которымъ правитъ Царь Иванъ Васильевичъ. Потомъ любопытные стали

церкви: Преображенскую, Крестовоздвиженскую и Св. Апостола Якова, брата Господня, но это указаніе подрывается писцовою книгою, въ которой, какъ видимъ, Преображенской церкви совсѣмъ не упомянуто; слѣдовательно ее не было и ранѣе, потому что разъ построенная церковь непремѣнно повторяется при возобновленіи, какъ свидѣтельствуютъ церковные акты.

привозить англичанамъ съѣстные припасы, но на приглашеніе мѣняться товарами, безъ разрѣшенія государевыхъ прикащиковъ, отказались ([1]).

Въ такой безъискуственной формѣ состоялось первое знакомство двинянъ съ англичанами. О пріемѣ Ченслера въ Холмогорахъ и въ Москвѣ мы говорить не будемъ, какъ о предметахъ уже достаточно извѣстныхъ въ печати, а скажемъ лишь то только, что имѣетъ прямое отношеніе къ появленію англичанъ въ Двинскомъ устьѣ. Этотъ неожиданный даже для самихъ англичанъ приходъ въ Двинскую губу, совершенно случайный самъ по себѣ, и составилъ то событіе, о которомъ мы упоминали выше, и которое дѣйствительно было благотворно для тогдашней Россіи. Оно было оцѣнено Московскимъ правительствомъ тогда же, и его радость станетъ понятною, когда вспомнимъ, что благодаря этому счастливому случаю оно получило теперь полную возможность завязать торговыя сношенія съ западною Европою, именно чрезъ Бѣлое море, единственное, которымъ оно располагало, въ сторонѣ отъ ревнивыхъ сосѣдей—шведовъ, ливонцевъ, литовцовъ и поляковъ, недружелюбно смотрѣвшихъ вообще на желанія Россіи стать въ болѣе близкія отношенія съ народами запада. До какой степени простиралось недружелюбіе нашихъ сосѣдей, узнавшихъ о новомъ торговомъ пути, открытомъ англичанами, служитъ письмо шведскаго короля Густава I, адресованное къ датскому королю, спустя 4 года отъ появленія англичанъ въ Бѣломъ морѣ. «Понеже англичане—писалъ Густавъ—новый и необыклый путь чрезъ море Ледовитое къ пристани св. Николая отворили, и плаваютъ мимо Норвегіи; что всѣмъ окрестнымъ государствамъ и моря Балтійскаго городамъ превеликій вредъ и убытокъ наносится, когда запрещенные всякаго рода воинскіе инструменты и оружіе въ Россію возятъ, которыми Россіяне противъ прочихъ христіанъ весьма вооружиться и образомъ силы Турецкой владѣнія надъ Европою пожелать

([1]) *Ю. Толстой.* Первыя сношенія Англіи съ Россіею. (Русск. В. 1873 г. № 6, стр. 500).

возмогутъ. Того ради пріятельски желаю, дабы король Датскій Фридрихъ...изволилъ оную Англійскую навигацію пресѣчь» ([5]).

Что народы запада опасались возрастанія силы Россіи, и предугадывали въ ней большую себѣ соперницу, подтверждаетъ въ своихъ запискахъ тотъ же Ченслеръ, когда ознакомился ближе съ внутреннимъ состояніемъ новаго для него государства. «Если бы Россія—писалъ онъ—только сознала все свое могущество, никому бы съ ней не совладать; теперь она подобна молодому коню, котораго не смотря на всю его силу, можетъ обуздывать малый ребенокъ» ([6]).

Вотъ впечатлѣнія и выводъ, имѣющія связь съ совершившимся на сѣверѣ событіемъ.

Наша заграничная торговля чрезъ Бѣлое море началась при чрезвычайно благопріятныхъ для англичанъ обстоятельствахъ. Во первыхъ, имъ были предоставлены пристани въ устьѣ Двины, въ Холмогорахъ, въ Колѣ, въ Мезени, въ Печенгѣ, Варзугѣ, у Соловецкихъ острововъ, на Печорѣ, на Оби и даже за Обью на р. Исленди (Енисеѣ), во вторыхъ — могли торговать повсемѣстно въ Россіи безъ всякаго стѣсненія, безпошлинно, имѣть свои торговые дома, лавки и т. п. ([7]).

На такія необычайныя льготы и англичане, на правахъ якобы взаимности, не поскупились съ своей стороны на необычайныя предложенія, предоставляя русскимъ купцамъ право жить и торговать въ англійскихъ владѣніяхъ безпрепятственно, гуртомъ и въ розницу по своей волѣ, не платя податей и пошлинъ, и имѣть даже торговыя конторы!.. Далѣе, они предоставляли своимъ художникамъ и ремесленникамъ посѣщать Россію, и жить въ ней ([8]).

Эта курьезная грамота послужила основаніемъ для постоянныхъ и прочныхъ сношеній между Россіей и Англіей. Говоримъ *курьезная*, потому что на практикѣ вся эта взаимность повела лишь къ выгодѣ однихъ англичанъ, имѣвшихъ торговый флотъ;

([5]) *Чулковъ*. Истор. опис. Россійск. Комм. Т. I, стр. 218.
([6]) *Ю. Толстой*. Русск. В. 1873 г. № 6, стр. 521.
([7]) Сбор. Импер. Русск. Истор. Общества. Т. 38, стр. 94.
([8]) *Графъ Толстой*. Россія и Англія. Стр. 15 и 16.

тогда какъ русскимъ купцамъ недоставало тогда многихъ и многихъ еще средствъ, для заведенія морской торговли.

Въ силу дарованныхъ привиллегій, англичане утвердились въ гавани св. Николая на Ягорскомъ островѣ, назвавъ его по имѣвшемуся въ то время на немъ шиповнику, *Розовымъ* островомъ, избранномъ ими для торговаго пристанища кораблей и для склада товаровъ. Здѣсь построили они свой домъ и амбары ([9]).

Вторымъ торговымъ для нихъ пунктомъ были Холмогоры, о которомъ англійскій путешественникъ Томасъ Рандольфъ (1568—1569) въ своемъ описаніи выразился слѣдующимъ образомъ. «Холмогоры большой городъ, весь построенный изъ дерева, не обнесенный стѣной, съ разбросанными въ безпорядкѣ домами. Населеніе по манерамъ грубое, одѣвается крайне просто, кромѣ праздниковъ. Жители, находя выгоднымъ торговлю съ англичанами, очень внимательны къ нимъ, но они много предаются пьянству и другимъ отвратительнымъ порокамъ. Въ этомъ городѣ англичане имѣютъ собственную землю, пожалованную Царемъ и много хорошихъ домовъ съ конторами, для собственнаго удобства» ([10]). При этой характеристикѣ, Рандольфъ забылъ прибавить, что въ Холмогорахъ въ его время (съ 1557 г.) имѣлся уже построенный англичанами канатный заводъ, при которомъ жило 8 мастеровъ, передѣлывавшихъ ежегодно въ канаты болѣе 90 т. фунтовъ пеньки ([11]). Тотъ-же Рандольфъ, попутно, сдѣлалъ характеристику и монастырю св. Николая, изъ которой узнаемъ, что «въ монастырѣ 20 монаховъ, монастырь деревянный, церковь красива. Дома низки съ маленькими комнатками. Живутъ монахи

([9]) *Гамель*. Записки Импер. Акад. Наукъ. Т. VIII, 1865 г. Стр. 92.

([10]) Чт. Общ. Ист. и Древн. 1884 г., № 4, стр. 92. Въ одномъ изъ Холмогорскихъ посадовъ, а именно въ Курцовѣ, настоящій острогъ былъ поставленъ только въ 1623 г., и имѣлъ фигуру неправильнаго продолговатаго четыреугольника, одна изъ сторонъ котораго тянулась вдоль двинскаго берега. Мѣра острогу была 962 саж. Онъ имѣлъ вокругъ себя ровъ, шириною 4 саж. и 2 саж. глубиною. Строенъ въ одинъ тынъ. На немъ имѣлось 10 башенъ; подъ двумя изъ башенъ были ворота. На стѣнахъ имѣлись 19 пищалей. (Подлин. писц. книга № 9, стр. 49—51).

([11]) *Ключевскій*. Сказанія иностранцевъ о Россіи. Стр. 242.

отдѣльно, ѣдятъ вмѣстѣ, сильно предаются пьянству, неучены, въ церкви торжественны, молятся долго. Жилищъ около монастыря нѣтъ, а только 4 дома, да зданіе построенное англійской компаніей, для собственныхъ нуждъ» ([12]).

Послѣ вторичнаго прибытія къ Двинскому устью Ченслера, уже въ качествѣ посла англійской королевы Маріи, т. е. съ 1555 года, началась наша заграничная торговля, потому что къ гавани св. Николая пришли первые торговые англійскіе корабли съ лондонскими сукнами, а за англійскими—голландскіе и брабантскіе корабли къ крайнему неудовольствію англичанъ, увидѣвшихъ въ этомъ приходѣ явное нарушеніе привиллегій. Но противъ подданныхъ испанскаго короля Филиппа II, мужа англійской королевы Маріи, компанія англійскихъ купцовъ, сформировавшаяся въ Лондонѣ, не пожелала затѣвать ссоры и заявлять жалобы Царю; а соперники ихъ, тѣмъ временемъ, водворились въ другомъ рукавѣ Пудожемскаго устья, въ разстояніи 15 верстъ отъ англійской пристани, и исходотайствовали у Іоанна IV право имѣть здѣсь пристань и домъ, куда преимущественно стали приходить корабли брабантскаго негоціанта Ивана Бѣлоборода. Такъ въ 1582 г., когда въ Двинскомъ устьѣ имѣлось 11 англійскихъ кораблей, изъ которыхъ 9 съ товарами, а два были военные, тамъ-же находились *одинъ* голландскій и *пять* кораблей негоціанта Бѣлоборода ([13]).

«Этотъ брабантской земли нѣмчинъ Иванъ Бѣлобородъ — говорилось въ жалобѣ англійской королевы Елизаветы—прозналъ дорогу къ Колмогорамъ за Англичаны, ходя безпошлинно» ([14]). Такое обстоятельство, проливая свѣтъ на торговыя отношенія англичанъ къ своимъ соперникамъ по торговлѣ, грозило явнымъ подрывомъ той монополіи, которую вездѣ въ Россіи старалась Англія упрочить за собою. Весьма естественно, что Московскому правительству представился къ разрѣшенію вопросъ, важный по своимъ послѣдствіямъ: можно ли было отдать всю внѣшнюю бѣломорскую торговлю въ рас-

---

(12) Чт. Общ. и Древ. 1884 т., № 4, стр. 91 и 92.
(13) Сборн. Импер. Русс. Истор. Общ. Т. 38, стр. 17.
(14) Тамъ-же, стр. 59.

поряженіе однихъ Англичанъ, или нѣтъ? Съ одной стороны, желая поддерживать добрыя отношенія съ Англіею, отъ которой чаяло большія для себя торговыя выгоды, но съ другой— не затворять сѣверныхъ гаваней и для другихъ западныхъ народовъ, особливо голландцевъ, какъ издавна торговавшихъ съ Россіей черезъ Балтійское море, — Московское правительство, для выхода изъ такой дилеммы, разрѣшило задачу, сообразно нуждамъ и государственнымъ интересамъ — избраніемъ на Пуръ-Наволокѣ мѣста, для новой торговой пристани, которая была бы независима отъ пристани св. Николая. Вотъ, по нашему мнѣнію, истинное происхожденіе Архангельска, т. е. причина, вызвавшая постройку новаго города, что подтверждается и дарованною англичанамъ въ 1586 г. новою привиллегіею, по постройкѣ уже города. «Двора ихъ съ морсково пристанища—говорится въ грамотѣ Царя Ѳедора Ивановича—съ Пудожемскова устья къ новому Архангельскому городу, къ морскому пристанищу, переносити не велѣли, а приставати имъ по прежнему съ своими товары на тотъ свой дворъ, и товары свои и съ кораблей выкладывати и Русскими товары нагруживати корабли подъ тѣмъ своимъ дворомъ» ([15]).

Этимъ актомъ открывался къ новому городу свободный доступъ для всѣхъ иностранцевъ, какъ видимъ и изъ состоявшагося, спустя 5 лѣтъ, указа Царя Бориса Ѳедоровича двинскому воеводѣ Родіону Власьевичу Всеволодскому, которому въ 1601 г. было писано: «если къ Городу придутъ корабли Брабантскіе, Голландскіе и Нидерландскіе и иные, кромѣ Англійскихъ, то пусть они торгуютъ у города повольною торговлею, но не отпускать нѣмцевъ съ торгомъ къ Москвѣ и въ Московскіе города, а лишь однихъ англійскихъ гостей» ([16]).

([15]) Тамъ-же. Стр. 178.
([16]) Тамъ-же, Стр. 422.

Глава V.

Топографія Архангельска, и его обстройка. — Пожары, — Каменные Гостиные дворы.

Пуръ-Наволокскій мысъ, находящійся на правомъ берегу С. Двины, избранный царемъ Іоанномъ IV подъ постройку города съ корабельною пристанью, хотя по своему ровному мѣстоположенію и имѣетъ господствующую возвышенность надъ окрестностями, но его почва, покрытая мелкимъ сосновымъ лѣсомъ, большею частію состоитъ изъ тундръ и болотъ, и только весьма незначительное пространство вблизи двинскагѳ берега имѣетъ глинистый слой. Часть этого пространства была издавна занята Михаило-Архангельскою обителью, служившею до сего времени единственною живою точкою, посреди безмолвныхъ окрестныхъ тундръ и лѣсовъ. Эти лѣса, или боры густо покрывали весь, такъ называвшійся *Жабинскій наволокъ*, который тянулся вдоль берега надъ Двиною, и надъ ея протокомъ Кузнечихою до рѣчки Малой Черной Курьицы, протекающей за нынѣшнею Кузнечевскою частью города ([1]). Обширность болотъ, прилегавшихъ съ материковой восточной стороны къ Михайловской обители, заставила избрать мѣсто подъ постройку города на выдающейся тупой части Пуръ-Наволокскаго мыса, и расположить будущія городскія постройки болѣе по длинѣ берега, нежели въ ширину материка. Такая естественная причина породила со временемъ чрезмѣрную скученность строеній и тѣсноту дворовъ и улицъ, при-

---

([1]) «Любопытный мѣсяцесловъ» на 1795 г.

мыкавшихъ къ самымъ болотамъ. Грамотою Царя Іоанна IV въ 1583 г., данною воеводѣ Петру Нащокину и Залѣшенину Волохову, велѣно: «городъ дѣлати на томъ мѣстѣ и по той мѣрѣ, по росписи и по чертежу, какову есте роспись и чертежъ къ вамъ прислали, на спѣхъ, тѣми посошными людьми, которую посоху къ тому къ городовому дѣлу есмя указали; а монастыря Архангельскаго и церкви и кельи изъ города бы есте носити не велѣли, а которые ихъ службы монастырскія и служніе дворы и монастырскіе всякіе обиходы, и вы бы тѣ службы... опричъ келей, изъ города велѣли выносити и указали... мѣсто за городомъ, гдѣ пригоже...» (2).

Въ другомъ документѣ, по тому же поводу, читаемъ: «въ 1584 г. блаженныя памяти Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи велѣлъ поставить на Двинѣ городъ для корабельныя пристани, а монастырь занять въ городъ, и которая-де была монастырская пашенная земля около того монастыря, *полтретьи обежки*, и тое-де землю заняли подъ городъ и подъ посады и подъ гостины дворы и подъ животинной выпускъ» (3).

---

(2) Акт. Археогр. Эксп. Т. I. Стр. 180.

Относительно посошныхъ людей, которыми велѣно строить городъ, слѣдуетъ замѣтить, что Кевролцы и Мезенцы считались съ Двинянами «по сохамъ изстари, потому что Кеврола и Мезень съ Двиною одна земля». Такое обстоятельство выступаетъ рельефно въ грамотѣ Двинскимъ воеводамъ 1614 г. ноября 24. «Били намъ челомъ Двинскіе земли заказной цѣловальникъ Якимко Лентіевъ да посадцкой сотцкой Дружинка Барсинъ и во всѣхъ Двинскихъ людей мѣсто Двинскіе жъ земли Кевролскаго и Мезенскаго стану, на старостъ и на цѣловальниковъ и на всѣхъ крестьянъ, а сказали: въ прошломъ-де во 121 (1613) году, по нашему указу и по грамотѣ, велѣно на Двинѣ воеводѣ Никитѣ Пушкину да дьяку Путилу Григорьеву у Архангельскаго города выгорѣлую стѣну сдѣлати всею Двинскою землею, и воевода и діякъ, для поспѣшенія къ кораблѣной пристани, къ тому Архангельскому городу къ горѣлому мѣсту доправили плотниковъ и посошныхъ людей и на городовое дѣло лѣсъ на нихъ на одннхъ опричь Кевролцевъ и Мезенцевъ; а въ Кевролу-де и на Мезень воевода и діякъ посылали для того городоваго дѣла сотника стрѣлецкаго Дениса Золотарева со стрѣльцами, и Кевролъцы-де и Мезенцы учинились сильни и отъ сотника стрѣлецкаго отбилися и городовое дѣло своею четвертою долею не дѣлали, а прежде-де сего тотъ Архангельской городъ ставленъ блаженныя памяти при В. Госуд. Царѣ и В. К. Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи пятью городы, и Кевролью и Мезенью...» (Москов. арх. Мин. Инос. Дѣлъ. Приказные дѣла старыхъ лѣтъ. № 4, связ. 72)

(3) *Крестининъ*. Исторія о городѣ Арх. Стр. 157.

Этотъ послѣдній документъ даетъ намъ наглядно понятіе о томъ земельномъ пространствѣ, которое отошло отъ монастыря подъ постройки новаго города, и которое при переводѣ тогдашней земельной мѣры на языкъ удобопонятный показываетъ, что все пространство, занятое подъ новый городъ, составляло $33^1/_4$ десятины, включая сюда земли и подъ посады и подъ гостиные дворы и подъ городской выгонъ (4).

Центромъ новаго города служилъ Михаило-Архангельскій монастырь, на мѣстѣ котораго нынѣ стоитъ каменная церковь Михаило-Архангельская. Чтобы представить себѣ картину первобытнаго Архангельска, воспользуемся писцовою книгою Мирона Вельяминова, который нашелъ городъ, спустя 38 л. по основаніи, въ слѣдующемъ видѣ:

«Городъ Архангельскій, деревянный, на рѣкѣ на Двинѣ, рубленъ въ двѣ стѣны, мазанъ глиною, а у города трое воротъ: *Архангельскіе*, на воротахъ башня, а въ воротахъ двѣ пищали желѣзныя, нѣмецкія... двѣ пушечки скорострѣльныя, желѣзныя, дробовыя; ворота *Воскресенскіе*, а на воротахъ башня, а въ воротахъ пищаль желѣзная, нѣмецкая,... пушечка скорострѣльная, желѣзная; ворота *Покровскіе*, водяные, къ рѣкѣ Двинѣ, а на воротахъ пищаль полуторная, мѣдная... пищаль мѣдная, полковая... На городѣ-жъ башни — башня *Спасская*, наугольная, а на ней въ середнемъ бою пищаль желѣзная, нѣмецкая... башня *Вознесенская*, наугольная, а на ней въ середнемъ бою 2 пищали желѣзныя, нѣмецкія... башня *Сѣверская*, наугольная, а на ней въ верхнемъ бою пищаль мѣдная... башня *Рождественская*, наугольная, на ней въ среднемъ бою пищаль мѣдная, полуторная... На городѣ-жъ 2 пищали затинныя, мѣдныя, 17 пищалей затинныхъ желѣзныхъ. Огороденъ у города 204 городни, а мѣра городу: отъ Архангельскихъ воротъ до Спасской до наугольной башни 30 саж., а башня семи саженъ, а отъ Спасской башни до

(4) Расчетъ основанъ на слѣдующемъ соображеніи: полтретьи обежки составляютъ $2^1/_2$ обежки. Каждая обежка была въ 10 разъ меньше обжи, а обжа равнялась $^1/_3$ ч. сохи. Принявъ во вниманіе, что въ сохѣ монастырской худой земли было 800 четвертей, составляющихъ 400 десятинъ, получимъ $\frac{133,5}{10,2}=33^1/_4$ десятины.

Покровскихъ до водяныхъ воротъ 44 саж., а ворота 4 саж., а отъ Покровскихъ воротъ до Вознесенской до наугольной башни 73 саж., а башня семи саженъ, отъ Вознесенской до Воскресенскихъ воротъ 36 саж., въ воротахъ 4 саж., а отъ Воскресенскихъ до Сѣверской до наугольной башни 40 саж., а башня 5 саж.; а отъ Сѣверской башни до Рождественской до наугольной башни 114 саж., а башня 5 саж.; а отъ Рождественской башни до Архангельскихъ воротъ 43 саж.; а ворота 5 саж.; и всему городу, воротамъ и башнямъ мѣра 417 саженъ. Около городской крѣпости съ трехъ сторонъ острогъ, а у острогу двое воротъ: Архангельскіе да Воскресенскіе. На острогѣ жъ и на воротахъ 6 башенъ, а мѣра острогу—отъ Вознесенской наугольной башни до Воскресенскихъ воротъ 36 саж., а на воротахъ башня 3 саж., а отъ Воскресенскихъ воротъ до наугольной до Сѣверской башни 56 саж., а башня 3 саж.; а отъ Сѣверской башни до наугольной до Рождественской башни 118 саж., а башня 3 саж., а отъ Рождественской башни до Архангельскихъ воротъ 64 саж., а на воротахъ башня $4^1/_2$ саж., а отъ Архангельскихъ воротъ до Спасской до наугольной башни 22 саж., а башня 3 саж. И всего острогу мѣра $312^1/_2$ саж.; да около острогу ровъ, шириною $4^1/_2$ саж., въ глубину 2 саж.. а во рву ставленъ тынъ, а около рва жолобы, а съ четвертую сторону города отъ Спасской наугольной башни до Вознесенской наугольной башни рѣка Двина, а для осыпи рубленъ обрубъ въ 5 стѣнъ, а мѣра 128 саж. У Покровскихъ воротъ къ рѣкѣ Двинѣ тайникъ». Изъ этого безъискуственнаго перечня видимъ, во первыхъ, что собственно городское укрѣпленіе, имѣвшее трое воротъ съ сѣверной, южной и западной сторонъ, и 6 башенъ, изъ которыхъ *Спасская,* обращенная на Двину, была самая высокая, обнесено было еще и острогомъ, прилегавшимъ въ иныхъ мѣстахъ очень близко къ городской стѣнѣ, и имѣвшимъ тоже 6 башенъ, но только безъимянныхъ; а во вторыхъ, всѣ эти городскія укрѣпленія имѣли фигуру трапеціи, въ которой наибольшую сторону представлялъ собою двинской берегъ, на разстояніи 128 саж., тогда какъ противоположная

сторона, обращенная къ болотамъ, не была болѣе 118 саж. Стороны-же имѣли отъ 80 — 92 саж.

Такимъ образомъ, городское укрѣпленіе съ острогомъ имѣло 12 башенъ и было вооружено 32 орудіями, преимущественно пищалями, изъ которыхъ большимъ размѣромъ выдѣлялись *затинныя*, какъ употреблявшіяся при защитѣ и осадѣ крѣпостей того времени.

Далѣе читаемъ: «въ городѣ монастырь Архангельской, а на монастырѣ церковь Архистратига Михаила древяна вверхъ, 9 верховъ (главъ ?), а у той церкви два придѣла: придѣлъ мученика Христова Мины, другой придѣлъ страстотерпцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба. На монастырѣ другая церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, древяна-жъ верхъ, съ трапезою... Игуменъ Варсонофій, 11 братскихъ келій, а въ нихъ 44 брата и 10 служебниковъ. На монастырѣ 4 анбара. Въ городѣ-жъ изба съѣзжая, 5 житницъ, тюрьма, дворъ зелейной, а въ немъ пищаль мѣдная, полуторная, 2 пищали затинныя желѣзныя, 73 самопала стрѣлецкіе... Въ городъ-же—дворъ воеводской, дворъ городоваго прикащика Ивана Басаргина; дворъ Николы Чудотворца Корельскаго монастыря поставленъ на землѣ Архангельскаго монастыря; анбаръ Соловецкаго монастыря, а исподне подъ нимъ анбаръ Ивашки молодыхъ бояръ съ товарищи. Архангельскаго-жъ города жилецкихъ уѣздныхъ и всякихъ до 100 избушекъ, и 11 анбаровъ поставлены для осаднаго времени. У города-жъ на посадѣ, по рѣкѣ Двинѣ, выше города, церковь Преображенія Господня, древяна вверхъ, съ трапезою, у той церкви придѣлъ Николы Чудотворца, а въ церквахъ образы и свѣчи и книги и всякое церковное строеніе мірское. Домъ попа Семена Павлова, а другой домъ попа Романа Степанова, домъ дьякона Дмитрія Андреева, домы пономаря, просвурни и домъ трапезниковъ. На церковной землѣ церковныхъ Спасскихъ 17 лавокъ. На посадѣ-жъ дворы бѣлые: дьяческой, земскаго головы стрѣлецкаго, дворъ земской, дворы Соловецкаго монастыря, Живоначальныя Троицы Антоніева Сійскаго монастыря, дворъ конюшенный Архангельскаго монастыря, дворъ Сійскаго монастыря, дворъ сотника Стрѣлецкаго Дмитрія Лабутина, дворъ сотника

Стрѣлецкаго Смирнова, 16 дворовъ пушкарскихъ и затинщиковыхъ... Всѣхъ бѣлыхъ дворовъ 34 двора. У города жъ на посадѣ пустыхъ дворовъ бѣлыхъ 4. Мѣста дворовые-жъ бѣлые: Архангельскаго монастыря, Николы Корельскаго монастыря, что купило въ 1602 году у корабельнаго вожа... Всего бѣлыхъ 2 двора пустыхъ и 2 мѣста дворовыхъ. У города на посадѣ— слобода стрѣлецкая, а въ ней 205 дворовъ, а пустыхъ дворовъ три. У города на посадѣ дворовъ тяглыхъ посадскихъ людей: лучшихъ 2 двора, 26 середнихъ, 86 молодчихъ, а всего 113 дворовъ, а людей въ нихъ 170 ч.; два двора бобыльскихъ, а людей въ нихъ тожъ, 9 дворовъ пустыхъ, 29 мѣстъ дворовыхъ посадскихъ людей, погорѣвшихъ въ 1611 году...

У города, на посадѣ, по р. Двинѣ, ниже городу, у гостиныхъ дворовъ, церковь Воскресенія Господня, древяна вверхъ, другая церковь Великомученицы Параскевіи, нарицаемая Пятницы, древяна клѣцки съ трапезою, а въ церквахъ образы и свѣчи и книги и всякое церковное строеніе мірское. Домъ попа Козьмы Титова и домъ дьячка... На посадѣ-жъ дворы Государевы гостиные, на пріѣздъ русскихъ и нѣмецкихъ гостей и торговыхъ людей. На томъ-же дворѣ государевыхъ 84 анбара верхнихъ и исподнихъ, а ставятся въ нихъ въ корабельную пристань разныхъ городовъ всякіе торговые люди, и оброкъ съ нихъ сбираютъ въ корабельную пристань Московскіе таможенные головы. На томъ-же дворѣ Государевыхъ же 22 лавки да сарай, да у двора 10 лавокъ — всего 32 лавки, а тѣ лавки воевода отдалъ въ корабельную пристань торговымъ всякимъ мастеровымъ людямъ изъ оброку, а оброку съ нихъ сбираетъ по 113 руб. 22 алт. 2 деньги. На томъ-же дворѣ амбары Московскихъ и разныхъ городовъ гостей и торговыхъ людей числомъ 13. У гостинаго-жъ двора, на углу, подлѣ лавокъ, амбаръ Московскаго нѣмчина Андрея Бука, и оброкъ съ этихъ амбаровъ сбираютъ таможенные головы. Государевъ Гостиный Нѣмецкій дворъ имѣетъ верхнихъ и исподнихъ 86 амбаровъ. На томъ же дворѣ 30 амбаровъ нѣмецкихъ заморскихъ гостей. На томъ же дворѣ 2 амбара подъизбныхъ, а противъ тогожъ двора на пригорѣ 1

анбаръ. На посадѣ-жъ дворовъ иноземцовъ: 3 голландскихъ, 2 англійскихъ и 2 Московскихъ нѣмцевъ. Напротивъ гостиныхъ дворовъ, на пригорѣ, таможня, а подъ нею 4 анбара, 2 важни, 1 кабакъ, квасной откупъ и баня; да на посадѣ-жъ 2 кабака, а таможенную пошлину и кабацкую прибыль и квасной и банной откупъ и съ анбаровъ оброкъ сбираютъ таможенные головы въ корабельную пристань. На посадѣ-жъ, ниже гостиныхъ и нѣмецкихъ дворовъ, лавки Архангельскаго города жильцовъ и колмогорцовъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, а торгуютъ въ нихъ всякими товары въ корабельную пристань: лучшихъ лавокъ 8, среднихъ 29, молотчихъ 33 лавки, — всего 70 лавокъ, а оброку съ нихъ 36 рублей, 3 алт. 2 деньги. Въ 1623 г. съ тѣхъ лавокъ было оброку 29 руб. 6 алт. 4 деньги, и прибыло по новому письму 6 руб. 30 алт. У Гостиныхъ же дворовъ лавокъ: 6 мѣстъ полочныхъ, 5 мѣстъ харчевыхъ, 3 мѣста бочарничныхъ, 2 мѣста сапожныхъ мастеровъ, и ставятся на тѣхъ мѣстахъ полочники, харчевники и бочарники и сапожники въ корабельную пристань, и отдаютъ тѣ мѣста съ оброку сбираемому таможеннымъ головою. У города-жъ на посадѣ по за-посадскихъ дворовъ, кузницъ 10, а оброку съ нихъ 2 рубля 5 алтынъ, а напередъ того было 6 кузницъ, а еще ранѣе 4 кузницы, и оброку платилось 1 руб. 8 алт. 2 деньги. Архангельскаго-жъ города за попомъ и за посадскими людьми на оброкѣ рыбныя ловли... У города-жъ, выше стрѣлецкой слободы, на р. Двинѣ, 2 мельницы вѣтряныя, а въ 1619 г. канатный станокъ сгорѣлъ, а на его мѣстѣ дворъ англійскихъ гостей» ([5]).

На этомъ Вельяминовское описаніе и оканчивается. Оно достаточно рисуетъ первоначальную обстройку Архангельска, и его своеобразный планъ, въ силу котораго бокъ-о-бокъ съ правительственными зданіями мирно уживались *зелейный* дворъ (пороховой погребъ), тюрьма, кельи монастырскія и жилецкія избы,—все это заключавшееся въ деревянныхъ стѣнахъ, къ которымъ, лишь отдѣляемые рвомъ, примыкали съ сѣверной, нижней стороны, гостиные дворы Русскій и Нѣмецкій, двѣ

([5]) Москов. арх. М. Ю. Подлинная писцовая книга № 9, стр. 1—48.

церкви, лавки, амбары и дворы иноземцевъ; а съ южной, верхней стороны—дворы монастырскіе, служилыхъ и посадскихъ, — всего до 370, дѣлившіеся на слободы, или, вѣрнѣе, улицы: стрѣлецкую, пушкарскую, затинную и жилецкую (посадскую), выходившія на двинской берегъ, гдѣ стояла Преображенская церковь, современная началу города. Тутъ, по берегу же, въ тѣсномъ сосѣдствѣ церквей и острожныхъ стѣнъ, «на пригорѣ», имѣлись таможня съ важнями и амбарами, а рядомъ—кабакъ, баня и другія общественныя учрежденія въ перемежку съ лавками, сальными ямами и амбарами торговыхъ людей. Фонъ общей картины замыкали кузницы и двѣ вѣтряныя мельницы. Таковъ былъ видъ Архангельска въ первые, такъ сказать, дни его историческаго существованія.

Затѣмъ, въ 1626 г. по двинскому берегу, на Жабинскомъ наволокѣ, на *Боркахъ*, ниже Пятницкой церкви, была построена деревянная-же церковь во имя *Успѣнія Пресвятыя Богородицы*, а въ началѣ второй половины XVII в., по тому-же берегу, видимъ построенною еще церковь во имя *Воздвиженія Честнаго Креста Господня,* гдѣ вскорѣ за тѣмъ церковную землю иноземцы «дворами своими всю заставили», и гдѣ, такимъ образомъ, возникла *иноземческая слобода*, мѣстоположеніе которой соотвѣтствуетъ нынѣшней нѣмецкой слободѣ (6). Подъ эту слободу, около 1670 г. было отведено пустое мѣсто, отдававшееся иноземцамъ на оброкъ; а выше этой слободы, близъ Успенской церкви, находились англійскіе прядильные амбары, позади которыхъ до Воздвиженской церкви виднѣлись изрѣдка избушки посадскихъ (7).

Вообще, къ концу XVII в. обстройка Архангельска значительно расширилась, и достигала даже до нынѣшней Кузнечихи. Тамъ, гдѣ ранѣе были боры и болота, стала постепенно производиться разчистка подъ пашни и сѣнокосы, и водворяться дѣятельность; нарушившая искони вѣчную тишину окрестныхъ лѣсовъ. И эта обстройка, не смотря на всѣ неблагопріятныя экономическія условія архангелогородскаго

---

(6) «Любопытный мѣсяцесловъ» на 1795 г.
(7) Москов. арх. М. И. Д. Опись IV, № 185, связ. 422.

посада, шла успѣшно потому, что въ этомъ дѣлѣ играла главную роль коммерція и соперничество иностранцевъ, спѣшившихъ одни передъ другими ставить свои дворы и амбары на мѣстахъ, болѣе отвѣчающихъ прямымъ, торговымъ ихъ выгодамъ. Къ тому же и крайняя тѣснота посадскихъ и другихъ дворовъ, находившихся, какъ мы уже видѣли, въ центральной части Архангельска, вызывала естественную необходимость ставить жилыя избы вдали отъ посада, на пустыхъ мѣстахъ, чтобы уберечься отъ опустошительныхъ пожаровъ, которымъ долгое время подвергался прежній старинный Архангельскъ. Ибо, въ сущности, что представлялъ онъ въ первыя столѣтія своего существованія? Огромнѣйшій складъ горючаго матеріала, для котораго было достаточно одной искры, чтобы воспламенить его! Тщетно стали бы мы вникать въ существованіе какого либо подобія настоящей планировки, отыскивать правильно тянувшіяся улицы, присутствіе площадей, городскихъ кладбищъ, систематичность ремесленныхъ и др. построекъ, требующихъ изолированія отъ жилыхъ строеній,—словомъ всего того, чѣмъ нынѣ обусловливается благоустроенность каждаго мало-мальски порядочнаго города, и чего тогда не могло быть не только въ Архангельскѣ, но не было и въ городахъ болѣе многолюдныхъ, и даже, пожалуй, въ самой Москвѣ.

Достаточно взглянуть на относительно позднѣйшій планъ Архангельска (1780 г.), чтобы судить, какую безобразную скученность домишекъ представлялъ городъ ранѣе, въ XVII в., когда всѣ городскія постройки, промышленныя и др. заведенія, ставились единственно по изволенію хозяевъ, кому гдѣ сподручнѣе, такъ что одинъ домъ смотрѣлъ на улицу, другой—на свой огородъ, составлявшій необходимую принадлежность каждаго исправнаго дома; и при этомъ нисколько не стѣснялись сосѣдствомъ мясной, напр. лавки съ кузницею, пивоварни—съ салотопнею; когда умершіе погребались вблизи жилыхъ строеній, въ оградѣ приходскихъ церквей; когда кривыя, тѣсныя улицы, пересѣкаемыя еще болѣе кривыми переулками, представляли собою такой замысловатый лабиринтъ, что только одни мѣстные обыватели и старожилы легко могли въ немъ

оріентироваться. Про Архангельскъ того времени можно сказать, что частые пожары отнюдь не способствовали къ его украшенію! На мѣстѣ стараго пожарища, онъ возрождался снова съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ гибельно-строительныхъ условій, которыя роковымъ образомъ продолжали снова-же пепелить его. Тѣснота построекъ, кромѣ естественныхъ причинъ, существовавшихъ отъ близости болотъ, вызывалась и чисто-экономическими соображеніями, вытекавшими изъ способа взиманія податей «по животомъ и промысломъ». Имѣя какую-либо промышленность и общественный земельный надѣлъ, посадскій человѣкъ старался ставить свой дворъ на возможно-меньшемъ пространствѣ земли, чтобы больше выгадать дворовымъ мѣстомъ подъ свою спеціальную промышленность, была-ли то промышленность бочарная, кожевенная, продуктная, или иная, отъ которой онъ кормился.

Потому-то тѣснота и была неизбѣжна.

Изъ ряда крупныхъ пожаровъ, начавшихся въ Архангельскѣ съ 1611 г., когда огонь уничтожилъ на посадѣ слободы Стрѣлецкую, Пушкарскую, Жилецкую и половину Затинной, замѣчателенъ пожаръ 1636 г., обнаружившій всю неудобность существованія монастыря въ центрѣ скученныхъ городскихъ построекъ, и вызвавшій перенесеніе его на другое, болѣе безопасное мѣсто. По поводу опредѣленія времени этого пожара, всѣ наши историки, со словъ Крестинина, единогласно вторятъ, что пожаръ въ Архангельскѣ произошелъ въ 1637 г., тогда какъ въ дѣйствительности онъ случился годомъ раньше, а именно въ 1636 г. 15 іюля, какъ показываютъ: донесеніе двинскаго воеводы князя Львова и челобитная двинянъ, поданная Царю Михаилу Ѳедоровичу.

«По твоему Государеву, Цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу—доносилъ воевода—велѣли мы, холопи твои, Архангельскаго города городовому прикащику Ивану Смирнову и выборнымъ цѣловальникамъ беречся отъ пожару Архангельскаго города, и на городѣ нарядъ и въ анбарѣхъ твоей Государевы зелейной казны у хлѣбныхъ запасовъ, и за городомъ гостиныхъ и посадскихъ людей дворовъ, а надъ городовымъ, Государь, прикащикомъ и надъ цѣловаль-

ники, для береженья, велѣли мы, холопи твои, смотрѣть Архангельскаго города головѣ стрѣлецкому Василію Оничкову, чтобы они Архангельскаго города и нарядъ и въ анбарѣхъ твоей Государевой зелейной казны и хлѣбныхъ запасовъ отъ пожару берегли съ великимъ береженіемъ, и въ Архангельскомъ монастырѣ игуменъ и старцы келіи отнюдь не топили бъ, а за городомъ на гостиныхъ дворахъ дворникамъ и въ жилецкихъ слободахъ посадскимъ людямъ избъ и бани топить отнюдь давать не велѣли, чтобъ отъ того пожаръ не учинился. И въ нынѣшнемъ, Государь въ рмд (1636) году, іюля въ еі (15) въ четвертомъ часу дни въ Архангельскомъ городѣ стояли мы, холопы твои, въ Архангельскомъ монастырѣ у обѣдни въ соборной церкви Михаила Архангела, и въ тѣ, Государь, поры въ Архангельскомъ монастырѣ на монастырскомъ подворьѣ Николы-Корельскаго монастыря загорѣлась клѣть вверху подъ кровлею, а крыта, Государь, была та клѣть скалами и тесомъ, и отъ той, Государь, клѣти сгорѣли Архангельскаго монастыря кельи, да на монастырѣ двѣ церкви: Пречистыя Богородицы Покрова да Михаила Архангела, а стояли, Государь, тѣ церкви подлѣ городовую стѣну къ Двины рѣки, и отъ того, Государь, Никольско-Корельскаго монастыря подворья отъ клѣти, и Архангельскаго монастыря отъ келій и отъ церквей выгорѣло и разломано Архангельскаго города городовыя стѣны 158 саж., да три башни, да острожныя стѣны 80 саж., да двѣ башни, да воеводской дворъ, да Архангельскаго-жъ, Государь, монастыря въ анбарѣхъ было твоихъ, Государевыхъ, хлѣбныхъ запасовъ 43 четвертей съ осьминою ржи, что осталось отъ Кольскаго отпуску въ прошломъ въ рмг (1635) году, да въ Архангельскомъ-же, Государь, монастырѣ Николо-Корельскаго монастыря въ анбарѣ-жъ было хлѣбныхъ запасовъ въ таможенную старую меньшую мѣру 200 четвертей ржи, 100 четвертей овса, и тѣхъ, Государь, хлѣбныхъ запасовъ и съ пожару вынесено въ старую-же меньшую мѣру 130 четвертей ржи, да 30 четвертей овса, а остальныхъ, Государь, хлѣбныхъ запасовъ въ тѣхъ анбарѣхъ сгорѣло 113 четвертей съ осьминою ржи, да 70 четвертей овса, и тѣхъ, Государь, остальныхъ запасовъ и Архангельскаго монастыря церкви и монастырскихъ

келій и городовой и острожной стѣны и башенъ отъ того пожару отнять было, Государь, не мочно никоторыми дѣлы, потому что въ Архангельскомъ, Государь, городѣ Архангельскаго монастыря стояли двѣ церкви да монастырскія кельи и анбары, да хлѣбня да двѣ поварни, да Николо-Корельскаго монастыря на подворьѣ кельи-жъ и клѣти и анбары, и оттого, Государь, было въ Архангельскомъ городѣ великое утѣсненіе, да въ тѣ-же, Государь поры былъ вѣтръ великъ; а отняли Государь отъ того пожару мы, холопи твои, съ головами стрѣлецкими и съ сотники и съ стрѣльцами и съ пушкари и съ затинщики и съ посадскими и со всякими людьми въ Архангельскомъ городѣ твою Государеву казну, въ зелейномъ анбарѣ зелье и свинецъ и на городѣ нарядъ-пушки и затинныя пищали. И Архангельскаго, Государь, города городовую Вознесенскую наугольную башню и Воскресенскую проѣзжую и Сѣверную и Рождественскую наугольныя башни, и промежъ тѣхъ башенъ городовые и острожные стѣны и башни. Да отъ того-жъ, Государь, пожару за Архангельскимъ городомъ, выше города, загорѣлась, Государь, многажды церковь Боголѣпнаго Преображенія, да придѣлъ Николы Чудотворца, да колокольница; да въ жилецкихъ слободахъ земской дворъ. И ту, Государь, церковь и колокольницу и земской дворъ отъ пожару отстояли-же, да на другой, Государь, сторонѣ, ниже города, церкви Воскресенія Христова да Спаса Нерукотвореннаго образа, да въ придѣлѣ Пречистыя Богородицы Казанскія, да твоего, Государева, Ангела Михаила Малеина и Гостиные русской и барабанской и англійской дворы, и таможенную избу и твой, Государевъ, анбаръ, что былъ съ хлѣбными запасы и анбары-жъ и лавки торговыхъ людей, и Архангельскаго, Государь, города посадскихъ людей и стрѣлецкіе и пушкарскіе и всякіе жилецкіе дворы всѣ отъ пожару отняли-жъ; да вынесено, Государь, отъ пожару заморскихъ водокъ въ 3 бочкахъ ведеръ съ пять, что тѣ водки присланы были съ Вологды до рли (1630) году, и тѣ, Государь, водки въ то пожарное время изъ тѣхъ бочекъ выпили стрѣльцы, и тѣмъ стрѣльцамъ по сыску за то воровство было наказаніе и даны на поруки до твоего, Государь, указу... А которое, Государь, мѣсто Архангельскаго города городовой

и острожной стѣны и башни выгорѣло и разломано, и мы, холопи твои, Архангельскаго города и колмогорскимъ стрѣльцамъ и Архангельскаго города посадскимъ людямъ, изъ того-жъ лѣсу, который лѣсъ ломанъ и отъ пожару остался, велѣли для корабленаго приходу на время на томъ-же мѣстѣ поставить стоячій острогъ и землею велѣли обсыпать и башни и бои сдѣлать, и Архангельскаго городу голова и колмогорскіе стрѣльцы Васильева Приказу, Оничкова да Иванова Приказу и Архангельскаго, Государь, города жильцы стоячій острогъ поставили и землею осыпали и башни и бои сдѣлали до корабленаго приходу іюля по 18 число. И мы, холопи твои, на городѣ и на острогѣ по стѣнамъ и на башняхъ по мѣстамъ для корабленаго приходу нарядъ поставили, и съ головами, Государь, стрѣлецкими, сотниковъ съ стрѣльцами и пушкарей и затинщиковъ по городу и по острогу по мѣстамъ, гдѣ кому быть, роснисали, и стоять, Государь, имъ на городѣ и на острогѣ мы, холопи твои, велѣли въ день и въ ночь безпрестанно, а мы, холопи твои, надъ ними, Государь, въ городѣ и въ острогѣ смотримъ безпрестанно-жъ; а впередъ, Государь, Архангельскому монастырю и Николо-Корельскаго монастыря подворью въ Архангельскомъ городѣ для пожарнаго времени и утѣсненія Архангельскаго города быть нельзя, потому что — заключалъ свое донесеніе воевода — отъ того, Государь, Архангельскому городу утѣсненіе великое, а городовая, Государь, та-жъ стѣна и прежъ сего при воеводѣ при князѣ Григоріѣ Долгоруковѣ да при дьякѣ Путилѣ Григорьевѣ выгорѣла отъ Архангельскаго монастыря...» (⁸).

Въ виду такихъ резоновъ требовалось дѣйствительно удалить монастырь за черту посада. Но не странно-ли при этомъ, что въ неумѣстномъ нахожденіи пороховаго погреба, предмета болѣе опаснѣйшаго, воеводское донесеніе не усматривало никакой опасности? Игуменъ и братія въ своей челобитной къ Государю, облюбовали мѣсто «ниже церкви Успенія Богородицы, на дальнемъ бору, на горѣ Кузнечихѣ, у рѣчки Юроса, чтобы — писали они — быть ближе къ своей Соломбальской вот-

(8) Моск. арх. М. И. Д. Опись II. 1636 г. № 26, связ. 89.

чинѣ, всего въ полтретьи ($2^1/_2$) версты отъ города, гдѣ течетъ рѣчка Черная Курья, и гдѣ можно-бы построить мельницу» ([9]). Но по соображеніямъ воеводы Львова, монахамъ было указано другое мѣсто, какъ болѣе подходящее, выше города, въ *Нячерахъ*, гдѣ монастырь и нынѣ существуетъ; а на погорѣломъ монастырскомъ мѣстѣ тогда-же были построены двѣ церкви: Михаило-Архангельская и Покровская. Это было въ 1638 году. Но съ удаленіемъ изъ центра города монастырскихъ построекъ, и съ замѣною въ 1647 г. деревяннаго зелейнаго амбара *каменною палаткою* — первою, по времени, сего рода постройкою въ Архангельскѣ, съ рѣшетками и желѣзными затворами, со рвомъ и стоячимъ тыномъ ([10]), опасность отъ новыхъ пожаровъ ни мало не уменьшилась, не смотря на всю бдительность городской администраціи, что доказали пожары, начавшіеся съ 1664 года. Огонь истребилъ въ верхней половинѣ Архангельска древнюю Преображенскую церковь, всю стрѣлецкую слободу, торговыя лавки и большую часть посадскихъ домовъ; а въ 1667 г.—и нижнюю половиву города, съ его двумя неменѣе древними церквами Воскресенской и Пятницкой, съ гостиными дворами, таможнею, лавками и амбарами. Пока готовились приступить къ постройкѣ въ слѣдующемъ 1668 г. новыхъ гостиныхъ дворовъ, уже каменныхъ, пока подлѣ острожной стѣны ставили нѣмецкіе амбары, тѣмъ временемъ голландцы и гамбургцы, число дворовъ которыхъ возросло уже до 18, спѣшили было воспользоваться освободившимся мѣстомъ отъ сгорѣвшихъ двухъ церквей и поставили уже на церковныхъ мѣстахъ, какъ жаловался Царю воевода Нестеровъ, «гдѣ были олтари и самое кладбище 3 анбара большіе, изъ коихъ 2 на олтарномъ мѣстѣ церкви Параскевы, а позади амбаровъ, на кладбищѣ—отхожія мѣста» ([11]). Съ такою развязностью, нашедшіе себѣ осѣдлость въ Архангельскѣ иноземцы, поступали во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ увидимъ ниже.

Пожаръ, повторившійся осенью 1669 г., уничтожилъ весь

(9) Моск. арх. М. И. Д. 1637 г. Опись II, № 54, связ. 92.
(10) Дополн. къ Акт. Истор. Т. III, стр. 111.
(11) Моск. арх. М. И. Д. Опись IV, № 109, связ. 419.

деревянный острогъ, со всѣми помѣщавшимися въ немъ казенными домами, торговыми лавками и амбарами, хлѣбными житницами, также и всѣ нѣмецкіе амбары, стоявшіе подлѣ самой острожной стѣны. «Да у Архангельскаго, Государь, города, на башнѣ былъ вѣстовой колоколъ, вѣсомъ 13 пуд. 32½ ф., и тотъ колоколъ растопился—плакался воевода—а безъ вѣстоваго колокола, Государь, быть не мочно» ([12]).

Но забота была не въ этомъ. Оголенныя пожарами мѣста наглядно свидѣтельствовали, что Архангельскъ безъ крѣпости и гостиныхъ дворовъ былъ лишенъ уже своей торговой физіономіи, и сталъ болѣе похожъ на простую деревню. Требовалось все создать съизнова, хотя-бы на скорую руку, къ предстоящей въ 1670 г. городской ярмаркѣ. Отъ погрома уцѣлѣли только монастырь, Успенская и Воздвиженская церкви и иноземческая слобода. Чтобы не останавливать торговыя операціи, первою заботою было устройство временныхъ помѣщеній на случай пріѣзда въ ярмаркѣ иногородныхъ купцовъ и прочихъ торговыхъ людей, для чего на городовомъ порожнемъ мѣстѣ поставили 150 досчатыхъ амбаровъ четырехсаженной длины, и изъ нихъ 120 амбаровъ имѣли по одному жилью, и 30 амбаровъ — по четыре жилья въ каждомъ ([13]).

На мѣстѣ-же деревянныхъ гостиныхъ дворовъ приступили въ 1669 г. къ возведенію каменныхъ по чертежу, составленному въ Москвѣ иноземцемъ Петромъ Марселисомъ, который въ 1667 г. и прибылъ для этого въ Архангельскъ. Въ «памяти», данной въ Москвѣ Марселису, было между прочимъ сказано: «а онъ, Петръ, служа великому Государю, учинилъ радѣньемъ своимъ чертежъ, какъ у Архангельскаго города размѣръ и основаніе торговыхъ промысловъ, товарному складу и нѣмецкимъ пріѣзжимъ дворамъ, также и городу, и слободамъ стрѣлецкимъ, и всѣхъ жилецкихъ людей домомъ... какъ городовой крѣпости, такъ и гостинымъ и жилецкимъ дворамъ отъ всякаго противнаго припадку безопасно и осторожно устроеннымъ быти...» ([14]).

([12]) Тамъ-же.
([13]) Тамъ-же.
([14]) Доп. къ Акт. Истор: Т. V, стр. 284, и Т. VI, стр. 35.

Въ силу этой «памяти», Марселисъ, приступая къ грандіозной постройкѣ каменныхъ гостиныхъ дворовъ, проектировалъ и городской острогъ дѣлать каменнымъ-же, и приступить къ послѣдней работѣ уже по окончаніи первой, на что послѣдовало было и согласіе Царя Алексѣя Михаиловича, но воевода Нестеровъ, радѣя о казенномъ интересѣ, находилъ эту послѣднюю постройку излишнею роскошью, не отвѣчающею цѣли, и писалъ Царю, что на новомъ гостиномъ дворѣ по стѣнамъ и по угламъ надо-бы сдѣлать 7 башенъ, а поверхъ стѣнъ зубцы, тогда-бы эти 7 башенъ вполнѣ-де замѣнили самый острогъ, въ существованіи котораго нѣтъ-де и надобности, потому что прежнее «городовое» мѣсто отъ воздвигавшагося русскаго гостинаго двора находится въ разстояніи 20 саж., «а торговые, Государь, люди и иноземцы у Архангельскаго города въ ярмарку живутъ малое время, всего недѣли по четыре, а послѣ ярмарки всѣ разъѣзжаются по домамъ, и гостиные дворы будутъ оставаться пустыми»—заключалъ донесеніе воевода ([15]).

Однако эти соображенія Нестерова привели только къ тому, что каменнаго острога ставить не велѣно, а было приступлено къ постройкѣ деревяннаго на старомъ «городовомъ» мѣстѣ, который и окончили въ 1672 г. Стѣны имѣли 3 саж. высоты, а мѣрою въ окружности новый острогъ имѣлъ 395 саж. Надъ острожными стѣнами возвышалось 9 восьмиугольныхъ башенъ, изъ которыхъ у двухъ, Вознесенской и Архангельской, сдѣланы были проѣзжіе ворота; а внутри острога построили воеводскій домъ и съѣзжую избу ([16]). Къ этому-же времени возобновлены и погорѣвшія церкви. Между тѣмъ, постройка каменныхъ гостиныхъ дворовъ, на протяженіи около 600 саж. въ окружности, въ фигурѣ продолговатаго четыреугольника, производилась на двинской набережной въ близкомъ сосѣдствѣ новаго острога. На наемъ рабочихъ высылались ежегодно въ Архангельскъ деньги, положенныя съ тяглыхъ людей Вологды, Каргополя, Устюга Великаго, Соли-Вычегодской, Чаронды, Ваги, Вятки, Кевролы и Мезени, — всего до 5 т. руб. ([17]).

([15]) Тамъ-же

([16]) Тамъ-же.

([17]) Доп. къ Акт. Истор., Т. VI, стр. 38.

Известь обжигали въ Орлецѣ, и доставляли ее водою въ Архангельскъ, а кирпичъ дѣлали на мѣстѣ, въ Нячерахъ и въ Кузнечихѣ за прядильнымъ дворомъ, гдѣ для выдѣлки кирпича имѣлось 6 сараевъ, изготовлявшихъ ежегодно до 500 т. штукъ ([18]). Каменьщики въ числѣ 112 ч. были высланы изъ Ярославля, Ростова, Переяславля Залѣсскаго, Вологды, Бѣлоозера, Соли-Галича и Костромы ([19]). Вся стоимость постройки гостиныхъ дворовъ составляла, по цѣнѣ тогдашняго времени, сумму въ 40,078 р. ([20]). Постройка была окончена какъ разъ ко времени годовщины перваго столѣтія существованія Архангельска, въ 1684 г. и представляла любопытный образецъ стариннаго зодчества. Стѣны, имѣвшія два этажа, дѣлили внутренность всего строенія на три части, увѣнчанныя каждая двумя башнями, изъ которыхъ четыре круглыя возвышались по угламъ зданія, а двѣ, противоположныя одна другой—надъ промежуточными стѣнами, смотрѣвшими на востокъ и на западъ. Средняя часть зданія носила названіе «каменнаго города» и имѣла, со стороны набережной, надъ проѣзжими воротами, отличительную по величинѣ башню (роскатъ), на вершинѣ которой былъ утвержденъ двуглавый орелъ, почему и самая башня называлась Орловской. Кромѣ главныхъ проѣзжихъ воротъ, въ каменномъ городѣ имѣлось еще трое воротъ, изъ которыхъ восточныя вели въ слободы, а сѣверныя и южныя въ соотвѣтствующія сему остальныя части зданія, называвшіяся: Русскимъ гостинымъ дворомъ (южная часть) и Нѣмецкимъ гостинымъ дворомъ (сѣверная часть). Каждый изъ этихъ дворовъ, со стороны набережной, имѣлъ свои проѣзжія ворота. Оба этажа дворовъ предназначались подъ склады купеческихъ товаровъ, и имѣли еще отдѣльныя кладовыя, или палаты. Въ западной (лицевой) части Нѣмецкаго гостинаго двора помѣщалась таможня; у восточныхъ проѣзжихъ воротъ «каменнаго города» въ самомъ зданіи—приказная палата и поварни рус-

---

(18) Тамъ-же, стр. 40.
(19) Тамъ-же, стр. 36.
(20) Арх. Губ. В., 1844 г., № 16.

скія и нѣмецкія, а во дворахъ всего зданія—деревянные купеческіе амбары и важни ([21]).

Такъ какъ послѣ сооруженія такого капитальнѣйшаго зданія, никакихъ болѣе замѣчательныхъ построекъ не возводилось въ Архангельскѣ въ концѣ того-же XVII в., то чтобы окинуть взглядомъ общую панораму города за такое отдаленное отъ насъ время, воспользуемся съ благодарностью помѣщенными нынѣ Археологическимъ Институтомъ въ одномъ изъ своихъ изданій рисункомъ стариннаго Архангельска, который, по нашимъ соображеніямъ, относится именно къ 1694 году, и планомъ Гостиныхъ дворовъ, сохранившихся случайно при архивныхъ дѣлахъ Пушкарскаго Приказа. Изъ этихъ драгоцѣнныхъ для исторіи находокъ видимъ, что противъ каменныхъ гостиныхъ дворовъ имѣлись тогда три деревянные моста, служившіе пристанями для склада товаровъ: *Англійскій*, *Голландскій* и *Русскій*. Первый былъ противъ сѣверо-западной стѣны Нѣмецкаго двора, вблизи угловой башни; второй—противъ самой таможни, и третій—противъ воротъ Русскаго двора. По укрѣпленному обрубомъ берегу, начиная отъ голландскаго моста и кончая угломъ Русскаго двора, сплошнымъ рядомъ тянулись деревянныя «кожевенныя» лавки и нѣмецкіе амбары, а между послѣдними, по величинѣ, выдѣлялся такъ называвшійся гостиный амбаръ, или «гостины хоромы», гдѣ англичане и голландцы, по данной издавна имъ привиллегіи, складывали свои товары, отдѣльно отъ прочихъ.

Между стѣнами Русскаго двора и острога, въ узкомъ промежуткѣ, шли четыре ряда торговыхъ же лавокъ, между которыми преобладали «мясные ряды». Тутъ же стояли и богадѣльня и кабакъ, или «кабацкая изба». Послѣ этого тотчасъ же начинался острогъ съ башнями, названный на рисункѣ «деревяннымъ годородомъ». Число башенъ показано всего 5. Отъ *Архангельской* проѣзжей башни начиналась дорога, ведшая вдоль двинской набережной къ Михаило-Архангельскому монастырю, на разстояніи 2 верстъ. По лѣвую сторону до

([21]) Сборн. Археолог. Института. 1880 г., книга IV. См. планъ гостиныхъ дворовъ и рисунокъ Архангельска.

роги, близко у берега, имѣлись двѣ деревянныя церкви о пяти главахъ каждая: Соборная Преображенская (съ 1683 г.) и Михаило-Архангельская, а за церквами начинались слободы, по-за-которыхъ «на мху» виднѣлись двѣ вѣтряныя мельницы. По другую же сторону монастырской дороги, уже у самаго берега, видимъ «архіерейскій домъ» (сущ. съ 1687 г.), церковныя лавки и стрѣлецкую съѣзжую избу.

Нижней же половины Архангельска нѣтъ на рисункѣ, но мы знаемъ по переписной книгѣ стольника Фонвизина 1678 г., что тамъ имѣлись тогда двѣ церкви: Пятницкая и Успенская, много лавокъ и амбаровъ и иноземческая слобода.

Перепись Фонвизина показала, что число посадскихъ дворовъ того времени въ Архангельскѣ было всего 120, тогда какъ по окладному списку мірской избы 1638 г. число посадскихъ дворовъ было 172 ([22]). Конечно, частые и большіе пожары, въ данномъ случаѣ, играли значительную роль. Но замѣчательно, что съ умаленіемъ обстройки посада, росла иноземческая слобода, число дворовъ которой, по переписи Фонвизина, имѣлось уже 24, и между ними находился домъ нѣмецкаго пастора. Послѣднее указаніе наводитъ на догадку о существованіи въ иноземческой слободѣ Евангелической церкви. По другимъ же свѣдѣніямъ видимъ, что съ 1666 г. первою по времени была построена въ Архангельскѣ иноземцами Лютеранская, а позже и Реформатская церкви ([23]). Въ путешествіи голландскаго живописца Корнилія-де-Брюина, видѣвшаго Архангельскъ въ 1701 г., подтверждается существованіе въ это время означенныхъ двухъ церквей, названныхъ имъ кирками ([24]).

Познакомившись съ первоначальною обстройкою Архангельска, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію экономическихъ усло-

---

(22) *Крестининъ*. Исторія Арх. стр. 100.
Моск. арх. М. Юст. № 15,051, переписная книга № 4, 1678 года.

(23) Сѣверный архивъ, 1825 г., № 16.

(24) Чт. въ Общ. Ист. и Древн., 1872 г., Т. I, стр. 24—26. Челищевъ въ своемъ путешествіи по сѣверу Россіи въ 1791 г., относительно времени постройки въ Архангельскѣ протестантскихъ церквей утверждаетъ, что онѣ явились послѣ 1676 г., но прежде 1692 г. (стр. 87).

вій, сопровождавшихъ жизнь посадскаго человѣка, и имѣвшихъ, конечно, существенное вліяніе на количественное отношеніе городскаго населенія.

Глава VI.

Воеводское управленіе двинскимъ краемъ. — Населеніе Архангельска. — Безвыходное положеніе посадскихъ. — Челобитныя.

Очень много городовъ на русской землѣ возникли не въ силу экономическихъ потребностей, а по соображеніямъ государственнымъ. Города возникали у насъ или въ интересѣ защиты извѣстной мѣстности отъ набѣговъ сосѣдей, или въ интересѣ торговомъ, обѣщавшемъ правительству новый источникъ обогащенія государственной казны, или же по исключительно-политическимъ причинамъ. Въ до-Петровское время такіе города строились по извѣстному шаблону: на указанномъ Царемъ мѣстѣ ставился обыкновенно прежде всего *городокъ* или острогъ, который и вооружался средствами защиты по тогдашней системѣ крѣпостныхъ построекъ. Снабжался онъ, въ качествѣ гарнизона, ратными людьми; имъ отводилось подлѣ острога мѣсто подъ постройку жилыхъ избъ. Чтобы на избранномъ мѣстѣ водворить осѣдлый трудъ и гражданское общество, приписывались къ новому городу тяглые крестьяне окрестныхъ волостей, селъ и деревень. Оторванные невольно отъ обычныхъ сельскихъ занятій, эти новые поселенцы ставили свои дворы тоже внѣ острога, отдѣльной общиной, образуя посадъ, и становясь, такимъ образомъ, гражданами ново-учрежденнаго города. Такъ, говоримъ, большею частію, возникали у насъ города. По такому же точно шаблону построился и Архангельскъ. Гарнизономъ новому городу послужили 200 ч. стрѣльцовъ изъ пребывавшаго въ Холмогорахъ полка со времени начала нашей заграничной торговли, какъ охранительная сила правительства при сношеніяхъ съ иноземцами. Что въ Холмогорахъ былъ тогда стрѣлецкій полкъ, переселявшійся притомъ ежегодно на лѣтнее время въ новый городъ, видимъ изъ челобитной стрѣльцовъ (500 челов.), поданной изъ Архангельска Царю Михаилу Ѳедоровичу, въ

которой они жаловались, что «въ ихъ домы нынѣ стали ставить посадскихъ людей, чего со времени основанія города не было» (1). Переведенные для защиты острога 200 ч. стрѣльцовъ и были первыми поселенцами Архангельска, названнаго при учрежденіи *Ново-Холмогорскимъ городомъ*. За построеніемъ Архангельска было учреждено на Двинѣ воеводское управленіе, какъ болѣе отвѣчавшее представительности Московскаго государства въ глазахъ иностранцевъ, нежели земскіе головы. Воевода князь Василій Андреевичъ Звенигородской озаботился въ 1587 г. переводомъ къ новому городу 133 чел. тяглыхъ крестьянъ изъ обѣихъ половинъ Двинскаго уѣзда, и водвореніемъ ихъ въ качествѣ гражданъ Архангельска, которые съ стрѣльцами и составили ядро городскаго населенія. Новымъ переведенцамъ, для прочнаго ихъ устройства въ хозяйственномъ отношеніи, была дана Государевою грамотою пятилѣтняя льгота, въ теченіи которой они освобождались отъ платежа податей. При занятіяхъ торговлею, грамота строго имъ предписывала чтобы «корчемнаго питья и блядни и пріѣзду лихимъ людемъ у себя не держати, и никакимъ воровствомъ не воровати, а съ Нѣмцы съ пріѣзжими не дружити и товаровъ у нихъ заморскихъ на встрѣче и у города таемъ не покупати...» (2).

Этою грамотою, въ которой такъ категорически предписывалось посадскому человѣку не дружить съ нѣмцами, отводилась, во первыхъ, роль отчужденія и замкнутости въ его домашнемъ, внутреннемъ быту, а во вторыхъ—самая узкая дѣятельность въ промышленномъ отношеніи—мелочная торговля, и къ тому же торговля рядомъ съ мелочною же лавкою служилаго человѣка, соперничать съ которымъ тяглому посадскому было далеко не подъ силу, потому что служилый человѣкъ освобождался и отъ тягла и отъ платежа многихъ повинностей, тогда какъ на тягломъ повинностей лежала, сравнительно, цѣлая масса.

По узаконенному порядку, городское общество должно было

(1) Москов. арх. М. И. Д. Опись II, № 67, связ. 40.

(2) *Крестининъ*, Исторія о городѣ Арханг., стр. 164 и 165.

ежегодно платить въ казну извѣстный оброкъ «по животомъ и по промысломъ», не смотря на количество убылыхъ изъ посада; участвовать въ казенныхъ постройкахъ послѣ каждаго въ городѣ пожара; нести городскія службы, какъ по охраненію города отъ пожарныхъ случаевъ, такъ и по общественнымъ выборамъ въ должности цѣловальниковъ таможенныхъ, соляныхъ, кабацкихъ, ларечныхъ и иныхъ,—выборамъ, происходившимъ въ мірской избѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ мірской староста, и гдѣ сосредоточивались всѣ сборы податей и хранилась казна. Прибавьте къ этому стѣсненное положеніе самой торговли при существованіи сложныхъ пошлинъ, бременемъ ложившихся на торговца при первой попыткѣ выѣхать за жизненными припасами или съ припасами за городскую черту, и будетъ тогда понятно все тягостное положеніе архангелогородцевъ, осужденныхъ не видѣть себѣ просвѣта въ гражданской жизни еще на много и много лѣтъ. Да и пришлый элементъ, селившійся въ Архангельскѣ, еще болѣе усугублялъ горечь посадскаго человѣка, потому что самоуправными поступками этотъ элементъ окончательно наносилъ ущербъ даже мелкой городской промышленности и торговлѣ, не давая коренному населенію и помыслить о болѣе выгодныхъ какихъ либо торговыхъ дѣлахъ. Что же тогда оставалось дѣлать посадскимъ, какъ не пользоваться единственнымъ дозволеннымъ законами выходомъ—жаловаться непосредственно самому Царю на чинимыя самоуправства, которымъ воеводы съ своими подручными видимо потворствовали? И они широко пользовались этимъ правомъ, посылая въ Москву челобитныя за челобитными. Такъ какъ въ нихъ наглядно рисуется вся безвыходность положенія посада въ экономическомъ смыслѣ, то обойти эти челобитныя молчаніемъ невозможно.

Въ 1670 г. посадъ, въ лицѣ сотскаго Семена Бармина, приноситъ жалобу на Кевролъцевъ, Мезенцевъ, Пинежанъ и на всѣхъ низовыхъ крестьянъ и на стрѣльцовъ архангельскихъ, промышлявшихъ лодьями, досчаниками и павозками, что Мезенцы, Кевролъцы и Пинежане дворы свои поставили на городской тяглой землѣ; что прочіе волостные крестьяне пріѣзжаютъ-де къ Архангельску съ мелочными товарами и лѣсомъ,

и продаютъ-де товары и лѣсъ порознь, а не оптомъ; что верховыхъ волостей крестьяне приплавный лѣсъ проводятъ тайно, «будто по записямъ доставляютъ»; а иные пріѣзжаютъ съ рыбою и мясомъ и продаютъ врознь, ставя лавки рядомъ съ городскими на торговомъ берегу, а иные торгуютъ-де съ нашими посадскими въ товарищахъ, и этими торгами и выставочными дворами отбиваютъ хлѣбъ у лавочниковъ, а сами ни податей-де городскихъ, ни службъ не несутъ. «Вели, Государь, имъ—заключала челобитная—продавать оптомъ нашимъ посадскимъ тяглымъ людемъ, чтобъ намъ сиротамъ твоимъ достальнымъ людишкамъ безъ промысловъ въ конецъ не погинуть и врознь не разбрестись» (3).

Такъ тѣснили своя. Посмотримъ, какъ уживался посадъ съ иноземцами.

«Жалоба, Государь, намъ на торговыхъ иноземцовъ—писалъ посадъ въ 1664 г.—живутъ они иноземцы у Архангельскаго города съ нами сироты твоими посадскими людишками въ рядъ, и поставились они иноземцы своими выставочными дворами на наши на тяглыя мѣста... и тѣми своими дворами они иноземцы тѣхъ земель (Голландцы, Гамбурцы и Бременцы) нашу искони вѣчную мирскую дорогу заперли, и скотишку нашему на мирскую искони вѣчную дорогу отъ ихъ дворовъ учинился запоръ и проходу скотишку нашему нѣтъ, и намъ сиротамъ твоимъ для дороги проходу нѣтъ, и прохожій мостъ они разломали и разбросали... А дворы, Государь, они иноземцы поставили съ анбарами и съ погребами и съ выносными поварнями, мѣрою подъ дворомъ по сороку саженъ и больше. Да съ нами-жъ, Государь, сироты твоими поставился въ рядъ иноземецъ Яковъ Романовъ Снинъ возлѣ наши мясныя лавки двумя анбары, да иноземецъ Вахрамей Ивановъ поставилъ за мясными нашими лавками поварню съ рѣчную сторону для ради топленья говяжьяго сала и кожнаго сушенія; и тѣмъ они иноземцы Яковъ да Вахрамей наши мясныя лавки заперли. А отъ Вахрамѣевой поварни намъ сиротамъ твоимъ со скотишкомъ къ мяснымъ лавкамъ проѣзду и проходу не стало,

(3) Москов. арх. М. И. Д. Опись IV, № 185, связ 422.

и тѣмъ запоръ учинили. И тѣхъ, Государь, земель они иноземцы выставочные свои дворы и анбары и погребы и поварни отдаютъ въ кортому своей братьи торговымъ иноземцамъ, и тѣмъ они иноземцы корыстуютца, а мы, Государь, сироты твои бѣдные людишки отъ тѣхъ выставочныхъ дворовъ и анбаровъ и погребовъ и поваренъ въ конецъ погибли, обнищали и обдолжали великими долги... Да онижъ иноземцы разъѣзжаютъ по волостямъ и покупаютъ у волостныхъ крестьянъ скотъ и рыбу и всякій харчь, и тѣмъ они иноземцы покупкою своею насъ сиротъ твоихъ изгоняютъ, а твою Великаго Государя тѣмъ отъѣзжими торги съ волостными крестьяна они иноземцы пошлину обводятъ, и пошлины не платятъ, а у насъ сиротъ твоихъ не покупаютъ. *А у насъ, Государь, сиротъ твоихъ никакихъ большихъ торговъ нѣтъ, опроче мяса и рыбы и всякаго харчу*, и отъ того мы сироты твои отъ нихъ иноземцовъ въ конецъ погибли...» (4). Въ новой челобитной, спустя 4 года, и по тому же поводу, «бѣдные, разоренные и погорѣлые архангельскаго города посадскіе», жаловались, что выстроенные иноземцами на тяглой землѣ дворы, «они иноземцы отдаютъ на откупъ своимъ же за немалую сумму, *а прежде выставочные дворы иноземцы брали на оброкъ, равно и сараи и анбары у посадскихъ людей*, чѣмъ-де послѣдніе и кормились и платили подати и несли всякія службы. Иноземцы же ни податей не платятъ, ни службы не несутъ» (5).

Въ результатѣ этихъ жалобъ получилось то, что велѣно поставленные на тяглой землѣ дворы иноземцевъ снести, а впредь имъ строиться въ своей иноземческой слободѣ, или же платить тягло въ міръ. Такое печальное экономическое положеніе посадскихъ совершенно оправдываетъ ихъ рѣшимость «разбрестись врознь». И они дѣйствительно бросали свои дворишки и разбродились, предоставляя на долю остававшихся платить за нихъ оброкъ. Такъ, изъ 133 ч. поселенныхъ въ Архангельскѣ въ 1587 г., вскорѣ же разбрѣлось и умерло

---

(4) *Крестининъ*. Исторія о городѣ Арх. Стр. 176—178.
(5) Москов. арх. М. И. Д. Опись IV, № 185, связ. 422.

до 40 семей, и къ 1606 г., т. е. спустя 19 лѣтъ, на посадѣ оставалось изъ прежнихъ переведенцевъ уже только 30 ч. ([6]).

Одною изъ неменѣе существенныхъ причинъ такой разительной убыли было то, что по отношенію платежа земскихъ податей и исполненія многоразличныхъ службъ, архангельцы не составляли въ началѣ отдѣльной общины, но были приписаны по своей малочисленности къ Холмогорамъ, почему и участвовали въ казенныхъ постройкахъ не только своего города, но еще и въ сосѣднемъ посадѣ. Эта-то зависимость, участіе въ холмогорскихъ *разрубахъ*, въ связи съ другими вышесказанными причинами, и служила архангельцамъ поводомъ «избыванія податей», бѣгству изъ города.

Чтобы положить такому ненормальному порядку законный предѣлъ, правительство вняло, наконецъ, жалобамъ посадскихъ и грамотою 1613 года отдѣлило архангельскій посадъ отъ холмогорскаго, по отношенію разрубовъ, податныхъ сборовъ и натуральной повинности, и указало водворить всѣхъ бѣжавшихъ изъ города снова въ черту городскую, «а которые померли, и въ тѣхъ мѣсто приводить дѣтей ихъ и братью».

Тою-же грамотою велѣно зачислить въ Архангельскій посадъ и тѣхъ иногородныхъ крестьянъ (до 80 ч.), которые жили безъ тягла на городской землѣ, предоставляя при этомъ посаду право ежегоднаго выбора изъ своей среды лучшихъ людей «земскихъ судеекъ», для сбора въ казну денежныхъ доходовъ и для болѣе справедливаго распредѣленія различныхъ городскихъ службъ ([7]).. Но и эти мѣропріятія не уменьшили зла, продолжавшаго угнетать посадъ, по милости потворства воеводъ самоуправству сильной стороны; побѣги продолжались. Вельяминовская опись показываетъ, что къ 1624 году посадскихъ въ Архангельскѣ было 170 ч., а перепись Фонвизина 1678 г. свидѣтельствуетъ, что число посадскихъ состояло изъ 223 ч., слѣдовательно за столѣтнее существованіе Архангельска (считая время поселенія посадскихъ съ 1587 г.) цифра коренныхъ его обитателей не увеличилась даже и вдвое,—фактъ,

---

([6]) *Крестининъ*. Стр. 169.
([7]) Тамъ-же. Стр. 98, 170—175.

доказывающій ненормальность тѣхъ жизненныхъ условій, въ которыхъ находился посадскій человѣкъ того времени.

Каждый опустошительный городской пожаръ влекъ за собою недочетъ въ коренныхъ жителяхъ. Часть ихъ, лишенная крова и имущества, убѣгала и скрывалась гдѣ либо на сторонѣ въ окрестныхъ селеніяхъ. Къ тому-же и продолжавшаяся упорно до конца XVII в. тяжба холмогорцевъ по привлеченію архангельскихъ посадскихъ къ своимъ разрубамъ и службамъ, служила не малымъ поводомъ для послѣднихъ къ побѣгу изъ города.

Достаточно перечислить годы 1631, 1670, 1681, 1687 и 1693, въ которые всякій разъ подтверждалась независимость архангельскаго посада отъ холмогорскаго, чтобы судить о великости тяжбы, длившейся съ обѣихъ сторонъ по вопросамъ о первенствѣ и самостоятельности посадовъ. Эти вопросы были дѣйствительно важными, какъ борьба за существованіе.

Возрастаніе торговаго Архангельска, находившагося въ болѣе выгодныхъ естественныхъ условіяхъ для своего роста, нежели Холмогоры, грозило послѣднему лишиться навсегда своего вѣковаго значенія, какъ торговаго на Двинѣ пункта, и снизойти на степень низшую, сулившую неизбѣжное разореніе—отсюда относительная справедливость доводовъ въ дошедшей до насъ послѣдней челобитной, которые не могли не быть выслушаны тогдашнимъ правительствомъ, хотя доводы и противной стороны отличались не меньшею убѣдительностью. Но очевидно, что тяжба двухъ городовъ велась по всѣмъ правиламъ судейской практики, и холмогорскіе ходатаи не напрасно проживали въ Москвѣ... Мы располагаемъ нынѣ счастливою возможностью выслушать безпристрастно и противную сторону, имѣя въ рукахъ челобитную архангельскаго посада, извлеченную нами изъ дѣлъ посольскаго приказа.

Холмогорцы въ своей челобитной указывали на зажиточность архангельцевъ, богатѣвшихъ яко-бы отъ заграничной торговли ([8]). Но вотъ что писали архангельцы, и съ чѣмъ трудно не согласиться. «Нынѣ, Государь, они колмогорцы

([8]) *Крестининъ*. Стр. 184—197.

пишутъ въ челобитье своемъ, будто приведено было къ Архангельскому городу въ посадъ и поселено только двадцать семей, и отъ нихъ съ Колмогоръ и изъ Двинскаго уѣзда будто многіе люди сошли и построились у города Архангельскаго многими слободами, и то ихъ затѣйное неправое челобитье свидѣтельствуютъ переписныя книги, какъ былъ переписчикъ по указу брата твоего государева блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Θеодора Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и въ тѣхъ переписныхъ книгахъ написано: у города Архангельскаго посадскихъ людей сто двадцать дворишковъ, да шесть вдовьихъ, и въ томъ числѣ промышленныхъ и торговыхъ людишекъ, у насъ сиротъ твоихъ самое малое число, а вотчинъ никакихъ и пахотныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ и рыбныхъ ловель и морскихъ и мурманскихъ промысловъ и соляныхъ варницъ и водяныхъ мельницъ никакихъ ни у кого нѣтъ, *потому что Архангельскій городъ стоитъ въ самомъ болотномъ безпашенномъ мѣстѣ, ни единыя волости и деревни къ тому городу не приписаны, только одни дворишки наши, что у города на посадѣ*; а у нихъ, Государь, у Колмогорцевъ посадскихъ и уѣздныхъ людей многіе заводы и промыслы содержатъ за собою, соляныя варницы и промышленные многіе заводы и водяные мельницы и пильныя мельницы и лодьи извозныя и промышленныя, крытые карбасы и мурманскіе морскіе многіе промыслы и всякія рыбныя ловли, гдѣ промышляютъ красную и бѣлую рыбу; и у города Архангельскаго построены у нихъ многія лавки и анбары и сальные дворы, сами сидятъ и тѣ свои лавки и промышленные сальные дворы и анбары намъ отдаютъ изъ большія корысти и иногороднымъ многимъ людемъ, и оттого собираютъ себѣ великіе пожитки, и пахотными землями и сѣнными покосы и лугами у нихъ довольно, а намъ ни въ чемъ не помогаютъ и на Колмогорахъ у насъ лавокъ и анбаровъ никакихъ промысловъ нѣтъ, и построить намъ лавокъ и анбаровъ не даютъ и сидѣть съ собою въ лавкахъ не велятъ; а тебѣ великому Государю бьютъ челомъ, будто мы сироты твои во льготѣ и будто никакихъ службъ у насъ нѣтъ, а мы сироты твои у города Архангельскаго своему городу твои

Государевы службы служимъ и тягло и дворовые и десятую деньгу въ твою великаго государя казну платимъ собою и къ Москвѣ отвозимъ сами; *да у насъ же сиротъ твоихъ какъ пріѣзжаютъ весною къ Архангельскому городу по два полка стрѣльцевъ, и ихъ ставятъ на нашихъ сиротъ твоихъ посадскихъ и на стрѣлецкихъ дворишкахъ съ женками и дѣтьми, избы и бани топятъ нашими дровами, также и гостиные товарищи и выборные цѣловальники и купчины и головы и сотники стрѣлецкіе и приказные и всякихъ чиновъ люди по вся годы живутъ до осени. По твоему великаго государя указу и по приказу начальныхъ людей стоятъ на нашихъ посадскихъ дворехъ безъ постоялово, и оттого въ домишкахъ намъ чинится великое утѣсненіе, а въ промыслишкахъ нашихъ всегда чинится помѣшка*... да у нихъ-же въ челобитье написано, будто ярмонки учали быть поздныя, и за тѣми поздными ярмонками они колмогорцы у города не промышляютъ, и они Государь Колмогорцы и Двиняне пріѣзжаютъ къ городу своему и живутъ до зимнія дороги всякими мелочными и хлѣбными и харчевыми и иными всякими промыслы промышляютъ и въ лавкахъ сидятъ, а на зимнее и вешнее время къ нимъ пріѣзжаютъ на Колмогоры Мезенцы и Кеврольцы и Важане и Каргопольцы и Устюжане съ торговыми своими промыслами, и торги у нихъ бываютъ многіе, и торгуютъ съ ними-жъ Колмогорцы, а у насъ государь у города Архангельскаго въ зимнее время пріѣзду и торговъ и промысловъ никакихъ не бываетъ. Да у нихъ въ челобитье написано: которые-де корабли у города зазимовали, и намъ будто чинятца прибытки великіе, а тѣ Государь корабли зазимовали не подъ городомъ, подъ деревнею Соломбалою и отведены въ рѣчку въ Повракулку и въ Новую Двинку ихъ-же Двинскаго уѣзда, и выгружали и возили на своихъ лошадяхъ и всякую работу работали они двиняне низовскихъ волостей, а у тѣхъ зимовалыхъ кораблей избы въ наймы отдаютъ иноземцамъ изъ большаго найму, и имали себѣ рублевъ по десяти и по пятнадцати и больше отъ избъ они-жъ Двиняне, да и въ прежнихъ Государь годѣхъ у насъ подъ городомъ никогда въ зимованье корабли не стаивали, зимуютъ въ ихъ же Двинскомъ уѣздѣ и

оттого корыстуютца ихъ же двинскіе промышленники, а съ товары Государь и съ харчевыми промыслами пріѣзжаютъ непрестанно они-жъ Колмогорцы, и продаютъ иноземцамъ всякіе товары и харчи и припасы и дрова... А они Колмогорцы тѣмъ своимъ ложнымъ челобитьемъ чинятъ намъ сиротамъ твоимъ убытки великіе и разореніе, и отъ того напраснаго и затѣйнаго ихъ многаго челобитья горожане многіе люди, видя такое отъ нихъ себѣ разореніе разбрелись и нынѣ бредутъ врознь, потому что отъ города Архангельскаго Колмогоры въ пятидесяти верстахъ, и къ нимъ на Колмогоры и въ земскую избу для всякихъ мірскихъ дѣлъ ходить намъ сиротамъ твоимъ невозможно, потому что ни въ которыхъ городѣхъ такого образца нѣтъ и не бывало, которые городы въ самыхъ близкихъ разстояніяхъ, и тѣхъ городовъ жители всякій въ своемъ городѣ службы служатъ и тягло платятъ сами, и они Колмогорцы люди промышленные, надѣясь на свое богатство хотя насъ къ себѣ притянуть во всякія службы своею мочью...» (⁹). Однако Ѳемида склонила вѣсы правосудія на сторону холмогорцевъ, и тяжба окончилась въ пользу послѣднихъ. Но одинъ ли посадъ Архангельскій страдалъ, въ данномъ случаѣ, отъ уродливости своего экономическаго положенія? Нѣтъ, не красна была жизнь и всѣхъ тогдашнихъ двинянъ, населявшихъ посады и черносошныя села, не красна потому, что существовало общинное устройство, *тягло*, въ силу котораго всѣ безчисленныя повинности натуральныя и денежныя взыскивались не съ отдѣльнаго лица, а со всей общины. Такъ напр. изъ двинскихъ челобитенъ видимъ, что натуральной повинности подлежалъ весь Двинской уѣздъ до Мезени включительно, когда при частыхъ пожарахъ Архангельска требовалось возводить вновь городовыя стѣны, и что въ помощь двинянамъ къ подобной повинности привлекались иногда Тотьма, Каргополь, Устюгъ, Вятка и Соль-Вычегодскіе посады и уѣзды (¹⁰). Въ тѣхъ-же челобитныхъ читаемъ, что *винная доставка* въ Кольскій острогъ, требовавшаяся ежегодно въ

(⁹) Москов. арх. М. И. Д. 1696 г. марта 17. Опись. VIII, связ. 634.
(¹⁰) Москов. арх. М. И. Д. 1636 г. Опись № 2, дѣло № 26, связ. 89.

количествѣ 2 т. ведръ, заставляла двинянъ нанимать подъ то вино 2 или 3 лодьи, и что вся доставка становилась имъ каждый разъ не менѣе, какъ въ 300 руб. «Да они-жъ Двиняне—читаемъ въ ихъ челобитныхъ—обязывались ставить къ Архангельску на стрѣльцовъ хлѣбъ на сумму 2 т. р.».

«Да они-жъ промышляютъ кречетовъ и отвозятъ къ Москвѣ, а ставится имъ тотъ кречетный промыселъ съ кормомъ и съ наймы въ 700 р.».

«Да они-жъ, Двиняне, отпускаютъ хлѣбные запасы въ Кольскій острогъ, а подъ тѣ запасы и подъ стрѣльцовъ нанимаютъ по 12 лодей, и всего расходу на эту хлѣбную доставку у нихъ бывало по 1000 руб.».

«Да они-жъ отпускаютъ отъ Архангельска по Двинѣ вверхъ и съ верху въ низъ пословъ и посланниковъ и всякихъ гонцовъ и Государево вино и пряныя зелья и узорочные товары и денежную и ефимочную казну возятъ, и подводы иноземцамъ выставляютъ отъ Архангельска къ Москвѣ. И на морскихъ устьяхъ для карауловъ, подъ сотниковъ стрѣлецкихъ, и подъ стрѣльцовъ ставятъ карбаса, а въ Березовомъ устьѣ для корабленаго прихода ставятъ барки и канаты покупаютъ, и всего расходу несутъ они въ годъ по 4 т. руб., кромѣ податей» ([11]). Послѣ этого можно судить, красна ли была жизнь тяглаго человѣка вообще въ описываемое нами время.

При началѣ Архангельска, сошная подать съ 133 ч. взыскивалась въ размѣрѣ 13 р. 80$^3/_4$ к.; въ 1610 году, количество казенной подати, при уменьшившемся населеніи, возрасло до 24 руб. а съ 1622 г. и до конца XVII в.—уже 40 р.,—и это тогда, когда посадское населеніе, относительно числа первыхъ переведенцевъ, не возрасло даже вдвое за цѣлое столѣтіе ([12]).

([11]) Тамъ-же.

([12]) *Крестининъ.* Исторія города Арх. Стр. 97—99.

Москов. арх. М. И. Д. Окладныя книги, веденныя по Архангельскому городу и Холмогорскимъ посадамъ 1647 — 1680 г., изъ которыхъ видимъ, что за это время подать съ Холмогоръ взималась въ слѣдующемъ количествѣ:

Ясно, что тогдашнее правительство, вмѣсто исправленія экономическихъ погрѣшностей введеніемъ болѣе легкихъ налоговъ, для удержанія посадскихъ въ чертѣ ихъ осѣдлости, прибѣгало къ способу діаметрально противоположному, т. е. заставляло ихъ силою жить и мириться съ тяжкими условіями, взыскивая съ присутствующихъ за отсутствующихъ, и предоставляя ненасытной алчности приказнымъ и другимъ власть имѣющимъ лицамъ жать посадскаго всѣми добровольными и недобровольными сборами и поборами. За приказными одно время жали посадскаго и откупщики, захватившіе въ свои руки такія отрасли промышленности, какъ напр. въ 1621 г. въ Архангельскѣ сусло и квасъ ([13]).

Въ какой силѣ сталъ было развиваться откупъ въ городахъ того времени, всего лучше видимъ изъ грамоты 1639 г., гдѣ сказано: «вѣдомо учинилось, въ городахъ, приписанныхъ къ Приказу Новгородской чети (слѣдовательно, и въ Архангельскѣ), въ недавнее время взяты на откупъ квасъ, сусло, брага, ботвинья, хмѣльное и сѣнное трушенье, мыльное рѣзанье, овесъ, деготь и др. мелкіе промыслы... въ прежнее время такіе мелкіе промыслы никогда въ откупу ни за кѣмъ не бывали, а теперь отъ нихъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди оскудѣли, и государь указалъ, всѣ эти новоприбылые откупа въ городахъ отставить» ([14]). Историческіе документы свидѣтельствуютъ, что не только приказные, но и высшая администрація Архангельска, въ лицѣ городничаго, вмѣсто отправленія полицейскихъ по городу обязанностей, тѣснила мѣстную торговлю такъ, что по словамъ челобитной, исправлявшій должность городничаго осадный голова, стольникъ Никифоръ Лазовскій, «въ торговое ярмарочное время лавки и анбары печаталъ безвинно, для своей корысти» ([15]).

Съ Курцовскаго посада	18 р.	19 алт.	3 д.
Глинскаго	44 —	» —	3 д.
Съ Верхней половины въ Никольск. концѣ	18 —	21 —	»
Съ Нижней въ Ивановскомъ	73 —	18 —	4
Всего. .	154 р.	29 алт.	4 д.

([13]) Москов. арх. М. И. Д. 1621 г. Опись 1, № 9, связ. 9.

([14]) *Соловьевъ*. Исторія Россіи, Т. IX, стр. 412.

([15]) Москов. арх. М. И. Д. Опись VIII. 1700 г. связ. 691.

Вотъ при какихъ жалкихъ условіяхъ суждено было прозябать Архангельскому посаду, осаждавшемуся, съ одной стороны, иноземцами, съ другой — иногородными торговцами, а съ остальныхъ сторонъ самою администраціею, и ея низшими служителями. Наши посадскіе были подлинно *сироты* въ своемъ родномъ городѣ, торговые обороты котораго обогащали казну и чужихъ людей, а кореннымъ гражданамъ, говоря иносказательно, предоставлялось довольствоваться лишь крупицами отъ богатой трапезы и — только.

III. Промышленность и торговля Архангельскаго порта въ XVI и XVII стол.

Глава VII.

Значеніе начавшейся заграничной торговли у Архангельска. — Города, принявшіе участіе въ этой торговлѣ. — Перечень отпускныхъ и привозныхъ товаровъ. — Рѣчное судоходство. — Новыя отрасли мѣстной промышленности.

Начавшаяся въ устьѣ С. Двины заграничная морская торговля составила эпоху въ экономической жизни тогдашней Россіи, и эпоху потому, что эти непосредственныя торговыя сношенія съ западными государствами помогли открыть нашему отечеству глаза на многое, что у насъ недоставало, и что на первыхъ порахъ поставило его въ такія-же, сравнительно, отношенія къ западу, въ какихъ нѣкогда стояли инородцы сѣвера къ торговымъ людямъ Новгорода и Москвы. Иностранцы увидѣли, что могли наилучшимъ образомъ эксплуатировать такую страну, какъ *Московія*, которая долго не принимала никакого участія въ великомъ дѣлѣ европейскаго образованія, и поэтому была едва знакома съ плодами его. Отторгнутая отъ запада различными обстоятельствами, какъ напр. и дальностью сношеній при худыхъ, почти непроходимыхъ дорогахъ, и политико-религіозными причинами, она поэтому не могла быть и подстрекаема какими либо соревнованіями въ промышленномъ или въ фабричномъ отношеніяхъ, и довольствовалась, большею частію, только грубою обработкою

такихъ произведеній, какія давала ей непосредственно природа. Богатый-же классъ всѣ улучшенные матеріалы получалъ изъ за границы.

Въ такомъ незавидномъ положеніи находилась Россія при первомъ близкомъ соприкосновеніи съ западомъ черезъ портъ Св. Николая. А между тѣмъ мы видѣли, чѣмъ былъ богатъ, напр. нашъ отдаленный сѣверъ, и какія главныя статьи промышленности онъ заключалъ въ себѣ. Видѣли, что на эти статьи, какъ и вообще на многія наши сырыя произведенія, былъ всегда спросъ не только при внутренней торговлѣ, но и въ Новгородѣ, служившемъ посредникомъ мѣновой торговли Россіи съ отдаленною Европою. Видѣли и то, что при этой мѣновой торговлѣ С. Двина играла выдающуюся роль, и что города, лежащіе на ея обширномъ пути, какъ Вологда и Холмогоры, имѣли всегда важное торговое значеніе. Вологда сосредоточивала въ себѣ всѣ жизненные припасы и была особенно богата хлѣбомъ, льномъ, пенькой, воскомъ и саломъ, а Холмогоры — солью, мѣхами, рыбными и звѣриными продуктами.

До прихода англичанъ въ Бѣлое море, наша сѣверная торговля не ограничивалась одною С. Двиною, но производилась, какъ мы знаемъ, благодаря кипучей дѣятельности монастырей, и въ приморскихъ мѣстахъ, гдѣ торговыми пунктами и пристанями служили съ давнихъ поръ и Кола, и Варзуга, и Мезень и Кеврола и дальній Пустозерскъ. Съ появленіемъ же англійскихъ и голландскихъ кораблей въ бѣломорскихъ водахъ, раіонъ торговыхъ сѣверныхъ операцій сталъ постепенно съуживаться, ради фиска, и получать направленіе къ одному центру, къ порту Св. Николая, т. е. къ Холмограмъ, пока не существовалъ Архангельскъ, а съ его постройкою, — уже къ сему городу, ставшему не только центромъ торговымъ, но и административнымъ. Появленіе иностранцевъ въ устьѣ Двины чрезвычайно повліяло на оживленіе торговли и промышленности: не только спопутные по Двинѣ города, но, можно сказать, что вся тогдашняя Россія была заинтересована начавшеюся у порта Св. Николая заграничною торговлею, потому что получился широкій спросъ на избытки весьма многихъ ея естественныхъ произведеній.

Такъ напр., кромѣ хлѣба, сплавлявшагося по Двинѣ отъ Вологды къ Холмограмъ и къ Архангельску, нижеслѣдующіе города въ XVI и XVII в. приняли участіе въ нашей отпускной торговлѣ.

Воскъ доставлялся изъ Смоленска, Брянска, Ярославля, Воронежа, Симбирска, Казани, Чебоксаръ, Нижняго и Вятки.

Юфть — изъ Болхова, Калуги, Вязьмы, Тулы, Серпухова, Коломны, села Дѣдинова, Мурома, Касимова, Арзамаса, Владиміра, Суздаля, Гороховца, Вязниковъ, Шуи, села Горицъ, Москвы, Ярославля, Костромы, Углича, Симбирска, Казани, Чебоксаръ, Нижняго и Твери.

Пенька и пряжа пеньковая и кудельная — Стародуба, Погара, Почепа, Трубчевска, Брянска, Рославля, Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы, Ржева, Козельска, Алексина, Перемышля, Боровска, Вереи, Серпухова, Шацка и Калуги.

Ленъ и пряжа и сѣмя льняное — Вязниковъ, Ростова, Пскова, Унжи и изъ Каргополя.

Сало говяжье топленое — Симбирска, Казани, Чебоксаръ, Вятки, Болхова, Тулы, Москвы, Шуи, Вязниковъ, Арзамаса, Владиміра, Суздаля и изъ села Горицъ.

Кожи русачьи — съ Дону, Скопина, Раненбурга и изъ малороссійскихъ городовъ.

Холсты клѣтчатые, сукна сермяжные и чирковые — Ростова, Ярославля, Суздаля, Шуи, Костромы, Вологды, Углича, Нижняго, Любима и Переяславля Залѣсскаго.

Клей рыбій — съ Яика, Астрахани, Саратова, Нижняго и съ Дону.

Щетина — Скопина, Тамбова, Козлова, Тулы, Орла, Волхова, Калуги, Арзамаса и Казани.

Смола — изъ Важескаго уѣзда.

Куницы, рыси, волки, россомахи и т. п. — изъ Сибирскихъ городовъ.

Масло сѣменное и сѣмя льняное — Калуги, Козельска, Бѣлева, Орла и Брянска.

Свѣчи сальныя маканыя — съ Вологды.

Рогожи и кульки рогожные — изъ Городца.

Мыло простое — Ярославля, Романова, Костромы, Суздаля и Шуи.

Укладъ и сукладъ (деревянныя и лубковыя издѣлія) — изъ Олонца.

Птичьи перья — съ Мезени.

Перья и пухъ гусиные — Суздаля, Шуи, Нижняго, Балахны и Городца.

Смольчугъ (густая смола) — Смоленска, Мещовска, Трубчевска, Саранска, Брянска, Серпейска и Дорогобужа (¹).

Поташъ — будные станы котораго находились въ уѣздахъ Арзамасскомъ, Нижегородскомъ, Алатырскомъ, Кадомскомъ, Шацкомъ и Нижнеломовскомъ (²).

Первоначальными-же предметами отпуска у порта Св. Николая были: пшеница, гречневыя крупы, масло коровье и сѣменное, полости (свиныя туши), мяса, сало, жиръ ворваній, воскъ, пенька, ленъ, конопля, кожи, мѣха песцовые, куньи, россомашечьи, выдровые, волчьи, бѣличьи, заячьи, кошечьи, бобровые, овчинные, норковые, горностаевые, лисьи, медвѣжьи, и собольи; смола, варъ, деготь, нефть, пухъ, слюда (³), рыбій клей, зола, мыло, семга, треска и т. п. *Укладъ* — новгородскій, тихвинской и корельской.

Предметами ввоза за то же время служили: сукна англійскія, французскія и брабантскія, золотая и серебрянная монета, сахаръ, пряныя коренья, чернословъ, лимоны, орѣхи, лекарственныя травы, мыло, хлопчатая и писчая бумага, нитки, иголки, гарусъ, кружева, бархатъ, камка, ладонъ, масло деревянное, ножи, мѣдь красная въ брускахъ, драгоцѣнные камни, жемчугъ, пряденое золото, и вина: Ренское, Канарское, Красное, Романея, Мушкатель, Бастръ и Шпанское

(¹) Москов. арх. М. Юст. кн. 1, № описи 905; дѣла Правительств. Сената по Комерцъ, Бергъ и Мануфактуръ Коллегіямъ и Главному Магистрату.

(²) Главн. Морск. архивъ. Дѣло Приказа Большой казны № 5, 1697 г.

(³) Слюда, употреблявшаяся встарину, вмѣсто стекла, добывалась въ Керетской волости (Кольскаго уѣзда), принадлежавшей Соловецкому монастырю, и разработывалась до 1668 г. монастырскими промышленниками. Называлась *десятинною* потому, что при ея добываніи, платилась $^1/_{10}$ ч. въ пользу казны. Съ 1668 г. слюду, для казны было велѣно искать на казенныхъ государевыхъ земляхъ, но не на монастырскихъ (Акты Археогр. Ком. Т. IV, № 207). Пудъ слюды въ началѣ XVII в. продавался въ Вологдѣ 3 рубля.

(Испанское) ([4]). Короче, тогдашняя Россія крайне нуждалась не только въ мануфактурныхъ издѣліяхъ, бакалейныхъ товарахъ, канцелярскихъ припасахъ и въ матеріалахъ для одежды и обуви, но и въ посудѣ и въ зеркалахъ, а еще болѣе — въ военныхъ снарядахъ, при безпрерывныхъ своихъ войнахъ съ сосѣдями. Пушки, ружья и порохъ вывозились изъ-за моря, какъ товаръ, и вымѣнивались на шелкъ, черную икру, смолу, поташъ и ревень, составлявшія въ то время регалію казны ([5]). Даже моржовые клыки, извѣстные въ торговлѣ подъ именемъ *рыбьяго зуба*, составляли въ XVII в. казенную монополію ([6]). Вообще, при торговыхъ сношеніяхъ съ иностранцами черезъ Бѣлое море, наша казна играла первенствующую роль и поступала, согласно обстоятельствамъ, совершенно по купечески, т. е. скупала и перепродавала весьма многіе внутренніе и привозные товары, и въ то же время не упускала преслѣдовать самую выгоднѣйшую статью своихъ доходовъ — монетную операцію, при помощи привозныхъ червонцевъ, талеровъ и рейхсталеровъ (ефимковъ), покупая которые она, за неимѣніемъ своего серебра, чеканила и пускала въ народное обращеніе. Такъ напр. въ концѣ XVI в. на одномъ изъ кораблей было привезено къ порту св. Николая 16 200 талеровъ; въ 1671 г. — 27 839 червонцевъ и 50 тыс. рейхсталеровъ, а въ слѣдующемъ году — 111 320 червонцевъ и 56 629 рейхсталеровъ ([7]). Даже въ 1694 г. привозъ денегъ былъ еще значителенъ, ибо золотыхъ привезено 6 632, а ефимковъ 43 788.

([4]) Записки по Русс. Славян. Археологіи. 1851 г. Т. I, въ статьѣ: «Книжка описателная, како молодымъ людямъ торгъ вести и знати всему цѣну, и отчасти въ ней описаны всякихъ земель товары различные, ихъ-же привозятъ на Русч Нѣмцы и иныхъ земель люди торговые; составлена для русскихъ купцовъ въ 1575 и 1610 г.»

([5]) Академ. мѣсяц. на 1795 г. См. статью Крестинина: «Историческій опытъ о внѣшней торговлѣ Государя Петра В. 1693—1719».

([6]) Дополн. къ Акт. Истор.. Т. III. стр. 191.

([7]) *Костомаровъ*. Очеркъ исторіи Москов. госуд. въ XVI и XVII ст. стр. 201. «И изъ тѣхъ ефимковъ — говоритъ Котошихинъ — или изъ серебра, въ серебряныхъ деньгахъ Царю бываетъ прибыль великая, потому что ефимки и серебро приходятъ дешевою цѣною, а въ дѣлѣ Московскихъ денегъ выходитъ изъ ефимка по 21 алтыну по 2 деньги, и отъ всякаго ефимка прибыли Царю по 7 алтынъ по 2 деньги, и по 8 алтынъ». (*Котошихинъ*. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. третье, 1884 г. стр. 110).

Товары, какъ отпускные, такъ и привозные, сплавлялись по Двинѣ на рѣчныхъ судахъ: *досчаникахъ, насадахъ* и *карбасахъ*, принадлежавшихъ вологжанамъ и холмогорцамъ. Досчаники имѣли 10 саженъ длины и, подобно насадамъ, имѣвшимъ 8 и 5 саж. длины, ходили большею частію бичевою. Для инаго насада требовалось рабочихъ до 300 ч. чтобы тянуть нагруженное судно противъ теченія (8). Холмогорцы-же издревле употребляли извозные крытые карбаса, имѣвшіе въ длину 9—10 саж. и управлявшіеся 2—3 челов. при грузѣ до 500 пуд. На этихъ карбасахъ, плавая съ товарами до Вологды, они-же ходили и до Соловецкаго монастыря съ богомольцами, и даже далѣе — въ поморскіе мѣста, какъ для доставки туда хлѣбныхъ припасовъ, такъ и для привоза оттуда рыбныхъ и звѣриныхъ продуктовъ въ Архангельскъ и Холмогоры (9).

За доставку перевозимаго товара между Архангельскомъ и Вологдою, и обратно, судовые промышленники брали съ купцовъ отъ 2—3 алтынъ съ пуда, а за смольчугъ 12 руб. съ каждой тысячи пудовъ, такъ что этотъ промыселъ для двивянъ составлялъ первоначально хорошій заработокъ, пока англичане не завели на Двинѣ собственные досчаники, число которыхъ въ первую половину XVII в. восходило до 40 (10). Плоты играли тоже не послѣднюю роль.

Вообще заграничная бѣломорская торговля вызвала цѣлый рядъ разнообразныхъ промысловъ между посадскими Холмогоръ и Архангельска и между крестьянами двинскихъ островъ, *низовцевъ*, живущихъ, относительно Холмогоръ, въ нижнемъ теченіи Двины, ближе къ морю. Эти промыслы суть: *вожевой* (лоцманскій) *извозный* (для зимняго пути отъ Архангельска къ Вологдѣ), *дрягильный, бочарный, кожевенный, павозочный* и т. п. Изъ нихъ вожевой и дрягильный, какъ старѣйшіе въ Россіи *артельные* промыслы, заслуживаютъ наи-

---

(8) Костомаровъ. Очеркъ Исторіи Моск. Гос. Стр. 80.

(9) Москов. арх. Мин. Юст. Дѣла Прав. Сената по Коммерцъ, Бергъ и Мануф. Коллегіямъ и Главн. Магистрату. Кн. II, N описи 915 (1731—1735).

(10) Акт. Археог. Эксп. Т. IV, стр. 17.

большаго вниманія, ибо исторія ихъ нераздѣльно связана съ трехсотлѣтнимъ существованіемъ Архангельска.

Съ первымъ приходомъ торговыхъ кораблей къ новопостроенному городу встрѣтилась насущная надобность въ свѣдущихъ людяхъ, которые бы хорошо знали фарватеръ, ведущій отъ взморья къ учрежденной торговой пристани, фарватеръ, обильный песчаными наносами, извилистый и длинный, мѣняющій притомъ нерѣдко по причинѣ ледохода свое направленіе. Такимъ фарватеромъ служило сперва Пудожемское устье, въ теченіи 60 лѣтъ со времени основанія Архангельска, пока замѣченныя правительствомъ злоупотребленія иностранцевъ по его засоренію и по утайкѣ пошлинъ, не заставили указать имъ въ 1656 г. другаго пути—*Березовскаго устья*, ставшаго съ того времени надолго путемъ постояннымъ для приходящихъ съ моря къ Архангельску судовъ. Первоначально, свѣдущіе люди по проводкѣ и выводкѣ судовъ были *низовцы* (изъ Вознесенскаго прихода) и холмогорцы, къ которымъ незамедлили примкнуть и архангельцы, захватившіе вскорѣ этотъ прибыльный промыселъ въ свои руки. Образовавъ между собою тѣсную артель въ числѣ 7 человѣкъ не болѣе, они занимались воженьемъ «безъ Государева жалованья и безъ мірской подмоги» по добровольному уговору съ корабельщиками, лишь бы «отъ корабельныхъ вожей кораблямъ простою не было» ([11]). Сумма вознагражденія не превышала 2 руб. за приводъ и 6 р. за отводъ. Такая монополія архангельцевъ продолжалась до 1671 г., пока иностранцы не принесли жалобы правительству, что-де по причинѣ крайне ограниченнаго числа вожей, кораблямъ на морѣ происходитъ застой, а отъ морскихъ волнъ и погодъ «шкоды и гибель» ([12]).

Внявъ этой жалобѣ, правительство распорядилось было объявить вожевой промыселъ свободнымъ, но не устояло отъ соблазна имѣть съ него доходъ, когда двинскіе вожи предложили получать съ нихъ ежегодный оброкъ, сперва 10, а потомъ (въ 1672 г.) уже 30 руб., такъ что съ этого времени лоцманскій промыселъ явился на откупу у правительства, и

([11]) Акт. Археогр. Комм. т. IV, стр. 477.
([12]) Тамъ-же. Стр. 478.

притомъ въ рукахъ *низовцевъ*, платившихъ съ торговъ оброку 42 р. ([13]), пока для пользы самаго дѣла, оно не догадалось въ 1685 г. уничтожить откупъ и объявить вожевой промыселъ свободнымъ, изъявъ его изъ воеводскаго вѣденія, и передавъ въ вѣденіе Архангельской таможни. Лоцмана стали обособляться и замыкаться въ отдѣльное общество, которое позже, въ 1707 г. состояло изъ 30 чел., служа безъ жалованья, «а верстались они на убылые мѣста между собою, безъ приказнаго повелѣнья, братскимъ совѣтомъ, на отцово или братне мѣсто, котораго съ такое дѣло станетъ и кто знаетъ кораблeной ходъ» ([14]).

При Петрѣ Великомъ они даже имѣли свой оригинальный костюмъ, введенный съ 1705 г.: верхній кафтанъ алый, французскій, камзолъ и штаны краснаго сукна, на головѣ парикъ и нѣмецкая шляпа, на ногахъ—чулки и башмаки тоже нѣмецкіе!.. Гребные ихъ суда росписаны были красками, какъ и весла и паруса, а на кормахъ судовъ красовались росписные лоцманскіе аттрибуты ([15]). Имѣя свою осѣдлость на двинскихъ островахъ, лоцманская артель преемственно существуетъ и по настоящее время въ смежно-лежавшихъ 7 деревняхъ: *Верхніе и Нижніе Хвосты*, *Кальчино*, *Кавкала*, *Пустошь*, *Ильины Пески и Залохотье*, въ числѣ 60 чел. Какъ безъ лоцмана не могъ торговый корабль придти съ моря къ Архангельску, такъ безъ *дрягилей* (носильщиковъ) не могъ онъ успѣшно произвести выгрузку и нагрузку товаровъ. И то и другое требовало особаго навыка и снаровки. Эти биржевыя работы и вызвали существованіе дрягильнаго промысла, который, будучи на артельномъ началѣ, оплачивался правительствомъ въ размѣрѣ двухъ рублей въ годъ на человѣка, и состоялъ въ томъ, чтобы быть въ важнѣ у вѣсу и подъему казеннаго товара, ѣздить на пришедшіе къ городу корабли за гребцовъ, сгружать въ особыя суда товаръ, обшивать въ сукна всякіе узорочные товары и бумагу, «съ бочкою сала ходить

([13]) Зап. Гидрогр. Д—та М. М. 1846 г., т. IV, стр. 301—311.

([14]) Тамъ-же. Стр. 308.

([15]) Глав. Морс. архивъ. Дѣла Приказа Воинскаго Морскаго флота. 1704 г., № 41 (Меморіи Избранта).

отмѣривать» и т. п. ([16]). Въ то же время должны были находиться при вѣсѣ и подъемѣ товаровъ и у прочихъ торговыхъ людей, обязанныхъ платить дрягилямъ подъемную пошлину «съ вѣсчихъ товаровъ, съ соли и съ масла и съ меду и со всякаго вѣсчаго товару съ подъема»—продавецъ по 3 деньги, а купецъ по 5 денегъ, и *рукознобную* пошлину по полуденьгѣ ([17]). Такъ продолжалось до 1648 г., пока не явилась конкуренція со стороны другой артели посадскихъ, и преимущественно холмогорцевъ, слѣдствіемъ чего, дорожа выгоднымъ промысломъ, первоначальная артель согласилась служить и за половинное жалованье, причемъ съ этого времени казна установила брать дрягилямъ плату отъ всякаго подъема товаровъ съ частныхъ лицъ уже по двѣ деньги ([18]). За тѣмъ, съ расширеніемъ торговыхъ операцій у Архангельска, биржевыя артельныя работы умножились на столько, что въ виду явной прибыльности промысла, дрягиля съ 1680 г. служили уже безъ жалованья, а за работы брали то, что давали русскіе торговые люди и иноземцы, и притомъ безъ всякаго предварительнаго уговора. «А кто не дастъ въ почесть—говорится въ указѣ—и тѣмъ велѣно работать безъ дачи, и впредь въ дрягиляхъ быть повольно, кто похочетъ, а на откупъ... не отдавать».

Дрягильный промыселъ существуетъ и по настоящее время въ Архангельскѣ на артельномъ же началѣ. Въ 1713 г. при Архангельской таможнѣ дрягилей состояло 20 чел. Въ 1813 г. 150 чел., а позже эта цифра уменьшилась до 50 чел.

При тогдашней монополіи въ торговлѣ, хотя мѣстная промышленность и получила развитіе, но отъ этой промышленности богатѣли только отдѣльныя личности; а масса, т. е. большинство посадскихъ и крестьянъ продолжала, по прежнему, пребывать въ жалкой бѣдности, ютясь въ курныхъ избахъ при совмѣстномъ сожительствѣ съ домашними животными; только къ концу XVII в., какъ увидимъ ниже, эконо-

---

([16]) Доп. къ Акт. Истор., Т. III, стр. 149.
([17]) Акт. Археогр. Эксп., Т. II, 1610 г., стр. 275.
([18]) Дополн. къ Акт. Истор., Т III, стр. 149.

мическія условія этой массы, и преимущественно крестьянъ, нѣсколько улучшились.

Глава VIII.

Хозяйничанье иноземцевъ въ Россіи.—Жалоба на нихъ русскихъ торговыхъ людей.—Правительственныя мѣры къ обузданію своеволія иноземцевъ.—Огражденіе Архангельска отъ прихода «воровскихъ кораблей».—Вліяніе Архангельской заграничной торговли на населеніе двинскаго уѣзда.

Взглянемъ теперь, какую роль играли въ Россіи наши благодѣтели при началѣ заграничныхъ торговъ у Архангельска, и въ какой мѣрѣ они воспользовались милостями русскихъ Царей. Эти милости, т. е. льготы, служили англичанамъ данью благодарности за освобожденіе промышленной Россіи отъ нѣмецкой Ганзы, потому что эта послѣдняя, помимо себя, не допускала долгое время къ намъ европейскихъ товаровъ, и держала нашу внутреннюю и внѣшнюю торговлю въ полной зависимости отъ ганзейскихъ городовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и нашъ Новгородъ. Удачно намѣченный Ченслеромъ путь вверхъ по Двинѣ черезъ Холмогоры, Вологду, Ярославль, Ростовъ, Переяславль и Москву, показалъ англійскимъ купцамъ будущій раіонъ для ихъ торговыхъ дѣлъ въ Россіи. Встрѣтивъ же у Ярославля великую рѣку Волгу, этотъ намѣченный путь соединялся съ другимъ великимъ путемъ, съ другимъ раіономъ будущихъ дѣйствій, ибо проникалъ въ самыя плодородныя области Россіи, открывая доступъ къ Каспійскому морю, къ далекимъ и таинственнымъ странамъ Азіи, къ Персіи, Бухарѣ и Хивѣ. Горизонты для англійской предпріимчивости открылись обширные. Надлежало ковать желѣзо, пока оно горячо.

Обласканные нашимъ правительствомъ, англичане завели во всѣхъ торговыхъ пунктахъ свои коммерческія конторы, и осмотрѣвшись внимательно, заторговали на славу, начиная отъ Архангельска, куда въ 1587 г. перенесли торговыя дѣла съ Розоваго острова, гдѣ особнячество было имъ невыгодно. Но на первыхъ же порахъ нашли себѣ соперника въ голландцахъ, которыхъ правительство тоже ласкало, и которымъ были дарованы значительныя права по внутренней торговлѣ.

Отъ хозяйничанья всѣхъ этихъ привиллегированныхъ гостей наши торговыя дѣла вскорѣ почувствовали крайній застой и утѣсненія.

Иноземцы, особливо англичане, платили русскому народу такимъ презрѣніемъ, забылись до того, что принимали дарованныя преимущества, какъ должное и, какъ теперь, такъ и тогда, считали дозволенными всякія средства, ведущія къ обогащенію, лишь бы ослабить пріютившее ихъ государство, и сдѣлать берега его недоступными для кораблей другихъ народовъ. Политическая безтактность англичанъ была замѣчена еще Царемъ Іоанномъ IV, жаловавшимъ ихъ паче мѣры. Въ 1571 г. онъ далъ имъ первое предостереженіе, пригрозивъ опалою и сообщивъ королевѣ Елизаветѣ, что «и безъ англійскихъ гостей Московское Государство не скудно было» (¹). Спустя два года, за новую ихъ безтактность, Царь велѣлъ брать съ нихъ половинную пошлину, противъ другихъ. Но и эта чувствительная мѣра не образумила англичанъ и не послужила предостереженіемъ для голландцевъ и другихъ иностранныхъ гостей. По прежнему, всѣ они продолжали игнорировать русское торговое сословіе, и дѣйствовать такъ, какъ бы послѣдняго совсѣмъ и не существовало. Выведенное наконецъ изъ терпѣнія, наше купечество, ведшее черезъ Архангельскъ торговлю, подало въ 1646 г. Царю Алексѣю Михаиловичу извѣстную жалобу, изложивъ въ ней всѣ дѣянія своихъ недруговъ, англичанъ, голландцевъ и гамбурцевъ, вредныя какъ для казны, такъ и для отечественной торговли вообще. Яркими красками описали они молодому Царю дѣйствительное положеніе торговаго дѣла, въ которомъ иноземцы были господами, захвативши всю нашу промышленность въ свои руки до ворваннаго промысла включительно. Притомъ-де и товары свои они, иноземцы, стали привозить хуже прежнихъ, сговорясь за одно, «а какъ пріѣдутъ торговать на ярмонку къ Архангельскому городу—говорилось въ жалобѣ—то нашихъ-де товаровъ покупать не велятъ, а заморскимъ товарамъ цѣну держатъ большую, чтобъ намъ-де у нихъ ничего не купить,

(¹) *Ю. Толстой.* Россія и Англія. Стр. 25.

и впередъ на ярмонку не ѣздить... Да они же нѣмцы похваляются, что *мы-де сдѣлаемъ то, что московскіе купцы настоятъ въ деньгахъ на правежъ, да и впередъ-де заставимъ ихъ торговать лаптями, тогда забудутъ они у насъ перекупать товары* (²)! Упрекъ о перекупкѣ товаровъ относился къ ярославцу Антону Лаптеву, вздумавшему ѣхать продавать мѣха въ Амстердамъ, и встрѣтившему стачку голландцевъ, по милости которой Лаптевъ съ тѣми же мѣхами возвратился обратно, не продавъ товару даже на одинъ рубль; а также и къ попыткѣ московскихъ купцовъ, пожелавшихъ перебить у иноземцевъ торгъ казеннаго шелка-сырца, и понесшихъ, черезъ стачку-жъ, прямой себѣ убытокъ. Жалоба была услышана, и Царь въ 1649 г. повелѣлъ, чтобы всѣ живущіе въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи англійскіе купцы выѣхали за море со всѣмъ своимъ имуществомъ, а желающимъ изъ нихъ продолжать торговлю, дозволить пріѣзжать въ Архангельскъ, гдѣ и покупать русскія издѣлія и продавать свои, но подъ условіемъ платежа опредѣленныхъ пошлинъ (³). Вообще, правительство Царя Алексѣя Михаиловича не оставалось глухо къ жалобамъ русскихъ торговыхъ людей на своеволія иноземцовъ, и принимало крутыя мѣры не съ одними англичанами, но и съ голландцами, какъ было напр. въ 1654 году, «когда посреде зимы—такъ жаловался Царю посолъ Голландскихъ штатовъ Яковъ Борель—зѣло неудобной, безо всякаго малѣйшаго извѣту, ихъ высокомочные подданные, какъ злодѣи и злотворители, изъ своихъ домовъ выгнаны и изъ града Москвы погонены такъ, что на одной сторонѣ не малое страхованіе было для великія стужи, чтобъ на поле не замерзнуть, а съ другой стороны въ тоже время мало неограблены были отъ своихъ животовъ» (⁴). Но и такая защита русскихъ торговыхъ интересовъ была крайне слаба, и не искореняла зла. Тормазы для отечественной торговли тогда были на каждомъ шагу и, какъ на одно изъ золъ, послѣ казенной торговли, укажемъ на противорѣчіе, существовавшее въ самыхъ торговыхъ правахъ. Пришельцамъ дава-

(²) Акт. Археогр. Эксп., Т. IV, № 13.
(³) *Чулковъ*, Истор. опис. Россійс. Коммерціи. Т. I, кн. I, стр. 321.
(⁴) Москов. арх. М. И. Д. Дѣла Голландскаго двора. 1664 г., № 6.

лись милостивыя привиллегіи и указывалось «привѣтъ къ нимъ держать, чтобъ ихъ не отогнать» (5), а въ то же время съ русскаго торговаго человѣка, для пользы казны, взыскивались пошлины не только на мѣстѣ продажи, но и дорогою, гдѣ всюду имѣлись таможни и заставы, отдававшіяся къ тому же очень часто монастырямъ и помѣщикамъ на откупъ, и гдѣ поэтому прижимкамъ и придиркамъ конца не было. Этихъ прижимокъ и придирокъ иноземецъ не зналъ. При такой неурядицѣ въ торговыхъ дѣлахъ, при тяжелыхъ податяхъ, налогахъ и натуральной повинности, могло ли наше торговое сословіе даже мечтать тогда о какомъ либо соперничествѣ съ иностранцами, *стянуть* съ ними! Не смотря на правительственныя кары, смѣнявшіяся быстро сугубыми милостями, иностранцы, по прежнему, продолжали себѣ хозяйничать у Архангельска и эксплоатировать торговлю въ свою пользу, чему доказательствомъ служатъ жалобы архангельскаго посада, повторявшіяся въ 1664 и 1668 г.г. Въ первой изъ нихъ посадскіе писали Царю, что иноземцы продолжаютъ подрывать ихъ торговлю перекупками и перепродажами, разъѣзжая по волостямъ, и скупая у крестьянъ скотъ, рыбу и всякій харчъ (6); во второй жаловались на гамбургца Фильку Ферпонтена, который-де всю торговлю у Архангельска захватилъ въ свои руки такъ, «чтобы прежде его, Фальки, никто не торговалъ у русскихъ», а самъ-де вывозитъ изъ за моря худые товары и продаетъ въ полтора и два раза, противъ прежнихъ цѣнъ (7). Однако въ томъ же 1664 г., какъ видимъ изъ дѣлъ голландскаго двора, англичане имѣли у Архангельска на откупѣ казенную смолу!..

Что же въ дѣйствительности служило правительству препятствіемъ преслѣдовать неуклонно злоупотребленія иностранцевъ по торговлѣ, и ограждать достоинство своихъ мѣропріятій въ единственномъ приморскомъ пунктѣ—въ Архангельскѣ,

---

(5) П. С. З. № 11,323.
(6) *Крестининъ*. Исторія города Арх., стр. 177 и 178.
(7) Моск. арх. М. И. Д. Дѣла Посольскаго Приказа. Часть IV, № 270.

который былъ, по отзыву шведскаго военачальника Делагарди «первыми воротами Россійскаго Государства» (8)?

Препятствіями служили—безсиліе тогдашней Россіи въ морскомъ отношеніи на бѣломорской окраинѣ, опасеніе за цѣлость единственнаго морскаго порта и существенныя выгоды, получавшіяся чрезъ торговыя сношенія съ западными государствами. Безсиліе заставляло правительство не рѣдко, по отношенію къ Архангельску, принимать полумѣры въ случаяхъ производимаго иноземцами явнаго своеволія, и только въ самой крайности прибѣгать къ угрожающимъ способамъ. Такъ напр., когда около 1646 г. правительство извѣстилось, что къ Архангельску въ ярмарочное время легко «мочно приходить треми или четырьмя кораблями морскимъ воровскимъ разбойникамъ, и всѣ торговые корабли понять или запалить, и русскіе всю суды понять и запалить, и изъ пушекъ всѣ торговые дворы и городъ зажечь... какъ напередъ сего многажды бывало, что чрезъ городъ стрѣляли и всякое дурно отъ нихъ бывало, а унять ихъ воеводамъ нечѣмъ...» (9)—оно не на шутку встревожилось, и чтобы предотвратить такую для города большую опасность, прибѣгло къ проекту, требовавшему предварительнаго обсужденія на мѣстѣ знающими людьми: «мочно ли по обѣ стороны рѣки Двины сдѣлать крѣпости, башни поставить каменныя и поперегъ чепи желѣзныя сдѣлать» (10)?

Знающіе люди донесли правительству, что никакихъ башенъ въ Двинскомъ Березовскомъ устьѣ поставить не можно, потому что (и весьма справедливо) въ нижнемъ теченіи Двины, на островкахъ, лежащихъ противоположно, *Быковъ* и *Третьяковъ*, «мѣста низкіе и песчаные, и полая Двинская вода съ верхняго конца подмываетъ и льдомъ къ веснѣ сдираетъ», что Кегъ—островъ тоже мѣсто песчаное, водою подмываемое, и что отъ береговъ Двины по обѣимъ сторонамъ тянутся большія мели.

Преслѣдуя свою цѣль, чтобы не допустить воровскихъ ко-

(8) Дополн. къ Акт. Истор., Т. III, стр. 64.
(9) Тамъ-же. Стр. 61—65.
(10) Тамъ-же.

раблей къ городу, и положить въ то же время возможный предѣлъ контрабандной на Двинѣ торговлѣ, правительство въ 1658 г. прибѣгло къ другому, не менѣе химерическому проекту, сдѣлавъ распоряженіе объ устройствѣ въ Двинскомъ устьѣ плавучихъ *надолбъ* (бревенъ), которые стоя на якоряхъ, были бы замкнуты желѣзными цѣпями, а при надолбахъ стоялъ бы стрѣлецкій караулъ съ пушками, во всю навигацію ([11]). Подобные же надолбы съ цѣпями должны были находиться и въ самой торговой гавани вверхъ по Двинѣ. Неизвѣстно, имѣлъ ли этотъ проектъ практическое осуществленіе.

И такъ, вотъ какими только полумѣрами могли мы располагать, чтобы оградить интересы своего портоваго города; а чаще всего ограничивались предписаніемъ, чтобы съ иноземцами соблюдать привѣтъ и ласку, ничѣмъ бы ихъ не жесточить, чтобы повадно было имъ и впредь ѣздить для торговъ къ Московскому государству ([12]).

Послѣ этого неудивительно, что иностранцы хозяйничали у Архангельска во многихъ случаяхъ совершенно безнаказанно, и на таможенныя правила смотрѣли не рѣдко, какъ не для нихъ и писанные. Случалось, что когда на корабли посылались чиновники по служебнымъ дѣламъ, то корабельщики начинали съ ними ссору, доходившую до насилія ([13]).

Однако, не смотря на все зло, творимое иноземцами по отношенію къ русской торговлѣ, торгово-промышленный классъ, подстрекаемый прибыльными у Архангельска оборотами, все болѣе и болѣе былъ привлекаемъ на берега Двины, для осѣдлаго на нихъ проживанія, такъ что къ концу XVII в., между двинянами на посадахъ и въ уѣздахъ насчитывалось уже много «знающихъ и нажиточныхъ и богатыхъ торговыхъ людей» ([14]).

Въ самомъ Архангельскѣ, какъ видимъ изъ той же переписи Фонвизина 1678 г., имѣлось, кромѣ посадскихъ, до 200 ч.

([11]) Доп. къ Акт. Истор., Т. IV, стр. 141 и 142.
([12]) Доп. къ Акт. Истор., Т. III, стр. 189.
([13]) Тамъ-же, стр. 13.
([14]) Доп. къ Акт. Истор., Т. VI, стр. 397.

жившихъ осѣдло, и не платившихъ тягла. То были иногородные торговые люди.

Вліяніе Архангельской заграничной торговли отразилось на приростѣ населенія всего Двинскаго уѣзда, включая сюда и Холмогоры, какъ удостовѣряютъ насъ писцовыя книги 1675 года, изъ которыхъ усматриваемъ, что къ этому времени въ Двинскомъ уѣздѣ числилось 2531 дворъ съ 5602 ч. жителей, а въ самыхъ Холмогорахъ 645 дворовъ посадскихъ, и въ нихъ жителей 1391 ч.; ([15]) тогда какъ въ началѣ того-же XVII в., по писцовой книгѣ Вельяминова, въ Холмогорахъ было всего 468 дворовъ съ 657 ч. жителей, а во всемъ уѣздѣ только 717 дворовъ съ 1090 ч. жителей. Слѣдовательно, за полустолѣтіе число дворовыхъ строеній въ Двинскомъ уѣздѣ увеличилось почти въ 4 раза, а по отношенію числа жителей въ 5 разъ. Въ такомъ значительномъ приростѣ не участвовалъ одинъ только Архангельскій посадъ, по причинамъ намъ уже извѣстнымъ.

Перейдемъ теперь къ ближайшему знакомству съ ходомъ заграничной у Архангельска торговли, и съ ея таможенными и торговыми порядками.

Глава IX.

Городская корабельная гавань. — Ежегодный приходъ иностранныхъ судовъ. — Конвоиры. — Ярмарка. — Торговыя неурядицы. — Таможенники. — Ново-торговый уставъ. — Перечень таможенныхъ сборовъ. — Городничіе. — Торговые обороты Архангельскаго порта.

Лишь только наступала навигація, какъ начиналась у Архангельска та своеобразная жизнь, полная оригинальности, которая выдвигала его изъ ряда всѣхъ остальныхъ россійскихъ городовъ. Въ маѣ и въ іюнѣ, по теченію Двины, спускались отъ Вологды къ Архангельску нагруженные товарами досчаники, насады (струги), карбаса и плоты, а къ половинѣ іюля подходили съ моря иностранные корабли, которые не останавливались, какъ нынѣ, далеко отъ города, а бросали якорь у юго-восточной оконечности Кегъ-острова, на глубинѣ 5 саж.,

([15]) Тамъ-же, стр. 396.

въ разстояніи отъ Гостиныхъ дворовъ не болѣе 120 саж., при тогдашней ширинѣ рѣки между этими пунктами въ 130 саж. и наименьшей глубинѣ $2^1/_2$ саж. Здѣсь, противъ самаго города, была тогда корабельная гавань, и торговыя суда становились на протяженіи между Нѣмецкимъ Гостинымъ дворомъ и Михаило-Архангельскимъ монастыремъ. Гавань существовала не только въ теченіи всего XVII в., но и до втораго десятилѣтія XVIII в. (1).

Сюда-же направлялись и промысловыя Мурманскія лодьи съ соленою рыбою, или-же проходили и къ самимъ Холмогорамъ, благодаря тогдашней глубинѣ рѣки, которая давала возможность совершать лодьямъ эти плаванія до конца XVII в.

О томъ, какъ былъ великъ приходъ иностранныхъ кораблей при начальной дѣятельности Архангельска, видимъ изъ сохранившихся дѣлъ Посольскаго Приказа, гдѣ мы нашли свѣдѣнія за весь XVII в.

Такъ въ	1600 году было въ приходѣ	21 кор.	(12 англ. и 9 голл.)
» »	1604 » » » »	29	
»	1618	43	(30 голландскихъ).
»	1621	67	
»	1634	54	
»	1655	67	
»	1658	80	(только 4 англійскихъ)
»	1668	37	
»	1669	47	
»	1670	30	
»	1673	33	
» »	1693	49	

По націямъ, большинство кораблей были голландскіе, за ними слѣдовали англійскіе, гамбургскіе, бременскіе, датскіе, шведскіе и французскіе. Съ 1689 г., въ силу ходатайства прусскаго посланника о дозволеніи приходить съ товарами въ Архангельскъ подданнымъ курфюрста Бранденбургскаго, и торговать во всѣхъ русскихъ городахъ, стали приходить и *нѣ-*

(1) Доп. къ Акт. Истор. Т. III, стр. 63—65. *Ѳ. Ѳ. Веселаго.* Матеріалы для исторіи Русскаго флота. Т. XII, стр. 104.

мецкіе корабли, т. е. начались торговыя сношенія Пруссіи съ Россіей ([2]).

Всѣ корабли приходили къ Архангельску караванами, по нѣскольку за одинъ разъ, и непремѣнно въ сопровожденіи военныхъ судовъ, *конвоя*, состоявшаго при каждомъ караванѣ изъ двухъ или одного корабля. Такая охранительная мѣра вызывалась прямою необходимостью опасенія отъ разбойническихъ нападеній на караванъ, корсарами сосѣднихъ государствъ, по причинѣ того недружелюбія, съ которымъ сосѣднія государства смотрѣли на бѣломорскія сношенія Россіи, какъ подрывавшія ихъ балтійскую торговлю. Первоначально, конвой не входилъ въ Двину, а оставался на взморьѣ у того устья, которымъ проходилъ къ гавани караванъ, но съ 1685 г. по ходайству голландцевъ, сталъ уже проходить въ Двину къ самому городу ([3]).

Всѣми приходящими и отходящими кораблями вѣдалъ Двинской воевода, назначавшій своевременно на Пудожемское и Березовское устья стрѣлецкіе караулы, для наблюденія чтобы устьями не прошли, сверхъ чаянія, непріятельскіе (воровскіе) корабли ([4]). Одинъ изъ такихъ карауловъ, какъ видимъ по актамъ, находился на о. Быковѣ лежащемъ на Двинѣ, ниже Новодвинской крѣпости.

По мѣрѣ того, какъ гавань наполнялась торговыми судами, съѣзжалось въ Архангельскъ и купечество московское, ярославское, костромское, вологодское, каргопольское и др. на ярмарку, гдѣ и производилась купля-продажа на большія суммы. Ярмарочное время не всегда было одинаково. До 1663 г. она начиналась и оканчивалась въ теченіи августа мѣсяца, но съ этого года, по челобитью иностранцевъ, что-де ярмарка бываетъ поздно и торгуютъ только мѣсяцъ, а корабельный-де ходъ отъ города бываетъ, за морозами, опасенъ, велѣно продолжить ярмарочное время на 3 мѣсяца, съ 1 іюня и до Семена дня, до 1 сентября ([5]). Но льгота, по милости

([2]) П. С. З. № 1330.

([3]) *Чулковъ.* Истор. опис. Россійс. коммерціи. Т. I, стр. 408.

([4]) Акт. Археог. Эксп. Т. IV., стр. 151.

([5]) Тамъ-же, стр. 190.

тѣхъ же иностранцевъ, не принесла пользы нашимъ торговымъ людямъ. Иногородное русское купечество поспѣшило, конечно, воспользоваться своимъ раннимъ пріѣздомъ въ Архангельскъ, чтобы не торопясь сбыть повыгоднѣе свои товары; а иноземные купцы, преслѣдуя свои цѣли, разсуждали иначе, и корабли ихъ съ того времени стали приходить не только къ 1 іюля, какъ прежде бывало, но уже къ августу, черезъ что торговые обороты, вмѣсто мѣсяца, сократились на еще болѣе короткій срокъ, къ явной выгодѣ иноземцевъ, а именно на *недѣлю*, въ теченіе которой наше купечество торговало съ ними *свальнымъ торгомъ поневолѣ, съ великимъ накладомъ* (6). Должно быть напрасное и убыточное проживаніе русскихъ купцовъ при портѣ входило въ расчеты иноземцевъ. Да, дорогою цѣною доставались торговые уроки предкамъ нашимъ, пока, наконецъ, они не вышли изъ своей пассивности и не увидѣли, въ чемъ именно заключалась вся тайна коммерціи, и какія средства дѣлали иностранцевъ могущественными въ торговлѣ. Жалуясь на свои безконечные убытки и на коварныя дѣйствія иноземцевъ, купечество просило дозволенія торговать у города повольно и за Семенъ день, въ чемъ и успѣло, потому что правительство убѣдилось, что ограничивать ярмарку 1 числомъ сентября, какъ домогались голландцы, дѣйствительно невозможно безъ ущерба дѣлу, ибо-де *торговые промыслы имѣютъ свободу*, а по этому съ 1679 г. указано быть Архангельской ярмаркѣ безъ опредѣленнаго срока, чѣмъ хотя нѣсколько, къ утѣшенію купечества, и парализовано было *коварство* иноземныхъ купцовъ (7). Тогда русскіе во всемъ усматривали коварство, даже въ учрежденіи *почты*, на которую сыпались тяжкія обвиненія, какъ на одну изъ главныхъ причинъ нашихъ торговыхъ неудачъ. Интересенъ взглядъ современника, доносившаго правительству о вредѣ почтоваго учрежденія, — взглядъ, раздѣлявшійся, безъ сомнѣнія, тогдашними русскими людьми. «Иноземцы-де прорубили изъ нашего Государства во всѣ свои земли дыру, что вся наша государ-

---

(6) Доп. къ Акт. Истор. Т. IX, стр. 126.
(7) Тамъ-же.

ственная и промышленная дѣла ясно зрять. Дыра-жъ есть сія — сдѣлали *почту*, и что въ ней Великому Государю прибыли, про то Богъ вѣсть, а сколько гибели отъ той почты во все царство чинится, того и исчислить невозможно. Что въ нашемъ Государствѣ ни сдѣлается, то во всѣ земли разнесется. Одни иноземцы отъ нея богатятся, а Русскіе люди нищають. Потому товары, кои у насъ въ Русіи готовятся къ Городу (Архангельску), а здѣшніе иноземцы въ свои земли непрестанно пишутъ, по чемъ кои товары купятся, и каковы товары добры или плохи, и коихъ много, и коихъ ниже. Таковде пишутъ и о своихъ товарахъ, кои здѣсь подобрались, и коихъ залишкомъ; и кои ихъ товары подобрались, тѣхъ они и вывезутъ, а коихъ слишкомъ, тѣхъ и не везутъ, и цѣну какову похотятъ, такову и поставятъ. А наши бѣдные къ Городу пріѣдутъ съ товарами, и пріѣзжіе иноземцы цѣну ихъ и знаютъ, почемъ кои товары куплены и коихъ сколько есть; и станетъ у него торговать самою цѣною малою, потому что про цѣну подлинно знаютъ, и много коихъ товаровъ пасено, знаютъ-же. *И почты ради иноземцы торгуютъ издѣваючись, а Русскіе люди жилы изъ себя изрываючи...*» (8). Ясно, что потемки были тогда на руку нашимъ торговымъ людямъ. И дѣйствительно, если ужъ говорить о коварствѣ, то справедливость требуетъ сказать, что въ отношеніи торговой честности, мы сами были далеко не лучше, если еще не хуже иностранцевъ. Неумѣлость нашихъ торговыхъ заграничныхъ операцій выражалась во первыхъ въ неустойчивости даннаго слова, во вторыхъ «худые товары закрасивъ добрыми, продавали за добрые, цѣну брали неправедную, въ вѣсахъ обвѣшивали, въ мѣрахъ обмѣривали, въ цѣнѣ облыгали»; (9) въ третьихъ — въ прижимкахъ со стороны таможенныхъ головъ, вымогавшихъ взятки при всякомъ удобномъ случаѣ, и заставлявшихъ иноземцевъ продавать имъ свои товары по дешевой цѣнѣ въ ихъ собственность, прибѣгая, въ противныхъ случаяхъ къ задержкамъ въ таможнѣ при окончательныхъ рачетахъ; (10) —

(8) *Посошковъ*. Россіянинъ прошедшаго вѣка. Часть I, стр. 273 и 274.
(9) «Книга о скудости и богатствѣ» — Его-же. Стр. 116.
(10) Москов. арх. М. И. Д. Дѣла Голландскаго двора 1664 г. № 6.

словомъ, обманъ, прижимки и вымогательства начальственныхъ лицъ чрезвычайно деморализовали торговлю, при которой обманы иноземцевъ служили какъ бы отместкою за наши неправды. Выходитъ, что въ тогдашней коммерціи, ничѣмъ не регламентированной, господствовалъ круговой обманъ. Не дурной иллюстраціей того, какъ относились правительственныя лица къ интересамъ отечественной торговли, служитъ разсказъ того-же современника, подтверждающійся многими историческими актами. «Пріѣхавъ, они иноземцы засунутъ сильнымъ персонамъ подарокъ рублевъ въ сто—другое, то за сто рублевъ сдѣлаютъ они иноземцы прибыли себѣ полмилліону, потому что бояре не ставили купечества ни въ яичную скорлупку» ([11]).

Съ другой стороны, торговые уставы преслѣдовали только одну лишь финансовую цѣль—увеличеніе и взиманіе пошлинъ, но не преслѣдовали какихъ либо опредѣленныхъ мѣръ, предупреждавшихъ злоупотребленія. Такая неурядица, при системѣ внутреннихъ пошлинъ, продолжалась до конца XVII в., хотя самые сборы за право торговли и получили къ этому времени нѣкоторую правильность. Количество взимавшихся пошлинъ опредѣлялось первоначально уставными грамотами. Образцикомъ подобныхъ грамотъ можетъ служить нижеслѣдующая, данная въ 1588 г. Двинскимъ таможеннымъ цѣловальникамъ о сборѣ пошлинъ съ купечества русскаго и иностраннаго (кромѣ Англичанъ). Этою грамотою указывалось брать съ насада или досчаника *грузовую* пошлину съ 1000 пуд. по 2 руб. и по 2 гривны, со 100 пуд.—7 алтынъ и 2 деньги; *посаженную* съ того-же судна по 10 алтынъ; *головщину*—по 1 деньгѣ съ головы; *побережную* съ лодей—по 22 алтына; *свальную*—съ 1000 пуд. по полтинѣ, съ воза по 2 деньги; *подъемную*—съ подъема по 2 деньги, «а поднимать въ вѣсу товаръ—указывала грамота—подъ оба конца»; *рукознобную*—«съ пудомъ ходить и товаръ всякій вѣсчій у гостей вѣсить, брать съ подьему по 1 деньгѣ, да съ припуску по 1 деньгѣ» и т. д. ([12]). Такъ что при такихъ уставныхъ грамотахъ,

([11]) «Книга о скудости и богатствѣ». Стр. 122.

([12]) Акт. Археогр. эксп. Т. I, стр. 408.

нельзя было свободно ни черезъ рѣку перейти, ни вынести за заставу что либо на продажу, не заплативъ разныхъ *мытовъ мостовщины*, *дворовой*, *анбарной*, *поворотной*, *роговой*, *привозной* и т. п. пошлинъ. Сборами пошлинъ завѣдывали мѣстныя таможни. Таможнями управляли *головы*, съ своими помощниками—*цѣловальниками*. Въ Архангельской таможнѣ до 1646 г. сидѣли подьячіе *изъ писчей деньги*, а съ этого времени, въ числѣ 8 ч. имъ было положено государево жалованье *восемь сто рублевъ*, и въ помощь къ этому скудному жалованью велѣно брать имъ съ торговыхъ людей писчее по 2 деньги съ каждаго пошлиннаго рубля ([13]).

И какъ таможенная служба, подобно соляной, кабацкой и др. составляла, въ глазахъ правительства, повинность торговыхъ посадскихъ и тяглыхъ людей, то она была выборная на одинъ годъ, безъ содержанія отъ казны, и существовала на однихъ лишь пошлинныхъ доходахъ ([14]). Эта повинность была для таможенниковъ очень тягостна, потому что требовала отъ нихъ торгово-промышленной опытности и отвѣтственности за недоборъ пошлинъ, противъ прошлыхъ годовъ. Имъ вмѣнялось въ обязанность «смотрѣть и беречь всякими мѣрами накрѣпко, чтобы они таможенную пошлину сбирали въ правду съ великимъ радѣніемъ... а товары бы всякіе у пріѣзжихъ нѣмецъ на корабляхъ и у всѣхъ осматривали и *цѣнили сами* въ правду-жъ, сколько у кого будетъ товаровъ и чего стоятъ» ([15]).

Такія требованія, по неумѣлости иной разъ оцѣнщиковъ, причиняли нерѣдко споры съ корабельщиками и вредно отзывались на цифрѣ таможенныхъ пошлинъ. Въ 1658 г. Архангельскій таможенный голова жаловался, что-де холмогорскіе цѣловальники люди пахотные, и потому неумѣютъ осматривать товаровъ ([16]).

Въ интересѣ казны, для таможенной службы, стали ежегодно командировать изъ Москвы въ Архангельскъ людей болѣе знакомыхъ съ торговыми порядками, а именно лицъ

([13]) Доп. къ Акт. Истор. Т. III, стр. 185.
([14]) *Осокинъ*. Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи. Стр. 42.
([15]) Доп. къ Акт. Истор. Т. III, стр. 185.
([16]) Тамъ-же, № 52.

изъ гостиной и суконной сотенъ, подъ главенствомъ самихъ гостей.

Кромѣ того, до самаго конца XVII в. имѣлись при таможнѣ *переводчики*, исполнявшіе должность стряпчаго при взаимныхъ сношеніяхъ иностранцевъ съ русскими. На этихъ переводчикахъ лежали обязанности: наблюденіе за порядками въ корабельной гавани, за выгрузкою баласта на указанныя мѣста, и вывѣдываніе отъ торговыхъ иностранцевъ извѣстій, могущихъ имѣть политическій, экономическій, или иной какой интересъ въ глазахъ нашего правительства ([17]).

Исключительнымъ мѣстомъ склада товаровъ служили издавна Русскій и Нѣмецкій гостиные дворы. Охраняемые стрѣлецкимъ карауломъ и цѣловальниками, они составляли какъ-бы отдѣльный городъ, независимый отъ другихъ городскихъ частей, потому что при ихъ воротахъ имѣлась особая таможня, гдѣ дворниками или *воротниками* сбиралась *поворотная* пошлина за всякій ввозъ и вывозъ товаровъ. Не смотря на строгія охранительныя мѣры, здѣсь-то въ гостиныхъ дворахъ и царила контрабанда, благодаря подкупу, которому легко поддавался караулъ,, назначавшійся воеводами спеціально для *кормленія*, пока въ 1658 г. не состоялось распоряженіе, чтобы для караула у гостиныхъ дворовъ назначались стрѣлецкіе головы и сотники, а не *держальники*—дѣти боярскіе ([18]). На гостиныхъ дворахъ, при складѣ въ амбары, производился товарамъ досмотръ таможенниками, и опредѣлялась при продажѣ слѣдуемая въ казну пошлина.

Въ началѣ торговли, съ 1555 г., количество пошлины взыскивалось (кромѣ англичанъ) какъ съ привозныхъ, такъ и съ отвозныхъ товаровъ одинаково, по 5% со ста рейхсталеровъ, соотвѣтствовавшихъ 50 русск. коп., и такой порядокъ продолжался неуклонно до 1649 г., а съ этого времени была установлена для всѣхъ безъ исключенія иностранцевъ и русскихъ новая пошлина: съ вѣсчихъ товаровъ 4% (по 8 денегъ съ рубля), не съ вѣсчихъ—по алтыну съ рубля; кромѣ этого

([17]) *Чулковъ*. Истор. опис. Россійс. Коммерціи. Т. I, стр. 371.
([18]) Доп. къ Акт. Истор. Т. IV, стр. 141,

велѣно брать еще дополнительную пошлину по 2 деньги съ рубля, за лоцманскіе, мостовые, дрягильскіе, анбарщину и т. п. сборы ([19]).

Извѣстный путешественникъ по Россіи Олеарій, такъ выразился въ своей книгѣ о торговомъ значеніи Архангельска, по поводу сдѣланной надбавки въ пошлинахъ: «нынѣшній Великій князь (Царь Алексѣй Михаиловичъ) наложилъ большую пошлину на товары, привозимые въ этотъ городъ; пошлины собираются живущими тамъ воеводами. Такъ какъ подобная пошлина для купечества довольно тяжела, да притомъ и Шведскій король также беретъ 2°/₀ съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ Лифляндію на Нарву, то можно полагать, что въ Архангельскѣ торговля упадетъ, и чрезъ Лифляндію обратится въ Балтійское море, куда путь болѣе безопасенъ» ([20]).

Но и при новой пошлинѣ значительный перевѣсъ торговыхъ выгодъ переходилъ на сторону иностранцевъ, при дешевизнѣ русскихъ товаровъ и при отягощеніи торговли внутренними сборами. Это обстоятельство заставило наконецъ правительство глубже вникнуть въ положеніе дѣла, и создать съ 1654 г. новый порядокъ вещей для отечественной торговли— изданіемъ Уставной грамоты, которою всѣ эти проѣзжіе и др. мелочные сборы, возбуждавшіе неудовольствіе купечества, были уничтожены и замѣнены однообразною пошлиною по 10 денегъ съ рубля отъ продажи всякихъ товаровъ (*рублевая пошлина*); съ иностранцевъ же, сверхъ этихъ 5°/₀, велѣно брать еще по 4 деньги съ рубля за отвозные изъ Россіи товары ([21]).

Такая полезная мѣра, ограничивая выгоды иностраннаго купечества, уравновѣшивала нѣсколько дешевизну отпуска, и въ то же время значительно облегчала весь механизмъ торговыхъ формальностей. Очевидно, что иностранцы были очень недовольны такими надбавками, лишавшими ихъ прежнихъ

([19]) Доп. къ Акт. Истор. Т. III, стр. 185.

([20]) *Олеарій.* О состояніи Россіи въ царств. Михаила Өедоровича и Алексѣя Михаиловича. Перев. Михайлова (Архивъ истор. свѣдѣній. Изд. Калачева 1859 г., № 3, стр. 10).

([21]) П. С. З. № 1304.

прибылей, и въ особенности англійскіе купцы, когда при этомъ еще имъ напомнили, что-де «надобно великаго государя милость и жалованье помнить, отъ чего они себѣ такое великое богатство пріобрѣли...и хотя-бъ изволилъ на нихъ (Царь) Англичанъ пошлинъ наложить и больше того, и имъ Англичанамъ его Царскаго величества указу надобно послушнымъ быть» ([22]). Всѣ подобныя распоряженія давали понять кому слѣдуетъ, что время уступокъ уже миновало.

Убѣдившись, что путь къ Архангельску сталъ слишкомъ извѣстенъ иностранному купечеству, и что опасаться за торговыя съ ними сношенія нечего, правительство Алексѣя Михайловича пошло неуклонно къ намѣченной цѣли, т. е. чтобы путемъ нѣкотораго ограниченія иностранной торговли усилить отечественную, плодомъ чего и появился въ 1667 г. *Ново-торговый Уставъ*, состоявшій въ 94 статьяхъ, изъ которыхъ 52 относились собственно къ торговлѣ у Архангельска. На этотъ разъ уставъ преслѣдовалъ уже не только финансовую и меркантильную, но и экономическую цѣль, направленную къ огражденію народныхъ интересовъ. Такъ напр., увеличеніе проѣзжей пошлины, сверхъ торговой, на привозные товары, клонилось явно къ охраненію и оживленію внутренней промышленности отъ соперничества иностранцевъ, которымъ Уставъ положительно воспрещалъ розничную торговлю въ россійскихъ городахъ, и предупреждалъ поддѣлку и продажу товаровъ дурнаго качества. Увеличена была пошлина и на предметы роскоши, какъ деморализующіе народныя массы ([23]).

Таможенные и торговые порядки предусмотрѣны Уставомъ до мельчайшихъ подробностей, такъ что читая статьи, относящіяся до сего предмета, получается возможность судить наглядно о ходѣ торговли, происходившей съ этого времени у Архангельска. Пошлины по Ново-торговому Уставу, какъ съ отпускныхъ, такъ и съ привозныхъ (съ вѣсомыхъ по 8, съ невѣсомыхъ по 10 денегъ съ рубля), взыскивались въ моментъ привоза товаровъ *до продажи*. Если же иностранецъ

([22]) Доп. къ Акт. Истор. Т. III, стр. 408.
([23]) П. С. З. № 408.

покупалъ товаръ у русскаго на ефимки, тогда уже не платилъ пошлину, какъ не платилъ ее и русскій купецъ, ежели покупалъ заграничный товаръ на деньги—обстоятельство, доказывающее какъ бѣдно было наше отечество благородными металлами. Торговымъ кораблямъ, слѣдовавшимъ въ Бѣлое море, отнюдь не дозволялось, по новому уставу, останавливаться у какого либо бѣломорскаго селенія, кромѣ какъ у Колы и Архангельска. Холмогорская-же таможня была упразднена, какъ было упразднено и воеводское вліяніе на таможенныя обрядности по сбору пошлинъ и рѣшенію торговыхъ недоразумѣній между русскими и иноземцами. Всѣми таможенными дѣлами завѣдывалъ, по смыслу Устава, гость съ нѣсколькими помощниками - цѣловальниками, и притомъ только на ярмарочное время. Помощники, въ числѣ 12 чел., выбирались изъ 6 торговыхъ городовъ: Костромы, Ярославля, Вологды, Устюга, Каргополя и Соли-Вычегодской. Съ открытіемъ навигаціи, всѣ они съ гостемъ во главѣ, съѣзжались предварительно въ Вологду, откуда обыкновенно слѣдовали товары сплавомъ по Двинѣ къ Архангельску. Досмотръ грузившихся въ Вологдѣ на рѣчныя суда товаровъ производился чрезвычайно строгій, и по составленію вѣдомостей всему осмотрѣнному, и по отправкѣ судовъ, слѣдовало за ними и таможенное начальство къ Архангельску, чтобы поспѣть до прихода съ моря иностранныхъ кораблей. Здѣсь, предъ выгрузкою товаровъ изъ судовъ, производился цѣловальниками вторичный досмотръ по Вологодской росписи. Безъ разрѣшенія гостя и безъ вторичнаго досмотра, купцы не имѣли права выгружать на берегъ свои товары. За каждое нарушеніе таможенныхъ обрядностей товаръ подвергался конфискаціи, равно какъ и оказавшійся, сверхъ вѣдомостей, излишекъ. Выгруженный товаръ ставился на гостиныхъ дворахъ, гдѣ и производился обыкновенно торгъ, подъ непремѣннымъ надзоромъ таможеннаго начальства, обязаннаго при этомъ слѣдить, чтобы всѣ торговыя сдѣлки записывались своевременно въ таможенныхъ книгахъ, и скрѣплялись рукоприкладствомъ продавца и покупателя. Такой-же строгій контроль существовалъ и при обратной отправкѣ товаровъ съ Архангельской ярмарки во внут-

ренніе россійскіе города, при чемъ требовалась подача объявленія въ таможню: чье именно грузится судно, чей кладется товаръ, и какой именно. Эта товарная роспись скрѣплялась гостемъ въ таможнѣ, записывалась въ книги, и если все показанное въ росписи соотвѣтствовало дѣйствительности, тогда судно отпускалось безпрепятственно, безъ платежа отвозныхъ пошлинъ; въ противномъ случаѣ все лишнее конфисковалось.

Такіе порядки существовали при рѣчномъ сплавѣ товаровъ къ Архангельску и обратно.

Относительно-же иностранныхъ кораблей, Уставъ требовалъ отъ таможеннаго начальства особой бдительности, для чего, помимо городской таможни, была учреждена на двинскомъ березовскомъ устьѣ, при Малой Двинкѣ, *застава*, или, какъ тогда называли, *шанцы*, гдѣ предварительно и останавливались всѣ идущія съ моря суда. Корабельщикъ за своею подписью подавалъ начальнику шанцевъ роспись имѣющимся на суднѣ товарамъ, прописавъ въ росписи имя судна и кому адресованъ товаръ; получивъ копію съ своей росписи, слѣдовалъ далѣе къ самой городской пристани, по прибытіи въ которой являлся въ таможню и предъявлялъ выданную въ шанцахъ копію. Таможенное-же начальство, получивъ предварительно присланную изъ шанцевъ подлинную роспись, и записавъ ее въ книгу, досматривало на кораблѣ товаръ, и все лишнее, утаенное отъ предъявленія, подвергало, въ силу Устава, конфискаціи. Разрѣшая торговлю, оно слѣдило, чтобы всѣмъ товарамъ, свозимымъ на берегъ, была подаваема въ таможню особая роспись, а самые товары досматривало въ бочкахъ, въ ящикахъ и въ кипахъ причемъ вѣсомому и не вѣсомому товарамъ производились тогда-же оцѣнка, счетъ и вѣсъ, сообразно съ которыми взыскивалась установленная пошлина. Въ ночное время, всякая погрузка и подвозка товаровъ къ кораблямъ и на берегъ безусловно запрещалась. Мѣновая и покупная торговля разрѣшалась производиться и на корабляхъ, подъ непремѣннымъ лишь надзоромъ таможенниковъ, которые въ такихъ случаяхъ являлись на корабли въ сопровожденіи военной силы, чтобы пресѣкать всякіе лишніе споры и оберегать интересы своего купечества. Обратный путь ко-

рабля за море обусловливался явкою корабельщика въ таможню, гдѣ выдавалось ему форменное свидѣтельство о полученныхъ съ отвозимыхъ товаровъ пошлинъ, и послѣ этого уже обязанность надзора за уходящимъ кораблемъ переходила къ воеводѣ, съ вѣдома котораго и отплывалъ корабль отъ Архангельска.

Чтобы по возможности предупредить контрабандную торговлю, широко практиковавшуюся обѣими торгующими сторонами, велѣно всѣмъ приходящимъ съ Вологды товарнымъ судамъ останавливаться для осмотра и переписи товаровъ не въ корабельной пристани, а предварительно въ рѣчкѣ Кунчукурьѣ, за крѣпкимъ карауломъ, «чтобъ никакихъ товаровъ изъ судовъ на дворы и на корабли и на пустыя барки не выносили и къ Архангельскому городу къ кораблямъ не подъѣзжали» ([24]).

Такимъ образомъ, Ново-торговый Уставъ, обезпечивая обороты русскаго купечества, вмѣстѣ съ тѣмъ точнѣе опредѣлялъ права и обязанности иностранцевъ, и поэтому не могъ не имѣть благодѣтельнаго вліянія на развитіе промышленности и торговли внутри государства. Но и при всемъ томъ, монополія продолжала еще существовать во всей силѣ и послѣ Устава. По прежнему, казна отмежевала себѣ хлѣбъ, пеньку, поташъ, смолу, шелкъ-сырецъ и ревень, а потомъ и говяжье сало, и все это отдавала на откупъ иностранцамъ, между которыми англичане имѣли давнее право на поташъ и смольчугъ ([25]). Къ концу XVII в. на откупъ поступили и рыбій клей, и икра, и льяное сѣмя, и корабельный лѣсъ.

Двойныя, противъ русскихъ, пошлины, новыя таможенныя формальности и стѣснительныя требованія при торговыхъ порядкахъ, запрещеніе розничной продажи, — всѣ подобныя мѣры правительства были горькимъ сюрпризомъ для иностраннаго купечества. Дѣйствія Ново-торговаго Устава сказались для нихъ немедленно у Архангельска. Привыкшіе свозить

([24]) Доп. къ Акт. Истор. Т. V, стр. 178.

([25]) *Бергъ*. Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича. Часть I, стр. 194. Съ 1665 г. было запрещено отпускать англичанамъ смолы, «для ихъ нынѣшней ссоры». (Доп. къ Акт. Истор. Т. V, стр. 181).

тайно товары и уклоняться отъ платежа пошлинъ, иностранцы въ 1668 г. были остановлены въ подобныхъ операціяхъ гостемъ Аверкіемъ Кирилловымъ, отобравшимъ у нихъ, какъ необъявленные, драгоцѣнные камни и жемчугъ, въ силу 74 статьи Устава. На дѣйствія Кириллова они принесли Царю жалобу, оклеветавъ гостя въ своекорыстіи и самоволіи, но по слѣдствію оказались сами неправыми, потому что конфискованные предметы были найдены въ бочкахъ съ краскою, гдѣ нашлось тоже и фальшивое серебро ([26]). Голландскій посланникъ Кондратій фонъ-Клеркъ ходатайствовалъ въ 1675 г. предъ Царемъ объ отмѣнѣ ненавистнаго иностранцамъ Новоторговаго Устава, яко-бы не только невыгоднаго для россійскихъ торговыхъ людей, но и для царской казны, ибо-де этотъ Уставъ — пояснялъ посланникъ — ведя къ умаленію казны, на руку только нѣкоторымъ самолюбцамъ. Въ возмѣщеніе-же отмѣны Устава, посланникъ указывалъ на новый источникъ промысла, могущаго-де обогатить Царя и его подданныхъ, — на дозволеніе голландцамъ ввоза въ Россію изъ Персіи шолка-сырца, отъ котораго богатѣетъ-де Султанъ Турецкій. Отвѣтъ посланнику состоялся устами русскихъ торговыхъ людей, спрошенныхъ Царемъ. «Новой торговой уставъ — объявили они — учиненъ къ великой прибыли казнѣ великаго Государя въ пошлинныхъ сборѣхъ, и они, гости и всего московскаго государства торговые люди, учали промыслы имѣть и въ торговыхъ промыслѣхъ заводитца и часъ и отъ часу полнитца съ того числа, какъ новой торговой уставъ учиненъ, и впредь того уставу никоторыми мѣры отставить немочно, потому что безъ него Царскаго Величества казнѣ въ пошлинныхъ сборѣхъ недоборы, а имъ гостямъ и всѣмъ московскаго государства торговымъ людемъ будетъ изнищеніе великое и промыслы ихъ изсякнутъ, а завладѣютъ тѣми всѣми промыслами ихъ пріѣзжіе торговые иноземцы, а къ Городу ефимковъ въ вывозѣ не будетъ противъ того какъ было до нового торгового уставу лѣтъ за 10, что привозу ефимковъ нималаго не было» ([27]). Потерявъ надежду на отмѣну устава

([26]) Москов. арх. М. И. Д. Катал. IV, № 270. Судное дѣло 1668—1669 г.
([27]) Тамъ-же. Дѣла Голландскаго двора 1675 г., № 9.

иностранцы тогда же ограничили приходъ къ Архангельску кораблей, въ твердой надеждѣ хотя этимъ путемъ склонить московское государство на уступку и дать ему почувствовать умаленіемъ количества пошлинъ, свое могущественное вліяніе на русскіе финансы. Но надежда ихъ не вполнѣ оправдалась. Правда, количество кораблей уменьшилось даже на половину, противъ прежняго числа, но въ суммѣ пошлиннаго сбора у Архангельска особой рѣзкой перемѣны не ощутилось, потому что увеличенные по новому Уставу денежные сборы уравновѣсили недоставившее количество кораблей, и поэтому преимущества новаго Устава сказались дѣйствительно во всей наглядности. Цифры убѣдительнѣе словъ. Прилагаемъ перечень таможенныхъ сборовъ за 26 лѣтній періодъ, собранныхъ у Архангельска въ теченіи XVII в. ([28]).

Годы.	Количество сборовъ.	Годы.	Количество сборовъ.
1621	20,278 рублей.	1666	72,601 р. 95 к.
1654	54,031 р. 62½ к.	1667	57,800 » 24½ »
1655	51,585 » 56½ »	1668	74,660 » 50½ »
1656	63,225 » 14½ »	1669	77,872 » 89½ »
1657	76,959 » 11½ »	1670	66,021 » 12
1658	91,742 » 34½ »	1671	61,508 » 34½ »
1659	78,323 » 20	1672	72,626 » 35
1660	89,354 » 58½ »	1673	52,267 » 47½ »
1661	84,437 » 78½ »	1674	75,243 » —
1662	58,090 » 19½ »	1675	80,931 » —
1663	61,241 » 20	1676	82,180 » 84
1664	71,675 » 41½ »	1677	83,359 » 80
1665	66,905 » 78½ »	1694	66,237 » —

([28]) Московск. арх. М. И. Д. Дѣла. Посольскаго Приказа 1678 г. кн. V, свяв. 514. *Кильбургеръ*. Краткое извѣстіе о Русской торговлѣ, 1674 г.

Сопоставляя количество поступавшихъ ежегодно пошлинныхъ сборовъ изъ Архангельска *въ Новгородскую Четверть* съ количествомъ, которое поступало въ этотъ-же приказъ изъ Великаго Новгорода, Пскова, Нижняго Новгорода, Вологды и изъ другихъ поморскихъ и пограничныхъ городовъ (29), видимъ, что изъ всей собиравшейся въ Приказѣ ежегодной суммы до 100 т. рублей, одинъ Архангельскъ вносилъ въ государственный доходъ болѣе 60 т. р. Вотъ какое финансовое значеніе имѣлъ сѣверный портъ въ бюджетѣ до-Петровской Россіи. Въ концѣ XVII в. появились въ Архангельскѣ и армянскіе купцы, пріѣзжавшіе на ярмарку изъ Москвы съ персидскими товарами.

Дорожа такимъ приморскимъ пунктомъ, правительство, чтобы оградить его отъ всевозможныхъ случайностей и водворить въ корабельной гавани должный порядокъ, нашло необходимымъ учредить при самой гавани заставу, соотвѣтствующую впослѣдствіи брантвахтенному посту. Такое учрежденіе состоялось въ 1687 г., и смотрителемъ заставы былъ назначенъ стрѣлецкій полковникъ Семенъ Ружинскій. Ему указывалось наблюдать во первыхъ, чтобы непріятельскіе корабли не могли пройти въ устье, и во вторыхъ, чтобы съ торговыхъ кораблей до досмотра, на пути ихъ слѣдованія къ городу, не былъ свозимъ на берегъ никакой товаръ (30). Но въ слѣдующемъ году права и обязанности новаго смотрителя гавани были формулированы шире. Ему поручался не только санитарный надзоръ за приходящими кораблями, но и надзоръ въ полицейскомъ отношеніи за безопасностью самаго города, — другими словами, Ружинскій съ званіемъ *городничаго* изображалъ уже собою административную власть, вліяющую на торговыя дѣла Архангельскаго порта, — власть, подчиненную мѣстному воеводѣ. Такое назначеніе составляло въ то время уже новость для торговыхъ, посадскихъ людей и всего купечества, потому что ранѣе этого, за безопасностью города отъ пожарныхъ случаевъ наблюдали, какъ видимъ по архивнымъ дѣламъ, *осадные головы*, имѣвшіе кругъ своего вѣденія только въ чертѣ города — не далѣе,

(29) *Котошихинъ*. О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича. Изд. третіе. Стр. 121.
(30) П. С З. № 1248.

таванъ-же была въ воеводскомъ вѣденіи. Власть Ружинскаго, какъ городничаго, по смыслу даннаго ему Наказа, распространялась на слѣдующіе предметы:

По корабельной гавани — «которые корабли учнутъ приходить съ моря къ Двинскому Березовскому устью и на устьѣ, на тѣхъ кораблѣхъ у иноземцовъ и корабельщиковъ и у кормщиковъ тебѣ полковнику приказать корабельнымъ вожамъ роспрашивать накрѣпко про войну и моровое повѣтріе и про воровскіе корабли; и буде въ ихъ земли и въ окрестныхъ государствахъ мороваго повѣтрія и войны нѣтъ, и имъ тѣ корабли въ устье въ Двину рѣку къ Архангельскому городу вводить по прежнему безъ задержанія; да и самому-бъ тебѣ полковнику съ таможенными цѣловальниками вмѣстѣ за Моисѣевъ островъ выѣзжать и на тѣхъ корабляхъ потому-жъ ихъ иноземцовъ роспрашивать накрѣпко, и буде они все скажутъ благополучно, и ихъ подъ Архангельскій городъ пропускать, а не роспрося ихъ иноземцовъ съ кораблей на берегъ не спущать; также и отъ Архангельскаго города тѣ корабли, по отпуску таможенному, на море имъ-же вожамъ велѣть выводить по прежнему. Да тебѣ-жъ полковнику у Архангельскаго города по Двинѣ рѣкѣ въ судѣхъ ѣздить около кораблей и смотрить и беречь накрѣпко, чтобы корабельщики и кормщике и ихъ работные люди съ кораблей въ воду каменья не метали и песку не сыпали, и тѣмъ корабельнаго ходу и пристани ни отнимали, и заказать имъ корабельщикомъ и кормщикомъ накрѣпко, чтобъ они каменье и песокъ съ кораблей своихъ вывозили на берегъ на указные мѣста, гдѣ пристойно; а буде которые корабельщики и кормщики съ кораблей своихъ учнутъ каменье метать и песокъ въ воду, или на берегъ, а по близку воды сыпать, и про то объявлять въ съѣзжей избѣ воеводамъ съ товарищи, а корабельщикомъ и кормщикомъ говорить, что имъ за такое ослушаніе, по указу великихъ государей, быть въ жестокомъ наказаніи. Да тебѣ жъ полковнику днемъ и ночью смотрить на крѣпко, чтобъ Русскіе люди на корабли къ иноземцамъ съ хлѣбными запасы и ни съ какими товары въ судѣхъ не пріѣзжали и утайкою не продавали, а у иноземцовъ потомужъ Русскіе люди табаку и питей и всякихъ

ихъ заморскихъ товаровъ на кораблѣхъ не покупали, такожебы и иноземцы въ шнякахъ отъ кораблей по стороннимъ рѣкамъ и по заостровамъ не ѣздили и на пустыхъ мѣстахъ у Русскихъ людей хлѣбныхъ запасовъ и никакихъ товаровъ утайкою не покупали-жъ... а для разъѣзду суды имать у земскихъ старостъ, а гребцами быть стрѣльцамъ».

По безопасности города: «чтобъ посадскіе и всякихъ чиновъ люди въ слободахъ избы и мыльны, а въ городѣ въ караульныхъ избахъ стрѣльцы топили съ великимъ береженіемъ, и печи были бы крѣпкія съ напыльники и заслоны желѣзными, а продушинъ бы середи печей не было; и на всѣхъ дворахъ и на поварняхъ, и на анбарахъ и на лавкахъ поставить кади съ водою и помела, чтобъ отъ пожару было опасно, а избъ-бы въ лѣтнее время въ посадскихъ и стрѣлецкихъ слободахъ топить отнюдь не давать, опричь указныхъ и ненастныхъ дней, а бани всѣ перепечатать и топить по томужъ отнюдь не давать... пива безъявочно не варили-бъ, и винъ не курили, и въ вечеру съ огнемъ поздо не сидѣли, и по улицамъ въ ночи никакіе-бъ люди не ходили... А буде твоимъ небреженіемъ надъ казною въ городѣ и на гостиныхъ дворѣхъ учинится какое дурно, или пожаръ, или учнешь что дѣлать не по сему Наказу, за то тебѣ быть въ великой опалѣ, а цѣловальникамъ и стрѣльцамъ въ жестокомъ наказаніи безъ всякой пощады» ([31]).

Тому-же городничему вмѣнялось въ обязанность имѣть наблюденіе за гостиными дворами, касательно разстановки караула у амбаровъ, чулановъ и лавокъ, и правильнаго производства торговли и не допущенія сидѣть съ огнемъ на этихъ дворахъ. Такъ какъ спеціальныхъ средствъ къ тушенію пожаровъ въ то время еще не существовало въ городахъ, кромѣ Москвы, то подобными наставленіями и ограничивалось правительство по отношенію личной и имущественной безопасности жителей.

Чтобы судить, хотя приближенно, о размѣрахъ отпускной торговли Архангельска въ до-Петровское время, приведемъ данныя за 1653 годъ, случайно дошедшія до нашего времени.

([31]) Акт. Археогр. Комм. Т. V, стр. 307—310.

Отпущено было *хлѣба* (рожь, ячмень и пшеница) 10 т. ластовъ по 26 р., на	250,000 р.
Льняное сѣмя 600 ластовъ по 24 р. . . .	14,400 »
Итого хлѣба на	264,400 р.

Мѣха:

579 сороковъ соболей по 100 р.	57,900 р.
355,950 бѣлокъ по 16 руб. за тысячу	55,688 »
360 сороковъ куницъ по 18 р.	6,480
287 сороковъ норокъ по 16 р.	4,592
15,970 лисицъ по 7½ р. десятокъ	11,978
228 сороковъ горностая . .	864
18,748 собольихъ хвостовъ и брюшинъ .	4,687
15,500 собольихъ пупковъ, по 50 р. за тысячу.	775
28,795 штукъ кошекъ по 5 р. за сорокъ . .	3,600 »
Итого мѣховъ на	146,564 р.

Москательные товары:

70 пуд. бобровой струи, по 100 р.	7,000 р.
150 пуд. ревеня по 50 р. пудъ	7,500 »
60 пуд. агарику (лиственич. трутъ) . . .	300 »
Итого на .	14,800 р.

Кожи:

5,725 шкуръ лосины по 4 р. .	23,700 р.
75,000 тюковъ юфти по 1¼ пуд. по 3½ р., на	335,125 »
9,875 козьихъ кожъ на	2,922
4,500 соленыхъ бараньихъ кожъ, по 70 р. сотня	3,150
300 (?) воловьихъ кожъ по 90 р. сотня.	220 »
1,170 паръ сафьяну, по 80 р. за 10 паръ.	940 »
31,060 телячьихъ шкуръ, по 5 алтынъ . . .	4,809 »
Итого кожъ на .	370,866 р.

Разныхъ товаровъ:

168,500 арш. холста по 4 р. за 100 арш.	6,700 р.
325,910 арш. полотенъ, по 5 р. за 100 арш..	16,299 »
389,000 рогожъ по 16 р. за 2000	3,104 »
3,500 пуд. воску по 4½ р.	15,557 »
115,080 пуд. сала по 1 р. за пудъ	126,588
5,700 пуд. щетины по 4½ р..	25,650
600 боч. ворвани по 1½ р.	900
5,500 фунт. шелку по 6 р.	33,000
20,000 пуд. икры по 1½ р.	30,000
250 пуд. слюды по 12 р. . .	800
3,000 лисфунт. (полпуда рус. вѣс.) хлопч. бум. по 3½ р. .	9,750 »
Итого, на .	267,848 р.
Всего на	1,064,478 р. ([32])

Такіе торговые обороты привлекли къ Архангельску, въ концѣ XVII в., на постоянное жительство не только иностранныхъ и иногородныхъ купцовъ, но и холмогорцевъ, увидѣвшихъ во-очію какъ быстро росъ юный соперникъ ихъ по торговлѣ, и какъ онъ притягивалъ къ себѣ всѣ промышленныя средства страны.

Но не странно ли, что въ то время какъ пришлый элементъ успѣшно устраивалъ свои торговыя дѣла и совершалъ крупные обороты, вся эта лихорадочная дѣятельность отражалась въ весьма слабой степени на коренномъ населеніи Архангельска, чему доказательствомъ служатъ таможенныя записныя книги 1686—1691 г., изъ которыхъ видимъ, что сумма валоваго оборота горожанъ, во время ярмарки, не превышала 6—10 тысячъ рублей ([33]). При трудныхъ экономическихъ условіяхъ существованія, когда имѣли мѣсто и прижимки властей и самихъ мірскихъ выборныхъ, на долю посадскихъ только и оставались какъ мелочная торговля,

([32]) *Лодыженскій*. Исторія русскаго таможеннаго тарифа. 1886 г. Стр. 44—45

([33]) *Крестининъ*. Исторія о городѣ Арх., стр. 205 и 206.

либо такая промышленность, какъ извозъ, содержаніе паузковъ и ломовыя на биржѣ работы. Сознанія единства общественныхъ нуждъ и потребностей еще не существовало. Каждый жилъ и дѣйствовалъ самъ по себѣ, не разбирая средствъ: «лучшій» посадскій жалъ и притѣснялъ «средняго», а средній «молодчаго». Такъ было во всѣхъ нашихъ городахъ ([34]). Но такому хаотическому состоянію торговли близился конецъ. Уже надъ Архангельскомъ загоралась заря новой жизни, вѣстникомъ которой былъ Царь Петръ Алексѣевичъ, пожелавшій ближе ознакомиться съ «воротами Россійскаго Государства».

Къ изложенію такого важнаго въ жизни Архангельска событія, мы теперь и подошли.

IV. Посѣщенія Архангельска Петромъ Великимъ, и слѣды этого посѣщенія.

«Всякое каждаго города изобиліе, при Божіей помощи и доброй полиціи, въ началѣ отъ корабельнаго морскаго ходу, такожъ отъ свободнаго и безобиднаго во всемъ вездѣ купечества и искуснаго рукодѣлія, собственную свою имѣетъ силу и умножительное дѣйство».

(Регламентъ Главнаго Магистрата, глава 11).

Глава X.

Причины, вызвавшія пріѣздъ Царя Петра въ Архангельскъ.—Баженины.—Первая постройка торговыхъ судовъ на Соломбалѣ.—Второе прибытіе Царя въ Архангельскъ.—Начало Царской морской торговли.—Ѳ. М. Апраксинъ.—Вавчугская корабельная верфь.—Е. Е. Избрантъ.—Огражденіе Архангельска отъ нападенія шведовъ.—Новодвинская крѣпость.—Побѣда надъ шведами.—Третье прибытіе Царя.—Вице-адмиралъ Крюйсъ, и его мѣры для улучшенія торговли.—Судьба первыхъ русскихъ торговыхъ кораблей.—Цвѣтущее состояніе Архангельской заграничной торговли.—Причины ея упадка.—Откупная система.

Традиціонная торговая политика преемниковъ Іоанна IV, при сношеніяхъ съ иностранцами чрезъ Архангельскъ, довольствовалась, какъ мы видѣли, заведенными при портѣ порядками, т. е. она предоставляла иностранному купечеству обогащаться свободно на счетъ русской недогадливости путемъ отвоза изъ Россіи товаровъ на своихъ корабляхъ, и только заботилась о самомъ главномъ для себя предметѣ—о поступле-

([34]) *Соловьевъ*. Исторія Россіи Т. XIII, стр. 115.

ніи наибольшаго числа пошлинныхъ денегъ въ государственную казну. Далѣе нѣкоторыхъ полумѣръ она не шла, потому что не сознавала еще имѣвшейся подъ руками той силы, помощью которой могла одновременно и увеличить государственную казну и оградить отечественные торговые интересы отъ произвола иноземцевъ, хозяйничавшихъ въ нашемъ единственномъ портовомъ городѣ.

Нельзя сказать, чтобы въ царствованія Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича существовалъ недостатокъ въ совѣтахъ правительству со стороны тѣхъ иностранцевъ, которые издавна поселились въ Россіи, и видѣвшихъ всю ненормальность торговыхъ условій,—въ совѣтахъ, клонившихся къ тому, чтобы русскіе сами строили мореходныя суда, къ чему Московское государство имѣетъ всѣ судостроительные матеріалы въ изобиліи, черезъ что-де разовьется въ государствѣ торговля, а казнѣ послѣдуютъ значительныя выгоды (¹). Новость предлагавшагося дѣла, отсутствіе исполнителей, косность взгляда русскаго человѣка на всѣ эти иноземныя, по его мнѣнію, затѣи, помѣшали осуществить добрые совѣты свѣдущихъ въ морскомъ дѣлѣ людей. Но разъ, что такіе совѣты существовали, и что правительство выслушивало ихъ, и даже кое-что успѣло осуществить при помощи голштинцевъ и голландцевъ въ Нижнемъ Новгородѣ и селѣ Дѣдиновѣ, показываетъ, что мысль о постройкѣ въ Россіи судовъ зрѣла уже тогда въ умахъ лучшихъ русскихъ людей, и только ждала благопріятной поры.

Чтобы осуществить эту мысль, требовалось не формальное отношеніе къ дѣлу новому, а непреклонная энергія, любовь къ морской стихіи, качества, которыя счастливымъ образомъ соединялись въ геніальномъ сынѣ Царя Алексѣя Михайловича, въ юномъ Петрѣ, успѣвшемъ достаточно проявить ихъ въ своихъ морскихъ забавахъ на Переяславскомъ озерѣ.

Неудивительно, что будучи призванъ на царство, Петръ не могъ уже довольствоваться прогулками на озерныхъ судахъ, а желалъ видѣть море и ту оригинальную жизнь, которая кипѣла тогда единственно въ одномъ Архангельскѣ, сулившемъ молодому царю, при его любознательности, массу новыхъ

(¹) Доп. къ Акт. Истор. т. V, стр. 404 и 405.

впечатлѣній. Въ силу такого горячаго стремленія, состоялась поѣздка Петра въ Архангельскъ въ 1693 году.

Двинскимъ воеводою въ то время былъ ближній окольничій Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, имѣвшій пребываніе въ Холмогорахъ, по примѣру прежнихъ воеводъ.

Къ пріѣзду царя, изъявившаго желаніе посѣтить Соловецкій монастырь, была построена при Архангельскѣ 12-пуш. яхта «Св. Петръ», стоявшая уже готовою къ походу у одной изъ городскихъ пристаней (²). Плывя отъ Вологды по Двинѣ въ 7 стругахъ съ большою свитою, Царь прибылъ въ Архангельскъ 30 іюля, и остановился въ приготовленныхъ для него свѣтлицахъ на Мосѣевѣ островѣ (³). На другой день онъ перешелъ уже на яхту, чтобы, по обѣщанію, плыть въ Соловки, но неожиданный случай — выходъ въ море нагруженныхъ товарами иностранныхъ кораблей — далъ иной поворотъ намѣренію, и Петръ, быстрый въ своихъ рѣшеніяхъ, пожелалъ проводить отходившіе корабли, и на яхтѣ плылъ съ ними Бѣлымъ моремъ до «Трехъ острововъ», откуда только 10 августа возвратился въ Архангельскъ. Довольный морскою прогулкою и всѣмъ видѣннымъ въ портовомъ городѣ, Царь продлилъ свое въ немъ пребываніе до 19 сентября, ожидая прихода голландскихъ и гамбургскихъ кораблей, видѣть которые желалъ потому, что голландскій флотъ тогда стоялъ высоко во мнѣніи всей Европы. Оживленный, ярмарочный характеръ Архангельска, не могъ не оставить въ Петрѣ глубокіе слѣды по новости видѣннаго имъ предмета. Онъ не уставалъ входить въ подробности всей торговой операціи и успѣлъ хорошо ознакомиться съ сутью коммерческаго дѣла.

Высоко уважая перваго Архіепископа Холмогорскаго и Важескаго, Афанасія, призваннаго на учрежденную епархію въ

(²) Постройкою яхты у Архангельска, думаемъ, завѣдывали иноземцы, и преимущественно голландцы. Но что она не была построена въ Вавчугѣ, доказательствомъ можетъ служить донесеніе воеводы Лыкова въ 1699 г., по поводу разразившейся надъ Архангельскомъ въ семъ году бури, во время которой, какъ доносилъ воевода, «государеву яхту, которая *строена у Архангельскаго города* въ прошломъ 1693 году, съ якорей сорвало и нанесло на берегъ» (Москов. арх. М. И. Д. 1699 г. Опись 7, связка 683).

(³) «О Высочайшихъ пришествіяхъ Великаго Государя, Царя и великаго князя Петра Алексѣевича изъ Царствующаго града Москвы на Двину, къ Архангельскому городу, и пр.» Издано въ Москвѣ 1783 г. Стр. 13.

1682 году, Царь въ бесѣдѣ съ нимъ и съ боярами часто разсуждалъ «о мірскихъ простыхъ людяхъ и въ работѣ пребывающихъ, и о домовномъ и о всякомъ заводовъ зданіи многоразумно; также и о водяномъ путешествіи морскомъ и рѣчномъ, кораблями и всякими судами, со многимъ искуствомъ» ([4]). Изъ ежедневныхъ посѣщеній биржи и разговоровъ съ иностранными купцами, между которыми тогда жило осѣдло въ городѣ до 30 голландскихъ, Петръ ясно увидѣлъ причину ихъ господства въ русскомъ торговомъ портѣ, и къ сердцу принялъ родные интересы. Подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго, онъ задумалъ великое дѣло — строить свои корабли своими-же рабочими, и на этихъ корабляхъ посылать за море свои-же товары. Для постройки перваго корабля указалъ пустынное мѣсто на одномъ изъ низменныхъ Соломбальскихъ островов (на среднемъ), и даже успѣлъ произвесть закладку, поручивъ дальнѣйшій надзоръ за постройкою этого первенца, назначенному воеводою, вмѣсто Матвѣева, Ѳедору Матвѣевичу Апраксину, прибывшему въ царской свитѣ и уже плававшему съ Царемъ въ Бѣломъ морѣ ([5]).

Крайне заинтересованный этой идеей, и въ то же время не покидая мысли поклониться Соловецкимъ угодникамъ, Царь обѣщалъ воеводѣ и преосвященному Афанасію посѣтить Архангельскъ вторично въ слѣдующемъ-же году, и дождавшись прихода голландскихъ кораблей, простился съ Архангельскомъ при колокольномъ звонѣ церквей и пушечной пальбѣ съ городскаго острога, и поплылъ на стругахъ къ Холмогорамъ. Преосвященному, въ знакъ особаго къ нему благоволенія, Царь подарилъ свой стругъ «съ парусомъ, съ якоремъ и съ заводы и со всею прикрасою и снастію судовою», также и свою карету, обитую внутри разноцвѣтнымъ трипомъ ([6]).

([4]) Тамъ-же. Стр. 29.

([5]) *Елагинъ*. Исторія Русскаго флота. Періодъ Азовскій. Стр. 146.

([6]) О Высоч. пришеств. Стр. 23 и 24, 33. Пожалованные со стругомъ флаги хранятся и нынѣ въ городскомъ кафедральномъ соборѣ; но карета, сохранявшаяся долгое время въ неприкосновенности у мѣстныхъ Владыкъ, впослѣдствіи подверглась полному забвенію, благодаря нашему прославленному равнодушію къ историческимъ святынямъ, и если не ошибаемся, была въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія продана въ ломъ мѣстнымъ скупщикамъ старья! О стругѣ-же преданіе и совсѣмъ умалчиваетъ.

Чтобы не затягивать задуманнаго дѣла, Петръ распорядился о пріобрѣтеніи въ Голландіи на казенный счетъ 44-пуш. корабля, который долженъ былъ прибыть въ Архангельскъ на слѣдующій годъ съ суквами для войска. Отпустивъ въ Холмогорахъ большую часть свиты на Москву, самъ между тѣмъ съ остальными отправился на карбасѣ вверхъ по Двинѣ къ Вавчугѣ—селенію, лежащему на правомъ гористомъ берегу рѣки восточнѣе Холмогоръ, въ 13 верстахъ отъ послѣдняго и въ 83 верстахъ отъ Архангельска. Это селеніе названо по рѣчкѣ того-же имени, впадающей въ Двину ниже Пинеги, изъ 8 озеръ и болотъ, холмы которыхъ слыли прежде подъ именемъ *осиновыя городища* и *прислоны*. Ея ширина была 12 саж. (7).

Занимая красивое мѣстоположеніе съ деревянною тогда церковкою, у подошвы которой протекала Вавчуга, селеніе, послѣ посѣщенія Петра, получило историческую на сѣверѣ извѣстность, какъ мѣсто, гдѣ была учреждена первая купеческая въ Россіи верфь *Бажениными*, двумя родными братьями, Осипомъ и Ѳедоромъ, двинскими посадскими людьми.

Родоначальникомъ этой славной впослѣдствіи фамиліи былъ Семенъ Баженинъ, прибывшій на Двину изъ Новгорода, въ годину разгрома сего древняго города Іоанномъ Грознымъ, и поселившійся въ Холмогорахъ, въ Курцовскомъ посадѣ. Сынъ Семена, Ѳедоръ, въ монашествѣ Филаретъ, игуменъ Архангельскаго монастыря, былъ въ половинѣ XVII в. посланъ въ Сибирь, для обращенія Остяковъ и Самоѣдовъ въ христіанскую вѣру, гдѣ и пострадалъ за имя Христово—убитъ язычниками. Сынъ Ѳедора, Кириллъ состоялъ дьякономъ Холмогорскаго Преображенскаго Собора, и за свой голосъ, при Архіепископѣ Аѳанасіи, взятъ былъ въ Москву въ придворную дворцовую церковь, откуда, будучи уже въ старости, прибылъ на родину въ Холмогоры, гдѣ и скончался, оставивъ по себѣ сына Андрея Кирилловича, родившагося въ 1640 г. Этотъ послѣдній, состоя купцомъ Гостинной сотни въ Архангельскѣ, женился на Ѳеклѣ Поповой, получивъ въ 1671 г. въ приданое Вавчугскую деревню (въ 5 сохъ) съ построенною

---

(7) Древняя и Новая Россія. 1877 г., № 10, стр. 24.

при ней Поповыми еще въ XVI в. пильною мельницею. Старшій сынъ Андрея Кириловича, Осипъ Андреевичъ, перестроилъ эту мельницу въ 1680 г. на иностранный образецъ своими мастеровыми, приспособивъ ее дѣйствовать водою, для распиловки лѣсовъ. Она была на лѣвомъ берегу Вавчуги, а на правомъ такую-же мельницу построилъ братъ Осипа, Өедоръ Андреевичъ, владѣвшіе Вавчугою сообща, какъ родовымъ имѣніемъ. Церковь-же во имя Рождества Іоанна Предтечи, сооруженная въ 1660 г., была домовою церковью Бажениныхъ и въ послѣдующемъ ихъ родѣ ([8]).

([8]) Тамъ-же. № 9, стр. 9. Родословная Баженинихъ обязательно сообщена намъ старшимъ внукомъ послѣдняго Баженина, Н. В. Латкинымъ. Какими по Двинѣ землями владѣлъ послѣдній родъ Баженинихъ, видимъ изъ копіи журнала Архангельской Казенной Палаты 1806 г. подъ № 7, хранящейся у М. К. Сидорова и обязательно намъ сообщенной. Въ ней находимъ, что купецъ Степанъ Баженинъ, ссылаясь на постановленіе 1797 г., состоявшееся въ Холмогорской Нижней Расправѣ и въ Городовомъ Магистратѣ, коимъ Казенная Палата утвердила за Бажениными въ прежнемъ оброкѣ *навсегда* слѣдующія земельныя оброчныя статьи: 1) по р. Двинѣ пожни, слывущія подъ именемъ *старые дворища*, лежащіе у Вавчугскаго устья; 2) мельница нѣмецкая; 3) пашенной земли 47 десятинъ 1200 саж., да покосу 25 десятинъ,—просилъ, чтобы незаконно присвоенныя вавчугскими крестьянами ихъ, Баженинихъ, земли, были отобраны и возвращены законнымъ наслѣдникамъ Баженинихъ. Арх. Каз. Палаты въ 1806 г. потребовала на сіи земли планы, но плановъ у Баженинихъ не оказалось, а были лишь грамоты и крѣпости. Справки по сему дѣлу показали: грамотою, данною въ 1693 г. Андрею Баженину велѣно владѣть вотчинною землею и со всѣми угодьями по писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ, какъ по наслѣдству доставшимся чрезъ покупку предкомъ Баженина, для размноженія корабельной верфи родовымъ деревнямъ; что имъ дана рѣчка Вавчуга и съ озеры и съ островки, и кругъ озерокъ земля въ оброкъ, на коей имѣется корабельная верфь съ лѣсопильными мельницами и прочимъ строеніемъ, а на сихъ-же земляхъ живутъ крестьяне Вавчугскіе, разселившіеся по приглашенію предковъ Баженинихъ въ трехъ деревняхъ: Лубянки (26 душъ), Тиноводской (10 душъ) и Кекурской (15 душъ) — всего 51 душа, да въ деревнѣ Подсѣкѣ, лежащей ближе къ р. Вавчугѣ, 10 душъ, да кромѣ того 12 душъ поселились въ разныхъ волостяхъ Холмогорскаго округа, 7 душъ живутъ въ Архангельскѣ, да въ рекруты сдано 9—всего 89 душъ числилось за Бажениными по послѣдней ревизіи, и «оная-де земля предками ихъ расчищена изъ подъ корня и составляла одну дачу». Лѣсу имѣлось 2470 десятинъ 2300 саж., да подъ Вавчугскимъ селеніемъ 27 десятинъ, а всего у Баженинихъ имѣлось 2570 дес. 1100 саж. Споръ возникъ изъ-за лѣсопорослой земли, которая, по увѣреніямъ черносошныхъ крестьянъ Ровдогорской волости, принадлежитъ-де по писцовымъ книгамъ 1623 и 1624 г. имъ, Ровдогорцамъ. Казенная Палата рѣшила: изъ 7 оброчныхъ статей, числившихся за Баженинами, оставить имъ четыре, а какъ о трехъ въ жалованной грамотѣ ничего не упомянуто, то и отдать ихъ во владѣніе крестьянамъ.

Лѣсопильныя мельницы Бажениныхъ стали извѣстны Царю Петру по слѣдующему обстоятельству.

Посольскаго приказа переводчикъ Андрей Крафтъ, получивъ въ 1692 г. двадцатилѣтнюю привиллегію на устройство въ Россіи мельничныхъ и пильныхъ заводовъ, дѣйствующихъ водою и вѣтромъ, узнавъ о постройкѣ Баженинымн лѣсопильной мельницы въ Вавчугѣ, принесъ Царю жалобу на нарушенную привиллегію, въ надеждѣ самому владѣть доходною статьею (9). Царь взглянулъ на это дѣло иначе, и узнавъ, что Вавчугскія мельницы существовали еще до 1692 г., далъ Осипу Баженину въ 1693 г. февраля 10 жалованную грамоту, въ силу которой указалъ «мельницами въ двинскомъ уѣздѣ въ старинной его деревнѣ Вавчугѣ построенными и заводами владѣть, и на тѣхъ мельницахъ хлѣбные запасы молоть и лѣсъ растирать и продавать на Холмогорахъ и у Архангельскаго города русскимъ людямъ и иноземцамъ, а съ отпускаемыхъ за море досокъ платить пошлины по 26 алтынъ по 4 деньги со 100 досокъ» (10).

Вотъ почему, оставляя Архангельскъ, Петръ и пожелалъ лично видѣть Бажениныхъ, и заведенныя ими мельницы.

Бесѣдуя въ Вавчугѣ съ достойными братьями, Царь вполнѣ оцѣнилъ и ихъ свѣтлый умъ и ихъ предпріимчивость. За тѣмъ, въ началѣ октября, онъ уже берегомъ отправился въ Москву. Опуская преданіе, рисующее намъ Осипа передъ Царемъ на Вавчугской колокольнѣ въ идеальномъ видѣ, какъ мало правдоподобное, видимъ напротивъ, изъ открывшихся архивныхъ документовъ, что нравственная личность Осипа Баженина была далека отъ идеала, и что онъ, по свидѣтельству современника, былъ «самосиленъ, самоволенъ и самосуденъ» (11).

По имѣющимся у насъ фактическимъ свѣдѣніямъ также видимъ, что Баженины, въ первое къ нимъ Царское посѣщеніе, еще не просили Царя о дозволеніи строить въ Вавчугѣ ко-

---

(9) Моск. арх. М. И. Д. Приказные дѣла древнихъ лѣтъ. 1696 г. связ. 632.

(10) Тамъ-же. Самой грамоты 1693 г. въ П. С. З. нѣтъ.

(11) Древн. и Новая Россія 1877 г., №№ 9 и 10. См. статью г. Попова: «Осипъ Андреевичъ Баженинъ».

рабли, и что ихъ просьба объ этомъ предметѣ состоялась не ранѣе 1696 года.

Историческая правда заставляетъ сказать, что первый, кто пожелалъ осуществить мысль Петра, былъ — Францъ Тиммерманъ, голландскій уроженецъ, давно проживавшій въ Россіи, и бывшій наставникомъ Петра въ математическихъ наукахъ. Ему — то, согласно челобитью, и была дана въ 1693 г. первая жалованная грамота на постройку въ Россіи кораблей въ теченіи 20 лѣтъ на Двинѣ и на Усть-Мезени, съ правомъ рубить и приплавлять лѣсъ безпошлинно, и пріучать русскихъ людей къ тому корабельному мастерству ([12]).

Но многія другія Царскія порученія помѣшали однако Тиммерману воспользоваться привиллегіею; поэтому честь фактическаго осуществленія мысли Царской всецѣло принадлежитъ Баженинымъ.

Между тѣмъ, молодой и энергичный воевода Апраксинъ, при помощи присланныхъ изъ Москвы мастеровъ, дѣятельно трудился на Соломбалѣ, чтобы скорѣйшею постройкою корабля порадовать Царя, при его вторичномъ пріѣздѣ въ Архангельскъ.

Пріѣздъ, согласно обѣщанію, состоялся въ 1694 г. мая 18. На этотъ разъ Царь прибылъ съ Вологды не съ одною свитою, но и съ гвардейскими солдатами, предназначенными служить экипажемъ на Царскихъ корабляхъ, и поэтому приплылъ Двиною на 22 стругахъ, и остановился противъ города и Мосѣева острова.

Узнавъ, что новый корабль готовъ къ спуску, Петръ поспѣшилъ на Соломбалу, и 20 мая торжественно спустилъ его на воду, давъ имя «Св. Павелъ». Стоимость корабля, по донесенію воеводы, обошлась въ 1462 р. 19 алтынъ ([13]).

Не теряя времени въ ожиданіи прихода изъ Голландіи заказаннаго корабля, Царь на яхтѣ «Св. Петръ» совершилъ извѣстное плаваніе въ Соловецкій монастырь, въ сопровожденіи Архіепископа Афанасія, испытавъ опасность въ Унскихъ Ро-

([12]) Москов. арх. М. И. Д. Приказныя дѣла древнихъ лѣтъ, 1696 г. связ. 632.
([13]) Тамъ-же, 1697 г. связ. 660.

гахъ, близъ Пертоминскаго монастыря, и 13 іюня возвратился въ Архангельскъ ([14]).

Здѣсь, онъ дождался прихода изъ Голландіи 20 іюля своего корабля, названнаго «Св. Пророчество», и обрадованный, что располагалъ теперь тремя судами, отправился съ ними въ Бѣлое море, въ сопутствіи шедшихъ домой англійскихъ и голландскихъ судовъ; проводивъ послѣдніе до св. Носа, прибылъ 20 августа въ устье Двины, а 26 того-же мѣсяца уже простился съ Архангельскомъ, поручивъ воеводѣ озаботиться отправкою за границу въ семъ-же году корабля «Св. Павелъ», и въ будущемъ 1695 г. корабля «Св. Пророчество». Такимъ распоряженіемъ Петръ клалъ прочное начало торговли на русскихъ судахъ, и возбуждалъ этимъ примѣромъ къ тому-же и своихъ подданныхъ. Но отсутствіе русскаго торговаго флага (трехцвѣтнаго), который былъ лишь учрежденъ только съ 1705 г., сказалось на первыхъ порахъ неудачею плаванія корабля «Св. Павелъ», какъ вышедшаго въ 1694 году изъ Архангельска во Францію подъ голландскимъ флагомъ.

На кораблѣ были казенные товары: поташъ, смола, хлѣбъ и лѣсъ. Франція же въ это время вела войну съ соединенными европейскими морскими государствами, и поэтому какъ только «Св. Павелъ» подъ непріязненнымъ флагомъ пришелъ въ одну изъ французскихъ гаваней, онъ былъ взятъ французами въ собственность, по силѣ ихъ торговыхъ законовъ ([15]).

Отправка-же другаго корабля замедлилась по неприсылкѣ въ 1695 г. изъ Посольскаго Приказа проѣзжей грамоты (паса),

---

([14]) См. книгу «О Высочайшихъ пришествіяхъ и пр.» Стр. 43 и 46. Чтобы сохранить память о мѣстѣ своего спасенія, Петръ собственными руками сдѣлалъ деревянный, сосновый крестъ, вышиною въ $1/2$ саж., и вырѣзалъ на немъ надпись на голландскомъ языкѣ: *сей крестъ сдѣлалъ шхиперъ Петръ въ лѣто Христово 1694*, и поставилъ его на мѣстѣ, гдѣ присталъ къ берегу, послѣ опаснаго плаванія. Этотъ крестъ нынѣ находится въ Архангельскомъ кафедральномъ соборѣ, гдѣ и флаги со струга. Крестъ былъ перенесенъ изъ Пертоминскаго монастыря 29 іюня 1805 г. по Высочайшему повелѣнію на всеподданнѣйшую просьбу жителей Архангельска, и это перенесеніе состоялось съ подобающимъ торжествомъ, при бытности на архіерейской кафедрѣ Архіепископа Евлампія, который по сему случаю имѣлъ на себѣ саккосъ, пожалованный Петромъ Великимъ Архіепископу Афанасію 1702 г.

([15]) *Устряловъ*. Исторія Петра В. Т. II, стр. 157.

безъ которой, какъ доносилъ воевода Царю, нанятые-де люди идти въ море опасаются, а торговые иноземцы и товаровъ своихъ класть не хотятъ ([16]).

«Св. Пророчество» вышелъ изъ Архангельска въ Амстердамъ съ казенными же товарами только въ 1696 году.

И такъ, начало Царской морской торговли сдѣлано, благодаря удачному выбору дѣятеля, въ лицѣ Ѳ. М. Апраксина, съумѣвшаго не безъ труда справиться съ возложенною на него необычною по тому времени задачею. Вообще за время своего краткаго пребыванія въ качествѣ двинскаго воеводы и *губернатора Архангельска* (какъ называлъ его Царь въ письмахъ), Апраксинъ успѣлъ снискать и благоволеніе Царя и благодарность двинянъ своими разумными дѣйствіями и находчивостью.

Такъ напр., когда въ 1695 г. два военные голландскіе корабля захватили въ двинскомъ устьѣ два торговые французскіе, тогда воевода, предугадывая въ этомъ обстоятельствѣ нарушеніе морскихъ правъ нейтральнаго государства, послалъ сказать капитанамъ военныхъ судовъ, чтобы они немедля освободили взятые корабли, и въ рѣкѣ-бъ Царскаго Величества ничьихъ бы кораблей не брали. «Сотвори, Государь, милость — доносилъ онъ тогда же Петру — прикажи ко мнѣ отписать, какъ мнѣ съ ними быть, дѣло новое и образца такова не бывало, чтобъ въ устьяхъ имать корабли. Ссориться съ ними не смѣю, и уступить такъ же не смѣю, чтобъ не учинить безславія. .» ([17]).

Царь не замедлилъ отвѣтомъ «Никако попусти сему быть — писалъ онъ — понеже сіе дѣло зѣло срамно есть и нигдѣ въ пристаницахъ пріѣзжіе такой воли не имѣютъ» ([18]).

Заарестованные корабли получили свободу. Другой фактъ: когда въ 1696 г. и 1697 г. случился на Двинѣ хлѣбный неурожай, грозившій двинянамъ и всему краю голодомъ, то

([16]) Москов. арх. М. И. Д. Голландскіе дѣла, № 1, связ. 19: «Дѣла по челобитьямъ разныхъ иностранныхъ о дачѣ имъ проѣзжей грамоты отъ Архангельскаго города въ другія Государства».

([17]) Изъ дѣлъ Государственнаго архива. Сообщено намъ обязательно Н. А. Коргуевымъ.

([18]) Сообщено тѣмъ-же лицомъ.

Апраксинъ не задумался продать крестьянамъ изъ Государевыхъ житницъ запасный хлѣбъ, и на полученныя деньги пополнилъ житницы хлѣбомъ весенней доставки съ верховыхъ городовъ, при чемъ въ оправданіе своего распоряженія, рекомендующаго и прекрасное его сердце, писалъ Царю: «еслибы изъ твоихъ В. Г. житницъ того хлѣба двинянамъ не продать, и на Двинѣ-бъ отъ той хлѣбной скудости многіе померли, а иные разбрелись въ верховые города, и твоихъ бы В. Г. податей и стрѣлецкихъ и оброчныхъ денегъ взять было не на комъ» ([19]).

При томъ-же Апраксинѣ были произведены въ Архангельскѣ постройки: противъ Русскаго Гостинаго двора сдѣланъ обрубъ на протяженіи 107 саж. съ настланной мостовой, огражденный рѣшеткою съ береговой стороны; новый воеводскій домъ; по сторонамъ проѣзжихъ воротъ «каменнаго города» съ рѣчной стороны поставлены 6 амбаровъ 20 саженныхъ, для поклажи въ нихъ поташа и смольчуги до 9 т. бочекъ. При немъ-же и въ Холмогорахъ былъ построенъ новый воеводскій домъ ([20]). Отозванный въ концѣ 1697 г. Царемъ на Воронежъ для болѣе широкой дѣятельности, Апраксинъ сдалъ свое воеводство стольнику-же Василію Ржевскому.

Тѣмъ временемъ Баженины, поощренные въ своей лѣсной торговлѣ Царемъ, и видя начало судостроенія, положенное на Соломбалѣ, пожелали и съ своей стороны основать на Вавчугѣ верфь, для развитія лѣснаго промысла, мотивируя желаніе въ челобитной, поданной ими Петру въ 1696 г. февраля 12, и нигдѣ до сего времени еще не напечатанной.

«Бьютъ челомъ сироты твои, двиняне посадскіе людишки Оська да Федка Андреевы дѣти Баженины. Въ прошломъ Государь въ 201 (1693) году февраля въ 10 день, по вашему великихъ Государей милосердному изволенію дана намъ сиро-

---

([19]) Москов. арх. М. И. Д. Приказные дѣла древнихъ лѣтъ. 1697 г. связ. 660.

([20]) Тамъ-же. Ѳ. М. Апраксинъ, извѣстный впослѣдствіи какъ первый Генералъ-Адмиралъ русскаго флота, участвовалъ во всѣхъ походахъ Петра Великаго, и въ военныхъ дѣйствіяхъ съ шведами на морѣ и на сухомъ пути. Былъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ Царя на Воронежѣ, при созданіи Азовскаго флота. Скончался въ 1728 г. ноября 10, въ Москвѣ, на 67 году отъ роду и погребенъ въ Московскомъ Златоустовскомъ монастырѣ. (*Ѳ. Ѳ. Веселаго.* Общій морской списокъ. Т. I, стр. 15).

тамъ твоимъ ваша великихъ Государей жалованная грамота, а по той вашей великихъ Государей грамотѣ велѣно намъ сиротамъ твоимъ старинной нашей вотчинной Вавчужской деревни построенною нашею пильною мельницею, которую мы сироты твои построили собою, владѣть, и лѣсъ на той мельницѣ на доски ростирать и тѣ доски продавать на Колмогорахъ и у Архангельскаго города русскимъ людямъ и иноземцамъ... И съ 201 года по нынѣшній 204 годъ тѣхъ тертыхъ досокъ у насъ сиротъ твоихъ за дорогимъ корабельнымъ наймомъ то наше тесовое промыслишко остановилось, и отъ городскихъ ярманокъ того тертаго тесу за продажею остается многое число....Милосердый Государь и Царь и пр. пожалуй насъ сиротъ твоихъ для своего Государева многолѣтняго здравія вели Государь въ той нашей вотчиннишкѣ въ Вавчужской деревни у водяной пильной мельницы строить намъ сиротамъ твоимъ корабли, противъ заморскаго образца, для отпуску съ той нашей пильной мельницы тертыхъ досокъ з море въ иныя земли и для отвозу твоей Государевой казны хлѣбныхъ запасовъ и вина въ Кольской острогъ и для посылки на морѣ китовыхъ и моржевыхъ и иныхъ звѣрей промысловъ; а къ тому корабельному строенію призывать и наймовать намъ сиротамъ твоимъ собою заморскихъ иноземцовъ, корабельныхъ мастеровъ и русскихъ людей повольно, а къ тому корабельному строенію понадобятся какіе угожіе лѣса въ твоей великаго Государя державѣ россійскихъ городѣхъ въ Двинскомъ и въ Каргопольскомъ и въ Важескомъ и въ Устюжскомъ уѣздахъ добывати тѣ лѣса повольно, также и самимъ намъ и прикащикамъ нашимъ на тѣхъ своихъ построенныхъ корабляхъ въ иныя земли за море, которые имѣютъ съ твоимъ Царскимъ величествомъ мирное постановленіе, чтобъ къ нимъ намъ сиротамъ твоимъ и прикащикамъ нашимъ со всякими русскими товары ходить повольно; для того заморскаго ходу вели Государь намъ сиротамъ твоимъ и прикащикамъ нашимъ наймовать въ кормщики и въ работные люди заморскихъ иноземцовъ и русскихъ людей и оружье и пушечные припасы на тѣхъ корабляхъ для обереженія въ морскомъ ходу отъ воинскихъ людей держать повольно-жъ,

а на тѣ корабли вели Государь для проѣздовъ иныхъ земель въ пристанищи и въ морскихъ проливахъ и въ городѣхъ давать намъ сиротамъ твоимъ проѣзжіе листы у Архангельскаго города изъ приказныя палаты, и тѣ корабли отъ города за море отпущать твоего Царскаго величества подъ гербомъ, и о томъ вели Государь намъ сиротамъ твоимъ для того корабельнаго строенія и заморскаго ходу дать свою великаго Государя жалованную грамоту. 204 года, февраля въ 12 день ([21])».

На эту челобитную отвѣтная грамота замедлилась по причинамъ, какъ надо полагать, соединеннымъ съ путешествіемъ Государя въ Голландію, и только послѣ вторичнаго челобитья Баженинныхъ, состоялась въ 1700 г. февраля 2 д. и, конечно, въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ. Ею освобождались Баженины отъ всякихъ выборныхъ службъ и посылокъ, и предоставлялось право вывозить безпошлинно изъ за моря всѣ тѣ матеріалы, какіе нужны для корабельнаго дѣла, а также и свободный наемъ людей, «чтобъ на то смотря — сказано въ жалованной грамотѣ — иные всякихъ чиновъ люди въ такомъ же усердіи намъ В. Г. нашему Царскому Величеству служили и радѣніе свое объявляли ([22])».

Въ этой грамотѣ Царская милость распространялась и на потомство Баженинныхъ.

Такимъ образомъ, привиллегія, закрѣплявшая за родомъ ихъ такія преимущества, какими до этого времени еще никто изъ посадскихъ не пользовался, поставила Осипа и Ѳедора съ нисходящимъ потомствомъ сразу въ исключительное положеніе, доставившее имъ вскорѣ и роду ихъ богатство и почетъ и независимость въ средѣ своихъ земляковъ, архангельцевъ и холмогорцевъ. Получивъ грамоту, Баженины не замедлили заложить на Вавчугѣ два торговые корабля, и построили тамъ-же заводы прядильный и парусный, съ помощью которыхъ дѣло было поставлено прочно и не безвыгодно для заводчиковъ верфи ([23]).

([21]) Моск. арх. М. И. Д. Приказн. дѣла древнихъ лѣтъ. 1696 г. связ. 632.

([22]) П. С. З. № 1749.

([23]) Описаніе дѣлъ главн. Морс. арх. Томъ I. Дѣла Приказа Воинскаго морскаго флота, стр. 146. Государств. арх. Кабинет. дѣла. Отдѣлъ II, кн. № 58, стр. 622. Сообщено намъ тѣмъ же Н. А. Коргуевымъ.

И въ то время, какъ у Баженинытъ закипѣла необычная работа, потребовавшая многихъ рабочихъ рукъ, такая-же и еще въ бо́льшей степени закипѣла на Соломбалѣ, гдѣ съ того же 1700 г. стали строиться за одинъ разъ 6 торговыхъ кораблей, и къ 1701 г. уже были готовыми, подъ руководствомъ присланнаго Царемъ искуснаго мастера — иноземца Избранта ([24]).

Елизарій Елизарьевичъ Избрантъ-Идесъ, адмиралтейскій коммисаръ, былъ родомъ голштинецъ, поселившійся въ Россіи для торговыхъ дѣлъ съ 1677 г. Но какъ торговля не принесла ему желанныхъ выгодъ, то онъ, какъ ловкій человѣкъ, перемѣнилъ поприще купца на поприще дипломата, и въ 1692 г. былъ посланъ Петромъ въ Китай для торговыхъ переговоровъ. Любознательный, онъ собралъ о Сибири нѣкоторыя свѣдѣнія и даже составилъ карту Сибири, на которой въ первый разъ является европейцамъ Камчатка на восточномъ сибирскомъ берегу, въ видѣ рѣки, съ городомъ на берегу ея. По возвращеніи изъ Китая въ Россію, избралъ себѣ опять новое поприще, которое и утвердило за нимъ благорасположеніе Царя надолго. Избрантъ принялъ подрядъ на постройку *кумпанскихъ* кораблей (1797 — 1798) отъ казанскаго митрополита и вологодскаго архіепископа, и построилъ три корабля, которые по пріемѣ въ казну оказались, по отзыву самаго Царя, наилучшими изъ всѣхъ, такъ что носили потомъ названіе «Избрантовыхъ кораблей». Такого-то ловкаго и искуснаго человѣка командировалъ Петръ въ Архангельскъ, для учрежденія на Соломбалѣ первой купеческой верфи, и необманулся ([25]).

Но начавшаяся съ 1700 г. война съ Швеціею, едва не разрушила не только судостроительные планы Петра на Двинѣ, но нѣкоторое время угрожала разореніемъ и самому Архан-

---

([24]) Описаніе дѣлъ Глав. М. арх. Т. I. Дѣла Адмир. Канц. стр. 277.

([25]) *Бантышъ-Каменскій*. Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ Государствами. Стр. 66.

Елагинъ. Исторія Русскаго флота. Періодъ Азовскій. Часть I. Прилож. 3, стр. 312, 316.

Ѳ. Ѳ. Веселаго. Разборъ соч. Тихменева: Образов. Россійс. Америк. Комп. Стр. 41 — 42.

гельску, — разореніемъ, которое могло пагубно отозваться на военныхъ средствахъ Россіи при борьбѣ съ такимъ искуснымъ соперникомъ, какимъ былъ Карлъ XII, потому что только черезъ одинъ Архангельскъ Царь могъ получать изъ-за границы все необходимое для своего военнаго успѣха. Поэтому-то извѣстіе, что шведы сбираются въ 1701 г. напасть съ моря на Архангельскъ, чрезвычайно встревожило Петра, поспѣшившаго принять зависящія мѣры, чтобы затворить отъ шведовъ «ворота Россійскаго Государства».

Воеводою на Двинѣ въ это время былъ бояринъ князь Алексѣй Петровичъ Прозоровскій. Сообщая ему о шведскомъ намѣреніи, Царь требовалъ скорѣйшаго принятія предохранительныхъ мѣръ, которыя должны были заключаться какъ въ укрѣпленіи самаго города, такъ и въ огражденіи двинскихъ устьевъ способами, какіе имѣлись тогда подъ рукою. Еще ранѣе этого распоряженія, весною того же 1701 г. было приступлено къ постройкѣ на Березовскомъ устьѣ каменной крѣпости въ 15 верстахъ отъ Архангельска, на островѣ Линскій прилукъ, при самомъ корабельномъ фарватерѣ, имѣвшемъ тогда здѣсь ширину 90 саж., при глубинѣ отъ 3 — 4 саж. Крѣпость строилъ инженеръ Егоръ Резенъ, а для надзора за строеніемъ былъ посланъ изъ Москвы стольникъ Сильверстъ Петровичъ Іевлевъ, завѣдывавшій матеріальною частью при этихъ работахъ и надзоромъ за рабочими — двинянами, бывшими въ числѣ до 1800 ч. Всѣми денежными расходами на постройку крѣпости и сборомъ рабочихъ завѣдывала въ Архангельскѣ *Семиградская изба*, названная по числу городовъ, привлеченныхъ къ строенію крѣпости: Устюгъ Великій, Вятка, Соль-Вычегодская, Тотьма, Чаронда, Кеврола и Мезень. Въ виду грозившей Архангельску опасности, тогда же приступили не только къ оборонѣ города, и ведущихъ къ нему фарватеровъ, но не были забыты и отдаленные бѣломорскіе пункты, какъ остроги Кольской, Пустозерской, Сумской, Кемь, Мезень и Соловецкій монастырь.

Всюду были посланы изъ Холмогоръ стрѣльцы, какъ главная въ то время военная сила двинскаго края. Для обороны же собственно Архангельска, обращено было вниманіе, съ

одной стороны, на вооруженіе «каменнаго города», т. е. Гостиныхъ дворовъ и всего городскаго берега мѣстною артиллеріею, состоявшею изъ 100 пищалей, а также и изъ пушекъ, позаимствованныхъ на лѣтнюю пору съ иностранныхъ торговыхъ кораблей; съ другой стороны, былъ усиленъ и самый городской гарнизонъ переводомъ изъ Холмогоръ двухъ стрѣлецкихъ полковъ, составившихъ съ имѣвшимися тогда въ городѣ стрѣльцами всю боевую силу, въ количествѣ 1821 ч., къ которымъ были присоединены прибывшіе изъ Москвы и малолѣтніе драгуны, въ числѣ 534 ч. ([26]).

Такою ничтожною силою, неопытною въ боевомъ дѣлѣ, при тогдашнихъ плохихъ пушкаряхъ, думали оградить городъ отъ Нарвскихъ побѣдителей. Притомъ и воевода, обязанный защищать всѣ подступы къ городу, оказался не только неспособнымъ къ распорядительности, но даже и не храбрымъ, какъ увидимъ ниже. Душою обороны въ данномъ случаѣ былъ Архіепископъ Афанасій, приставленный Петромъ къ Прозоровскому, въ качествѣ совѣтника. Онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ мѣропріятіяхъ по оборонѣ и по постройкѣ самой крѣпости, пожертвовавъ для послѣдней весь строительный матеріалъ ([27]). Относительно безопасности двинскихъ устьевъ, Царь повелѣлъ засорить Пудожемское, на Мурманское послать 100 ч. стрѣльцовъ съ пушками, чтобы въ узкихъ мѣстахъ окопаться шанцами и стеречь накрѣпко приходъ непріятеля, не допуская его войти въ самое устье. Такіе же шанцы или батареи сооружены и у новостроившейся крѣпости, въ числѣ четырехъ, изъ которыхъ три, вооруженныя 10-ю, 3-мя и 2-мя пушками, находились въ близкомъ разстояніи отъ крѣпости на томъ же острову, а четвертая о 15 пушкахъ—на о. Марковѣ, лежавшей по другую сторону Малой Двинки. На всѣхъ этихъ батареяхъ имѣлось 400 солдатъ, подъ командою солдатскаго головы (полковника) Животовскаго. Лоцмана были переведены съ Мудьюжскаго острова къ этимъ же батареямъ, и могли выѣзжать на приходящіе съ моря ко-

([26]) Москов. арх. М. И. Д. Дѣла Посольскаго Приказа. Опись VIII, 1701 г., связ. 693.

([27]) «О Высочайш. пришеств. и пр.».

рабли не иначе, какъ по донесенію воеводѣ отъ поставленнаго на Мудьюжскомъ острову военнаго караула, что де пришедшіе корабли подлинно торговые, идутъ оттуда-то и такой-то націи. Вотъ съ какими предосторожностями ждалъ Архангельскъ незваныхъ гостей. Указъ Царя предупреждалъ поморскихъ жителей не выходить на промыслы. Всѣ торговыя суда по сему же случаю были задержаны при портѣ. Въ крайнемъ случаѣ велѣно приготовить брандеры.

О нападеніи шведовъ на Архангельскъ мы знали до сего времени только по описанію, составленному Архіепископомъ Афанасіемъ и заключающемуся въ извѣстномъ Новиковскомъ изданіи «О Высочайшихъ путешествіяхъ и пр.»,—знали, такъ сказать, одну офиціальную сторону дѣла. Нынѣ, благодаря Московскому архиву М. И. Д., имѣемъ возможность выслушать одного изъ самыхъ защитниковъ Архангельска, Стольника Іевлева, пострадавшаго отъ воеводы за исполненіе святаго долга, и принесшаго по сему жалобу въ Новгородскій Приказъ на Прозоровскаго. Вотъ это показаніе Іевлева, подтвержденное инженеромъ Резеномъ и всѣми служилыми людьми. Оно любопытно и поучительно.

«Въ нынѣшнемъ 1701 г. іюня въ первыхъ числахъ, у города Архангельска и въ двинскомъ устьѣ, гдѣ строится Ситадель, до приходу свейскихъ воинскихъ кораблей и ратныхъ людей, учала въ народѣ быть молва, что идутъ свейскіе корабли для разоренія Архангельскаго города... Іюня въ 25 день нынѣшняго 1701 г. къ вышепомянутому Ситадельному каменному строенію пріѣзжалъ отъ Архангельскаго города бояринъ и воевода и взялъ у него, Селиверста, отъ того строенія работныхъ людей 400 ч., и съ тѣми работными людьми поѣхалъ на Мурманское устье, да съ собою взялъ отъ того дѣла полковника Семена Ружинскаго, и сказывалъ онъ, бояринъ и воевода, ему, Селиверсту, и инженеру и солдатскому головѣ Григорію Животовскому, что чаетъ-де онъ свейскихъ воинскихъ людей приходъ въ скорыхъ числѣхъ, чтобъ они были во всякомъ опасеніи; и отъ той крѣпости поѣхалъ онъ на Мурманское устье, и тогожъ числа за три часа до ночи пришли незапно съ моря двинскимъ Березовскимъ устьемъ къ

той новой крѣпости свейскихъ воинскихъ два фрегата, да яхта съ воинскими людьми, и не доходя той крѣпости саженъ за 500, увидѣли они тѣ фрегаты и яхту; а тѣ воинскіе люди на тѣхъ фрегатахъ и яхты парусы опустили и пошли къ той новой крѣпости: фрегатъ да яхта на веслахъ, а третій фрегатъ поостался назади и шелъ за ними безъ гребли. И остановились за 200 с.; а оной же Селиверстъ былъ съ инженеромъ въ новопостроенной батареѣ въ башнѣ, и почали дознавать, что они воинскіе. Голова же солдатской Григорій Животовской, да съ нимъ 15 ч. солдатъ, взявъ Государево знамя и барабанъ, къ тѣмъ фрегатамъ и яхтѣ, чая ихъ торговыми, поѣхали къ нимъ собою, и какъ учалъ къ нимъ пріѣзжать, и они звали его на фрегатъ и сказывались торговыми; а они же видя, что на тѣхъ корабляхъ лежатъ воинскіе люди съ ружьемъ, поплыли прочь, и съ тѣхъ де воинскихъ воровскихъ кораблей учали по нимъ изъ пушекъ стрѣлять, и выстрѣлили по нимъ дробью, и съ трехъ пушекъ и изъ мелкаго ружья стрѣляли-жъ и убили у него, Григорія, писаря да трехъ человѣкъ солдатъ, и двухъ человѣкъ работныхъ людей. И его, Григорія, да сержанта ранили; и тѣ же воинскіе люди съ кораблей бросясь въ малые суды за нимъ, Григоріемъ погнались, и настигли ихъ, взяли у нихъ съ карбасу знамя да барабанъ; и видя то онъ, Селиверстъ съ инженеромъ велѣли изъ батареи, въ которой они съ служилыми людьми были, также и изъ иныхъ батарей изъ пушекъ стрѣлять, и его, Григорія съ солдаты тою стрѣльбою очистили и воинскихъ людей отбили, и фрегатъ и яхту тою стрѣльбою разбили, а воинскіе люди съ тѣхъ кораблей помѣтався въ мелкіе суды, побѣжали на третій корабль. И тотъ корабль, видя надъ тѣми кораблями побѣду, возвратился въ море, а какъ въ приходѣ тѣхъ воинскихъ кораблей учалъ быть бой, и въ то время работные люди многіе было испужалися, побѣжали, и онъ-де Селиверстъ сталъ на тѣхъ работныхъ людей кричать и говорить имъ, буде кто изъ нихъ побѣжитъ, и онъ-де будетъ ихъ колоть копьями, или онъ, Селиверстъ, побѣжитъ, чинили бъ и ему тожъ; также и солдатамъ, которые съ нимъ были, онъ говорилъ же и укрѣплялъ, чтобъ они стояли мужественно,

помня свое великому Государю крестное цѣлованіе, не опасаясь ничего. И тѣ корабли онъ, Селиверстъ, зятю полковника Ружинскаго поляку Ѳедору Венеричу велѣлъ привесть на Двинку къ новой крѣпости со всякими припасы, а яхту весть было невозможно для того, что отъ пушечнаго боя разбита; и съ той разбитой яхты велѣлъ онъ Селиверстъ служилымъ и работнымъ людемъ пушки и порохъ и ядра и всякіе припасы выбрать и переносить въ новоустроенную батарею, что въ башнѣ, а бояринa-жъ и воеводы въ то время какъ тѣ непріятельскіе люди приходили, и какъ у нихъ съ непріятельскими людьми бой былъ, не было, а былъ на вышеписанномъ Мурманскомъ устьѣ отъ новой крѣпости въ верстахъ въ четырехъ, *и услышавъ онъ бояринъ и воевода пушечную стрѣльбу, поѣхалъ съ того устья къ Архангельскому городу, не заѣхавъ къ той новой крѣпости*, и онъ-де Селиверстъ для подлиннаго свидѣтельства и увѣренія, что надъ непріятельскими людьми учинилась побѣда, послалъ къ нему боярину и воеводѣ взятое съ непріятельскаго фрегата знамя да чиненое ядро, и писалъ къ нему, что непріятельскіе корабли взяты, а воинскихъ людей съ тѣхъ кораблей сбилъ, чтобъ онъ бояринъ и воевода прислалъ къ нему, Селиверсту, въ прибавку служилыхъ людей и пороху и ядеръ впредь для опасенія, и велѣлъ бы принять завоеванной фрегатъ. И по той его Селиверстовой отпискѣ онъ бояринъ и воевода на другой день прислалъ къ строенію новой крѣпости. Голову солдатскаго Григорія Меркурова съ солдаты съ городскаго полка, также 20 пушекъ, и къ нимъ ядра и порохъ, а о пріемѣ того корабля и о побѣдѣ ничего ему не учинилъ. И онъ, Селиверстъ, опасаясь приходу непріятельскихъ людей, тотъ взятой корабль послалъ къ городу Архангельскому къ нему боярину и воеводѣ іюня 28 числа, и онъ-де бояринъ и воевода, ѣдучи отъ Архангельскаго города велѣлъ тотъ фрегатъ съ дороги поворотить назадъ къ строенію той крѣпости; а какъ онъ бояринъ и воевода къ крѣпости на Малую Двинку пріѣхалъ, и онъ-де Селиверстъ его боярина и воеводу встрѣтилъ, и онъ-де сталъ его Селиверста бранить матерны, для чего ты не въ свое воинское дѣло вступаешься и отписками во мнѣ пишешь? Ты-бы-де

зналъ свое дѣло къ чему приставленъ, и онъ Селиверстъ ему боярину и воеводѣ говорилъ, когда-де его, Селиверста, въ такомъ случаѣ воинское дѣло застало, и онъ-де для того въ такое дѣло вступилъ, что управлять того воинскаго дѣла въ то время, кромѣ него, было не кому. И онъ-де бояринъ и воевода корабли и припасы приказалъ вѣдать солдатскому Головѣ Григорію Меркурову, а ему отъ воинскаго дѣла отказалъ. А какъ онъ бояринъ и воевода къ великому Государю о взятіи вышеписанныхъ кораблей и о побѣдѣ непріятельскихъ людей писалъ, и его-де Селиверстова имени въ той своей отпискѣ не написалъ, немилосердуя къ нему. Іюля 18 дня пріѣхалъ онъ бояринъ и воевода на Малую Двинку, гдѣ новую крѣпость строютъ, сталъ на его Селиверстова постоялый дворъ, и въ то же время онъ, Селиверстъ, былъ у работъ городоваго строенія, и бояринъ-де и воевода прислалъ по его, Селиверста, человѣка своего, и онъ-де пришелъ къ нему, а у него-де въ то время сидѣли инженеръ и комендантъ и иные иноземцы и русскіе люди. И онъ бояринъ и воевода ему, Селиверсту, говорилъ, для чего-де онъ не въ свое дѣло вступался, и къ Архіерею Холмогорскому о приходѣ непріятельскихъ людей писалъ вѣдомость. И онъ-де, Селиверстъ, ему боярину и воеводѣ говорилъ, писалъ-де къ нему, Селиверсту, съ Колмогоръ Архіерей, чтобъ прислалъ вѣдомость. На то онъ бояринъ и воевода учалъ его, Селиверста, бить своими руками шпагою, и разбилъ ему голову, и онъ-де Селиверстъ, видя себѣ такой великой напрасной бой, ушелъ въ сѣни, и онъ велѣлъ его людемъ своимъ казначею Григорію Алексѣеву съ людьми поимать, и тотъ-де казначей съ людьми, нагнавъ его, Селиверста, въ сѣняхъ, привелъ предъ него, и по его велѣнію, оборвали съ него платье и рубаху разорвали, и велѣлъ его передъ собою положить на землю, и люди его и деньщики его, Селиверста, положивъ на землю, сѣли на рукахъ и на ногахъ и на головѣ, и его, Селиверста, было задушили, и велѣлъ-де онъ принести батоги и дубье, и не бивъ, послалъ его, Селиверста, за караулъ безвинно, и за карауломъ былъ онъ, Селиверстъ, часа съ четыре. О увѣчье онъ,

Селиверстъ, на Колмогорахъ въ Архіерейскомъ Приказѣ записалъ, и отъ того бою сталъ онъ увѣченъ» ([28]).

Такого воздаянія отъ такого воеводы заслужилъ, по другимъ свѣдѣніямъ, и кормщикъ рыболовнаго судна Иванъ Рябовъ, избѣгнувшій счастливо отъ рукъ непріятельскихъ, но не избѣгнувшій отъ Прозоровскаго, ибо былъ подвергнутъ истязанію, и заключенъ въ тюрьму, гдѣ находился съ годъ, яко злодѣй, не повиновавшійся царскому указу, воспрещавшему выѣздъ на промыслы ([29]).

Обрадованный побѣдою и полагаясь на донесеніе боярина и воеводы, что-де честь отраженія «злобнѣйшихъ шведовъ» принадлежитъ инженеру, капитанамъ и солдатамъ, Царь похвалилъ воеводу за распорядительность и велѣлъ выдать побѣдителямъ по 10 руб. на каждаго, рядовымъ-же стрѣльцамъ по 1 р., приказавъ затонувшія отъ выстрѣловъ шведскія суда поднять, исправить и поставить у корабельной пристани въ удобномъ мѣстѣ, во всякой готовности ([30]).

Должно быть, Петръ вскорѣ узналъ о своеобразной распорядительности своего боярина и воеводы, потомучто послѣдній въ слѣдующемъ году уже былъ смѣненъ, а на его мѣстѣ въ воеводской должности уже находился Стольникъ Василій Андреевичъ Ржевскій, начавшій жить не въ Холмогорахъ, а въ Архангельскѣ, для лучшаго надзора за обороной города. Притомъ, въ 1702 г. состоялся третій пріѣздъ Царя въ Архангельскъ, вызванный ложною тревогою касательно намѣренія шведовъ придти снова къ городу.

30 мая, Петръ на 12 дощаникахъ съ сыномъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и съ 4 т. солдатъ Преображенскаго полка, прибылъ къ Архангельску и остановился, по прежнему, на Мосѣевѣ островѣ. Первое лицо, къ которому Петръ отнесся съ благодарностью за побѣду, былъ Архіепископъ Афанасій. Похваляя его за ревность и усердіе, оказанныя при постройкѣ

([28]) Москов. арх. М. И. Д. Опись VIII, 1701 г., связ. 693.

([29]) *Крестининъ*. Историческій опытъ о внѣшней торговлѣ Госуд. Петра В. (Академ. мѣсяцес. на 1795 г. Стр. 49).

([30]) Москов. арх. М. И. Д. Приказ. дѣла древнихъ лѣтъ. 1701 г. Связ. 694, стр. 9.

Новодвинской крѣпости, и за распорядительность при отраженіи шведовъ, Царь пожаловалъ ему три мѣдныя пушки изъ взятыхъ у непріятеля, «для опасенія и береженія въ судномъ плаваніи» ([31]). При этомъ не былъ забытъ и Иванъ Рябовъ, томившійся въ тюрьмѣ. Выслушавъ его о ходѣ дѣла, Царь наградилъ Рябова деньгами, своимъ платьемъ и освободилъ его отъ всѣхъ податей, тягла, до самой смерти ([32]). Послѣ чего, посѣтилъ Вавчугу и ея хозяевъ, на верфяхъ которыхъ имѣлись тогда готовыми 4 судна, изъ которыхъ два, казенные фрегаты, были при Царѣ и спущены на воду. Въ день своего тезоименитства, 29 іюня, присутствовалъ при освященіи храма въ Новодвинской крѣпости, для котораго пожертвовалъ все церковное благоукрашеніе и самыя иконы. Освященіе было обставлено весьма торжественно. Службу совершалъ Афанасій въ *саккосѣ*, устроенномъ изъ бархатнаго зеленаго плаща Царскаго, хранящемся и понынѣ въ ризницѣ городскаго кафедральнаго собора.

Въ тщетномъ ожиданіи прихода шведовъ, Петръ жилъ два мѣсяца іюнь и іюль на о. Марковѣ, въ построенномъ для него небольшомъ домикѣ, чтобы ближе наблюдать за постройкою крѣпости, вполнѣ оконченной только въ 1707 году.

Впослѣдствіи, домикъ, или дворецъ, былъ перенесенъ въ самую крѣпость и хранился тамъ подъ особымъ навѣсомъ на память потомству о жившемъ въ немъ Великомъ Государѣ, но съ 1877 г. этотъ историческій памятникъ нашелъ себѣ болѣе приличное помѣщеніе — въ самомъ Архангельскѣ, гдѣ онъ и сохраняется тоже подъ особымъ навѣсомъ, на площади между церквами Воскресенской и Михаило-Архангельской. Самый-же островъ Марковъ давно не существуетъ. Покрытый кустарникомъ и лѣсомъ, онъ былъ длиною не болѣе 200 саж., по теченію Двины. Еще въ 1810 г. на немъ виднѣлась старинная батарея о 12 орудіяхъ, но въ 1814 г. островъ окончательно былъ стертъ льдомъ ([33]).

([31]) «О Высоч. пришеств. и пр.» Стр. 88.

([32]) Академ. мѣсяцес. на 1795 г., стр. 49. О наградѣ Стольника Іевлева, и была ли награда — намъ неизвѣстно.

([33]) *Рейнеке*. Гидрогр. опис. Сѣвернаго берега Россіи. Часть I, стр. 490.

Убѣдившись наконецъ, что шведы и не думали возобновлять нападенія, Царь, 6 августа, отправился на 13 корабляхъ въ обратный путь черезъ Соловецкій монастырь, откуда по прибытіи къ монастырской деревнѣ Нюхчѣ, отпустивъ флотилію въ Архангельскъ, совершилъ извѣстный переходъ къ шведской крѣпости Нотенбургу дорогою, извѣстною и понынѣ въ нашемъ Поморьѣ — *Царскою*, по которой, осиливая природныя препятствія, перетащилъ съ собою и двѣ яхты, и взялъ Нотенбургъ. Оставляя Архангельскъ, Царь, на всякій случай, распорядился, чтобы всѣ .проходы къ городу съ моря были приведены въ безопасность батареями, а узкій фарватеръ, лежавшій между Марковымъ и Новодвинскою крѣпостью, заграждался-бы цѣпью, для остановки судовъ при находившейся у крѣпости таможенной заставѣ. Для болѣе-же лучшаго приведенія Архангельска въ безопасный видъ, былъ командированъ въ 1702 г. съ Воронежа вице-адмиралъ К. И. Крюйсъ, принятый въ 1698 г. въ русскую службу въ Голландіи, и оказавшій впослѣдствіи Петру, по устройству адмиралтействъ и флота, громадныя услуги. Родомъ датчанинъ, Крюйсъ былъ организаторомъ по преимуществу. Съ хозяйственной точки зрѣнія посмотрѣлъ онъ и на Архангельскъ. Нашелъ, что деревянный острогъ и мосты съ нарѣчной стороны требовали полнаго возобновленія; что каменные Гостиные дворы тоже нуждались въ исправленіи; «страшно» напугало его присутствіе внутри Нѣмецкаго Гостинаго двора пороховаго погреба, мѣсто которому, по мнѣнію Крюйса, надлежало бы находиться не здѣсь, а на Мосѣевѣ островѣ; возмутили его и лежавшіе на двинскомъ берегу безъ всякаго употребленія бревна, на пространствѣ между острогомъ и монастыремъ, которые и совѣтовалъ употребить въ починку города. Предложилъ завести лучшій порядокъ, относительно выбрасыванія баласта приходившими съ моря кораблями, которые-де въ прежніе годы «шли прямо мимо города Архангельскаго въ старое русло, и баластъ свой метали во всякое время безъ пошлины, и потомъ-де уже становились противъ таможенныхъ мостовъ, для выгрузки товаровъ» ([34]). Слѣдовало же, по мнѣнію Крюйса,

([34]) Главн. Морск. арх. Дѣла Приказа Воинскаго Морскаго флота. 1704 г. № 41 (см. Опись дѣлъ арх. М. М. Т. I, стр. 216).

чтобы приходящіе съ моря корабли становились до выгрузки баласта противъ города, а сáмая выгрузка совершалась бы на глазахъ таможенныхъ цѣловальниковъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, и именно въ старомъ (Никольскомъ) руслѣ, когда-де отливъ идетъ уже 2 часа, не ранѣе. Къ присмотру за этимъ — писалъ Крюйсъ — придется приставить довольное число морскихъ служителей, «какихъ теперь у насъ на Руси, слава Господу Богу, довольно есть» ([35]). По предложенію-же Крюйса, была установлена у Архангельска правильная сортировка отпускавшагося за море мачтоваго лѣса, и учрежденъ съ 1704 г. *ластовый сборъ*, по полуефимку съ ласта съ иностранныхъ судовъ, а съ русскихъ торговыхъ людей — адмиралтейская пошлина по полуденьгѣ съ рубля, въ виду того, что для нихъ имѣли быть построенными отъ адмиралтейства *охранительные* амбары для бракованія пеньки, и удобныя пристани. Завѣдываніе сими новыми сборами поручалось Избранту. Этотъ ластовый сборъ не обошелся однако безъ пререканій со стороны иностранцевъ. Англійскій чрезвычайный посланникъ Карлъ Видвортъ, находившійся въ Москвѣ, явился немедленно въ Посольскій Приказъ, и отъ имени Королевы Англійской исходатайствовалъ о невзиманіи съ англійскихъ кораблей на 1704 и 1705 годы ластоваго сбора, впредь до совершенія о томъ особаго договора съ Англіею. Голландцы возревновали англичанамъ, и наотрѣзъ отказались платить установленный сборъ, такъ что когда мѣстною администраціею было предложено въ 1707 г. особыми повѣстками иноземцамъ, жившимъ въ городѣ, приносить въ таможню ластовыя деньги, то иноземцы, какъ гласитъ документъ, «12 сентября многолюднымъ своимъ въ Таможню приходомъ съ крикомъ отъ платежа тѣхъ ластовыхъ ефимковъ отказали», ссылаясь, что они-де подъ послушаніемъ Великаго Государя указовъ Посольскаго Приказа, а не адмиралтейскаго, при чемъ голланецъ Иванъ Любсъ, отъ лица прочихъ, подалъ прошеніе, въ которомъ указывались прежде дарованныя голландцамъ у Архангельска льготы, и неплатежъ въ настоящее время сбора англичанами ([36]). А между тѣмъ, тѣ же голландцы, въ

([35]) Тамъ-же.
([36]) Тамъ-же. № 39.

томъ-же 1705 г., когда пришелъ изъ Архангельска въ Амстердамъ царскій торговый корабль «Св. Павелъ», взяли съ него не только ластовый, но еще и многіе такіе сборы, которыхъ у насъ въ то время не было ([37]). Узнавъ объ этомъ, Петръ отплатилъ голландцамъ тою-же монетою: подтвердивъ указомъ о сборѣ установленной пошлины со всѣхъ иностранныхъ судовъ (кромѣ англійскихъ), повелѣлъ брать съ голландцевъ ту именно сумму сбора, какую позволили себѣ взять съ корабля «Св. Павелъ», т. е. въ увеличенномъ размѣрѣ ([38]).

Чтобы судить о количествѣ ластоваго сбора у Архангельска, надо принять во вниманіе, что тогдашніе корабли вмѣщали грузу никакъ не свыше 180 ластовъ, но большею частію были такіе, которые не вмѣщали свыше 40, 67 и 80 ластовъ, такъ что въ сущности каждый корабль платилъ ластоваго сбора не болѣе какъ до 50 ефимковъ, чаще менѣе 30.

Вообще морской взглядъ вице-адмирала Крюйса оказалъ торговлѣ у Архангельска большую пользу. Онъ-же ввелъ и первую постановку на двинскомъ фарватерѣ предостерегательныхъ знаковъ *лоцъ-бочекъ*, ставившихся съ 1705 г. лоцманами по обѣ стороны фарватера отъ Мудьюжскаго острова и до городской пристани, чѣмъ много содѣйствовалъ безопасности плаванія торговымъ кораблямъ по опасному мелями фарватеру. Такимъ образомъ, гаванскіе порядки у Архангельска получили бо́льшую правильность и соотвѣтствіе тѣмъ порядкамъ,

---

([37]) Роспись, сколько было заплачено въ Амстердамѣ съ корабля «Св. Павелъ» въ 1705 г.

1) Ластовыхъ денегъ взято въ амстердамскомъ адмиралтействѣ	54 ефимка.
2) Съ 15 ч. матросовъ дано за писаніе всякихъ адмиралтейскихъ писемъ .	19 — 10 штев.
3) За огненные баковые знаки со 180 ластовъ дано было	14 — 20
4) Гавенъ-мейстеру и водоносу привальныхъ денегъ	8 — 40
5) За письменныя деньги, печать и за лоцовое письмо .	2 — 29
6) За измѣреніе корабля	3 — »
и 7) Лоцманскихъ денегъ отъ Тексѳля въ море дано было .	8 — »
Всего сбору дано .	163 еф. 49 штев. (Тамъ-же).

([38]) Тамъ-же.

какіе существовали тогда во всѣхъ иностранныхъ портахъ. По мысли-же Крюйса, былъ командированъ въ Архангельскъ, въ помощь Избранту, морской офицеръ, для наблюденія за гаванскими порядками. Между тѣмъ, отправка за море русскихъ торговыхъ судовъ какъ съ Архангельской, такъ и съ Вавчугской верфей, продолжалась усиленно. Первый торговый корабль Баженинымхъ вышелъ въ море еще въ 1703 г., т. е. ранѣе царскихъ кораблей, и былъ снабженъ изъ Посольскаго Приказа патентомъ (пасомъ), какіе потомъ давались и на прочіе русскіе корабли, для свободнаго плаванія въ чужихъ водахъ. Извлекаемъ изъ подъ архивнаго спуда этотъ первый пасъ, какъ документъ историческій (39).

(39) «Божіею Поспѣшествующею милостью мы Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій Великій Государь Царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и Государь и обладатель. Объявляемъ сею настоящею Нашего Царскаго Величества грамотою, кому гдѣ о семъ вѣдати надлежитъ. Понеже подданные Нашего Россійскаго Государства купеческаго чина жители у Архангельскіе корабельные пристани Осипъ да Ѳедоръ Андреевы дѣти Бажениновы съ желанія своего и своимъ иждивеніемъ построили прошедшаго года торговый корабль, имянуемый святаго Верховнаго Апостола Андрея Первозваннаго, длиною сто тридцать шесть, шириною двадцать девятое, глубиною двѣнадцать футовъ три пальца; и доносили они Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, чтобъ имъ на ономъ кораблѣ съ товары и безъ товаровъ позволено было ходить въ окрестныя Государства. По которому ихъ покорному доношенію на томъ кораблѣ съ товары и для товаровъ въ окрестныя Государства ходить имъ повелѣли есмы, о чемъ Пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ Великихъ Государей Цесарскаго Величества, Римскаго и Королевскихъ Величествъ, любительнѣйшихъ братій и друзей Нашихъ просимъ. Также Свѣтлѣйшихъ электоровъ и иныхъ Принципаловъ и наияснѣйшихъ и изящнѣйшихъ рѣчей Посполитыхъ, и Высокомочныхъ Господъ Статъ Соединенныхъ Нидерландовъ и ихъ полководцевъ на водѣ и на сухомъ пути адмираловъ, генераловъ, офицеровъ корабельныхъ и пристанищныхъ комендоровъ, капитановъ, приказныхъ людей и всѣхъ иныхъ, которые гдѣ какое надсмотрѣніе надъ моремъ и пристанищи повѣренно. Требуемъ, когда тотъ корабль въ морскомъ путешествіи обрѣтатися будетъ и кого встрѣтитъ и къ которому флоту, или кораблямъ достигнетъ, и въ чьихъ пристанищахъ оный пребывати учнетъ; дабы имъ Осипу и Ѳедору, или кто вмѣсто ихъ будетъ на томъ кораблѣ со всѣми корабельными людьми, вещами и товары въ немъ обрѣтающимися и безъ товаровъ, не токмо едино свободно и безъ всякаго отягченія, задержанія и помѣшанія пути ихъ продолжать позволили, но и имъ, яко Нашимъ подданнымъ, егда нужда требовати въ чемъ будетъ, всякія пріятныя вспоможенія оказывали, не прилагая съ товаровъ ихъ лишнихъ необыкновенныхъ пошлинъ, что взаимно и въ Нашихъ Госу-

Всѣ наши корабли, плавая преимущественно въ Голландію и Англію, грузились обыкновенно пенькою, льняною пряжею, холстами, парусными полотнами, смолою, поташомъ, юфтями, пилованными досками, рогожами и т. п. Изъ построенныхъ въ 1701 г. Избрантомъ на Соломбалѣ 6 кораблей, первые три вышли въ море съ товарами въ 1704 г., а остальные были Царемъ проданы коронымъ прикащикамъ у Архангельска, Стельсу, Поппу и самому Избранту за ихъ радѣтельныя службы ([40]).

Баженины не были тогда единственными частными заводчиками корабельнаго дѣла. Нашелся было и другой предпріимчивый дѣятель по этой части — московскій купецъ Иванъ Степановичъ Стрежневъ, построившій въ 1707 г. въ Архангельскѣ корабль «Св. Алексѣй», который на слѣдующій годъ и вышелъ съ товарами въ Англію. Но Стрежневу чрезвычайно не посчастливилось на новомъ поприщѣ. «Св. Алексѣй» былъ взятъ близъ Дюнкирхена французскими приватирами, яко-бы имѣвшій фальшивый пасъ, а товаръ конфисковали. Хотя во Франціи и получено было удостовѣреніе объ истинности паса, хотя Стрежневъ и получилъ обратно свой корабль, но пустой, безъ товара, понеся чрезъ это убытку, по его словамъ, болѣе чѣмъ на 40 т. рубл. Тѣми-же приватирами сожжены были на морѣ и 4 наемные корабля Стрежнева, примкнувшіе къ голландскому каравану. Но и этими несчастіями бѣды Стрежнева еще не исчерпывались. Отправленные имъ изъ Архангельска корабли, одинъ въ Португалію, другой въ Англію, оба потерпѣли на морѣ крушеніе, такъ что предпріимчивый купецъ совсѣмъ раззорился ([41]).

дарствахъ то-жъ чинено будетъ. Для чего во свидѣтельство дана имъ ся Нашего Царскаго Величества грамота, за Нашею Государственною печатью. Писанъ Государствія Нашего во дворѣ, въ Царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ. Лѣта отъ Рождества Христова 1703 мѣсяца февраля 10 дня. Государствованія Нашего 21 году». (Моск. арх. М. И. Д. Приказн. дѣла древнихъ лѣтъ. 1703 г. Опись VIII. Связ. 3). Подлинный пасъ писанъ на Александрійскомъ листѣ, а подъ исподомъ того листа подшитъ такой-же листъ, и списанъ пасъ на латинскомъ языкѣ.

([40]) Моск. арх. М. И. Д. Приказ. дѣла древнихъ лѣтъ. 1704. Связ. 4. Описаніе дѣлъ Главн. М. Арх. Т I. Приказъ Воинскаго морскаго флота, стр. 218.

([41]) Москов. арх. М. И. Д. Переписка на русскомъ языкѣ 1712 г. № 23.

При такихъ то печальныхъ обстоятельствахъ выступилъ на сцену русскій торговый флагъ. Но на это были тогда свои причины, потому что плаванія нашихъ торговыхъ судовъ совпали со временемъ крайне-тревожнымъ. Между Франціей и Англіей начался продолжительный споръ за преобладаніе на морѣ, и къ этому спору присоединилась Голландія, держа руку англичанъ. Въ силу этихъ-то причинъ купеческіе корабли нейтральныхъ государствъ и должны были плавать съ осторожностью, имѣя пушки на всякій случай. Но не одинъ Стрежневъ поплатился за свою неосторожность. Не избѣгъ бѣды и Баженинскій корабль «Апостолъ Петръ», вышедшій въ 1707г. изъ Лондона съ сукнами въ Архангельскъ. Близъ Нордъ-Капа, въ ноябрѣ, на корабль напало 7 военныхъ французскихъ судовъ подъ англійскимъ флагомъ и подъ командою извѣстнаго адмирала де-Форбэна. Корабль былъ сожженъ, товары взяты, а русскій экипажъ держали на своихъ судахъ мѣсяцъ, переманивая въ свою службу; но не видя въ томъ успѣха, распорядились по разбойничьи: обобрали одежду, ружья, и обобранныхъ, вывезли на о. Кильдинъ, гдѣ они и были усмотрѣны нашими промышленниками, доставившими ихъ въ Кольскій острогъ, въ числѣ 29 челов. ([42]).

Государевъ, корабль «Св. Апостолъ Андрей», пришедшій во Францію въ 1705 г., не избѣгъ общей участи: былъ проданъ съ кладью, по распоряженію тамошняго правительства ([43]).

Съ такимъ рискомъ и съ такою опасностью велась первое время наша заграничная торговля, при чемъ судьба русскихъ матросовъ, составлявшихъ экипажъ кораблей, была весьма плачевна. «Пѣши, нищи и убоги» возвращались они изъ французскихъ городовъ въ Амстердамъ, по удостовѣренію голландскихъ купцовъ, сообщавшихъ объ нихъ въ Архангельскъ своимъ агентамъ.

Занятый упорною борьбою съ своимъ искуснымъ противникомъ, Карломъ XII, и нуждаясь въ боевыхъ средствахъ и въ

([42]) Москов. арх. М. И. Д. Приказ. дѣла древнихъ лѣтъ. 1707 г. связ. 3. Дѣла Голланд. двора 1707—1708 г., № 3. Связ. 8.

([43]) Описаніе дѣла мор. арх. I. Дѣла Приказа Воинскаго Морскаго флота, стр. 218.

финансахъ, Петръ чрезвычайно дорожилъ развитіемъ торговли у Архангельска, отдаленнаго отъ театра войны. Въ этомъ развитіи находилъ онъ возможность черпать новыя силы, и потому стремился увеличивать болѣе и болѣе торговое значеніе сѣвернаго порта. Всѣ грузы, подлежавшіе къ отправкѣ за море, не только изъ Новгорода, Пскова, Риги, Ревеля, но и изъ внутреннихъ губерній, до малороссійскихъ городовъ включительно, направилъ онъ къ Архангельску, какъ видимъ изъ ряда состоявшихся съ 1701 г. указовъ въ этомъ именно смыслѣ ([44]).

Онъ и воевалъ и купечествовалъ въ одно и то же время. Еще до начала войны обратилъ свое вниманіе на неисчерпаемые источники лѣснаго богатства имперіи, на выдѣлку поташа и смолы, чтобы увеличить сбытъ этихъ продуктовъ заграницу, гдѣ они всегда высоко цѣнились. Мы видѣли, что напр. поташъ составлялъ въ половинѣ XVII в. важную статью сбыта, какъ и смола, производствами которыхъ занималась большею частью казна; по крайней мѣрѣ она доставляла лучшій поташъ. Но не менѣе лучшій поташъ заготовлялся съ 1650 г. въ селѣ Сергачъ, Нижегородскаго уѣзда, на заводахъ боярина Бориса Ивановича Морозова, который и велъ имъ значительную чрезъ Архангельскъ торговлю. Производство поташа и смолы называлось у насъ *буднымъ* дѣломъ, отъ слова *буда*, заводъ, въ смыслѣ особаго мѣста или постройки, приспособленной къ подобнымъ производствамъ. Такое мѣсто называлось еще и *майданомъ*. «И въ отчинахъ будные станы для поташнаго и смольчужнаго дѣла заведены», говорится въ одномъ историческомъ актѣ ([45]). До 1681 г. всѣ наши будные станы были вѣданы *Иноземческимъ Приказомъ*, но съ этого года поступили въ распоряженіе *Приказа Большой Казны*, куда присоединены Вацкая и Сергацкая волости, а послѣ — въ *Адмиралтейскій Приказъ*. Съ 1700 г. всѣхъ будныхъ становъ было 25 ([46]).

Поташъ отпускался у Архангельска иноземцамъ по 2 и по

([44]) П. С. З. См. указы 1701 г. августа 18, октяб. 25; 1712 г. сентябр. 29 и ноября 4.

([45]) См. Словарь Даля.

([46]) Описаніе дѣлъ Глав. М. арх. т. I. Дѣла Приказа Большой Казны, стр. 90.

3 руб. за берковецъ, а смольчугъ по 4 руб. за бочку. Ежегодное количество смольчуга при Петрѣ Великомъ отпускалось за море отъ 4 т. до 5 т. бочекъ, поташу — отъ 30 т. до 80 т. пуд.

На качество сихъ товаровъ при Петрѣ, равно и другихъ, обращаемо было особое вниманіе. Въ наставленіи, данномъ Избранту въ 1706 г. при отъѣздѣ изъ Вологды въ Архангельскъ, вмѣнялось ему въ обязанность, чтобы пеньку у Архангельска продавать иноземцамъ лучшую, среднюю и плохую такъ, чтобы лучшей безъ средней, и средней безъ лучшей и плохой безъ лучшей же, отнюдь не отпускать, и продавать по 8 р. берковецъ на деньги, а мѣною на товаръ — по 9 руб.; товаромъ же для мѣны пеньки считать: *деньги золотыя и ефимки, сандалъ, кварцъ, сѣру горючую, сукна англійскіе, сахаръ, мѣдь, свинецъ, огнестрѣльное оружіе всякаго рода* и *вино ренское*, при чемъ напоминалось, что канаты и пряжу не продавать менѣе, какъ рубль за пудъ ([47]).

Въ силу новыхъ потребностей Россіи, привозными товарами были тогда слѣдующіе; сѣра горючая, баккаутъ, мѣдь красная въ предметахъ хозяйственныхъ, мѣдь зеленая въ листахъ, проволока, краски; бумага писчая, гарусъ на флаги, компасы, фонари къ пороховымъ погребамъ и ручные, склянки песочныя, блоки, сукна англійскіе, олово, пушки, серебро, золото, берды, мѣдныя на тканье парусныхъ полотенъ, челноки на берды трости заморскія, пилы, котлы мѣдные, ложки оловянныя, ножи, вилки, скатерти и салфетки, шандалы мѣдные, ножницы для стрижки лошадиныхъ гривъ и чистки ушей у лошадей, сургучъ, медикаменты, *штурманскіе сундуки* съ принадлежностями, кожи насосныя, стекла, математическіе инструменты, масло деревянное, вина ренское и церковное, сахаръ и — *табакъ*, или, какъ онъ тогда назывался, *никоціанъ*, бывшій въ до-Петровское время подъ строжайшимъ запрещеніемъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, по причинѣ сложившагося церковью предубѣжденія противъ этого злака. Привозъ табаку начался съ 1699 г. и составлялъ привиллегію англійской компаніи.

([47]) Опис. дѣхъ Глав. морс. арх. Дѣла Приказа Воинс. Морс. флота, стр. 218.

Отпускные-же товары, хотя и сохранили прежнюю номенклатуру, но шли за море въ болѣе значительномъ противъ прежняго размѣрѣ. Пенька привозилась въ Архангельскъ въ количествѣ до 700 т. пуд., сало говяжье—на 120 т. руб., казенныхъ товаровъ на 180 т. р., воскъ, холстъ и др. предметы на 140 т. руб., такъ что вся сумма отпуска простиралась свыше чѣмъ на 2 м. руб. Въ одномъ напр. 1710 г. привозъ къ Архангельску иноземныхъ товаровъ былъ на сумму 1,606,580 руб., а отпускъ на 3,071,240 руб. ([48]).

Для нагляднаго ознакомленія съ цифрою торговыхъ оборотовъ, какъ въ періодъ цвѣтущаго состоянія Архангельской заграничной торговли, такъ и въ послѣдовавшее за тѣмъ умаленіе этой торговли по причинѣ возрастанія Петербургскаго порта, которому Архангельскъ былъ принесенъ какъ-бы въ жертву, прилагаемъ нижеслѣдующую вѣдомость прихода къ Архангельску иностранныхъ кораблей, и количества портовыхъ пошлинъ, поступившихъ въ періодъ съ 1710 и по 1730 годы ([49]).

Эти цифры очень краснорѣчивы. Они показываютъ, во первыхъ, какое громадное значеніе имѣлъ Архангельскій портъ для Россіи, во время ея борьбы съ Швеціею, въ пору самаго цвѣтущаго состоянія нашей внѣшней торговли; и во вторыхъ, какую удивительную жизненность проявилъ тотъ же Архангельскъ, когда въ силу состоявшихся Петровскихъ указовъ, онъ вынужденъ былъ дать дорогу возродившемуся Петербургу, и уступить ему львиную долю своихъ коммерческихъ правъ. Изъ вѣдомости видимъ, что 1715 годъ былъ для Архангельской торговли самымъ лучшимъ годомъ за всю первую половину царствованія Петра Великаго, за время производившихся, такъ называемыхъ, *Царскихъ торговъ*, т. е. торговъ казенными товарами. На сколько были выгодны казнѣ эти торги, видимъ изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ: 520 бочекъ

([48]) Москов. арх. М. Юст. Дѣла и Приговоры Правительств. Сената по Архан. губ. № 1719—1720 г. Книга № 78.

([49]) Арх. Д-а Таможенныхъ Сборовъ: Дѣла Коммисіи о Коммерціи. № описи 628, № 77, связ. 4; дѣла Коммерцъ-Коллегіи, № описи 1871, эксп. 1, № 33, связ. 3. Арх. Губ. Вѣд. 1847 г., № 44.

Годы.	Число судовъ.	Сборы внут. там.	Сборы порт. там.	Всего сбора.
1700	64	неизвѣстно.		
1701	106			
1702	149			
1703	112			
1704	122			
1705	143			
1706	147			
1707	133			
1708	206			
1709	163			
1710	159	153,154 руб.	84,329 руб.	237,483 руб.
1711	184	156,228	неизвѣстно.	245,768
1712	132	135,416	тоже.	206,243
1713	169	161,634	80,974	241,908
1714	155	164,822	96,549	261,371
1715	230	182,773	103,824	286,597
1716	208	168,526	104,452	272,978
1717	146	159,442	62,560	222,002
1718	116	123,995	63,728	187,723
1719	119	120,234	66,155	186,389
1720	122	121,134	75,397	196,531
1721	110	101,090	72,195	173,285
1722	60	40,634	29,210	69,844
1723	40	25,535	13,135	38,670
1724	22.	19,041	1,557	20,598
1725	19	14,095	892	14,987
1726	29	16,665	1,743	18,408
1727	45	29,730	4,531	34,261
1728	41	30,789	4,252	35,041
1729	26	24,716	2,646	27,362
1730	38	26,568	4,286	30,854

смольчуги, стоившія казнѣ за всѣми расходами 7297 р. 70 коп., проданы въ Амстердамѣ за 11,312 ефимковъ и 47 стиверовъ, считая голландскій ефимокъ только въ 90 коп. Слѣдовательно, на долю казны получилось чистаго барыша до 40%; 5503 пуда щетины, стоившіе казнѣ 10,042 р. 86½ коп., проданы въ Амстердамѣ за 22,230 ефимковъ и 17 стиверовъ. Тоже было и съ прочими товарами. Казна получала не только 40%, но и 80 и даже до 100% на свои товары, предоставляя въ то же время и заграничнымъ купцамъ извлекать не меньшую пользу, при сбытѣ ими русскихъ товаровъ въ другія руки ([50]).

([50]) Архивъ Д-а Тамож. сборовъ. Дѣло Д-а Внѣшней Торговли. № описи 4288, связ. 367.

77 иноземныхъ купцовъ имѣли въ это время свои торги у Архангельска, а именно: англійскихъ 13, голландскихъ 35, гамбургскихъ 18, датскихъ 2, любскихъ 3 и цесарскихъ 6 ([51]). Торговые-же обороты русскихъ иногородныхъ купцовъ выражаются въ такомъ размѣрѣ: изъ 17 иногородныхъ купцовъ, значившихся по торговымъ книгамъ Архангельска 1703 г., гости Евреиновъ и Исаевъ въ этомъ году купили на ярмаркѣ товаровъ, первый на 73,517 р., второй на 30,322 р. У остальныхъ-же купцовъ покупка колебалась между 30 т. и 6 т., продажа—между 19 т. и 2 т. рублей ([52]).

Уже съ 1713 г. Архангельская заграничная торговля стала ограничиваться запретительными указами, относившимися сперва преимущественно только до казенныхъ предметовъ торговли. Октября 31, всенародно объявлялось, «чтобы купецкіе и другихъ чиновъ люди, у кого есть пенька, юфть, къ городу Архангельскому и на Вологду для торговли не возили, а провозили въ С.-Питербурхъ; также которые государевы товары: икру, клей, поташъ, смолу, щетину, ревень, къ городу не отпускать, а привозить по тому-жъ въ С.-Питербурхъ»; хлѣбъ-же предоставлялось возить невозбранно и въ Петербургъ и въ Архангельскъ, куда способнѣе ([53]). Хлѣбъ отпускался по обыкновенной пошлинѣ съ продавца, а съ купца бралось по $^1/_4$ ефимка съ четверти при отпускѣ за море у Архангельска. Въ ноябрѣ того-же 1713 г. состоялся подтвердительный указъ о стѣсненіи Архангельской отпускной торговли, чтобы вышеупомянутыхъ товаровъ «конечно-бъ не возили подъ потеряніемъ своихъ пожитковъ». Такимъ образомъ, до 1717 г. Архангельскъ былъ принужденъ уступить Петербургу не малую часть своихъ товаровъ, но въ 1717 г. состоялось повелѣніе направлять къ Петербургу $^2/_3$ товаровъ, и только $^1/_3$ къ Архангельску. Казалось бы, къ этому времени торговля Архангельскаго порта должна была значительно умалиться, но практика показываетъ другое. До какой степени

([51]) Тамъ-же. Дѣла Коммерцъ-Коллегіи. № описи 69, эксп. 2, № 12, связ. 1.

([52]) *Крестининъ*. Ист. гор. Арханг. Стр. 215—218.

([53]) Доклады и Приговоры Правит. Сената въ царствов. Петра В. Т. III, кн. I, стр. 1005.

слабо исполнялись въ то время царскія повелѣнія, относительно направленія заграничной торговли по другому руслу, служатъ неопровержимые тому факты. Возьмемъ хотя, для примѣра, исторію о *сахарѣ*. Въ 1718 г. Петръ Великій, для поощренія въ Россіи заводской промышленности, предоставилъ московскому купцу Павлу Вѣсту учредить въ Москвѣ сахарный заводъ, и далъ заводчику привиллегію на 3 года варить и продавать головной сахаръ до 4 т. пудовъ въ годъ свободно безъ пошлины, и вывозить изъ за моря сахаръ-сырецъ тоже безпошлинно, а другимъ никому этимъ товаромъ въ Россіи не торговать, и изъ за моря-бы не вывозить; въ противномъ случаѣ повелѣвалось учетверить пошлину съ привознаго сахара. Изъ справокъ-же, наведенныхъ Правительствующимъ Сенатомъ въ 1720 году по дѣлу о ежегодномъ привозѣ сахара къ Архангельску, оказалось, что въ

1711 г. было привезено	1533 пуд.	5 ф.	головнаго сахара.
1712	3149 »	18 »	»
1713	5332	22	
1714	4858	36	
1715	3047	8	
1716	5863	35	
1717	5208	29	
1718	1243	10	
1719	7377	23	
1720 » »	6405	25	» »

а къ Петербургу привезено было сахару въ 1716—1718 г. всего 1459 п. 15 ф. Выходитъ, что не смотря ни на запрещеніе, ни на учетверенную пошлину, интересы Вѣста не были ограждены, и голландскіе и гамбургскіе купцы, желая уронить заводимое въ Россіи сахарное производство, не жалѣли убытковъ, лишь бы насолить Вѣсту. И именно въ 1719 г., т. е. на другой же годъ состоявшагося царскаго запрещенія, навезено было сахару къ Архангельску и Петербургу болѣе 10 т. пудовъ, чего, по мнѣнію Коммерцъ и Бергъ-коллегій, *никогда еще не бывало* ([54]). Такъ что въ 1721 г. апрѣля 20

([54]) Архивъ Д-а Т. Сб. Дѣла Комерц. Колл. № описи 1191, счетная, № 3 связ. № 1.

состоялся подтвердительный указъ, запрещавшій вывозъ изъ за моря головнаго сахара, и выпускъ его изъ Архангельска въ другіе россійскіе города. Цѣна сахара была различна, отъ 5 руб. до 9 руб. пудъ. А вотъ и другой примѣръ. Въ 1717, 1718 и 1719 гг., когда Петровскими указами торговля у Архангельска стала постепенно стѣсняться въ угоду Петербургу, средняя цифра отпуска товаровъ за это время простиралась у Архангельска до 2.034,000 руб., а привозъ только на 518,521 руб., чрезъ что торговый балансъ былъ около $1^1/_2$ милліона руб. въ нашу пользу ([55]). Эти-то обстоятельства рельефнѣе всего и доказываютъ, какіе въ то время были естественныя удобства Архангельскаго порта предъ Петербургомъ, благодаря водянымъ путямъ, дававшимъ возможность дешевому провозу товаровъ именно къ Архангельску, а не къ Петербургу, гдѣ «торгъ иноземческій—по мнѣнію тамошняго купечества въ 1718 году—былъ недоволенъ», что подтверждаютъ и самыя цифры: въ 1718 году приходило къ Петербургу всего 52 корабля, изъ которыхъ было англійскихъ 30, голландскихъ 10, любскихъ 8, французскій 1 и гданскихъ 3. Отпускъ простирался на сумму 233,051 руб., а привозъ—на 188,854 руб. ([56]). Поэтому, Царю Петру надлежало употребить еще болѣе крутыя мѣры, чтобы заставить купечество свернуть съ проторенной вѣками дороги въ желаемую ему сторону, и онъ достигъ этого только къ концу своего царствованія. Дошло дѣло до того, что къ Архангельску разрѣшалось везти изъ разныхъ мѣстъ Россіи только такое количество товаровъ, какое требовалось лишь для нуждъ жителей Архангельской губерніи ([57]). И такъ, жертва была принесена. Умаленіе Архангельской внѣшней торговли послѣдовало такъ быстро, что въ годъ кончины Петра видимъ у Архангельска всего только 19 кораблей, приходившихъ за хлѣбомъ и лѣсомъ, а пошлинный сборъ въ сложности не простирался свыше 15 т. рублей. Торговая кипучая дѣятельность Архангельской биржи смѣнилась необычною тишиною. Наоборотъ, ожили за это

([55]) Тамъ-же. Дѣла Д-а Внѣшней торговли. № описи 4288, связ. 367.
([56]) Тамъ-же. Дѣла Комм.-Колл. № описи 1655, эксп. 2, № 4, вяз. 1.
([57]) См. П. С. Зак. Указы 1721 г. ноября 27, 1722 г. апрѣля 4.

время балтійскіе порты: Петербургъ, Рига и Нарва. Въ 1725 и 1726 гг. къ нимъ въ общей сложности пришло до 1600 кораблей, и изъ этого числа 755 въ Ригу, 450 въ Петербургъ и 333 въ Нарву, тогда какъ за эти-же годы къ Архангельску только до 50 кор. Отпускъ товаровъ отъ Петербургскаго порта въ 1725 г. былъ на сумму $1^1/_2$ милліона съ лишкомъ, а привозъ на 450 т. руб. Въ 1726 г. однихъ таможенныхъ пошлинъ съ привоза и вывоза товаровъ собрано было въ С.-Петербургѣ 281,855 р., въ Ригѣ 226,798 р., въ Нарвѣ до 30 т. р., а при Архангельскомъ портѣ всего, всего только 18,408 р. ([58]). Прекратилось и самое судостроеніе на Соломбалѣ. Только Осипъ Баженинъ продолжалъ, по прежнему, строить на Вавчугѣ, для морскихъ промысловъ, свои корабли-гукоры и яхты, пытаясь было еще въ 1710 г. начать звѣриные промыслы у Груманта двумя гукорами, но безуспѣшно.

Весь раіонъ торговыхъ операцій жителей Архангельска, Холмогоръ, Устюга Великаго, Вологды и Колы ограничивался за это время посылкою въ Норвегію мелкихъ суднишекъ съ хлѣбомъ и «съ другими мелочными товаренки».

Для усиленія петербургской торговли дарованы были русскому купечеству значительныя льготы, между которыми земская пошлина при перевозкѣ товаровъ уменьшена съ 5% до 3%. Въ Архангельскѣ-же и въ Колѣ земская пошлина бралась съ торговыхъ людей по прежнему, т. е. по 5%, причемъ за отпускъ за море товара если и дозволялось брать съ русскихъ, противъ иностранцевъ, половинную морскую пошлину, за то непремѣнно полновѣсными ефимками, цѣнившимися тогда по 90 коп. и выше за ефимокъ; напротивъ-же, съ отпускныхъ за море русскихъ товаровъ изъ Петербургскаго порта пошлина бралась только по 30 алтынъ за ефимокъ, и притомъ русскими деньгами ([59]). Все это еще разъ доказываетъ, что усиленіе Петербургской торговли произведено за

([58]) Архивъ Д-а Тамож. сбор. Дѣло Д-а Внѣшн. торговли. № описи 4288, связ. 367.

([59]) Москов. Арх. Минист. Юстиціи. Дѣла Прав. Сената по Коммерцъ, Бергъ и Мануфакт. Колл. и Главн. Магистрата. Кн. 1, опись № 905.

счетъ Архангельской. Мѣстная-же городская торговля, въ пору цвѣтущаго состоянія заграничной, была, по прежнему, слаба.

Такъ напр. въ томъ же 1703 г., когда пріѣзжее купечество совершало въ ярмарочное время обороты на десятки тысячъ каждый, горожане-же имѣли валовой оборотъ «въ зиму и ярмарку» не свыше 11 т. руб. Это во первыхъ. А во вторыхъ, имѣлись, кромѣ конкурренціи, и другія причины, которыя много повліяли на мѣстную внутреннюю торговлю,—причины, вызванныя исключительными обстоятельствами военнаго времени, требовавшими усиленнаго изысканія денежныхъ рессурсовъ, и заставившими Петра прибѣгнуть для сего къ откупной системѣ. Силою государственной нужды, Петру пришлось съ 1712 г. отдать на откупъ даже и таможни «для пополненія Его Великаго Государя денежной казны въ нынѣшнее Свейское время» ([60]).

Поэтому неудивительно, что откупъ былъ распространенъ не только на казенные товары, обращавшіеся въ заграничной торговлѣ, и на самыя таможни, но и на очень многія другія отрасли промышленности, незнавшія доселѣ откупа. Такъ до 1704 г. пеньку, юфть, сало, яловичныя кожи и щетину, заготовляли кормившіеся этимъ промысломъ русскіе поставщики въ Калугѣ, Трубчевскѣ, Брянскѣ и въ малороссійскихъ городахъ; но съ 1704 г. заготовка вышесказанныхъ предметовъ перешла въ монополію иноземныхъ купцовъ Христофора Бранта и Ивана Любса, имѣвшихъ уже ранѣе сего на откупѣ-же *щетинный* промыселъ ([61]).

Чтобы рельефнѣе иллюстрировать откупную систему, вызванную государственною нуждою, приведемъ фактъ, относящійся собственно къ Архангельску.

Въ 1711 г. былъ присланъ изъ Астрахани въ Архангельскъ, за какую-то вину, бывшій подъячій Мещеряковъ, и написанъ въ городской полкъ въ солдаты. Присматриваясь къ городскимъ и торговымъ порядкамъ, подъячій возмутился тѣмъ, что здѣсь дѣло ведется совсѣмъ не такъ, какъ въ Астрахани, что

([60]) *Лодыженскій.* Исторія Русскаго Таможеннаго тарифа. Стр. 65.

([61]) Опис. дѣлъ Глав. М. арх. Т. I. Дѣла Адмиралт. Канцеляріи, стр. 148.

каждый изъ посадскихъ свободно перевозятъ на павозкахъ и карбасахъ съ торговыхъ кораблей товары на пристани, въ таможню, и переѣзжаютъ люди; а карбасные и павозокъ хозяева за свой промыселъ платятъ въ таможню пошлины всего 2 р. въ годъ съ каждаго павозка и карбаса, хотя сами отъ нагрузки и разгрузки кораблей получали въ годъ до 25 р. съ судна. Усмотрѣлъ также, что въ Архангельскѣ существуетъ *свободный* извозъ посадскими людьми, платящими *хомутовую* пошлину по 1 руб. въ годъ, тогда какъ подъячему было извѣстно, что въ другихъ городахъ всѣ такіе промыслы имѣются на откупу. Сообразивъ все это, Мещеряковъ испрашиваетъ разрѣшеніе у мѣстной администраціи, отдать ему на откупъ означенные промыслы съ 1712 г. на 3 года, обязуясь платить сверхъ собиравшихся съ промышленниковъ пошлинъ, еще по 300 р. въ годъ, а за извозъ по 2 т. р. Нежелающіе изъ судохозяевъ быть съ нимъ, Мещеряковымъ, въ компаніи, должны по описи и оцѣнкѣ передать ему свои суда за деньги. Самый же платежъ пошлинъ Мещеряковъ обѣщался сообразовать съ количествомъ прихода къ Архангельску торговыхъ судовъ.

Справка подтвердила, что въ 1711 г. было взято съ павозковъ и карбасовъ пошлины по 2 р.—всего 278 руб., а съ извощиковъ 178 р. 16 алт.

Двое изъ горожанъ примкнули къ проекту Мещерякова, и объявили администраціи, что если-де имъ тотъ извозъ данъ будетъ на откупъ на 3 года, и позволятъ имъ брать за извозъ со всякихъ товаровъ русскихъ и иноземныхъ по 1 деньгѣ съ пуда, а съ краснаго юфтянаго товара по 4 деньги съ малаго тюка, то они, откупщики, обязуются платить, сверхъ похомутнаго, по 3 т. р. въ годъ, а за нагрузку и выгрузку кораблей, если станутъ брать по 20 руб., то за павозки и карбасы заплатятъ ежегоднаго откупа по 300 р.

Тотъ-же Мещеряковъ предложилъ и еще одну статью, просмотрѣнную фискомъ. Узналъ онъ, что у Архангельска, за Двиною рѣкою, есть рѣчки Кунчукурья и другая безъ имени, ниже того заостровка, и что купеческіе люди, приходя съ товарами на всякихъ судахъ къ ярмаркѣ, останавливаются

предварительно въ этихъ рѣчкахъ до прихода иностранныхъ судовъ, а суда этихъ купеческихъ людой несутъ-де грузу до 10 т. пуд. и меньше, а никакого-де откупа въ казну не платять, и на откупу рѣчки не состоятъ. То да позволено будетъ компаніи взять и эти рѣчки на откупъ-же, на 3 года, а брать съ судовъ за постой: съ имѣющаго грузу 10 т. пуд. по 2 р. 16 алт. 4 деньги, а съ меньшихъ — по расчету. Откупу обязуется платить по 100 р. въ годъ. За извозъ-же компанія станетъ брать по нижеслѣдующему расчету: *по 3 алтына 2 деньги*—съ сандала краснаго и синяго, съ мѣди зеленой и красной, съ 15 и до 20 пудовъ, съ хрусталя—съ бочки; съ стали, которая-де кладется въ боченки—съ 20 ведеръ, съ бѣлилъ—съ 10 ведеръ, съ свинцу—съ воза, съ подряднаго вина—съ бочки, съ сала, поташа, смольчуги, съ паюсной икры—съ бочки, съ пеньки—съ бунтовъ; что везется на возахъ—съ воза; *по 10 денегъ*: съ суконъ—съ кипы, съ кармазинныхъ и гарусныхъ ящиковъ—съ ящика, съ юфтянаго краснаго товара—по 2 деньги съ тюка, съ олова—съ бочки, съ хлѣбныхъ запасовъ съ четверти—по 4 деньги, съ подрядныхъ насыпныхъ запасовъ съ четверти—по 2 деньги. «А въ Астрахани—присовокуплялъ Мещеряковъ—и въ иныхъ городахъ, гдѣ есть откупы, то *никакихъ товаровъ и хлѣбныхъ запасовъ на себѣ носить и возить, кромѣ извощиковъ, не даютъ*, а которые товары изъ судовъ складываютъ въ амбары и въ шалаши, и съ тѣхъ товаровъ извозное платятъ сполна по вышеписаннымъ статьямъ». Предложеніе Мещерякова было одобрено и утверждено Правительствующимъ Сенатомъ въ 1712 г. ([62]).

Мы уже не приводимъ здѣсь чудовищнаго проекта англійской торговой компаніи, поданнаго Петру въ томъ-же 1711 г. чрезъ коммерсанта Самуила Гарцына, — проекта, который яко-бы клонился къ облагодѣтельствованію государственной казны, къ пользѣ не только нашего сѣвернаго края, но и всего россійскаго государства, но который въ сущности велъ къ обширнѣйшему захвату въ свои руки промышленности и тор-

---

([62]) Доклады и Приговоры Правит. Сената въ царств. Петра В. Изданіе Импер. Академіи Наукъ подъ редак. Калачова. Кн. II, Т. II, стр. 191 и 192.

говли Россіи, до такой степени, что если-бы осуществилось алчное желаніе англійской торговой компаніи, то наше отечество подпало-бы подъ иго, не лучше татарскаго ([63]).

Да, въ тяжкую пору нашей со Швеціей войны являлись съ услугами, не только свои, но и иноземные прожектеры!

Въ Архангельскѣ-же съ 1694 г. на 10-лѣтнемъ откупу была и варка пива за иноземцами Гаутваломъ и Гримомъ, платившимъ въ казну за право откупа по 200 р. ежегодно. Они варили пиво на своихъ поварняхъ, и продавали его бочками всѣмъ пріѣзжавшимъ къ городу изъ Москвы и верховыхъ городовъ, также и корабельщикамъ, безпошлинно и безпенно, подъ строгимъ притомъ запрещеніемъ горожанамъ производить варку пива помимо откупщиковъ ([64]).

Вообще, по отношенію откуповъ, иноземцамъ при Петрѣ Великомъ особенно посчастливилось, потому что всѣ болѣе или менѣе выдающіяся отрасли народной промышленности, въ силу военной нужды, состояли нѣкоторое время въ ихъ рукахъ, какъ лицъ, пользовавшихся по торговой опытности особымъ царскимъ довѣріемъ. Они-же, въ качествѣ прикащиковъ, способствовали и Царской торговлѣ у Архангельска, закупая изъ первыхъ рукъ внутри Россіи казенные товары, и отправляя послѣдніе изъ Архангельска за море, гдѣ имѣлись опять особые царскіе прикащики—коммисіонеры.

Такое исключительное положеніе, занятое иноземцами при Великомъ Государѣ, подтвердилъ иноземецъ-же Георгъ Метцель въ доносительныхъ своихъ статьяхъ Петру въ 1711 г., касавшихся злоупотребленій, которыя творились тогда у Архангельска всѣми торговыми людьми. «Твоя Государь—писалъ Метцель—и такъ къ иноземцамъ милость многая, и во всемъ имъ противъ русскихъ людей свободнѣе, и ни въ которомъ государствѣ такой свободности нѣтъ, какъ твоимъ къ нимъ Государь милосердіемъ» ([65]).

([63]) Описаніе дѣл. Глав. М. арх. Т. I. Дѣла Адмирала графа Апраксина стр. 625.

([64]) Москов. арх. М. И. Д. Приказныя дѣла древнихъ лѣтъ. 1702 г. Опись VIII, связ. 702.

([65]) Доклады и Приговоры Правит. Сената, 1771 г. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Кн. I, № 588, стр. 434.

Очевидно, что это предпочтеніе вызывалось ничѣмъ инымъ, какъ прямою необходимостью поучиться у иноземцевъ вести торговлю на коммерческихъ началахъ, какъ учились тогда мы у нихъ и многому иному по примѣру самого Царя, чтобы не быть «яко дѣтьми не учеными»—по словамъ указа 1723 г., состоявшагося по поводу учрежденія въ Россіи фабрикъ и мануфактуръ.

Познакомимся теперь ближе съ внутреннею жизнію Архангельска за Петровское время, на сколько позволяютъ намъ сохранившіеся документы, и съ тѣми перемѣнами, которыя отразились на торговомъ значеніи города по поводу Петровскихъ реформъ.

Глава XI.

Городская обстройка. — Внѣшній видъ Архангельска по описанію иностранцевъ. — Бытъ посадскаго торговаго человѣка. — Реформы въ составѣ городскаго населенія. — Бурмистры. — Губернаторы. — Торговая русская несостоятельность. — Коммерцъ-Коллегія. — Портовый уставъ и тарифъ. — Городской Магистратъ. — Причины уменьшенія городскаго населенія. — Возобновленіе судостроенія у Архангельска.

Петровская эпоха не измѣнила существенно характера Архангельска, во внѣшнемъ его видѣ, какъ приморскаго города: обстройка представляла ту же безобразную скученность домовъ и домишекъ съ лабиринтомъ улицъ и переулковъ, какую мы видѣли и въ до-Петровскую эпоху. Даже и послѣ Петра, до самаго конца XVIII вѣка городъ представлялъ съ внѣшней стороны то же безобразіе. Длина его въ первые годы XVIII в. была 6 верстъ, а ширина $^3/_4$ версты. Но въ отношеніи церковной обстройки, Петровская эпоха произвела нѣкоторую перемѣну къ лучшему: появились каменныя сооруженія церквей, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ, и даже увеличилось число ихъ. Главнѣйшею тому причиною послужилъ значительный наплывъ къ городу пріѣзжаго купечества и присутствіе бѣломѣстцевъ, т. е. лицъ, хотя и занимавшихся торговлею, но не несшихъ тягла. Въ 1703 г. у пріѣзжаго купечества и бѣломѣстцевъ имѣлось въ Архангельскѣ лавокъ, амбаровъ, кузницъ и мельницъ всего 317, тогда какъ у послѣднихъ ихъ было только 130 ([1]). Такія-то обстоятельства и отразились

([1]) *Крестининъ.* Стр. 215.

прежде всего, по православному обычаю, на благолѣпіи мѣстныхъ храмовъ, и на ихъ численности. Въ центральной части города, въ стрѣлецкой слободѣ (въ Рождественскомъ приходѣ) начата постройкою въ 1692 г. первая каменная церковь о двухъ престолахъ: во имя Рождества Христова, освященнаго въ 1712 г. и Рождества Пресвятыя Богородицы, освященнаго въ 1729 г. Вмѣсто древней деревянной Воскресенской церкви, была заложена въ 1699 г. каменная, оконченная постройкою въ 1715 г., съ придѣломъ св. Великомученицы Параскевы, освященнымъ въ 1708 г. Вмѣсто прежней Преображенской церкви, но на другомъ уже мѣстѣ, *въ деревянномъ городѣ*, была заложена въ 1710 г. каменная о 5 главахъ Соборная церковь, нижній придѣлъ которой во имя Богоявленія Господня былъ освященъ въ 1715 г., а верхній, строившійся во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, оконченъ въ 1743 г., но освященъ во имя св. Троицы уже въ 1765 г. (2).

(2) «Любопытный мѣсяцесловъ» на 1795 г. Сѣверный Архивъ за 1825 г., Кн. 13-я. *Крестининъ*. Стр. 106 и 118. Относительно постройки Соборной церкви, приводимъ любопытную челобитную Архіепископа Варнавы, посланную Царю въ 1717 г., изъ которой видимъ, что достройка соборнаго храма едва было не пріостановилась надолго, въ силу указа, воспрещавшаго повсемѣстно каменныя въ городахъ работы, за нуждою въ каменщикахъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ болѣе всего они требовались. «Въ прошлыхъ Государь давныхъ годѣхъ — писалъ Варнава — построена у Архангельскаго города Соборная древяная церковь, и та Государь церковь отъ многолѣтія конечно обветшала, и священнослуженіе въ ней отправлять весьма опасно, и оттого народному собранію во время ярмарочное и повсегда бываетъ утѣсненіе, и въ служеніи немалое помѣшательство. И въ прошломъ Государь въ 1710 г. тоя ради нужды при бывшемъ братѣ нашемъ преосвященномъ Рафаилѣ Архіепископѣ, съ согласія тогда бывшаго у города Архангельскаго Ближнимъ Стольникомъ и воеводою съ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ Голицинымъ и съ прочими градоначальники и ктиторы, отъ боголюбиваго и доброхотнаго яко архангелогородцевъ тако и пріѣзжихъ всякихъ купеческихъ людей подаянія и усерднаго тщанія, заложена Соборная каменная церковь двоежильно, внутрь древянаго города, нижняя церковь теплая во имя Богоявленія Господня, которая до присылки Вашего Великаго Государя указу и построена, аще и не всѣмъ внутрь каменнымъ помостомъ, обаче деревяннымъ довершена и освящена за самую нужду вышеявленную. Верхняя-же самая настоящая холодная Соборная церковь, которая заложена во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, здатися оставлена за отставленіемъ каменнаго строенія по Вашему В. Г. указу. И о семъ Города Архангельскаго протопопъ Калининъ съ братіею, и всѣ ихъ прихожане и жители архангелогородскіе просили нашего смиренія бить челомъ Вашему Царскому Величеству и просить молитвеннаго Вашего Ц. В. о сострое-

На крайнихъ оконечностяхъ города, въ верхней и нижней. его частяхъ, по причинѣ увеличенія числа жителей и водворенія двухъ гарнизонныхъ полковъ, образовались новые церковные приходы: Благовѣщенскій и Кузнечевскій, гдѣ были построены деревянныя церкви: Блавовѣщенская въ 1711 г., съ придѣлами Великомученика Дмитрія Солунскаго и Прокофія и Іоанна Устюжскихъ чудотворцевъ; Кузнечевская — во имя св. Троицы и Богоявленія, въ 1717 г. Но обновленію Архангельска, въ смыслѣ постройки первыхъ каменныхъ церквей, предшествовалъ Михаило-Архангельскій монастырь, каменная постройка котораго была начата еще въ 1685 г., и окончена въ 1699 г. Къ числу особенныхъ построекъ Петровскаго времени, относились: *канатный дворъ*, поставленный Избрантомъ въ 1705 г. на городскомъ берегу, противъ Мосѣева острова, съ 4 жилыми избами; *аптека*, устроенная въ 1710—1711 г. иждивеніемъ иноземца Каспера Вейса на городскомъ-же берегу, противъ Русскаго Гостинаго двора; казенная *пильная мельница*, перенесенная въ 1721 г. съ Мосѣева острова на городскую же сторону, напротивъ этого острова, и *хлѣбный магазинъ*, построенный въ 1720 г. внѣ городской черты, выше Архангельскаго монастыря, на двинскомъ-же берегу, о двухъ этажахъ, въ которомъ заключалось до 100 амбаровъ подъ казенный и городской провіантъ ([3]).

Иностранцы, щедрые на описанія Москвы, Вологды, Нижняго, Астрахани и др. городовъ, весьма поверхностно описы-

---

ніи тоя Соборной Церкви указу, ради самой вышеявленной нужды и для вящаго въ жертвѣ безкровной къ Богу за многолѣтное В. Ц. В. здравіе приношенія и для душеспасительнаго человѣкомъ и иностраннымъ многимъ во время ярмонки купецкимъ людемъ благолѣпнаго прибѣжища и духовнаго увеселенія. Изъ нихъ-же многіе тоя святыя Церкви желаютъ и подаяніемъ радѣти обѣщаются; и нужда Государь въ томъ, дабы за недостроеніемъ вышекаменныя верхнія Церкви, нижніе каменные своды отъ влажности и мокроты многія и отъ лѣтнихъ тученосныхъ дождей не размокли и не развалилися....» Челобитная возъимѣла дѣйствіе и достройка продолжалась. (Москов. арх. М. Юст. Дѣла и Приговоры Прав. Сената по Арханг. губ., съ 1712—1720 г. Книга № 83).

([3]) Опис. дѣлъ Глав. М. архива, Т. I, Дѣла Приказа Воинскаго Морскаго флота, стр. 218. Тамъ-же. Томъ V. Дѣла Воинской Морской коммисіи, стр. 18. Арх. Д-а Т. Сб. Дѣла Коммисіи о Коммерціи. № описи 604, № 45, связ. 2. Арханг. Губ. Вѣд., 1846 г., № 6.

вали тотъ именно пунктъ, отъ котораго, большею частію, они отправлялись для ознакомленія съ интересовавшею ихъ страною, и поэтому восполнить отъ нихъ что либо объ Архангельскѣ за Петровское время, можемъ весьма немного. Какъ на обращикъ такихъ описаній, укажемъ на путешествіе по Россіи съ 1700—1710 г. голландскаго живописца Корнилія-де-Брюина, который свои впечатлѣнія объ Архангельскѣ выразилъ слѣдующимъ образомъ: «городъ расположенъ вдоль берега рѣки на 3 или 4 часа ходьбы, а въ ширину не свыше четверти часа. Главное зданіе въ немъ есть *палата*, или дворъ, построенный изъ тесаннаго камня и раздѣляющійся на три части... Входя въ эти палаты, проходишь большими воротами въ четыреугольный дворъ, гдѣ по правую и лѣвую стороны расположены магазины. На верху длинная галлерея, на которую ведутъ съ обѣихъ сторонъ лѣстницы; во второе отдѣленіе входъ черезъ подобные-же ворота, гдѣ находится другая палата, въ концѣ которой *Дума* (мірская изба) со множествомъ покоевъ. Нѣсколькими ступенями восходишь на длинную галлерею, гдѣ на лѣвой рукѣ помѣщается Приказъ, или Судъ, а внизу его дверь, выходящая на улицу. Въ этомъ дворѣ хранятся товары, принадлежащіе Его Царскому Величеству, сложенные во множествѣ деревянныхъ и отчасти каменныхъ магазиновъ, собственно для того и устроенныхъ, но которыми пользуются и иностранные купцы. Третьи ворота ведутъ опять въ особую палату, назначенную для товаровъ русскихъ людей, въ которой и купцы, хозяева этихъ товаровъ, также имѣютъ помѣщенія для себя, но не такъ удобныя, какъ покои нашихъ купцовъ. Улица передъ палатою довольно просторная и доходитъ до рѣки. Лѣтомъ, когда сюда приходятъ корабли, строятся два большіе бревенчатые моста, продвигающіеся въ эту рѣку, для удобства переноски товаровъ, выгружаемыхъ и нагружаемыхъ во всякаго рода суда. Барки, служащія для перевозки хлѣба на корабли, довольно большія. *Кремль* (деревянный острогъ), въ которомъ живетъ Воевода, содержитъ въ себѣ лавки, въ которыхъ русскіе во время ярмарки выставляютъ свои товары. Кремль окруженъ бревенчатою стѣною, простирающеюся одною частію

до самой рѣки. Что̀ до зданій, всѣ дома этого города построены изъ дерева или лучше сказать изъ бревенъ, необыкновенно на видъ толстыхъ, что кажется чрезвычайно страннымъ снаружи для зрителя. Однакоже есть и хорошіе дома, внутри снабженные порядочными покоями, въ особенности принадлежащіе иностраннымъ купцамъ. Стѣны въ этихъ зданіяхъ гладкія, обшитыя красиво тоненькими дощечками, и бревна въ нихъ служатъ отчасти лишь поддержкою строенія. Глад кая сторона всегда находится потому внутри, а неровная внѣ. Въ каждой комнатѣ обыкновенно одна печь, затопляемая снаружи. Печи эти большею частію очень большія, и устроены такимъ образомъ, что онѣ не только не безобразятъ, напротивъ—составляютъ украшеніе комнаты, такъ какъ онѣ изящно сдѣланы... Улицы здѣсь покрыты ломаными бревнами, и такъ опасны для проходящихъ по нимъ, что постоянно боишься, чтобы не упасть. Въ добавокъ, въ городѣ находятся безпорядочно разбросанныя развалины домовъ и бревна послѣ пожара. Но снѣгъ, выпадающій зимою, уравниваетъ и сглаживаетъ все. Въ этомъ городѣ есть двѣ церкви для богослуженія: Реформатская и Лютеранская. Они отстоятъ недалеко другъ отъ друга, на берегу рѣки. Пасторъ живетъ тутъ же подлѣ церкви, и кладбище, на которомъ хоронятъ покойниковъ, также какъ и у насъ, расположено между жилищемъ и церковью...» ([1]). Вотъ въ сущности и все описаніе Архангельска, съ голландской точки зрѣнія. О православныхъ храмахъ, о количествѣ домовъ и о занятіяхъ жителей—ни слова, тогда какъ о Вологдѣ тотъ же путешественникъ сдѣлалъ подробное описаніе, начиная съ Собора, и пересчитавъ всѣ церкви каменныя и деревянныя, съ ихъ жестяными кровлями и позолоченными крестами, блестѣвшими на солнцѣ... Внутренняя-же городская жизнь, по ея замкнутости и отчужденности отъ иностранцевъ, безъ сомнѣнія, не могла быть и доступна наблюдательности послѣднихъ. А между тѣмъ, любопытно знать какъ жили посадскіе того времени въ хозяйственномъ отношеніи, и на сколько въ дѣй-

---

([1]) Чт. Исторіи и Древн. Росс. Переводъ Барсова. 1872 г., Т. I, стр. 24—26.

ствительности торговая жизнь Архангельска отражалась на домашнемъ ихъ бытѣ? Удовлетворяемъ это законное любопытство найденнымъ случайно нами архивнымъ документомъ, рисующимъ бытъ двинскаго зажиточнаго человѣка въ 1703 г., —документомъ, изъ котораго усматриваемъ, что по отношенію жилищъ, избы зажиточныхъ посадскихъ имѣли позади, внутри дворовъ, гдѣ были ихъ огороды, особыя пристройки на мшенникахъ, именовавшіяся *горницами*, соединенныя съ избами крытыми сѣнями, и имѣвшія вышки и чердаки. Тутъже на дворѣ находились и другія хозяйственныя помѣщенія, какъ напр. амбары, сараи, погреба, баня и т. п. Подъ избами имѣлись клѣти, или кладовыя. Зимою хозяева жили въ избахъ, а горницы отправляли назначеніе холодныхъ кладовыхъ. Каждая горница, или жилая комната, имѣла на первомъ планѣ до 18 образовъ, изъ которыхъ главные, мѣрою въ аршинъ, были чеканной работы, золоченые, а остальные писаны красками на доскахъ или на холстѣ. По стѣнамъ имѣлись лавки съ мягкимъ сидѣньемъ, т. е. съ кожанными тюфяками. Тутъ же за выбойчатымъ пологомъ стояла спальная кровать съ перинами, подушками и теплымъ песцовымъ или заячьимъ одѣяломъ. На одной изъ стѣнъ виднѣлось зеркало въ золоченой или черной рамѣ, подъ нимъ—столъ дубовый, покрытый скатертью. Въ стѣнѣ—поставецъ или шкафъ, гдѣ хранились серебро и посуда. За неимѣніемъ нынѣшнихъ комодовъ и буфетовъ, все имущество болѣе цѣнное было разсовано по разной величины сундукамъ, погребцамъ, коробьямъ и ящичкамъ, въ самомъ безпорядочномъ видѣ, и безъ всякой системы, представляя собою всевозможный складъ, какъ въ мелочной лавочкѣ. Подъ такой-же складъ отводились и пристроенныя къ избѣ клѣти, и главное, подъизбицы, равно и имѣвшіеся на огородѣ погреба. Окна въ избахъ были волоковые. Образа, или «Божіе милосердіе», занимали почетное мѣсто и въ каждой кладовой. Было въ горницахъ и нѣсколько стульевъ. Домашнюю посуду и утварь составляли: скляницы синяго стекла и обыкновенные стаканы, чарки серебрянныя, сулеи стеклянныя, блюдья и тарелки оловянныя, солонки мѣдныя, яндовы, кунганы, лохани мѣдныя

на желѣзныхъ ножкахъ, рукомойники, тазы и т. п. Наряды посадскихъ обоего пола были: у мужчинъ—кафтаны голубой, лимонной на песцовыхъ мѣхахъ, лазоревой, дымчатой, китайчатой съ серебрянными пуговицами, или суконными, зеленой яренковой; треухъ соболій съ лазоревымъ верхомъ, камзолъ камчатный вишневый съ серебрянными пуговицами; у женщинъ—тѣлогрѣи всѣхъ цвѣтовъ: лазоревыя, лимонныя и др.; холодники женскіе рудожелтые съ серебрянными пуговицами, шапки бобровыя съ атласнымъ, краснымъ верхомъ и т. п.

Къ надворнымъ принадлежностямъ относились также: изба скотская съ сѣнями, мыловарня, амбары хлѣбные, кузница, поварня и ледникъ ([5]). Такъ жили зажиточные изъ посадскихъ, занимавшіеся промышленностью и торговлею. Бѣдные же обыкновенно ютились въ низменныхъ, маленькихъ избушкахъ, при которыхъ уже не было никакихъ пристроекъ.

Но если Петровская эпоха существеннымъ образомъ и не измѣнила внѣшняго характера Архангельска, зато въ общественной жизни городскихъ сословій она произвела громадную перемѣну, разграничивъ права и обязанности обывателей введеніемъ юридическихъ началъ, которыхъ въ сущности до сего времени не существовало въ нашихъ законодательствахъ. Извѣстно, что до Петра охраненіе правъ и преимуществъ горожанъ всецѣло зависѣло отъ воеводскаго произвола и отъ дѣйствія тѣхъ многочисленныхъ Приказовъ, въ вѣдомствѣ которыхъ городскіе обыватели состояли по дѣламъ торговли, промысловъ, суда и расправы. Такая система государственнаго управленія, угнетала отечественную торговлю и промышленность. Какія волокиты претерпѣвало торговое сословіе въ этихъ Приказахъ, подтверждаетъ указъ Петра 1699 г., гдѣ прямо сказано, что отъ приказныхъ людей торговлѣ и промышленности наносятся большіе убытки и разореніе ([6]). На основаніи вышеприведеннаго указа, состоялось съ 1700 г. въ Архангельскѣ открытіе особаго присутственнаго мѣста — *Земской избы*, предсѣдатель котораго *Городской Бурмистръ*, съ

([5]) Опис. дѣлъ Глав. Мор. арх. Дѣло Адмиралт. Канцеляріи, стр. 271.
([6]) П. С. З. 1699 г., января 20.

своими помощниками долженъ былъ ежегодно выбираться изъ среды лучшихъ купцовъ гостиной и суконной сотенъ, для ближайшаго завѣдыванія какъ торговыми и промышленными дѣлами города, такъ и расправою между торговыми и посадскими людьми и уѣздными крестьянами.

Смыслъ этого учрежденія заключался въ желаніи законодателя, чтобы для распространенія торговъ и промысловъ ни воевода, ни посланные отъ него, не задерживали бы торгующихъ людей на заставахъ, въ пріѣздахъ, въ отпускахъ и въ досмотрахъ, и чтобы казна отъ того въ сборѣ множилась бы ([7]). Изъятая изъ вѣдомства воеводы, Земская Изба подчинялась только Главной Московской Ратушѣ.

Отстранивъ подсудность горожанъ отъ различныхъ вѣдомствъ и даровавъ право собственнаго суда, Петръ дальнѣйшими узаконеніями постепенно предоставлялъ городскимъ обывателямъ способы устроить, по примѣру западныхъ городовъ, свое самоуправленіе. Эти узаконенія носили на себѣ слѣдующій характеръ: 1) обращено было вниманіе на установленіе равномѣрнаго распредѣленія податей съ торгующихъ и ремесленныхъ классовъ, сообразно промыслу и достатку каждаго; 2) уничтожены жалованныя или тарханныя грамоты, по которымъ многія лица освобождались, бывало, отъ платежа податей, и съ тѣмъ вмѣстѣ обложены пошлиною по торговому уставу всѣ занимающіеся торговлею; 3) торговые люди были обязаны нести погодно казенныя и городскія службы; 4) дозволено каждому безпрепятственно заниматься торговлею, но неиначе какъ подъ собственнымъ именемъ и съ уплатою всѣхъ торговыхъ пошлинъ; 5) городскіе обыватели, дѣлившіеся по прежнему законодательству на гостей и купцовъ разныхъ сотенъ и на тяглыхъ посадскихъ людей, раздѣлены на классы или гильдіи, съ предоставленіемъ каждому классу правъ и преимуществъ ([8]). Финаломъ этихъ узаконеній яви-

---

([7]) П. С. З. 1700 г., октября 6.

([8]) П. С. З. 1706 г. декаб. 18; 1700 г. іюня 15; 1713 г. сент. 13; 1711 г., марта 2, октяб. 1; 1721 г. января 16; 1719 г. марта 3; 1724 г. (безъ мѣсяца и числа) № 4624; 1722 г. № 3873.

лись такія важныя учрежденія, какъ *Коммерцъ-Коллегія* и *Городскіе Магистраты*, направленныя къ одной общей цѣли: къ достиженію благосостоянія торговли, промышленности, мореплаванія и городскаго благоустройства въ широкомъ смыслѣ. Только одна посошная подать оставалась во все почти царствованіе Петра В. на прежнихъ началахъ, но съ 1722 г. народная кадастрація подверглась коренному измѣненію: сошная подать съ имущества замѣнена налогомъ *съ души*, чрезъ что городское устройство приняло болѣе правильный порядокъ, потому что городскія земли, бывшія въ надѣлѣ общественномъ, по учрежденіи подушнаго оклада перешли въ распоряженіе городскихъ Магистратовъ, или, по нынѣшнему, городскихъ Думъ, въ которыхъ частные люди и могли пріобрѣтать за небольшія суммы городскую землю подъ домашнія постройки.

Всѣ такія Петровскія законоположенія отразились неизбѣжно и на внутренней жизни Архангельска; въ какой именно степени — подтверждаютъ нижеслѣдующіе факты. Бурмистерская служба призвала къ общественной дѣятельности очень много лицъ. Она состояла въ завѣдываніи, кромѣ торговыхъ и судебныхъ дѣлъ, еще и въ различныхъ денежныхъ сборахъ, производившихся особыми, по мірскимъ выборамъ, сборщиками, несшими службу погодно, и называвшимися Бурмистрами *таможенными, кабацкими, соляными, провіантскими*, которые состояли въ подчиненіи у городскаго бурмистра (9).

Въ періодъ съ 1700—1710 г. въ товарищи къ городскому бурмистру выбирались торговые люди изъ Москвы, Ярославля, Архангельска, изъ Соли-Вычегодской, изъ Вятки и съ Лальскаго погоста по 4 ч., да въ дополненіе выбирались еще цѣловальники изъ 20 городовъ, въ числѣ 63 ч., и изъ этого послѣдняго числа 28 ч. было холмогорцевъ и 20 архангелогородцевъ (10).

Выборное начало, къ которому призывало новое учрежденіе архангельскихъ гражданъ, оказалось на практикѣ далеко выше

(9) П. С. З. 1699 г. января 30, сент. 12, окт. 5, ноября 3.
(10) Моск. арх. М. Юст. Дѣла и приговоры Прав. Сен. по Арх. губ., 1712—1720 г. Книга № 75. *Крестининъ*. Исторія города Арханг. Стр. 233.

уровня ихъ понятій, и потому бурмистры, сильные денежнымъ капиталомъ, но не образованіемъ, вмѣсто защиты торговыхъ интересовъ, стали безбожно эксплуатировать невѣжественную массу и притѣснять посадскихъ своими баззаконными дѣйствіями, пока на это не было обращено вниманіе правительственной власти. Такъ напр., вопреки торговаго устава, бурмистры собирали пошлину съ посадскихъ Архангельска, когда послѣдніе производили куплю-продажу въ своемъ городѣ и уѣздѣ; или при ввозѣ на городской торгъ хлѣбныхъ и др. припасовъ брали не только одну, но находили придирку брать потомъ и двойную и даже тройную пошлины, чрезъ что торговецъ не могъ продать харчевыхъ припасовъ свободно и на одинъ рубль безъ того, чтобы не заплатить бурмистру лишней пошлины. Понятно, что отъ такого стѣсненія всѣ они «одолжали и осиротали» (11).

Наибольшую извѣстность за первое десятилѣтіе бурмистерскаго учрежденія получилъ архангелогородскій купецъ Иванъ Прокофьевичъ Поповъ, прозванный *Лапшой*,— человѣкъ весьма смышленый, но хитрый и мстительный, тяготѣвшій надъ посадскими такъ деспотически, что, по словамъ писателя прошлаго вѣка, распоряжался въ гражданскихъ выборахъ мірскими дѣлами вполнѣ самопроизвольно, отягощая службами однихъ, и мирволя другимъ (12).

Тотъ же Поповъ чрезмѣрнымъ усердіемъ къ казенному интересу обратилъ на себя вниманіе и Правительствующаго Сената. Въ 1710 г., находясь у таможеннаго сбора, успѣлъ въ ярмарочное время собрать, сверхъ положеннаго по табели оклада, излишней пошлины 64514 р., за что тогда же изъ этой же суммы, въ примѣръ другимъ, получилъ денежную награду въ 500 р. и серебряный ковшъ. Въ 1712 г. за такое-же радѣніе получилъ изъ Сената указъ *съ похвалою*, чтобы — говорилось въ указѣ — и впредь старался заслужить Государеву милость (13).

(11) *Крестининъ*. Стр. 200—202.

(12) Тамъ-же. Стр. 11.

(13) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Прав. Сенатѣ въ царствов. Петра В. 1712 г. Кн. I, т. II, стр. 45.

Мы уже частію видѣли, какими путями получались всѣ эти излишнія пошлины, но сборъ ихъ всего болѣе ложился на иностранныхъ купцовъ, съ которыми бурмистры менѣе всего церемонились. Однако Поповъ, ревнуя о казнѣ, не забывалъ, конечно, и себя, потому что безнаказанно обходилъ строгій царскій указъ 1713 г. о неотпускѣ изъ Архангельска за море хлѣба, когда цѣна въ Московской губерніи и окружныхъ городахъ будетъ за четверть выше рубля. Поповъ отпускалъ иноземцамъ хлѣбъ по 43 алтына и даже выше, а въ таможенныя книги подобный отпускъ записывался цѣною по 1 рублю, какъ потомъ доносили подъячіе архангельской таможни ([14]).

Бурмистерское управленіе, въ смыслѣ независимаго отъ Воеводы учрежденія, по кругу своихъ дѣйствій, продолжалось не долго, только до 1710 г., т. е. до времени учрежденія въ Архангельскѣ *Губернской канцеляріи*, въ вѣдомство которой оно и поступило. За этотъ промежутокъ времени состоялась перемѣна лицъ, находившихся во главѣ мѣстной администраціи. Мы видѣли, что по причинѣ новыхъ потребностей порта, эта администрація была раздѣлена на двѣ неравныя части, относительно предметовъ завѣдыванія: одна, наибольшая, состояла въ рукахъ воеводы, другая, собственно морская — въ рукахъ адмиралтейскаго коммисара Избранта, вѣдавшаго постройку у города торговыхъ судовъ и портовые порядки до лоцманскаго промысла включительно. Но за смертію въ 1706 г. въ Архангельскѣ двинскаго воеводы князя Черкасскаго, и за раздѣленіемъ въ 1708 г. россійскихъ областей на *губерніи* для управленія образовавшеюся *Архангелогородскою губерніею* съ губернскимъ городомъ Архангельскомъ, былъ назначенъ съ званіемъ *Губернатора* ближній стольникъ князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ, при которомъ и учредилась извѣстная впослѣдствіи *канцелярія*, игравшая не малую роль въ жизни города, въ XVIII в.

Въ раіонъ губернаторскаго вѣденія, кромѣ Архангельска,

([14]) Москов. арх. М. Юст. Дѣла и приговоры Прав. Сената по Арх. губ., съ 1712—1720 г. Кн. № 78.

поступили города: Вологда, Устюгъ Великій, Галичъ, Кинешма, Тотьма, Чаронда, Соль-Вычегодская, Парфеньевъ, Кологривовъ, Чухлома, Вага, Унжа, Устьянская волость, Кевроль, Мезень, Кольскій и Пустозерскій остроги. Того-же 1708 г. умеръ въ Вологдѣ Избрантъ, и съ его смертію перешла въ губернаторское вѣденіе и морская часть, такъ что, въ лицѣ Губернатора, сосредоточивалась вся администрація, во всей ея обширности управленія. Обязанность была тѣмъ болѣе не легкая, что торговое значеніе Архангельска требовало отъ администратора особой ловкости, распорядительности и даже опытности какъ въ дѣлахъ коммерціи, такъ и въ военно-морскомъ дѣлѣ вообще. Въ виду такого разносторонняго требованія, Петръ въ 1711 г. избралъ на эту должность съ званіемъ *вице-губернатора*, человѣка совершенно новаго, не родовитаго, бывшаго съ 1705 г. инспекторомъ Московской Ратуши— Алексѣя Александровича Курбатова.

Этимъ почетнымъ назначеніемъ Царь явно отдавалъ преимущество качествамъ человѣка предъ знатностью рода, и въ то же время дѣлалъ уступку родовитой знати, опредѣляя Курбатова лишь въ вице-губернаторы, а не въ губернаторы, хотя въ сущности права были одни и тѣ же.

Продолжавшаяся съ Швеціей война, вызывавшая постоянныя требованія съ губерніи денежныхъ доходовъ; начатая на Соломбалѣ, со времени губернаторства Голицына, постройка военныхъ судовъ; торговыя операціи казенными товарами при продолжавшейся у Архангельска Царской торговлѣ,—всѣ такія обстоятельства, въ совокупности, составляли для мѣстной администраціи такую сложную задачу, что надо удивляться, какимъ образомъ могли тогдашніе дѣятели изворачиваться при энергичныхъ понужденіяхъ Царя, помимо требованій, поступавшихъ къ нимъ отъ независимо дѣйствовавшихъ различныхъ инстанцій.

Въ числѣ главныхъ помощниковъ Курбатова, находился съ 1711 г. на Соломбалѣ, въ званіи *Экипажмейстера*, призванный на царскую службу изъ Вавчуги Ѳедоръ Андреевичъ Баженинъ, какъ лицо, близко извѣстное Петру. Въ новой своей должности, Баженинъ пробылъ все царствованіе Великаго

Государя. Съ этого времени достойный родъ Бажениныхъ не сходитъ уже со страницъ исторіи Архангельска въ теченіе всего XVIII в.

Къ многосложной дѣятельности Курбатова прибавилась въ томъ-же 1711 г. еще новая обязанность, которая въ концѣ концовъ и погубила его служебную репутацію въ глазахъ Петра. На основаніи указа, предписывавшаго Сенату трудиться объ умноженіи казенной прибыли съ товаровъ, бывшихъ въ вѣденіи Приказовъ, Сенатъ, съ своей стороны, поручилъ архангельскому вице-губернатору принимать и продавать царскіе товары: хлѣбъ, поташъ, смолу и т. п., совмѣстно съ оберъ-коммисаромъ Дмитріемъ Соловьевымъ, который съ 1708 г. уже занимался у Архангельска этимъ дѣломъ, какъ царскій прикащикъ, совмѣстно съ коммисаромъ Григоріемъ Племянниковымъ, «а инымъ—говорилось въ указѣ—никому изъ губерній никакихъ государевыхъ товаровъ у города безъ вѣдома ихъ особо никому не продавать, и за море не отпускать» ([15]).

Купечествуя и управляя губерніею въ одно и то же время, Курбатову нерѣдко приходилось и примирять возникавшія между торгующими сторонами несогласія, и наблюдать за правильностію торговли въ интересахъ казны. Правильность-же торговли въ то время, какъ и ранѣе, ежеминутно была нарушаема, то иноземцами, то русскими, и о замѣченныхъ нарушеніяхъ, каждая изъ сторонъ приносила жалобы въ Сенатъ, разобраться которому въ этихъ жалобахъ иногда не было никакой возможности, по ихъ голословности.

Приведемъ наиболѣе характерныя, какъ рисующія закулисную сторону заграничной торговли, и самые торговые порядки за Петровское время.

Изъ всѣхъ націй, обиженными почитали себя всего болѣе англійскіе купцы. Такъ, въ 1711 г. они жаловались чрезъ своего посла Карла Видворта въ Сенатъ, что терпятъ въ послѣднее время у Архангельска такія стѣсненія, которыя приводятъ ихъ въ недоумѣніе: писать ли ужъ имъ въ свою

([15]) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правит. Сенатѣ въ царствованіе П. В. 1712 г. Кн. II, Т. II, стр. 54, и Т. III, Кн. II, стр. 1237.

землю о высылкѣ къ порту кораблей, потому что: 1) въ таможнѣ принуждаютъ ихъ записывать пеньку и др. товары цѣною выше покупной и продажной, вопреки торговому уставу и прежнему обыкновенію; 2) съ привозимыхъ ими для своего обихода запасовъ бурмистры принуждаютъ платить даже двойную пошлину, противъ стоимости запасовъ, и въ то же время отъ такихъ же пошлинъ тѣ же бурмистры совершенно освобождаютъ голландцевъ и гамбургцевъ; 3) у Новодвинской крѣпости офицеры отбираютъ съ англійскихъ кораблей лоцмановъ, если шхиперъ не дастъ хорошаго подарка офицерамъ, или же посылаютъ лоцмановъ не за баръ, а только по сю сторону бара, заставляя тѣмъ купеческія суда «съ великою отвагою» переходить мелководье устья, или-же ждать нѣсколько дней на якорѣ въ морѣ, чтобы заполучить лоцмана; 4) по отсутствію надлежащаго брака пеньки, они несутъ большіе убытки, потому что связка товара оказывается обманною, и внутри находятъ гнилую пеньку ([16]). Но самыя тяжкія обвиненія иностранцевъ падали на нашу торговую нечестность, на незнаніе такъ сказать азбуки коммерціи, о чемъ въ 1712 г. иностранные купцы чрезъ Соломона Гарцына и Ральфа Робинсона подали Царю челобитную, нагляднымъ образомъ обличающую неумѣлость нашихъ первыхъ шаговъ на торговомъ поприщѣ. Въ исторіи коммерческихъ сношеній Россіи съ западными государствами, эта челобитная представляетъ важный документъ.

«Торговали мы въ россійской землѣ 4 года—такъ начинается челобитная — великими торгами у города Архангельскаго, а въ послѣдніе 2 года зѣло, зѣло много стало быть неправдиво противъ договоровъ нашихъ съ русскими людьми; а которые торговые люди отъ вѣка о такомъ торгу знать не могли ни въ россійской, ни въ европской, ни въ прочихъ земляхъ для того, что ни въ чемъ непостоянно было. А кореспонденты наши изъ Англіи, изъ Голландіи и изъ Италіи пишутъ, чая то, что о томъ о всемъ несостоятельномъ торгу Вашему Царскому Пресвѣтлому Величеству неизвѣстно; того ради повелѣ-

([16]) Тамъ же, Т. I, стр. 177.

ваютъ намъ предложить В. Ц. В. пункты, и какъ предложены они будутъ, то за вѣрность себѣ пріемлютъ, что во всемъ торгу они охранены и отличены будутъ. По оному ихъ письму пишемъ мы В. Ц. В. и объявляемъ всякое несостоятельное торговое пребываніе вѣрно, безо всякаго излишняго помѣшательства, за что мы въ томъ передъ правымъ Вашимъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества судомъ даемъ по себѣ поруки, и ежели что въ которомъ пунктѣ напишемъ неправедно, а сыщется по вѣдомости другихъ торговыхъ людей, что мы писали неправду, въ томъ мы повинны за каждую неправедную пункту месть пріять какъ по В. Ц. В. указомъ повелѣно будетъ. И такъ, ради несостоятельнаго торгу, кореспонденты наши не хотятъ посылать къ городу Архангельскому никакихъ товаровъ, и отъ того разорительнаго торгу въ сборѣ пошлинной В. Ц. В. казны будетъ впредь великой недоборъ, также за несостоятельство вексели наши назадъ посланы подъ протестомъ. И пишутъ наши кореспонденты: *до времени, когда въ Россіи учинена будетъ правда, до тѣхъ поръ по векселямъ они ничего платить не будутъ* ([17]).

И въ самомъ дѣлѣ, факты, или пункты, приводимые челобитною, далеко не говорятъ за нашу порядочность.

1) *О табакѣ*. Въ 1710 г. архангельскій губернаторъ князь Голицынъ подрядилъ Гарцына поставить въ 1711 г. 3 т. пудовъ табаку (по 3 р. пудъ), всего на сумму 9 т. руб. Къ назначенному сроку табакъ изъ заграницы былъ доставленъ въ Архангельскъ, гдѣ лежалъ по 1712 г., а денегъ за товаръ Голицынъ не заплатилъ, отзываясь, что *табакъ-де нынѣ уже не нуженъ*. Что же изъ такого непорядка вышло? А вышло то, что Гарцынъ расчитывая получить за табакъ деньги, долженъ былъ на такую-же сумму нагрузить пришедшіе съ табакомъ корабли, а какъ денегъ не получилъ, и табакъ остался не принятымъ, то чтобы кораблямъ не возвращаться пустыми, купилъ на свои деньги товаръ, и послалъ его къ заграничнымъ хозяевамъ; послѣдніе-же не приняли оправданій агента и возвратили вексель назадъ, удивляясь русскимъ порядкамъ:

([17]) Опис. дѣлъ Глав. М. арх. Т. I. Дѣла графа Апраксина, стр. 625.

ищи-де съ нихъ деньги, а мы—не при чемъ. Чтобы расчитаться за купленный у русскихъ купцовъ товаръ, Гарцынъ былъ вынужденъ продать въ казну вице-губернатору Курбатову 50 кипъ сукна по цѣнѣ 16 алтынъ 4 деньги за аршинъ, когда по заморскому счету сукно стоило по 20 алтынъ аршинъ. Для пополненія иллюстраціи о губернаторѣ Голицынѣ, Гарцынъ присовокупляетъ, что онъ-же, губернаторъ, взялъ у нихъ, иноземцевъ, товару и денегъ на 2500 р., и ни товару, ни денегъ не заплатилъ, говоря, что за тѣ деньги онъ сдѣлалъ имъ, иноземцамъ, великое милостивое дѣло, а мы—иронизируетъ челобитная—такого дѣла, опричь разоренія, не видали. «Развѣ за то, что палаты и товары наши въ таможнѣ были запечатаны, и насъ держали безвинно, и въ томъ намъ дѣлѣ ничего добраго не учинилъ, и тѣхъ денегъ намъ дать ему не за что».

2) *О товарахъ, законтрактованныхъ въ Казанской губерніи.* Въ 1711 г. Гарцынъ и К° заключили въ Москвѣ контрактъ съ ближнимъ бояриномъ, Казанскимъ и Астраханскимъ губернаторомъ Петромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ, на поставку къ Архангельску, для отпуска съ первыми кораблями разныхъ товаровъ на 101900 руб., чтобы, въ замѣнъ этого товара, получить съ первыхъ-же кораблей на такую-же сумму суконъ, яренки и байки. 4 корабля пришли къ Архангельску своевременно и доставили требовавшійся товаръ сполна. Сукно и пр. приняли и положили въ Гостиные дворы, а законтрактованный въ Казанской губерніи товаръ не былъ присланъ своевременно къ Архангельску, чрезъ что корабли въ ожиданіи товара простояли съ 24 іюня по 10 сентября пустыми, причинивъ поставщикамъ убытку за простой на 1657 руб.; затѣмъ, хотя отъ Апраксина и былъ доставленъ товаръ, но далеко не весь и въ большинствѣ оказавшійся негоднымъ. Чтобы не отправлять кораблей пустыми, все-таки за позднимъ временемъ товаръ приняли, а недостающій, для догрузу кораблей, былъ пополненъ на деньги Гарцына и К°, продажею задешево кое-какихъ своихъ товаровъ и сдѣлкою на вексель, такъ что убытку понесено было агентами на 20565 руб.

Черезъ того-же Апраксина, заключенъ контрактъ на поставку

къ Архангельску 4 т. пуд. воску, для чего былъ выписанъ изъ-за моря небольшой корабль, назначенный доставить воскъ въ Испанію. Въ августѣ приходитъ корабль къ Архангельску, а воску доставлено было всего 700 пуд., да и то въ началѣ октября. Торопясь позднею отправкою корабля, агенты приняли воскъ, и для догрузу купили у Соловьева казенной ржи, такъ что только 10 октября корабль могъ выдти въ море. Осеннее плаваніе грозило кораблю крушеніемъ, почему онъ и зимовалъ у острова *Ерландскаю* (Ирландіи?), гдѣ по выгрузкѣ товара, послѣдній оказался подмоченнымъ. Такъ что, кромѣ убытку за зимованіе (3621 р.), контрактъ въ Испанію остался невыполненнымъ.

По контракту Гарцына и К° прислана была изъ Казанской губерніи въ Архангельскъ икра, которую поставщики разбирать не давали, а лишь требовали скорѣйшаго пріема, ссылаясь на какой-то объ этой икрѣ яко-бы имѣющійся указъ. По наружному осмотру оказалось, что икра негодна: 50 бочекъ было плохой, а 80 и совсѣмъ никуда негодной. Въ виду возникшихъ съ поставщиками пререканій, что-де доброй безъ худой для заморскаго отпуска сдать имъ не хочется, агенты были вынуждены принять 130 бочекъ завѣдомо негодной икры, вѣсомъ 4 т. пуд., но за море ее отпустить не рѣшились, а оставили у Архангельскѣ. За пудъ такой икры заплатили 2 р. 6 алт. 4 деньги — всего 8800 р., и пошлины 740 р., да за дерево скинули въ таможнѣ изъ 100 пуд. по 10 пуд., ибо бочки оказались *крайне-толстыми*, такъ что весь убытокъ отъ такой покупки сталъ иноземцамъ въ 9612 р. Далѣе — все въ томъ-же родѣ, что, естественно, повело къ уменьшенію заказовъ и къ недобору пошлинъ. Въ каждомъ отпускномъ товарѣ усматривались за границею фальшь, обманъ; черезъ это задерживалась уплата денегъ по векселямъ и вычиталось съ агентовъ, которымъ каждый разъ писали изъ-за границы, что если и впредь пошлется худой товаръ, то-де его станутъ продавать на особый счетъ, а убытки разложатъ на отправителей.

Самая запись товаровъ въ архангельской таможнѣ производилась бурмистрами не по установленной съ хозяевами договорной цѣнѣ, значившейся въ контрактѣ, но *по своему обыкно*

венію бурмистры записывали то, чего въ договорѣ и не было. Сало, напр. покупалось по 10 р. берковецъ, а въ таможнѣ писали по 12 р.; пенька стоила 8 р. 8 алт., въ таможнѣ писали 9 руб. — отсюда и та излишняя пошлина, за которую награждали бурмистровъ серебряными ковшами. Челобитная, въ заключеніе, указывала на крайнюю необходимость учрежденія браковки товаровъ, а именно въ Вологдѣ, потому что у Города «не только браковать, но и класть товаровъ въ корабли съ великою нуждою успѣваютъ (18). Бракъ пеньки тогда-же былъ учрежденъ въ Вологдѣ.

Но обвиняя русскихъ въ нечестной торговлѣ, сами иностранцы поступали отнюдь не лучше: прибѣгали ко всевозможнымъ обманамъ въ качествахъ товаровъ, къ подкупу таможенниковъ и къ контрабандной торговлѣ, доведя послѣднюю до виртуозности. При ихъ-же посредствѣ, въ 1714 г. русскіе купцы у Архангельска совершили дѣяніе, вызвавшее справедливый гнѣвъ Петра и продолжительное розыскное дѣло, пріостановившее окончательно всякую торговлю у порта: они отправили за море большой грузъ казеннаго хлѣба, цѣна котораго превышала установленную норму, и грузы другихъ товаровъ, бывшихъ подъ запрещеніемъ отправки изъ Архангельска, ради выгодъ петербургскаго порта (19). Какъ попуститель и сообщникъ такого дѣла, вице-губернаторъ Курбатовъ немедленно былъ смѣненъ и преданъ суду.

Несостоятельность заграничной торговли требовала существенныхъ реформъ, которыя-бы лучше обезпечивали благоустройство городскаго состоянія, и его промышленную дѣятельность. Плодомъ этихъ реформъ было учрежденіе въ 1719 г. *Коммерцъ-Коллегіи*, взявшей въ свои руки упорядоченіе нашей коммерціи. Въ сферу дѣйствій новаго учрежденія входили, между прочимъ: составленіе таможенныхъ уставовъ и тарифовъ, попеченіе о купеческомъ судостроеніи, завѣдываніе пошлинными сборами и наблюденіе за всѣми таможенными обрядностями; на его же обязанности лежало и опредѣленіе

(18) Тамъ-же.
(19) Описан. дѣлъ Глав. М. арх. Т. II. Дѣла графа Апраксина, стр. 59 и 335.

въ иностранныя земли агентовъ, «консулей» и факторовъ, гдѣ происходила наша коммерція. Благія дѣйствія этого учрежденія выразились, такъ сказать, тотчасъ же по его открытіи: въ томъ-же 1719 г. монополія казенными товарами была отстранена, и купечеству предоставлено торговать свободно этими заповѣдными товарами, за исключеніемъ только поташа и смольчуга, оставленныхъ въ казнѣ «для береженія лѣсовъ» ([20]).

Хотя внѣшнее устройство таможенной части и не подвергнулось при Петрѣ значительнымъ перемѣнамъ, но вліяніе Коммерцъ-Коллегіи выразилось въ томъ, что по ея назначенію стали посылаться въ пограничныя таможни особые *инспекторы*, для контролированія торговли, на опредѣленномъ отъ казны содержаніи, — лица, обязанные знать и иностранные языки. Такое-же требованіе относилось и къ купечеству при назначеніи, изъ среды его, по выбору, въ должность управляющаго таможнею, переименованнаго въ *Оберъ-Цолнера*, и которому тоже положенъ опредѣленный денежный окладъ (въ 300 руб.).

Таможенные порядки съ 1724 г., со времени изданія Портоваго устава и тарифа, получили болѣе точное формулированіе, относительно заграничной торговли, и состояли въ слѣдующемъ: всякій приходящій съ моря торговый корабль останавливался у таможенной заставы (толгоуса), бывшей, какъ и ранѣе, при Новодвинской крѣпости, бралъ къ себѣ досмотрщика и сообщалъ на заставѣ Цолнеру, т. е. пошлинному сборщику: имя шхипера и имя судна, роспись товарную, что именно заключалось въ тюкахъ, бочкахъ и ящикахъ, и къ кому адресовано, предъявлялъ зундскій пасъ и контрактовое условіе о цѣли прихода корабля. Если безъ убавки груза корабль могъ слѣдовать далѣе, то безъ замедленія отпускался къ гавани съ тѣмъ же досмотрщикомъ, которому между тѣмъ Цолнеръ вручалъ копіи съ предъявленныхъ корабельщикомъ документовъ. По приходѣ въ гавань, досмотрщикъ предварительно являлся въ городскую таможню, которая и производила на мѣстѣ подлинный досмотръ товаровъ въ присутствіи корабельщика, и все сверхъ росписи усмотрѣнное,

([20]) П. С. З. 1719 г. апрѣля 8.

конфисковала въ казну. Пока не оканчивалась эта обрядовая сторона дѣла, воспрещалось отлучаться съ корабля кому бы то ни было, подъ штрафомъ взысканія съ корабельщика 20 ефимковъ. На очищенный пошлиною товаръ клались штемпеля. Погрузка производилась тоже при досмотрщикахъ, для чего предварительно изъ таможни брался корабельщикомъ ярлыкъ, безъ котораго подлежали конфискаціи не только товары, но и самое судно. Равно корабельщикъ облагался штрафомъ въ 50 ефимковъ за то, если не представлялъ зундскаго паса, т. е. удостовѣренія о санитарной безопасности экипажа и свидѣтельства о мѣстѣ погрузки товара, съ которымъ пришелъ къ корабельной гавани ([21]). Таковы были въ общихъ чертахъ существенныя таможенныя формальности, отступавшія нѣсколько отъ прежнихъ, и направленныя главнымъ образомъ къ недопущенію водворенія контрабанды путями всевозможныхъ конфискацій, ложившихся не только на корабельщика, какъ бы слѣдовало, но и на купца, отправляющаго товаръ,— что уже являлось несправедливостью. Пошлина съ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ, по тарифу, была установлена съ цѣны, вѣса и мѣры и бралась полновѣсными ефимками въ 50 коп. каждый, сообразно сдѣланному исчисленію: какого товара разработывалось всего болѣе въ Россіи, на тотъ товаръ возвышена и пошлина. Поэтому, на предметы внутренняго производства, какъ на *полотняное*, *каламиночное*, *суконное*, *шелкоткацкое*, *парчевое*, *кожевенное*, *сафьянное*, *селитряное*, *красочное*, *мѣдное*, *оружейное*, *игольное*, *писчебумажное*, *шпалерное*, такъ и на заводскіе продукты: *вино*, *масло*, *смольчугъ*, *поташъ* и т. п. была наложена, сравнительно, очень высокая пошлина, доходившая до $37^1/_2$% съ рубля ефимками; на предметы-же роскоши — и того болѣе ([22]). Вообще сущность этого перваго тарифа была основана на протекціонномъ началѣ. Чтобы способствовать возможности заграничнаго отпуска товаровъ на русскихъ судахъ, въ тарифѣ сдѣлано было такое исключеніе: бралась только $^1/_3$ отпускной пошлины, и притомъ русскими

([21]) П. С. З. 1724 г. января 31.

([22]) *Лодыженскій*. Исторія Русскаго таможеннаго тарифа. Стр. 60 и 61.

деньгами, считая ефимокъ не въ 50, а въ 90 коп.; съ привозныхъ же товаровъ на русскихъ судахъ—тоже третная пошлина, противъ цѣны отпуска съ прибавкою 25% прибыли. Такъ какъ архангельская торговля въ это время была стѣснена въ пользу петербургской, то съ отпуска товаровъ на русскихъ судахъ отъ Архангельска бралась уже *половинная* пошлина, противъ иностранцевъ, и тоже русскими деньгами; съ привозныхъ-же на русскихъ судахъ—половинная, но только ефимками ([23]). Всѣ такія поощрительныя мѣры явно вели къ непосредственному сбыту русскихъ произведеній въ мѣста, гдѣ имѣлся спросъ на эти произведенія, и къ такому же непосредственному полученію заграничныхъ товаровъ. Русское купечество ими воспользовалось въ свое время, какъ увидимъ ниже.

Одновременно съ изданіемъ тарифа, учреждены были въ городахъ Магистратскія управленія, чтобы *разсыпанную купеческую храмину паки собрать*, на выборномъ началѣ, не зависѣвшія въ своихъ дѣйствіяхъ отъ Губернаторской власти. Такой Магистратъ былъ учрежденъ и въ Архангельскѣ, и состоялъ изъ Президента, двухъ Бургомистровъ и четырехъ Ратмановъ, съ жалованьемъ: первому 400 р., вторымъ по 250 и послѣднимъ по 150 р. въ годъ ([24]). По выбору гражданъ первымъ Президентомъ былъ Ѳедоръ Андреевичъ Баженинъ, душевныя качества котораго давали на то полное право ([25]).

([23]) П. С. З. 1724 г. янв. 31.

([24]) Арх. Д-а Т. Сб. Дѣла Коммисіи о Коммерціи. № описи 424, № 66, связ. 3, стр. 133.

([25]) Ѳ. А. Баженинъ, родившійся въ 1663 г., умеръ въ Архангельскѣ въ 1726 г., а погребенъ въ Вавчугѣ, близъ сооруженнаго имъ при тамошней церкви придѣла во имя св. Іоанна Златоуста. Братъ-же его, Осипъ, скончался въ 1723 г. и тоже погребенъ въ Вавчугѣ, у церкви. Ѳ. А. былъ женатъ на Евдокіи Дудиной, купеческой дочери, отъ которой имѣлъ 11 дѣтей, — 6 сыновей и 5 дочерей, но собственно родъ продолжали только трое сыновей: Василій, Никифоръ и Денисъ, изъ которыхъ Никифоръ, родившійся въ 1701 г. и умершій въ 1733 г. былъ лично извѣстенъ Петру В. за свое токарное искусство, и находился при Государевой токарнѣ, гдѣ во время зубной боли, Государь собственноручно вырвалъ ему два зуба. У Никифора было 8 дѣтей, изъ которыхъ потомство продолжали два сына: Кириллъ и Иванъ. Послѣдній, Иванъ Никифоровичъ, родившійся въ 1733 г., по образованію своему, былъ замѣчательнымъ дѣятелемъ въ Архангельскѣ, въ званіи Президента Магистрата, въ 1771 г., когда требовалось принять

Была ли подготовлена почва для такого самоуправленія, объ этомъ тогда не думали, и потому неудивительно, что Магистратскій регламентъ по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ Архангельску, оказался совершеннымъ пустоцвѣтомъ. Главный Магистратъ требовалъ, чтобы въ бургомистры и ратманы выбираемы были люди разумные, добрые, пожиточные, первостатейные, *грамотѣ читать и писать умѣющіе*; чтобы магистратскіе чины прилагали стараніе объ открытіи въ городѣ школъ, не только для дѣтей зажиточныхъ гражданъ, но и для бѣдныхъ; чтобы производили правый судъ, слѣдили бы за раскладкою городскаго сбора безъ лицепріятія, призрѣвали немощныхъ въ богадѣльняхъ, и старались бы распространять и привести въ цвѣтущее состояніе городскую торговлю и ремесленную промышленность. ([26]).

Всѣ такія требованія нѣкоторое время должны были оставаться при одномъ идеальномъ желаніи, за отсутствіемъ наличныхъ данныхъ. Практика показала, что городскія купеческія и мѣщанскія общества Архангельска и Холмогоръ, въ весьма рѣдкомъ исключеніи, были тогда поголовно неграмотными. Пригнетенные роковыми обстоятельствами, невѣжественные и

предупредительныя мѣры отъ чумы, свирѣпствовавшей тогда въ Москвѣ. Воспитаніе получилъ въ Голландіи, умѣлъ недурно рисовать, зналъ хорошо музыку. Его альбомъ 1754 г., наполненный рисунками голландскихъ видовъ, писанныхъ акварелью и разноцвѣтными карандашами, съ собственноручно рисованнымъ портретомъ, сохраняется и понынѣ у Н. В. Латкина, старшаго внука послѣдняго изъ Бажениныхъ, равно какъ и портретъ масляными красками, писанный во время президентства И. Н. Баженина. Скончался въ Архангельскѣ въ 1786 г., но погребенъ въ родовой своей вотчинѣ, какъ и всѣ предки его. Сынъ Ив. Ник., Степанъ, по указу Импер. Екатерины II былъ посланъ въ Англію, для довершенія образованія, откуда возвратился въ 1770 г. и умеръ въ Вавчугѣ въ 1807 г. Шестой сынъ Степана, Никифоръ, былъ послѣдній прямой потомокъ славныхъ Бажениныхъ, и скончался въ 1861 г. Онъ былъ женатъ на дочери Лальскаго купца Меѳодія Сидорова, и старшая изъ дочерей отъ этого брака вышла за мужъ за Василія Латкина, извѣстнаго изслѣдователя Печорская края. Она жива и понынѣ въ Петербургѣ. Всѣ Баженины несли въ Архангельскѣ видныя общественныя должности въ качествѣ или Магистратскихъ Ратмановъ, или Бургомистровъ, и сохранили преемственно доблестныя качества предка ихъ, Ѳедора Андреевича Баженина. Извѣстный дѣятель сѣвера М. К. Сидоровъ приходился внукомъ Бажениныхъ по женской линіи.

([26]) П. С. З. 1724 г. (безъ мѣсяца и числа) № 4624.

грубые по натурѣ, тогдашніе посадскіе не могли отвѣчать высокой цѣли регламента, и безпомощные, зависѣли всецѣло отъ своихъ градоначальниковъ, для которыхъ пониженное состояніе согражданъ было судейскимъ хлѣбомъ. Очевидно, что въ такомъ деморализованномъ обществѣ не могло быть и мѣста идеальнымъ требованіямъ магистратскаго регламента. Скорѣе въ немъ мѣсто было произволу, насилію, но не сознанію о сліяніи частной пользы съ пользою обще-гражданскою, что вполнѣ и подтвердилъ фактъ выбора. Изъ выбранныхъ въ Магистратъ Бургомистровъ и Ратмановъ оказалось, что одинъ изъ нихъ былъ истый взяточникъ, не брезговавшій пожалуй и *мерзлою собакою*, другой—ни на волосъ не понимавшій своей великой судейской обязанности; третій—какой-то живодеръ, осужденный вскорѣ тѣмъ-же обществомъ въ ссылку за свои дѣянія. (27). И это лучшіе люди, изображавшіе въ своей особѣ подпоры разсыпанной купеческой храмины!

Въ такомъ-то жалкомъ составѣ Губернскій Магистратъ просуществовалъ 4 года, и былъ видоизмѣненъ въ *Ратушу*, съ подчиненіемъ Губернской Канцеляріи, которая фактически и держала бразды правленія надъ городскими обывателями по дѣламъ судебнымъ и торговымъ до 1745 г., т. е. до времени возрожденія Магистрата въ качествѣ опять самостоятельнаго учрежденія. Въ общемъ смыслѣ, всѣ эти годы, и даже далѣе, до времени воцаренія Императрицы Екатерины II, были мрачнымъ періодомъ не только для Архангельской заграничной торговли и промышленности, но и для внутренней жизни города, подвергшейся такому тяжкому испытанію, что многіе изъ его гражданъ прибѣгли къ прежде практиковавшемуся примитивному способу—разбродиться изъ города.

Причины, побуждавшія къ этому выселенію, заключались въ слѣдующемъ: соціальное положеніе двухъ городскихъ обществъ, посадскаго и пришлаго, слишкомъ уже стало неравномѣрно, чтобы первое, при всей покорности судьбѣ, могло не возмущаться и примиряться съ нимъ долѣе. Неравномѣрность впрочемъ давнишняя, составлявшая и въ старину больное

---

(27) *Крестининъ*. Исторія города Арханг., стр. 134.

мѣсто, и лишь нынѣ усугубившаяся: иноземцы продолжали пользоваться торговыми и промышленными льготами, безъ платежа въ посадъ не только податей, но и никакихъ оброковъ, ни даже постойной новинности; въ той же льготѣ, подражая иноземцамъ, жили и многіе поселившіеся въ Архангельскѣ, какъ иногородное купечество, такъ и уѣздное крестьянство. Въ особенности жило много холмогорцевъ. Большую долю горечи прибавлялъ посадскому обществу и военный элементъ, водворенный Петромъ въ Архангельскѣ съ 1724 г., и даже церковно-служащіе, какъ сословія свободныя отъ многихъ городскихъ повинностей. Такимъ образомъ, посадское общество видѣло вокругъ себя свободную торговлю и вольный квартирный постой, а само между тѣмъ было обречено нести всю тяжесть повинностей, усложнявшихся годъ отъ году. Поэтому-то цифра населенія не только не возрастала между посадскими, но шла на убыль. Ревизія 1724 г., дала число душъ мужескаго пола 1118 ч.; въ 1731 г. насчитывалось уже 1100, а при второй ревизіи въ 1745 г.—только 787, съ престарѣлыми, дряхлыми и малолѣтними. Къ этому числу для отправленія посадомъ общественныхъ службъ, присоединено было 440 ч. холмогорцевъ, проживавшихъ издавна въ Архангельскѣ и составлявшихъ въ немъ какъ-бы отдѣльное общество. Но и такое значительное присоединеніе не поправило дѣла, и во время третьей ревизіи 1763 г., изъ 1227 душъ насчитывалось только 968. Всему виною были городскія и общественныя службы. Что онѣ были не легки, доказываютъ факты. Пока, по старинному обыкновенію, службы дѣлились между посадскими и уѣздными крестьянами, то не составляли еще большаго для первыхъ обремененія, потому что существовала очередь, дававшая возможность свободно устраивать свои домашнія дѣла и заниматься мелочною торговлею и промыслами. Но съ 1731 г., когда по состоявшемуся указу были возложены всѣ общественныя службы на однихъ только посадскихъ, когда потребовалось отрывать отъ торговъ не только 146 ч., но позднѣе и 208 ч., никакая уже очередь не могла быть соблюдаема и даже случалось, что свободныхъ

къ слѣдующимъ выборамъ оставалось въ посадѣ до 6 ч., не болѣе. (28).

Для службъ обыкновенно выбирались изъ посадскихъ въ выборные головы, въ ларечные, въ цѣловальники и въ счетчики, чтобы быть при продажѣ казеннаго вина, соли, гербовой бумаги, пороха, при банномъ и конномъ сборахъ, при отвозахъ вина и питейныхъ припасовъ въ Кольскій острогъ и въ Поморскія волости.

По отбытіи урочнаго года, выборные подлежали не только строгому учету, но чаще начету, приводившему виновныхъ къ судебной карѣ, лишенію имущества и разоренію, а посадское общество — къ восполненію причиненнаго казеннаго убытка провинившимися его членами. Поэтому-то общественныя службы и тяжелы были для посада, и заставляли предпочитать бѣгство изъ города насиженному уже мѣсту. Въ 1751 г. былъ даже случай самоубійства по поводу такихъ службъ. Болѣе сговорчивые совѣстью, охотно записывались даже въ расколъ и платили двойной окладъ, памятуя указъ 1725 г. іюля 7, по которому, какъ раскольники, уже не подлежали выборамъ къ какимъ либо казеннымъ сборамъ. Это послѣднее обстоятельство производило не малый соблазнъ въ средѣ гражданъ, видѣвшихъ во-очію ежегодную чрезъ то убыль, наличныхъ силъ, обязанныхъ нести казенныя службы. Только въ 1764 г. состоялась, наконецъ, отмѣна льготнаго о раскольникахъ указа, по ходатайству архангелогородскаго общества (29).

Упоминая объ общественныхъ тягостяхъ, прибавившихся со временъ Петра Великаго, не можемъ обойти молчаніемъ и *невольнаго постоя*, выпавшаго на долю гражданъ въ краткій, сравнительно, періодъ, но составившаго для нихъ большую злобу дня. Этотъ періодъ продолжался съ 1733—1740 г., и былъ вызванъ возобновленіемъ на Соломбалѣ военнаго судостроенія.

По отсутствію тогда въ Архангельскѣ какихъ-либо казармъ и т. п. общественныхъ зданій, и по крайне ограниченному

(28) Тамъ-же, стр. 228 и 229, 235 и 236.

(29) Арх. Д-а Т. Сб. Дѣла Коммисіи о Коммерціи. Опись № 445, связ. 46.

числу обывательскихъ домовъ, уменьшенному къ тому же пожарами, случившимися въ 1724 и 1735 г.г. въ Рождественскомъ и Воскресенскомъ приходахъ, этотъ невольный постой, по своей неожиданности, былъ своего рода нашествіемъ иноплеменныхъ, и послужилъ большимъ стѣсненіемъ не только для домохозяевъ, но и вообще для всѣхъ городскихъ обывателей. Къ суммѣ матеріальныхъ неудобствъ присоединялась горечь отъ необузданныхъ поступковъ квартирантовъ, вытекавшихъ изъ нравовъ того времени,—поступковъ, носившихъ на себѣ такой самоуправный характеръ, что бѣдные посадскіе, особливо вдовы, нерѣдко были выгоняемы изъ своихъ домишекъ, и терпѣли всевозможныя насилія. Этими иноплеменниками были — морскіе и адмиралтейскіе служители, которыхъ за одинъ разъ въ 1733 г. прибыло въ Архангельскъ 520 ч., а въ слѣдующемъ году потребовалось размѣстить еще 618 ч., когда все наличное число городскихъ домовъ едва превышало 1800, считая въ этомъ числѣ на половину дома служащихъ, не подлежащихъ постою, и дома другихъ лицъ, находившихся въ привиллегированномъ положеніи, какъ напр. духовенство.

Отводомъ городскихъ квартиръ завѣдывала только что учрежденная *Полицiймейстерская* въ Архангельскѣ *контора*. Переполнивъ буйными квартирантами всѣ посадскіе дома, контора не оставила безъ постоя и дома иноземцевъ, занявъ 42 изъ нихъ въ Нѣмецкой слободѣ, также 11 домовъ въ Кузнечихѣ и 28 домовъ въ Мало-Соломбальской деревнѣ.

Голландское купечество, черезъ резидента Шварца, подало жалобу въ Кабинетъ Министровъ на возмутительные поступки своихъ квартирантовъ, и добилось своей цѣли: въ 1737 г. «въ виду интересовъ торговли» было освобождено отъ квартирнаго постоя ([30]).

Пока на Соломбалѣ строились служительскія казармы и офицерскіе дома, квартирный вопросъ, даже въ 1739 г., не только не потерялъ своего остраго характера, но усложнился

([30]) Опис. дѣлъ Главн. М. арх. Т. IV. Указы, поступившіе изъ Правит. Сената въ Адмиралт. Коллегію, стр. 77 и 103. Дѣла Воинской Морской Коммисіи. Т. V, № общей описи 645.

еще болѣе по причинѣ городскаго пожара, случившагося въ 1738 г. въ приходахъ Соборномъ и Рождественскомъ, и уменьшившаго еще болѣе число посадскихъ домовъ, при чемъ сгорѣла и деревянная церковь Михаило-Архангельская (31). Подъ квартиры въ это время было отведено 349 домовъ, а квартирантовъ скопилось до 1163 ч. (32). Было отъ чего въ отчаяніе придти.

Учрежденіе Полиціймейстерской конторы подлило еще болѣе горечи въ сердца посадскихъ, потому-что надлежало отдѣлять для рогаточной службы и для другихъ полицейскихъ по городу обязанностей, ежегодно до 50 ч., въ качествѣ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ. Всѣ вообще подобныя службы были обыкновенно безъ жалованья, и потому вели не къ умноженію средствъ пропитанія съ семействами, но къ прямому разоренію.

И въ то самое время, когда коренное населеніе Архангельска теряло постепенно почву и разстраивало свой экономическій бытъ, будучи отрываемо отъ торговъ и промысловъ, — пришлое населеніе, напротивъ, не ощущая особой тяготы, не упускало случаевъ устраивать свое благополучіе, по мѣрѣ того, какъ развивалась портовая дѣятельность. Основаніемъ для ихъ предпріимчивости служили крайне благопріятныя законоположенія, касавшіяся судостроенія и мореплаванія.

Такъ, еще въ инструкціи Коммерцъ-Коллегіи 1724 г., подписанной Петромъ В., значилось, что «россійскимъ купецкимъ людямъ, какъ въ строеніи кораблей, такъ и въ продажѣ оныхъ

---

(31) *Крестининъ*. Стр. 111. Закладка каменной церкви во имя Архангела Михаила съ придѣломъ Св. Великомученицы Екатерины состоялась въ 1742 г., одновременно съ закладкою каменной-же Боровской церкви во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Придѣлъ во имя Св. великомученицы Екатерины освященъ въ 1743 г., самый-же храмъ — въ 1749 г. Боровская церковь освящена въ 1753 г.

(32). Арханг. арх. Губерн. Канц. Дѣло 1739 г. № $\frac{1304}{1347}$. Въ дѣлѣ имѣется любопытная вѣдомость числу всѣхъ домовъ, составлявшихъ въ 1739 г. обстройку города, и изъ нея видимъ, что посадскихъ домовъ тогда было 498; солдатскихъ 563; иногородныхъ 174; артиллерійск. служителей 123; иноземческихъ 75; церковно-служительскихъ 49; приказныхъ 72; офицерскихъ 24, записныхъ въ расколъ 14; адмиралтейск. служителей 13; пильной мельницы 4; итого 1609 домовъ.

иноземцамъ дозволено чинить безъ запрещенія». Дальнѣйшіе же указы 1729 и 1732 г.г. развивали подробнѣе мысль объ этомъ предметѣ. Они дозволяли купечеству строить и продавать корабли иноземцамъ *безъ всякихъ пошлинъ съ продажи и отпуска за море*, и рубить въ корабельное строеніе лѣсъ, кромѣ дуба, безъ всякаго на то воспрещенія, чтобы не было остановки въ этого рода промышленности (33).

Относительно-же плаванія и отпуска товаровъ за море, изданный въ 1731 г. новый пошлинный тарифъ давалъ еще болѣе широкія льготы русскому купечеству, «для прерогативъ россійскаго флага и умноженія коммерціи», взимая уже не третью, но только *четвертую* часть отпускной пошлины во всѣхъ россійскихъ портахъ, не исключая и Архангельскаго. По смыслу того-же тарифа, было сдѣлано значительное облегченіе для русскихъ судовъ и относительно сбора огневыхъ и ластовыхъ денегъ. Этотъ сборъ былъ уменьшенъ въ половину против иностранцевъ, а для отходящихъ безъ груза и для всѣхъ поморскихъ судовъ и совсѣмъ уничтоженъ «для подачи россійскимъ къ мореплаванію и къ купечеству охоты» (34).

Первымъ, пожелавшимъ воспользоваться льготными законоположеніями, былъ холмогорскій купецъ Никита Крыловъ. Въ 1732 г. онъ учредилъ въ 5 верстахъ выше Архангельска корабельную верфь на урочищѣ *Бывъ*, гдѣ тогда же и приступилъ къ постройкѣ трехъ кораблей, чтобы отправить ихъ за море съ грузомъ лѣса (35). Въ то же время и дѣти Ѳедора Баженина, Никифоръ и Денисъ построили въ Вавчугѣ четыре корабля, изъ которыхъ три были строены по заказу иноземцевъ. Позже—и другіе изъ мѣстныхъ купцовъ поставили около Архангельска свои верфи.

Такого рода дѣятельность, смѣнившая бывшее затишье, вызвала, въ свою очередь, и другую промышленность—канатное производство, которымъ не преминули заняться иногородные купцы: Татауровъ, Качаловъ, Пшеницынъ, Барсинъ, Буси-

---

(33) Описаніе дѣлъ Главн. Морск. архива. Томъ IV, стр. 279.

(34) Москов. арх. М. Юст. № описи 914, кн. № 10, 1731 г.

(35) Описаніе дѣлъ Глав. Морс. арх. Т. V. Дѣла Воинской Морской Коммисіи, стр. 18.

новъ и Никитинъ. Первые три стали выдѣлывать канаты для заграничнаго отпуска, а послѣдніе—бѣлую пряжу, для народной нужды ([36]).

Но это была только одна сторона дѣла, потому что кромѣ этихъ благопріятныхъ условій для мѣстнаго судостроенія, существовали еще весьма важныя препятствія, тормозившія развитіе архангельской торговли. Одно изъ такихъ препятствій — отдача на долгіе годы морскихъ и рѣчныхъ нашихъ промысловъ въ монополію частныхъ лицъ,—промысловъ, питающихъ издавна сѣверный край, и который при этой монополіи легко уподобился птицѣ съ подрѣзанными крыльями!

Разсмотримъ ближе монопольное состояніе промысловъ, и перейдемъ затѣмъ къ изложенію дальнѣйшихъ экономическихъ причинъ, вліявшихъ такъ или иначе на состояніе архангельской торговли и промышленности.

Глава XII.

Промышленность сѣвера, и ея состояніе при монопольныхъ порядкахъ.

Съ того памятнаго времени, когда предпріимчивости нашего сѣвернаго поморья, по доносу пугливаго боярина и тобольскаго воеводы князя Куракина, т. е. съ 1620 г., былъ положенъ строгій запретъ двигаться морскимъ путемъ на востокъ къ сторонѣ Сибири, подъ страхомъ «быть казненными злыми смертьми и домы разорити до основанія» ([1]), чрезъ что пресѣклась завязавшаяся было торговля съ тамошними инородцами,—эта предпріимчивость, окриляемая духомъ отваги и экономическими потребностями края, избрала себѣ тогда другой путь, приведшій ее не только въ ближайшее соприкосновеніе съ Новою Землею, но и съ отдаленнымъ, суровымъ Шпицбергеномъ. На этой «Божьей дорогѣ», а также и въ устьяхъ порожистыхъ лапландскихъ и бѣломорскихъ рѣкъ, приморскіе жители издавна занимались свободно своими про-

---

([36]) Арх. Д. Т. Сбор. Дѣла Коммерцъ-Колл. № описи 1511, эксп., 4, № 126, связ. 8.

([1]) Русс. Истор. библіот. Т. II, стр. 1056—1095.

мыслами, снабжая продуктами какъ внутренность края, такъ и иностранныя земли черезъ Архангельскій портъ и Колу. За добывавшіяся промышленниками рыбу и сало казна получала десятинную пошлину: съ каждой тысячи рыбъ, напр. трески, по 16 руб., а съ сала тресковаго за десятый пудъ по 15 алтынъ (2). Такая пошлина до 1691 г. сбиралась на мѣстѣ улова, на Мурманскомъ берегу, особыми сборщиками, командировавшимися обыкновенно изъ Архангельска; но по причинѣ притѣсненія послѣдними промышленниковъ, съ 1691 г.—уже въ самомъ Архангельскѣ, гдѣ рыба и сало продавались крайне дешево. Напр. въ 1700 г., по уплатѣ установленной пошлины, семга свѣжая цѣнилась за пудъ отъ 30 коп. и до 1 р.; семга соленая—отъ 15 и до 39 к.; палтусъ соленой—отъ 18 и до 26 к.; треска соленая отъ 8 и до 11 коп., сухая отъ 20 до 33 к.; сало тресковое отъ 30 и до 55 коп. и т. п. (3). Такая дешевизна, при тогдашнихъ рутинныхъ способахъ улова, свидѣтельствовала, съ одной стороны, о богатой производительности сѣверныхъ водъ, съ другой—доказывала и возможность дальнѣйшаго развитія промысловъ при раціональномъ хозяйствѣ, и главное, при дружномъ воздѣйствіи капитала, безъ котораго никакія улучшенія въ предпріятіяхъ подобнаго рода немыслимы.

Все зависѣло отъ способовъ примѣненія на мѣстѣ мѣръ, которыя бы вели къ дѣйствительному улучшенію задуманнаго предпріятія. Въ совѣтникахъ и на этотъ разъ недостатка не было. Еще въ 1698 г., при бытности Петра въ Амстердамѣ, тамошній торговый человѣкъ Небель подалъ Царю проектъ о развитіи морскихъ промысловъ въ Россіи, и преимущественно китоваго, помощію *компаній*, для болѣе успѣшнаго эксплуатированія богатства нашихъ сѣверныхъ водъ (4); но часть этого проекта получила осуществленіе не раньше 1703 г. Соглашаясь, что *для большаго размноженія промысловъ и испо-*

---

(2) Москов. арх. М. Юст. Дѣла Правит. Сената по Коммерцъ, Бергъ и Мануф. Коллегіямъ и Глав. Магистрату. 1731—1735 г. № описи 915.

(3) Арх. Д-а Т. Сбор. Дѣло Коммерцъ-Коллегіи. № Описи 2237, эксп. 2, № 805, связ. 41.

(4) Тамъ-же. Дѣла Коммисіи о Коммерціи. № описи 420, № 14, связ. 1, стр. 68.

множенія торговли требовались денежный капиталъ и искусство ловить морскихъ рыбъ и звѣрей, соединенное съ умѣньемъ приготовлять ихъ на продажу, Петръ указомъ 1703 г. передалъ всѣ рыбные и сальные промыслы по Бѣлому и Ледовитому морямъ, въ содержаніе князю Меншикову, Шафировымъ съ товарищами, съ тѣмъ, чтобы мѣстные промышленники продавали свою добычу компанейщикамъ повольною цѣною, и помимо послѣднихъ продажа никому бы не производилась, ни въ Москвѣ ни въ Архангельскѣ (5). Компанейскими прикащиками въ Архангельскѣ были купцы Никита Крыловъ и Семенъ Акуловъ.

За 18-лѣтній періодъ существованія компаніи, ея дѣйствія оказались совершенно безплодными, и не подвинули дѣла ни на шагъ, потому что, пребывая въ С.-Петербургѣ, компанейщики управляли, во первыхъ, дѣлами не непосредственно, а во вторыхъ, ограничивались простою покупкою рыбы у бѣдныхъ промышленниковъ и продажею ея на монопольномъ правѣ, ни мало не приложивъ заботы, ни о размноженіи промысловъ, ни объ усиленіи торговли. Чтобы не быть голословными, укажемъ на факты. Въ 1700 г., слѣдовательно до учрежденія компаніи, отпущено было изъ Архангельска рыбы и сала за море: трески сухой 9548 пуд. на сумму 2483 р.; соленой 26419 пуд. на сумму 2509 р.; итого 35967 п.

Въ верховые города: трески сухой 15 т. рыбъ; соленой 16576 рыбъ; сала тресковаго 2608 пуд.; ворв., морж. и бѣлужьяго 2497 бочекъ.

Изъ компаніи же Меншикова въ 1717, 1719 и 1720 г.г., отпущено сала тресковаго и др. 3400 бочекъ, а сухой трески, въ общей сложности годовъ, отпущено только 9391 п., т. е. почти то же количество, какое вольными промышленниками отпущено было въ одномъ 1700 году (6).

Поздно усмотрѣвъ свою ошибку, Петръ прибѣгнулъ въ 1721 г. къ передачѣ промысловъ на тѣхъ же исключительныхъ

(5) П. С. З. 1703 г., января 20.

(6) Арх. Д-а Т. Сбор. Дѣла Коммерцъ-Коллегіи. № описи 2237, эксп. 2, № 805, связ. 41. Когда въ 1730 г. тресковый промыселъ оставленъ былъ въ вольной торговлѣ, то поступило въ продажу трески 12679 пуд.

правахъ въ купеческія руки, расчитывая, не безъ основанія, на лучшій успѣхъ дѣла, и потому тогда же составилась было новая компанія съ московскимъ гостемъ Матвѣемъ Евреиновымъ во главѣ, но Евреиновъ предъявилъ такія широкія права на эксплуатацію промысловъ, что Царь, соглашаясь съ заключеніемъ по сему предмету Коммерцъ-коллегіи, рѣшилъ оставить все дѣло по старому и объявилъ указомъ, что «нынѣ тѣ промыслы содержать, и на тѣхъ промыслахъ морскихъ звѣрей промышлять, и рыбу ловить, и сало топить и продавать и за море отпускать, до новаго указу, (дозволяется) всѣмъ промышленникамъ невозбранно» (7).

Не покидая однако мысли улучшить средства, хотя-бы по посолу рыбы на иностранный образецъ, Царь въ 1723 г. разрѣшилъ иноземцамъ пріѣзжать въ мѣста рыбныхъ промысловъ съ своею солью, и учреждать надлежащіе заводы. Охотники явились, въ лицѣ брандербургскаго торговца Вернизобера, который испрашивалъ исключительнаго дозволенія на 15 лѣтъ ловить въ Колѣ всякаго рода морскую рыбу, звѣрей и даже китовъ, покупать рыбные и звѣриные продукты у другихъ промышленниковъ, строить заводы и амбары, солить и сушить рыбу, топить сало, отпускать всѣ эти продукты за море на собственныхъ корабляхъ и т. д. и т. д. Но такая просьба превосходила уже границы возможнаго, и Вернизоберу было отказано на томъ основаніи, что исключительное-де право, иностранцу дарованное, можетъ причинить россійскимъ промышленникамъ великій вредъ и разореніе (8). Одно только въ проектѣ Вернизобера понравилось Петру—мысль о китоловномъ промыслѣ, которою онъ и рѣшился воспользоваться по своему. Въ 1723 г., учреждая китоловный отъ казны промыселъ подъ дирекціею Неклюдова и Вернизобера, Царь повелѣлъ: 1) «зачать пятью кораблями, оные сдѣлать у города Архангельскаго, ловцовъ вывезть изъ Голландіи, матросовъ употреблять русскихъ, понеже ловцы китовые сами суть матросы; 2) рѣки, которыя отъ Святаго Носа къ Колѣ, быть въ компаніи», и

(7) Тамъ-же. № описи 2215, эксп. 2, № 389, связ. 18.
(8) Тамъ-же. Дѣла Д-а Внѣшней торговли. № описи 3943, связ. 343, стр. 46.

пр., о чемъ и состоялся указъ 8 ноября 1723 г. Хотя дѣло повелось и энергично, но наткнулось на препятствія непредвидѣнныя.

Къ 1725 г., въ Вавчугѣ, Ѳедоромъ и Никифоромъ Бажениными, были построены три китоловные корабля: «Грунландъ-Фордеръ», «Гротъ-Фишерей» и «Вальфишъ». Первый изъ нихъ, при самомъ выходѣ изъ Архангельска въ Колу, потерпѣлъ совершенное крушеніе у Зимняго берега, у Майды, а прочіе съ немалыми поврежденіями едва добрались до цѣли. Кораблями, конечно, управляли голландскіе шхиперы. Вмѣсто разбившагося, купленъ былъ въ 1726 г. въ Голландіи новый корабль «Архангелъ Михаилъ». На всѣхъ трехъ корабляхъ имѣлось 108 ч. русскихъ и 70 иноземцевъ. Снабженные всѣми китоловными снарядами, корабли плавали у Шпицбергена ежегодно въ теченіе 1726—1729 г.г., и за все это время ими было поймано только 4 кита и 5 бѣлыхъ медвѣдей,—что̀ далеко не окупало расходовъ на предпріятіе, достигшихъ солидной суммы 86935 р., включая и стоимость судовъ, тогда какъ выручка не превышала 17781 р. (9).

Ясно, что надъ нашими горе-китоловами тяготѣлъ какой-то фатумъ. Въ оправданіе своихъ дѣйствій, директоры донесли Коммерцъ-Коллегіи, что Баженинскіе корабли оказались неспособными къ промыслу у Шпицбергена, при лавировкѣ во льдахъ, что-де снасти и прочія принадлежности были худы, такелажъ даже изъ дурной пеньки, люди же россійскіе къ тому промыслу оказались «незаобыкновенные»,—словомъ, доказывали, что надо съизнова начинать предпріятіе. Голландцы же, съ своей стороны, когда «Гротъ-Фишерей» и «Вальфишъ» пришли съ промысловъ въ Амстердамъ, въ 1729 и 1730 г.г., отозвались, что *«россійскіе корабли на другихъ фарватерахъ, и годны и крѣпки и сильны, кромѣ Грунланда»*. (10).

Одинъ изъ кораблей былъ тамъ-же проданъ охотникамъ за

---

(9) Арх. Д-а Т. Сб. Дѣла Коммерцъ-Коллегіи. № описи 2199, эксп. 2, № 196, связ. 7. Дѣла Коммисіи о Коммерціи. № описи 420, № 14, связ. 1. Опис. дѣлъ Глав. Мор. архива. Т. II. Дѣла графа Апраксина, стр. 692.

(10) Москов. арх. М. Юст. Дѣла Прав. Сен. по Коммерцъ, Бергъ и Мануф. Колл. и Глав. магистр. 1731—1735 г. № описи 915.

сходную цѣну, а другой («Вальфишъ») купилъ Евреиновъ, и предпріятіе рушилось. Коммерцъ-Коллегія понимала истинныя причины неудачи, и донося о нихъ Коммисіи о Коммерціи писала въ 1729 г.: «убѣждена, что иностранные служители къ ловленію китовъ не только какое усердіе показываютъ, но и всякое зломысленное препятствіе чинятъ, имѣя, безъ сомнѣнія, въ томъ тайный запретъ отъ своихъ магистратовъ и торгующихъ людей, занимающихся тѣмъ же китовымъ промысломъ, чтобы не дать ходу нашимъ промышленникамъ, какъ и прежде сего о заведеніи фабрикъ россійскихъ Гамбургцы и Голландцы всякими образы тщилися чинить». ([11]). Но мысль объ улучшеніи морскихъ и рѣчныхъ промысловъ такъ прочно укоренилась въ умахъ тогдашняго правительства, что не осталась безъ примѣненія и послѣ Петра Великаго.

Императрица Екатерина I командировала въ 1726 г. въ Архангельскъ президента Коммерцъ-Коллегіи барона Шафирова, чтобы образовать компанію изъ купечества, для желанной цѣли. На пути къ Архангельску, Шафировъ въ Ярославлѣ, Вологдѣ, Тотьмѣ и Устюгѣ старался склонить купечество къ осуществленію мысли Государыни, обѣщая ея именемъ многія привиллегіи, но успѣха не имѣлъ. Тогда, по прибытіи въ Архангельскъ, Шафировъ передалъ завѣдываніе всѣми рыбными и звѣриными промыслами въ дирекцію Губернской канцеляріи, т. е. въ казенное содержаніе, выдѣливъ при этомъ *семужій промыселъ*, отданный имъ въ откупное содержаніе на 4 года (съ 1727—1731) компаніи, составившейся изъ иноземца Швенгревеля, и архангельскихъ купцовъ: Маслова, Фомина, Крылова, Крестинина и Пономарева. Такое распоряженіе, клонившееся къ водворенію ненавистной народу монополіи, нанесло было окончательный ущербъ не только внутренней торговлѣ Архангельска, но и торговлѣ всего края, потому что права семужной компаніи простирались не на одинъ заграничный отпускъ, но и на внутренній сбытъ, а раіонъ дѣйствій обнималъ не только Архангельскъ, но всѣ примор-

---

([11]) Арх. Д-а Т. Сбор. Дѣла Коммерцъ-Коллегіи. № описи 2199, эксп. 2, № 196, связ. 7, стр. 18.

скія мѣста губерніи, проникая даже въ Каргопольскіе и другіе уѣзды, гдѣ производился тоже ловъ семги. Компанейщики скупали семгу у промышленниковъ, и пускали ее въ продажу по возвышенной цѣнѣ, ловко пользуясь тою привиллегіею, въ силу которой могли безнаказанно прижимать промышленника бракомъ его товара, чтобы за тѣмъ у него же купить *забракованный* товаръ самою низкою цѣною. Въ 1728 г. компанейщики покупали семгу у Архангельска по 20 и по 30 к. пудъ, а продавали по 60 и по 80 коп.; копченую-же—по 1 р. 60 коп. Такія алчныя дѣйствія вызвали въ томъ же 1728 г. энергичный протестъ Коммерцъ и Каморъ—Коллегій предъ правительствующимъ Сенатомъ, подкрѣпленный жалобами архангельцевъ и колянъ, и на основаніи этого протеста семужій промыселъ былъ отданъ въ народъ на вольную продажу, и только для заграничнаго отпуска оставленъ пока по прежнему въ компаніи ([12]). Вотъ до какихъ чудовищныхъ размѣровъ доведена была мысль объ улучшеніи сѣверной промышленности, составляющей насущный хлѣбъ обитателямъ края!

Принимая во вниманіе, что на всѣ рыбные и звѣриные промыслы, за исключеніемъ китоваго, казною было израсходовано съ 1725—1730 г. 54889 р., оказывается, что если она и потеряла на китовомъ, то съ избыткомъ вознаградила себя на прочихъ промыслахъ, потому что съ одной семужьей компаніи она получила: въ 1726 г. 22345 р., въ 1727 г. 29268 р., въ 1728 г. 22330 р., при чемъ, съ своей стороны, и компанія не осталась безъ хорошаго барыша: за 1-й годъ она получила 7041 р., за 2-й 9395 р. и за 3-й 6794 р.,— всего 23230 р. ([13]). Въ проигрышѣ были одни производители и потребители, т. е. масса населенія, тяготы которой въ большинствѣ случаевъ игнорировались правительствомъ. Казенный доходъ и частная нажива стояли тогда на первомъ планѣ.

И тѣмъ не менѣе, не можемъ отвергать, чтобы развитію промысловъ, отъ участія казны и компанейщиковъ, не было

([12]) Москов. арх. М. Юст. Дѣла Прав. Сен. по Коммерцъ, Бергъ и Мануф. Колл. и Главн. Магистр. 1722—1739 г. Книга IV. № описи 908. Арх. Д-а Т. Сбор. Дѣла Коммисіи о Коммерціи. № описи 420, № 14, связ. 1

([13]) Тамъ-же. Дѣла Коммерцъ-Коллегіи. № описи 2199, эксп. 2, № 196, связ. 7.

дано съ 1725 г. весьма значительнаго толчка, отразившагося какъ на количествѣ самыхъ промысловъ, такъ и на болѣе тщательномъ приготовленіи продуктовъ для заграничнаго отпуска и въ народную продажу. Въ Кольскій острогъ, игравшій при этой операціи не послѣднюю роль, приходило ежегодно до 6 иностранныхъ кораблей за рыбными и звѣриными продуктами. Здѣсь же жили и директоры компаній, орудовавшіе промыслами. Даже въ Пустозерскій острогъ въ 1718, 1724 и 1725 г.г. приходило по одному кораблю за грузомъ, состоявшимъ изъ семги, сала ворваннаго, звѣриныхъ шкуръ и птичьихъ перьевъ. (14). Чтобы судить, могли ли процвѣтать наши морскіе промыслы, предоставленные усиліямъ мѣстныхъ жителей бѣломорскаго бассейна, укажемъ на статистику черносошныхъ крестьянъ, населявшихъ край въ 1725 г. (15).

Въ Кольскомъ острогѣ имѣлось крестьянъ 1003 ч.; въ Пустозерскомъ 1473; въ Мезенскомъ уѣздѣ 6249; въ Устьянскихъ волостяхъ 5769; въ Кеврольскомъ уѣздѣ 6708; въ Двинскомъ 18213.

Ясно, что малая населенность, безъ содѣйствія извнѣ, не могла въ то время сама по себѣ вліять на особое умноженіе промысловъ, зависящихъ къ тому-же отъ счастливаго улова. По прекращеніи дѣйствій семужьей компаніи, всѣ наши морскіе и рѣчные промыслы продолжали еще долгое время переходить отъ завѣдыванія одной дирекціи въ завѣдываніе другой, заправлявшихъ дѣлами болѣе или менѣе успѣшно. Такъ, съ 1731 — 1734 г. промысловыми дѣлами завѣдывали Евреиновы; съ 1735—1738 г.—баронъ П. Шафировъ; съ 1739—1741 г. — генералъ-бергъ-директоръ баронъ Шембергъ; съ 1742 — 1747 г. промыслы находились въ казенномъ содержаніи, и для лучшаго за ними наблюденія была учреждена въ Архангельскѣ въ 1745 г. особливая контора Коммерцъ-Коллегіи, переведенная изъ Москвы; съ 1748—1762 г. промыслами завѣдывалъ графъ П. И. Шуваловъ.

---

(14) Тамъ-же. № описи 1613, эксп. 2, № 382, связ. 18. Пустозерскій острогъ былъ учрежденъ въ началѣ XVI в. для удобности ясачнаго съ самоѣдовъ сбора.

(15) Тамъ-же. Дѣла Коммисіи о Коммерціи. № описи 474, № 29, связ. 2.

Мѣриломъ успѣха дѣйствій для каждой изъ этихъ дирекцій, можетъ служить количество таможенныхъ сборовъ, взятыхъ какъ по предмету отпуска продуктовъ въ народное употребленіе, такъ и по отпуску за море. За время-же казеннаго управленія, мы, къ сожалѣнію, не нашли извѣстія о количествѣ таможенныхъ сборовъ, да и едва ли найдутся они когда нибудь, потому что московскіе пожары уничтожили весьма много дѣлъ Коммерцъ и Каморъ-Коллегій, и другихъ учрежденій.

Сравнительная вѣдомость поступившихъ въ казну пошлинъ ([16]).

Пошлины.	Евреиновы съ 1731—1734 г.		Шафировъ съ 1735—1738 г.		Шембергъ съ 1739—1741 г.		Шуваловъ съ 1749—1762 г.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Внутреннія.	5431	11¹/₄	7005	56¹/₄	1810	60³/₄	26602	—
Портовыя.	6312	90³/₄	7962	56	3634	35	20690	—
Общая сумма.	11744	2	14968	12¹/₄	5844	95³/₄	47292	—

Евреиновы и баронъ Шафировъ, по мнѣнію Никиты Крылова, управлявшаго дѣлами послѣдняго, получали ежегодной прибыли отъ промысловыхъ операцій до 10 т. руб., а баронъ Шембергъ до 6 т. руб., по показанію Вернизобера, управлявшаго дѣлами своего патрона, на правахъ директора. Прибыль-же отъ промысловыхъ операцій графа Шувалова не можетъ и идти въ сравненіе съ его предшественниками, по

([16]) Тамъ-же. Дѣла Коммерцъ-Коллегіи. № описи 2215, эксп. 2, № 389, связ. 18. Портовый сборъ въ подлинныхъ вѣдомостяхъ показанъ количествомъ ефимковъ; для однообразія съ внутреннимъ сборомъ, мы сдѣлали переводъ ефимковъ на россійскую монету, считая цѣну ефимка, принятую въ то время, въ 125 коп.

продолжительности управленія промыслами и по успѣшности самихъ дѣлъ.

Графу Шувалову отданы были на 20 лѣтъ не только въ Архангельской губерніи промыслы сальные, звѣриные, *тюленевые* и др. «для лучшаго тѣхъ промысловъ произведенія и приращенія Ея И. В. интереса», но и въ Астрахани и на Ладожскомъ озерѣ. При такой «огромнаго размѣра дистанціи», преслѣдуя интересъ казны, графъ Шуваловъ не забывалъ, конечно, и собственныя выгоды. Покупая напр., у промышленниковъ сало по 35—40 к. пудъ, онъ продавалъ его у Архангельска по 80 коп.; въ такомъ сравнительно размѣрѣ шла продажа и прочихъ продуктовъ. Зато Шуваловъ первымъ понялъ, что для успѣха предпріятія требуется прежде всего обезпечить промышленника въ матеріальномъ отношеніи, и потому, при неудачныхъ иной годъ промыслахъ, выручалъ изъ нужды деньгами и припасами, а также и уплачивалъ за бѣдныхъ подушную подать изъ своей *Сальной* конторы, основанной имъ въ Архангельскѣ, такъ что за время Шуваловскаго управленія промыслами, недоимокъ съ поморскихъ крестьянъ совсѣмъ не существовало ([17]). Директоромъ оставался все тотъ же Вернизоберъ.

Морскіе промышленники выѣзжали на промыслы изъ волостей Варзугской, Умбской, Пялицкой, изъ Сумы, Кеми, Мезенскаго и Кеврольскаго уѣздовъ. Суда были: *весновальные и стрѣльные карбасы, лодки, шняки, крытые карбасы, кочмары, соймы, лодьи* и *малые гукоры*. Отправляясь на весновальный торосовой и стрѣльной промыслы, и имѣя на суднѣ по 2—4 ч., промышленники находились въ морѣ съ февраля по іюль, и свою добычу выплавливали на морскіе берега, гдѣ сало и кожи звѣрей либо зарывали въ снѣгъ, либо клали въ ямы, и потомъ, острогавъ сало въ бочки, по 5 и по 8 въ поѣздку, на тѣхъ же своихъ промысловыхъ карбасахъ плыли къ Архангельску и приставали у *салотопнаго двора*, гдѣ и сдавали грузъ прикащикамъ. При хорошихъ обстоятельствахъ,

---

([17]) Тамъ-же. № описи 2237, эксп. 2, № 805, связ. 41.

такихъ поѣздокъ случалось до 5 въ лѣто. Добыванiе звѣрей происходило и у Груманта и у Новой Земли ([18]).

Но этотъ раіонъ дѣйствій не удовлетворялъ графа Шувалова, пожелавшаго облагодѣтельствовать и дальные сибирскіе народы. Задумавъ воскресить древнее плаваніе на востокъ Карскимъ моремъ, чтобы промышлять звѣря и въ заповѣдныхъ водахъ, Шуваловъ въ 1753 г. вошелъ въ Правит. Сенатъ съ слѣдующимъ любопытнымъ докладомъ: увѣдомился-де онъ, что въ прошлыхъ годахъ отъ города Архангельскаго, Холмогоръ, съ Двины и Онеги рѣки и съ Мезени промышленниковъ хаживало не малое число на судахъ для морскаго звѣринаго, сальнаго и моржеваго промыслу, сквозь Вайгачъ по россійскому берегу Карскимъ моремъ, которое простирается до Обскаго залива, и въ тотъ Обскій заливъ до самой Оби рѣки и въ Тазовскій заливъ до Тазъ рѣки, и по тѣмъ берегамъ имѣли промыслы — грузили по нѣкоторымъ островамъ суда свои однимъ моржовымъ зубьемъ, отъ чего промышленный народъ весьма пользовался; а тотъ путь тогда называли *въ заворотъ*, и въ тѣ времена отъ 30 до 40 кочей въ годъ обращались; а берега онаго Карскаго моря отъ городовъ Сибирскихъ состоятъ въ немаломъ разстояніи, и кромѣ самоѣдовъ, по тѣмъ берегамъ никто жительства не имѣетъ, и состоитъ все впустѣ безъ всякаго плода. Но когда черезъ Верхотурье дорога въ Сибирь учреждена, то яко-бы учинено запрещеніе, чтобъ по сибирскимъ берегамъ промысловому народу на промыслы сальные и звѣриные не ходить, и съ того времени хотя къ тому ходу многіе великую охоту имѣютъ, однако безъ дозволительнаго указу ходить не смѣютъ и не ходятъ..., а разные кормщики и промышленники, которые въ Камчатской экспедиціи въ службѣ были, объявляли, что по всему берегу Карскаго моря, Обскаго и Тазовскаго заливовъ, не токмо свободный путь, но и многія рѣки и заливы для становищъ весьма способныя. Самоѣды-же не только не имѣютъ промысловъ морскихъ, но и близъ Карскаго моря не

([18]) Описаніе дѣлъ Глав. Морс. арх. Т. IV. Указы, поступившіе изъ Правит. Сената въ Адмиралт. Коллегію, стр. 296.

ѣздятъ, а питаются рыбною ловлею въ рѣкахъ и озерахъ, а на тундрахъ имѣютъ песцовый и оленій промыслы; то въ виду ожидаемаго интереса казнѣ и ради пользы народной просилъ: 1) дозволить Архангельской Сальной Конторѣ отпускать кормщиковъ и покрученниковъ на сальные звѣриные лѣтніе и зимовые промыслы въ Карское море, въ Обскій и Тазовскій заливы на судахъ его, Сенатора и кавалера, промышленниковъ архангельскихъ, мезенскихъ и др. обывателей; 2) заходить свободно съ судами въ становища, и въ пристойныхъ мѣстахъ строить промысловыя избы, и въ нихъ жить невозбранно; 3) въ случаѣ разбитія судна, промышленникамъ выѣзжать на оленяхъ въ Березовъ, для слѣдованія въ Архангельскъ, и никому другимъ промышленникамъ туда не ѣздить; 4) подтвердить тамошнимъ уѣзднымъ начальникамъ и обывателямъ, чтобы отнюдь Шуваловскихъ промышленниковъ не обижали и утѣсненій не чинили; и 5) на вышепомянутые берега сухимъ путемъ возить дозволить на оленяхъ всякіе припасы и самоѣдскія потребности черезъ Пустозерскъ, и оттуда вывозить промыслы съ платежемъ пошлинъ по таможенному уставу ([19]).

Хотя указъ въ благопріятномъ для Шувалова смыслѣ и состоялся тогда же, но въ дѣйствіе не былъ приведенъ, не смотря на то, что тотъ же Шуваловъ продолжалъ управлять сѣверными промыслами до 1762 г., т. е. до года своей смерти. Очевидно, что или указъ былъ отмѣненъ по какимъ либо финансовымъ соображеніямъ, или-же, вѣрнѣе, Шуваловъ на первыхъ-же порахъ встрѣтилъ какія-либо физическія препятствія при осуществленіи проекта, обѣщавшаго поднять экономическій ростъ нашего сѣвера. Въ обоихъ случаяхъ, бывшій тобольскій воевода князь Куракинъ могъ почивать очень спокойно въ своемъ гробѣ, видя запретъ не нарушеннымъ!

Неуклонное преслѣдованіе Шуваловымъ народной яко-бы пользы, всего рельефнѣе обнаружилось на его проектѣ эксплуатировать лѣса сѣверной части Архангельской губерніи отпускомъ за границу, въ видѣ бревенъ, досокъ, брусьевъ и т. п.,

---

([19]) Тамъ-же.

на томъ-де основаніи, что много пропадаетъ лѣсу на корнѣ непроизводительно. Идея проекта, имѣвшаго громадныя послѣдствія для государственнаго хозяйства, внушена была Шувалову англійскимъ купцомъ Вильямомъ Гомомъ, богатымъ коммерсантомъ, жившимъ съ давнихъ поръ въ С.-Петербургѣ и страдавшимъ проектоманіею. Гомъ, какъ эксцентрикъ, любилъ пускаться въ рискованныя предпріятія, задумывать грандіозныя коммерческія аферы, и тратить на нихъ свои и чужіе капиталы. По отзыву офиціальныхъ документовъ, Гомъ, «будучи купецъ жадный и имѣя голову, наполненную безконечными коммерческими спекуляціями», не любилъ останавливаться на какомъ либо одномъ предпріятіи, и доводить послѣднее до конца, а хватался за многое, не соображаясь съ наличными своими капиталами, и отъ того не выходилъ изъ долговъ. Такой-то человѣкъ съ 1748 г. вошелъ въ довѣріе къ графу Шувалову, и своими фантазіями о прибыльности лѣснаго торга въ Устьянской волости такъ воспламенилъ Шувалова, что результатомъ бесѣдъ состоялась въ 1752 г. извѣстная привиллегія, данная правительствомъ Шувалову на неопредѣленное время, въ силу которой разрѣшалось рубить казенные лѣса Архангельской губерніи по рѣкамъ, текущимъ въ Лапландіи и около Пустозерскаго острога, и отпускать лѣсъ за море въ нижеслѣдующемъ количествѣ: 250 т. сосновыхъ и елевыхъ брусьевъ и бревенъ; 1000 деревъ мачтовыхъ и раинныхъ, 200 т. досокъ пильныхъ, для догрузки и укладки въ имѣющіе приходить за лѣсомъ корабли, 5000 саж. березовыхъ дровъ и 200 т. штукъ елевыхъ шестовъ; построить на означенныхъ рѣкахъ пильныя мельницы и учредить въ необходимыхъ мѣстахѣ конторы, для контроля. Провизію, припасы и вещи привозить изъ-за моря безпрепятственно, съ платежемъ обыкновенной пошлины ([20]). Предвкушая барыши отъ лѣсной операціи, Шуваловъ немедленно передалъ все веденіе этого дѣла по контракту на 20 л. тому-же Гому, а послѣдній, не зная совершенно ни мѣста дѣйствія, ни за-онежскихъ лѣсовъ, сталъ дѣйствовать, по сво-

---

([20]) Арх. Д-а Т. Сб. Дѣла Коммисіи о Коммерціи. № описи 206, № 894, связ. 50.

ему обыкновенію, чрезъ своихъ повѣренныхъ, и сразу ухлопалъ 150 т. руб. на одно только устройство порта. Мѣсто для порта избрано въ Устьянской волости, лежащей при самомъ устьѣ р. Онеги.

Названіе *Устьянская волость* упоминается первоначально въ нашихъ историческихъ актахъ еще въ XV в., когда она болѣе была извѣстна подъ именемъ *Усть-Онеги*, съ двумя находившимися въ ней церквами: Успенія Богородицы и Николая Чудотворца. Первые поселенцы, безъ сомнѣнія, были новгородцы. По писцовымъ книгамъ 1621 г. числилось въ Устьянской волости всего 22 крестьянскихъ двора, и имѣлось 3 дома церковно-служителей и 6 келій. Спустя 36 л., волость съ прочими сосѣдними селеніями, по грамотѣ Царя Алексѣя Михаиловича, поступила въ вѣденіе основаннаго на о. *Кіь* (въ 14 верстахъ отъ волости) *Крестнаго* монастыря, который и управлялъ сосѣдними крестьянами въ теченіе послѣдующихъ 107 лѣтъ ([21]).

Такова первоначальная исторія мѣстности, проявившей со второй половины XVIII в. такую жизнь, что число приходившихъ сюда съ моря кораблей соотвѣтствовало нѣкоторое время числу кораблей, приходившихъ къ самому Архангельску, и даже было болѣе. Въ 1755 г. на усть-рѣчки Понги, противъ селенія, за рѣкою, Гомъ построилъ двѣ водяныя пильныя мельницы о 14 рамахъ, и при мельницахъ — амбары, кузницы, казармы, сараи, бани и служительскіе домы, словомъ, всѣ хозяйственныя обзаведенія на широкую руку. По первымъ пріемамъ Гома, Шуваловъ догадался, что чаемые барыши — еще журавли въ небѣ, и потому заблаговременно предпочелъ довольствоваться синицею въ рукахъ, на основаніи чего передалъ Гому въ 1760 г. за 300 т. руб. всю лѣсную операцію на 30 лѣтъ «властно такъ, какъ-бы данное ему, Графу Шувалову, указомъ изъ Сената дозволеніе собственно ему, Гому, на показанные 30 л. дано было ([22])».

([21]) Рукописи Археогр. Коммисіи. Матеріалы къ Исторіи и Статистики Россійскаго Сѣвера. № 1, стр. 29—34. Министерство Народн. Просвѣщ.

([22]) Арх. Д-а Т. Сб. Дѣла Коммисіи о Коммерціи. № описи 206, № 894, связ. 50.

Получивъ въ свои руки такую операцію, Гомъ предложилъ правительству новый проектъ, «чтобы построить знатное число большихъ россійскихъ кораблей, и оными заготовляемые по рѣкамъ, впадающимъ въ Бѣлое море, лѣса, съ платежемъ въ казну указныхъ пошлинъ, во всѣ иностранные порты отвозить, и тамо продавать на деньги, и оныя ввозить въ Россію въ золотѣ и серебрѣ, чрезъ что-де огромныя выгоды получитъ казна ([23]). На первое обзаведеніе просилъ заимообразно 300 т. руб. мѣдными деньгами, на 10 лѣтъ, за указные проценты. Тогда правительство, черезъ генералъ-поручика Веймарна, позаботилось навести справку: не отразится-ли Гомовская рубка лѣсовъ на военномъ судостроеніи въ Архангельскѣ. По описи Веймарна оказалось, что лѣсовъ-де такъ много въ Архангельской губерніи, что никакой опасности для военнаго судостроенія не предвидится въ будущемъ, на основаніи чего Сенатъ разрѣшилъ Гому строить корабли изъ сосны на р. Онегѣ, Мезени и у Архангельска, и выдалъ просимую заимообразно сумму. Заполучивъ капиталъ, Гомъ, по своему обыкновенію, распорядился широко. На учрежденныхъ при Подпорожьѣ и при устьѣ Онеги верфяхъ, онъ построилъ съ 1761—1768 г. 18 кораблей и 6 гальотовъ, и всѣ эти суда отправилъ въ иностранныя государства съ лѣснымъ матеріаломъ. Каждый лѣсной грузъ приносилъ Гому чистаго барыша 600 р. Независимо отправки кораблей, стали ежегодно приходить къ Гомовской конторѣ и иностранные корабли за тѣмъ-же грузомъ. Всего съ 1762—1768 г. въ Усть-Онегѣ было нагружено лѣсомъ 251 корабль, а съ 1768—1774 г. 95 кораблей. Одной пошлины поступило въ Онежскую портовую заставу, учрежденную въ 1764 г., 57420 руб. ([24]). Новыя пильныя водяныя мельницы работали въ трехъ мѣстахъ на р. Онегѣ: при *Маркомусахъ* (въ 110 в. отъ устья) двѣ, на р. *Андѣ* (въ 10 верст.) одна и въ Усть-Онегѣ одна. Въ этомъ-же селеніи Гомъ построилъ въ 1764 г. и канатную фабрику, на которой работало 83 ч. Въ Архангельскѣ, на такъ называвшейся *Фразеровской*

([23]) Тамъ-же.
([24]) Тамъ-же.

верфи, о которой скажемъ въ своемъ мѣстѣ, Гомъ строилъ ежегодно по 2—3 корабля. На Кій-островѣ учредилъ лѣсную гавань, гдѣ и происходилъ отпускъ лѣсовъ на корабли; а лѣса съ мельницъ доставлялись помощью 82 павозковъ. Для безопаснаго прихода кораблей съ моря къ Усть-Онегѣ, устроилъ на бѣломорскомъ островкѣ, называвшемся *Ровг*, башню, «гдѣ горѣли лампады», т, е. маякъ, и помѣстилъ при немъ артель лоцмановъ. Жажда наживы завлекла Гома послать однажды на своихъ корабляхъ въ Голландію, Англію, Францію и Испанію, столько лѣснаго товара, что не было возможности распродать его и въ три года.... Серебро и золото, обѣщанное правительству, или оставалось въ воображеніи спекулянта, или въ карманѣ у послѣдняго, но казна отъ продажи Гомовскихъ кораблей ничего не получала. Къ 1774 г. Гомъ окончательно разстроилъ свои торговыя дѣла, и даже потерялъ всякій кредитъ за границею; долгъ-же его въ казну возросъ до *полутора милліона рублей!* Пришлось правительству выручать изъ бѣды своего должника, чтобы получить съ него хотя часть долга. Оно предоставило Гому продолжать лѣсную операцію до истеченія контрактнаго срока, обязавъ его закрыть въ Царскомъ Селѣ ситцевую фабрику и сахарный заводъ въ Петербургѣ, также и пильныя мельницы, устроенныя на р.р. Олонцѣ и Свири; строить ежегодно не болѣе 4 кораблей, и отправлять изъ Онеги съ лѣсомъ не болѣе 60 кораблей, въ числѣ которыхъ было-бы непремѣнно 20 собственныхъ. Въ качествѣ свидѣтеля отъ короны, былъ приставленъ къ Гому особый надзиратель. При этихъ-то ограниченіяхъ, хозяйничанье Гома продолжалось еще 9 лѣтъ, и въ 1783 г. прекратилось окончательно, за его полною несостоятельностью.

Даже помимо чудовищной операціи Гома, лѣсоистребленіе въ Архангельской губерніи шло тогда въ громадныхъ размѣрахъ, не смотря ни на какія вальдмейстерскія инструкціи и запретительные указы. Опустошенію лѣсовъ много способствовали: неправильное *смолокуреніе*, при которомъ большое число самыхъ лучшихъ молодыхъ деревъ раззорительнымъ обычаемъ вырубалось, а вершины, сучья, пни и коренья оставались въ пренебреженіи; ежегодная постройка большихъ *барокг* подъ

приплавляемые съ верховья къ Архангельску харчевые и др. припасы, барокъ, которыя уже обратно не возвращались, а шли за крайне-дешевую цѣну на дрова и другія подѣлки жителямъ Архангельска, и—сплавка *плотовъ.* Подъ плоты употреблялись обыкновенно 3 и 4 саженные сосновыя и елевыя бревна, чтобы приплавить на нихъ къ городу даже такіе припасы, какъ напр. сѣно, дрова, уголье и т. п., а по приплавкѣ продавались такъ дешево, что каждое сосновое дерево шло за 3 полушки, или за 1 деньгу! Это фактъ.

Гомовская-же операція надолго разстроила не только лѣсное хозяйство на сѣверѣ, но и измѣнила даже отчасти характеръ самой промышленности Усть-янскихъ жителей, искони занимавшихся до пришествія Гома рыбными и звѣриными промыслами: треской, палтусиной, семгой и сельдями, кожами морскихъ звѣрей, и ихъ саломъ, для ловли которыхъ плавали на своихъ лодьяхъ и кочмарахъ къ Кандалакшѣ, къ Колѣ, къ Новой Землѣ и Шпицбергену. Мореходство уступило новому виду заработковъ, менѣе рискованныхъ, заключавшихся въ рубкѣ лѣсовъ, распиловкѣ, приплавѣ къ мельницамъ и т. п. По милости оголенныхъ лѣсныхъ пространствъ, уничтожились звѣриные и птичьи промыслы. Въ 1790 г. лѣсъ для распилки на Онежскихъ мельницахъ пригонялся верстъ за полтораста, тогда какъ ранѣе онъ росъ по всему теченію Онеги, и отъ города былъ не далѣе, какъ на 20 верстъ. Одинъ современный путешественникъ, прибывъ въ Онегу въ 1791 г. и увидя развалины Гомовскаго адмиралтейства, лѣсъ, складенный на берегу по протяженію версты въ длину, полтораста саженъ въ ширину и въ двѣ сажени высотою, не безъ горечи замѣтилъ: «содрогнуться должно, увидѣвъ, сколько сей зловредный бродяга въ пятнадцать лѣтъ начудодѣялъ» ([25]).

Какъ все искуственное, новая дѣятельность онежскихъ жителей имѣла въ экономическомъ смыслѣ эфемерный успѣхъ, пока работали мельницы и строились корабли.

Недоимокъ въ податяхъ тогда не было, и самыя подати нерѣдко вносились золотомъ и серебромъ, по увѣренію тогда-

---

([25]) *Челищевъ.* Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г. Стр. 62.

шняго архангельскаго губернатора Головцына, восторгавшагося и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что корона-де получала отъ лѣснаго торга большую пользу въ питейныхъ сборахъ ([26])! Но прекратилась эта искуственно-вызванная дѣятельность, прекратились и прибыльные заработки, развращающимъ образомъ вліявшіе на нравственность населенія.

Послѣ сего, хотя Онежскій лѣсной торгъ, состоя въ казенномъ вѣдомствѣ до 1833 г. и продолжалъ свое существованіе, но уже въ размѣрахъ до того скромныхъ, что съ 1782 и по 1833 г. наибольшее количество приходившихъ къ Онегѣ кораблей за лѣснымъ товаромъ, не превышало 22, чаще-же было отъ 2 до 10 кораблей; а въ иные годы и ни одного не приходило ([27]).

Замѣчательно, что время монополіи нашихъ морскихъ и рѣчныхъ промысловъ — этотъ печальный эпизодъ въ исторіи Архангельской торговли и промышленности, — совпало съ временемъ другаго, не менѣе печальнаго эпизода для архангелогородскаго купечества и для посадскихъ, которымъ судьба продолжала ниспосылать несчастія за несчастіями, къ отягощенію ихъ экономическихъ условій, пока не наступила, наконецъ, славная эра царствованія Императрицы Екатерины Великой, принесшая съ собою много отрадныхъ перемѣнъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ для Архангельскаго порта.

Глава XIII.

Моральное состояніе торговаго сословія въ Архангельскѣ, въ XVIII в. — Возобновленіе Магистратскаго управленія. — Президентство Очапова. — Торговый застой. — Тарифъ 1757 г. — Банкротства.

Духовная бѣдность архангелогородскихъ гражданъ всегда была причиною страшнаго деспотизма мѣстныхъ властей, пользовавшихся, во вкусѣ своего времени, безотвѣтностью

([26]) Арх. Д-а Т. Сбор. Дѣла Коммисіи о Коммерціи. № описи 206, № 894, связ. 50.

([27]) Рукописи Археогр. Комм. Матеріалы къ Исторіи и Статистикѣ Россійскаго Сѣвера. № 1, стр. 37.

подчиненныхъ. Тамъ, гдѣ система домашняго воспитанія основывалась на рабскомъ приниженіи человѣческаго достоинства и на магической силѣ родительскаго жезла, подобное явленіе не могло быть не нормальнымъ. Грубость нравовъ и безразсудные побои извращали съ дѣтскихъ лѣтъ человѣческую натуру, внѣдряя силою въ нее чувства законнаго почтенія къ родителямъ, къ наставникамъ, ко всѣмъ старшимъ въ семействѣ и въ обществѣ. Одинъ изъ современныхъ писателей XVIII в., уроженецъ Архангельска, съ горечью сообщаетъ, что родители имѣли обыкновеніе, принимая у себя гостей, приказывать своимъ дѣтямъ, при подношеніи хмѣльныхъ напитковъ привѣтствовать этихъ гостей, въ знакъ особой учтивости, земными поклонами, что отнимало у дѣтей употребленіе языка съ болѣе знатными людьми (1). Въ присутственныхъ-же мѣстахъ замѣчалось еще болѣе возмутительное явленіе, по свидѣтельству того же современника, гдѣ раболѣпство посадскихъ выражалось колѣнопреклоненіемъ, означавшимъ внутренній страхъ предъ начальствомъ за свою участь, потому что виновнаго ждала обыкновенно тюрьма. На грозныя слова разгнѣваннаго судьи, кричавшаго: тако желаю! тако повелѣваю! наша воля во всемъ! — виновный посадскій отвѣчалъ при этомъ смиренно: помилуй! воля ваша!

Исключеніемъ изъ общаго правила въ системѣ воспитанія

(1) «Ежемѣсячныя сочиненія», 1790 г. См. статью *Крестинина*: «О употребленіи надъ дѣтьми мужескаго пола власти родительскія и власти учительскія по старинному воспитанію Двинскаго народа», гдѣ приведены изъ рукописнаго сочиненія, называвшагося *Законникъ*, и слѣдующіе тезисы, служившіе основою тогдашней педагогіи:

«Чадо мое, казни сына своего въ юности его, и онъ тебѣ покой будетъ въ старости, и даждь души его и своей красоту, и не ослабляй ему. Бей его всегда жезломъ».

«Аще біеши его по часту, то не умретъ отъ того, но здравѣе будетъ, и не воздаси отвѣта въ страшный день пришествія Господня».

«Чадо, не даждь воли въ юности дѣтемъ своимъ, и сокрушай ему почасту ребра, да соблюдеши ихъ въ чистотѣ, и не отвѣчаеши за нихъ предъ Богомъ».

«Сыне мой, слыши мене, и внимай: всякъ бо отецъ и мати за ненаказаніе и за непоученіе отвѣтъ воздадутъ Господу Богу. И ты, чадо мое, учи дѣтей своихъ страху Божію, и чистотѣ душевнѣй и тѣлеснѣй, во вся дни живота своего, доколѣ не обовладѣютъ тобою».

среди купечества и посадскихъ, были въ Архангельскѣ только дома двухъ первостатейныхъ купцовъ: Өедора Баженина и Николая Свѣшникова, гдѣ раболѣпство замѣнялось кроткими увѣщаніями и наказаніемъ стыдомъ (2).

Наибольшій гнетъ, который стали на себѣ испытывать архангельскіе граждане, начался вскорѣ по возобновленіи Магистратскаго управленія на прежнихъ самостоятельныхъ началахъ, состоявшагося въ 1745 г., потому что съ этого именно времени вліяніе магистратскихъ членовъ на благосостояніе посада выступило рельефнѣе, по непосредственному ихъ участію въ обще-гражданскихъ дѣлахъ, охранять интересы которыхъ они обязывались по судейскому своему званію.

При возобновленіи Городскаго Магистрата, смѣнившаго Ратушское управленіе, слабое по результатамъ, выборъ гражданами на должности Президента и перваго Бургомистра, палъ на купцовъ гостиной сотни Дениса Баженина и Антона Бармина, какъ на лицъ вполнѣ состоятельныхъ въ торговомъ и другихъ отношеніяхъ, требовавшихся магистратскимъ регламентомъ. Происходя изъ мѣстнаго купечества, Барминъ, подобно Баженину и Крылову, велъ на собственныхъ корабляхъ заграничный торгъ съ Амстердамомъ и Гамбургомъ (верфь его была въ двинскомъ уѣздѣ), имѣлъ канатный заводъ въ Архангельскѣ, и состоялъ въ то же время солянымъ промышленникомъ съ 1742 г. Въ виду такихъ занятій, и Баженинъ и Барминъ уклонились отъ чести, такъ что Главный Магистратъ, вмѣсто нихъ, *приговоромъ* постановилъ быть въ должности Президента архангельскому купцу Өедору Чирцову, какъ избранному посадомъ на должность втораго Бургомистра.

Отъ человѣка посредственныхъ понятій, мало состоятельнаго, посадъ и не ждалъ и не требовалъ какихъ либо *преизящныхъ дѣйствій* на пользу мѣстной торговли и просвѣщенія народнаго, но цѣнилъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ Президентѣ, его ревность въ наблюденіи за гражданскими порядками и нестѣсненіемъ ни чьихъ правъ при подачѣ голосовъ на общихъ выборахъ въ мірской избѣ. За смертью-же Чирцова, вскорѣ

(2) Тамъ-же.

послѣдовавшей, новый президентъ Григорій Очаповъ «смысломъ, торгами и имѣніемъ посредственный», правившій свою должность съ 1750—1762 г., былъ уже истиннымъ бичемъ для посада, по дѣйствіямъ, которыми заслужилъ справедливую ненависть всего мѣстнаго торговаго сословія. Онъ получилъ президентское званіе единственно по вліянію на общество всесильнаго Бармина, у котораго состоялъ ранѣе въ прикащикахъ, и по милости котораго достигъ почетныхъ должностей ратмана и бургомистра. Изъ неимущаго, благодаря президентству, сдѣлался скоро и богатымъ на посадѣ купцомъ, и кожевеннымъ заводчикомъ и домохозяиномъ. Какъ креатура Бармина, Очаповъ слѣдовалъ совѣтамъ своего милостивца, и усердно помогалъ послѣднему обдѣлывать коммерческія дѣла. Къ Бармину и Очапову примкнулъ третій купецъ, Василій Пшеницынъ, канатный заводчикъ, бывшій нѣкогда ратушскимъ бургомистромъ, человѣкъ, снискавшій себѣ — по свидѣтельству современника — счастіе въ Сибири отъ несчастія свойственника и хозяина своего Горохова, рѣчистый, проворный, но въ гражданскихъ добродѣтеляхъ убогій ([3]).

Этотъ достойный тріумвиратъ вершилъ на посадѣ дѣла по личному своему усмотрѣнію, не справляясь съ законами.

Ихъ воля была выше закона. Всякое по посаду распоряженіе, касавшееся выборовъ въ городскія службы, или денежнаго расхода изъ общихъ городскихъ сборовъ, происходило не въ мірской избѣ, а на дому у Бармина или у Очапова, и приводилось за тѣмъ въ исполненіе способомъ, доказывающимъ наглядно всю безотвѣтность и раболѣпство тогдашнихъ гражданъ предъ силою капитала. Способъ былъ такой: для соблюденія благовидности гражданскихъ правъ, относившихся до общаго совѣта, при служебныхъ назначеніяхъ и утвержденіи ихъ общею подписью, т. е. *согласнымъ приговоромъ*, городовые старосты должны были обманомъ собирать въ мірскую избу посредственныхъ гражданъ въ возможно-большемъ числѣ и содержать ихъ тамъ подъ крѣпкимъ карауломъ иногда въ

([3]) *Крестининъ*, стр. 138.

теченіе мѣсяца, пока не состоится утвержденія согласною подписью всѣхъ распоряженій своего президента ([4]).

Самыя преимущества городовыхъ старостъ, выбиравшихся обыкновенно изъ лучшихъ гражданъ, и засѣдавшихъ на первыхъ мѣстахъ въ общихъ собраніяхъ, для подачи иногда совѣта магистрату, были въ это время попраны и низведены до ничтожества, такъ что старосты превратились въ слѣпое орудіе самовольныхъ дѣйствій Очапова и К°.

Нерѣдко случалось, что по приказу президента, скованные и съ висящими на шеѣ цѣпями, ходили такіе старосты публично изъ улицы въ улицу, для денежнаго сбора, на удивленіе не только иностраннаго, но и иногороднаго купечества. ([5]).

При назначеніяхъ-же въ общественныя службы устранялась всякая справедливость, потому что очередь, возможность и достоинство выбиравшихся, не были правиломъ, чрезъ что граждане отъ наложенной, не по силѣ, тяжести, изнемогали и разорялись, а иные отъ бѣдности впадали невольно въ преступленія и попадали въ тюрьму. Всего болѣе страдали цѣловальники при кабацкихъ сборахъ, выбиравшіеся, большею частію, изъ молодыхъ людей, и притомъ такъ часто, что эта тяжелая сама по себѣ служба становилась какъ-бы ихъ профессіею, и дѣлала невольно пьяницами, лишая общество полезныхъ гражданъ, за которыхъ притомъ то же общество должно было платить въ казну и денежныя недоимки за провинившихся своихъ членовъ. Такъ-же самопроизвольно поступалъ Очаповъ и съ народными деньгами, не прибѣгая для ихъ расхода къ обще-гражданскимъ приговорамъ, и даже не внося расходовъ въ шнуровыя книги. Особенное своеволіе оказывали Очаповъ и К° въ ежегодномъ расходованіи, такъ называвшихся, *праздничныхъ денегъ*. Такія праздничныя деньги издавна, и притомъ повсемѣстно, собирались на посадахъ для поднесенія подарковъ отъ посадскаго общества въ Господскіе и высокоторжественные праздничные дни своимъ городскимъ начальникамъ, принимавшимъ эту добровольную дань

([4]) Арх. Д-а Т. Сбор. Дѣла Коммисіи о Коммерціи. № описи 445, связ. 46, стр. 70 и 71.

([5]) Тамъ-же.

сперва продуктами мѣстнаго хозяйства, отъ земледѣлія и скотоводства, но съ перемѣною духа времени вкусы начальниковъ мѣнялись, и они стали уже принимать сахаръ, виноградныя вина и т. п. предметы роскоши; черезъ что сумма расходовъ увеличилась и возросла наконецъ въ Архангельскѣ до половины всего подушнаго сбора, взимавшагося съ посада. Хотя въ наказѣ губернаторамъ и воеводамъ 1728 г., въ 26 пунктѣ, относительно наложенія всякихъ излишнихъ на посадѣ сборовъ, и имѣлось строгое воспрещеніе, но этотъ пунктъ, по весьма понятной причинѣ, игнорировался мѣстными властями, и послѣдніе охотно продолжали принимать общественные пироги. А между тѣмъ, посадъ не имѣлъ у себя ни училища, ни даже какого либо богоугоднаго заведенія, въ которыхъ всегда настояла насущная потребность. Благоразумные изъ гражданъ сознавали этотъ пробѣлъ, но Очаповъ и К° смотрѣли иначе, и не только продолжали налагать безполезные сборы, равные подушному, но въ 1761 г. превысили и послѣдній. Такъ напр., подушный сборъ опредѣлялся по раскладкѣ въ размѣрѣ съ каждаго по 3 р. 35 к., а на праздничные подарки Очаповъ сталъ брать по 3 р. 68 к., что составляло тогда сумму въ 1260 р. 86 к. И это въ то время, когда съ одного мѣстнаго купечества, кромѣ подушныхъ и пошлинныхъ денегъ, требовались ежегодно сборы: на содержаніе магистрата, на пожарный обозъ, на жалованье пробирному мастеру, на содержаніе въ лѣтнюю пору извозныхъ карбасовъ—всего до 500р. ([6]). Дошло дѣло до того, что губернская канцелярія не вытерпѣла и замѣтила наконецъ магистрату, что онъ либо презрѣлъ, либо забылъ всѣ указы! Долгое время жалобы въ главный магистратъ не достигали цѣли, и обрушивались на голову самихъ жалобщиковъ, пока, наконецъ, въ концѣ 1761 г., главный магистратъ не отрѣшилъ Очапова отъ президентства, а съ нимъ и двухъ бургомистровъ, и не возстановилъ попранной свободы гражданъ. Съ сего времени президентская должность оставалась вакантною даже по 1778 г., и магистратъ составляли бургомистры и ратманы, при которыхъ сборы

([6]) Тамъ-же, стр. 85.

праздничныхъ денегъ болѣе уже не существовали, потому что вышли штаты денежнаго содержанія градоначальникамъ.

Всѣ такія бѣдствія Архангельскаго посада, усугублявшіяся къ тому-же жестокими поступками мѣстной полицейской власти, естественно, не могли способствовать приращенію числа посадскаго населенія.

Въ соотвѣтственномъ отношеніи, за время монополіи морскихъ и рѣчныхъ промысловъ, находилась и внѣшняя архангельская торговля. Она продолжала быть въ застоѣ, по причинѣ высокихъ запретительныхъ пошлинъ существовавшихъ спеціально для Архангельскаго порта. Хотя послѣ 1726 г. архангельская торговля и оживилась немного, вслѣдствіе допущенныхъ облегченій, но цифры таможеннаго сбора за послѣдующіе годы доказываютъ намъ, что оживленіе было только относительное, по сравненію съ предшествовавшими годами (7).

Такъ напр. въ 1742 г.	таможенный сборъ составлялъ	71600	р.
» 1743 »		54251	»
» 1744 »		35160	»
» 1745 »		37780	
» 1746 »		35152	
» 1747 »		27260	
» 1748 »		24500	»
» 1749 »		34180	

Привозъ товаровъ въ 1742 г. къ Архангельску превышалъ даже отпускъ на 3377 р., что очевидно говоритъ о затрудненіяхъ, существовавшихъ, въ отношеніи пошлинъ, по отпуску товаровъ, такъ какъ высокія-же пошлины были наложены и по тарифу 1731 г. на наши товары, на рыбій клей, ленъ, пеньку, веревки и т. п., почему приходъ кораблей къ Архангельску съ 1731—1764 г. былъ весьма ограниченъ. Наименьшее число приходило въ 1748 г.—24 корабля, а наибольшее въ 1735 г.—60 кор., и только въ одномъ 1741 г. было до 100 кор., какъ надо полагать потому, что въ этомъ году

(7) Архивъ Д-а Т. С. Дѣла Коммисіи о Коммерціи. 1765 г. № 1062, не вошедшій въ систематическій каталогъ архива.

былъ усиленный вывозъ хлѣба въ количествѣ до 143 т. четвертей ([8]).

Даже самые предметы отпуска, въ силу неустановившейся торговой политики, то подвергались запрещенію, то отдавались въ пользованіе частнымъ лицамъ, то, наконецъ, поступали въ казенную монополію. Приведемъ факты. Съ 1717 г. хлѣбъ неоднократно запрещался къ выпуску, и вновь разрѣшался, что̀ продолжалось до 1756 г., но въ этомъ году «для умноженія государственныхъ доходовъ» было разрѣшено графу Шувалову и оберъ-шталмейстеру Сумарокову выпустить изъ Архангельска до 250 т. четвертей, со взятіемъ за привиллегію по 80 к. съ четверти. Въ слѣдующемъ 1757 г. дано разрѣшеніе генералъ-прокурору Глѣбову и канцлеру графу Воронцову на выпускъ всякаго рода хлѣба, всего въ количествѣ до 600 т. четвертей въ теченіе 8 лѣтъ, съ платежемъ пошлины не ниже рубля съ каждой четверти и съ наддачею сверхъ того, въ пользу казны 32 т. руб. ([9]).

Соленое мясо, съ 1745 и по 1751 г. къ заграничному отпуску было повсемѣстно запрещено, по причинѣ случившагося тогда скотскаго падежа въ южной Россіи, и хотя съ 1758 г. изъ Архангельска и было дозволено къ отпуску, но только одному графу Шувалову въ теченіе 20 лѣтъ ([10]).

Съ 1746 и по 1762 г. запрещены были къ отпуску *суровая пряжа*, *узкій холстъ* и *хрящъ*, по причинѣ переобмундированія арміи и гарнизоновъ.

Смоляной-же торгъ былъ чаще всего подвергаемъ подобнымъ колебаніямъ. До 1712 г. онъ былъ въ вольной продажѣ; съ 1712 и по 1726 г.—въ казенной; съ 1726—1740 г. опять въ вольной; съ 1740—1760 г.—въ казенной, а съ 1760 г. отданъ на откупъ на 20 лѣтъ генералъ-аншефу Нарышкину,

---

([8]) Тамъ же. № описи 58, № 310, связ. 17. Цѣна хлѣба въ 1741 г. при отпускѣ за границу была: Рожь отъ 1 до 2 руб. четверть. Пшеница отъ 2 до 2 р. 60 к. четв. Горохъ отъ 1 р. 50 до 3 р. 70 к. четв. Пшено и проса отъ 35 к. до 50 к. пудъ. Ячмень отъ 90 до 1 р. 25 к. четверть. Крупа овсяная отъ 23 до 40 к. пудъ. Овесъ отъ 70 до 1 р. четверть.

([9]) Тамъ-же. № описи 55, № 848, связ. 47.

([10]) Тамъ-же.

съ платежемъ, кромѣ пошлинъ, прибыльной суммы въ казну по 8396 р. въ годъ ([11]).

Такая шаткость правительственныхъ мѣръ не могла не повліять не только на внѣшнюю торговлю Архангельска, но и на благосостояніе самого города, для торговли которому не оставалось уже никакихъ крупныхъ предметовъ, свободныхъ отъ запрещенія, или отъ монополіи.

Новый тарифъ 1757 г. еще болѣе возвысилъ пошлины на привозные въ Россію товары, такъ что съ 1759 и по 1764 г. иностранныхъ кораблей стало приходить ежегодно къ Архангельску отъ 30 и до 42,—не болѣе. Возвышеніе пошлины было слѣдствіемъ уничтоженія въ 1753 г. *внутреннихъ пошлинъ*, издавна тормозившихъ торговлю и промышленность, и вызвавшаго поэтому потребность, для возмѣщенія таможенныхъ доходовъ, увеличить сборъ, сверхъ тарифной пошлины, съ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ по 13 коп. съ каждаго пошлиннаго рубля. Въ силу такой финансовой мѣры, предложенной графомъ Шуваловымъ, корабли къ Архангельску стали преимущественно приходить за отпускными товарами, въ числѣ которыхъ главную роль играли льняное сѣмя и рожь и пшеница. Первое доставлялось къ порту изъ Ярославскаго уѣзда, изъ Вязниковъ и изъ Казанской губерніи, а второе—изъ той же губерніи и изъ Вятской провинціи. Съ каждой четверти льнянаго сѣмени, по новому тарифу, пошлина у Архангельска бралась 82 к., т. е. вдвое больше, противъ Рижскаго порта; русскимъ купцамъ, отправлявшимъ сѣмя на нанятыхъ иностранныхъ корабляхъ, дѣлалась уступка *четвертой части* ефимочнаго сбора, а отправлявшимъ на русскихъ корабляхъ—уступалось *три четверти* ([12]).

Заграничный торгъ непосредственно вели въ это время изъ Архангельска купцы: Денисъ Баженинъ, Антонъ Барминъ, Никита Крыловъ, Семенъ Бусиновъ, Алексѣй и Иванъ Курочкины, посылая въ Амстердамъ и Гамбургъ товары: льняное сѣмя, говяжье сало, пеньку, ленъ, рогожи, полотна и канаты, на сумму каждый отъ 15 т. до 30 т. руб.

([11]) Тамъ-же.

([12]) Тамъ-же, стр. 40. Въ 1770 г. пошлина съ льнянаго сѣмени уменьшена для Архангельскаго порта на половину.

Прочее-же купечество, за умаленіемъ торговли, обратилось къ дѣятельности инаго рода, къ покупкѣ въ кредитъ иностранныхъ товаровъ, и къ сбыту послѣднихъ на внутренніе рынки,—дѣятельности, которая вмѣсто барышей, приносила ему прямые убытки, потому что свой товаръ иностранцы отдавали по высокой цѣнѣ, а сбывать приходилось по дешевой, благодаря конкурренціи между продавцами этихъ товаровъ. Кредитуясь у иностранцевъ, наше купечество попало въ такую кабалу, что вынуждено было невольно помогать иностраннымъ купцамъ и по контрабандной части, позволяя на свои купеческія имена совершать привозъ и отпускъ товаровъ, и провозить оные изъ Архангельска въ Москву и въ другіе города по фиктивнымъ въ мѣстной таможнѣ торгамъ,—словомъ, за это время оно такъ уронило свое званіе, что не называлъ иначе иностранныхъ купцовъ, жившихъ въ Вологдѣ и Архангельскѣ, какъ *своими хозяевами*, о чемъ сообщалъ въ Коммерцъ-Коллегію ея ассесоръ Межениновъ, находившійся въ Архангельскѣ при казенной продажѣ смолы, и возмущавшійся въ то же время лихоимствомъ таможеннаго въ городѣ начальства, аттестуя его *хлѣбоѣдами*, за обнаруженное попеченіе о своихъ наживахъ болѣе, нежели о пользѣ коммерціи (13). Должно быть, въ это-то время и сложилась въ Архангельскѣ поговорка: *таможня—золотое дно*.

Перекупная торговля не замедлила принести свои плоды: обнаружились *банкротства*, увлекшія за собою не только купцовъ Архангельскихъ, Вологодскихъ, Устюжскихъ и Соли-Вычегодскихъ, но немало и иностранныхъ въ Архангельскѣ коммисіонеровъ, имѣвшихъ торговыя конторы. Съ 1745—1762 г. потеря иностранцами капитала, причиненная банкротствомъ русскихъ купцовъ, простиралась до 100 т. р.; съ 1762—1771 г. банкротами по векселямъ было русскихъ 32 ч., сумма долговъ которыхъ не превышала впрочемъ 11615 р. и составляла ничтожную цифру по сравненію съ банкротствомъ иностранныхъ купцовъ, у которыхъ въ рѣдкихъ случаяхъ неоплатный долгъ былъ менѣе 30 т. рублей (14).

(13) Дѣла Коммерцъ-Коллегіи. № описи 1510, эксп. 2, № 380, связ. 18.
(14) См. «Ежемѣсячныя сочиненія», 1792 г.

Въ 1771 г. обанкрутился Фразеръ, у котораго въ Архангельскѣ имѣлась корабельная верфь, подлѣ Крыловской, и на которой Гомъ строилъ свои корабли.

Съ воцареніемъ Великой Государыни, на архангельскую торговлю и промышленность повѣяло такою новою, лучшею жизнію, что эта жизнь составила рѣзкую грань съ годами предшествовавшими.

V. Промышленность и торговля Архангельскаго порта со второй половины XVIII и до второй половины XIX в.

> **«Торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненіе, и водворяется тамъ, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ».**
>
> **Наказъ Екатерины В. (П. С. З., томъ XVIII, стр. 247).**

Глава XIV.

Указъ 1762 г. іюля 31 д.—Оживленіе Архангельской внѣшней торговли.—Хлѣбная операція.—Отмѣна промысловой монополіи.—Сельдяной промыселъ.

Перемѣна, происшедшая въ экономическомъ состояніи россійскихъ городовъ за время царствованія Екатерины II, была естественнымъ плодомъ Петровскихъ реформъ, подготовившихъ новое поколѣніе не только къ принятію здравыхъ воззрѣній на народное хозяйство, но и къ выясненію многихъ темныхъ сторонъ, существовавшихъ, какъ мы видѣли, въ области нашей торговой политики. Вопросы о вредности монополій и различныхъ привиллегій, о пользѣ производства коммерціи на собственныхъ судахъ, о народномъ образованіи и о многомъ т. п., настолько уже созрѣли въ средѣ торгующаго сословія, что неотложно требовали разрѣшенія. Такое требованіе раздѣляла и сама правительственная власть, почему первымъ государственнымъ актомъ Екатерины II, при ея вступленіи

на россійскій престолъ, и явился указъ 1762 г. іюля 31 д., имѣвшій первостепенную важность для отечественной торговли и промышленности, и содержавшій въ себѣ 20 пунктовъ, между которыми 4, 5 и 8 относились всецѣло до Архангельскаго порта.

«Портъ города Архангельска — гласилъ 5 пунктъ—всѣми тѣми преимуществами и выгодностями снабдить, какими Санктпетербургской пользуется, и всякихъ товаровъ привозъ и отпускъ безпрепятственно позволяемъ съ равною противъ С.-Петербургскаго и прочихъ портовъ свободою и пошлиною». ([1]). Въ 4-мъ пунктѣ, существованіе промысловой монополіи получало уже временной характеръ, потому что сальный торгъ положительно обусловливался истеченіемъ урочныхъ годовъ, чтобы затѣмъ могъ быть отданъ, по духу указа, въ общее пользованіе мѣстнымъ жителямъ. Смольный торгъ предоставленъ въ вольную торговлю съ платежемъ въ казну, сверхъ пошлинъ, тѣхъ 8396 р., которые обязался было платить Нарышкинъ,—словомъ благодѣтельный указъ представлялъ Архангельскому порту всѣ способы къ самостоятельному развитію послѣ длиннаго ряда ограниченій и стѣсненій, и открывалъ такимъ образомъ новую эру для промышленной дѣятельности. Хлѣбный торгъ,—главный двигатель внѣшней торговли, получилъ разрѣшеніе на свободное производство изъ всѣхъ портовъ съ половинною пошлиною, какая до этого времени сбиралась въ Балтійскихъ портахъ. Только поташъ и смольчугъ, для сбереженія лѣсовъ, были оставлены регаліею правительства, но не надолго: въ 1773 г. эти предметы были разрѣшены для внутренней торговли, а въ 1780 г. и для заграничнаго отпуска. ([2]).

Со времени изданія упомянутаго указа, Архангельскій портъ, освобожденный отъ тяготѣвшей на немъ долголѣтней какъ-бы опалы, принялъ снова оживленный видъ, и съ верховьевъ Двины потянулись къ городу разнообразные грузы. Цѣнность отпуска за море товаровъ возвысилась сразу до 700 т. р.,

---

([1]) П. С. З. № 11,630.

([2]) *Графъ Д. Толстой.* Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи. Стр. 220.

тогда какъ въ 1758 и 1759 гг. она едва достигала до 400 т. р. Сообразно увеличенію отпуска, возросъ и таможенный сборъ: въ 1766 г. было собрано ефимками и русскими деньгами (считая ефимокъ въ 125 к.) 194588 р., а ранѣе этого, въ 1756 г. собиралось 87925 р. (³).

Въ 1764 г., относительно хлѣбной операціи, состоялось новое распоряженіе, по которому дозволялось ежегодно безъ взиманія по 1767 г. внутреннихъ пошлинъ, отпускать изъ Архангельска рожь и пшеницу въ количествѣ не свыше 200 т. четвертей, съ тѣмъ притомъ обязательствомъ, чтобы 1/5 часть отпуска была оставлена въ городскихъ магазинахъ подъ вѣденіемъ магистрата въ запасъ, сообразно годовой потребности жителей губерніи, въ количествѣ 50 т. четвертей. Предпринятая въ видахъ оживленія земледѣлія, увеличенія отпуска и обезпеченія народнаго продовольствія, правительственная мѣра оказалась на практикѣ непримѣнимою и отяготительною для купечества, потому что, во первыхъ, оставлявшаяся 1/5 ч. далеко не соотвѣтствовала количеству, опредѣленному для прокормленія жителей губерніи въ случаѣ неурожая въ хлѣбородныхъ мѣстахъ; во вторыхъ, распоряженіе объ оставленіи 1/5 ч. было понято мѣстнымъ купечествомъ въ томъ смыслѣ, что эта часть оставляема будетъ лишь на зимнее время, для нуждъ жителей и для воспрепятствованія повышенію цѣны на хлѣбъ и что въ слѣдующую весну они-де могутъ, на случай нераспродажи запаснаго хлѣба, уже неоставлять 1/5 ч., тогда какъ, напротивъ, оставленіе 1/5 ставилось купечеству въ непремѣнное обязательство; въ третьихъ, магазинная распродажа пшеницы шла слабо по весьма малому спросу этого сорта хлѣба мѣстными жителями, изъ которыхъ каждый имѣлъ прямую возможность купить для себя небольшое его количество весною, во время приплава барокъ.

Такимъ образомъ, затѣянная операція сводилась къ тому, что при усиленной пропорціи хлѣбнаго отпуска, оставляемая 1/5 ч. обрекалась на залежку и порчу и представляла для торговли вполнѣ мертвый капиталъ. Въ силу такихъ-то обсто-

(³) Дѣла Коммерцъ-Коллегіи 1762 г. № описи 2836, счетная, № 260, связ. 11, и 1766 г. № описи 2839, № 293, связ. 13.

ятельствъ правительство достигло результата какъ разъ противоположнаго, потому что какъ заготовка, такъ и отпускъ хлѣба съ сего времени стали не увеличиваться, но уменьшаться. Примѣры: въ 1765 г. ржи было выпущено 4680 четв., муки ржаной 180916 пуд. (20102 четв.); въ 1766 г. ржи 84524 четв., муки ржаной 6212 п. (690 четв.); въ 1767 г. муки ржаной 46480 п. (5164 четв.); въ 1768 г. ржи 28,104 четв., муки ржаной 7000 п. (776 четв.), хотя по облегченному тарифу 1767 г. пошлина и взималась: со ржи и пшеницы по 5 коп. и съ муки ржаной по 9 коп. съ четверти [4]. Доказательствомъ непрактичности распоряженія объ $^{1}/_{5}$ ч. можетъ служить то, что до 1764 г. изъ того-же Архангельска хлѣбный отпускъ простирался иногда до 85 т. четвертей, при дѣйствіи тарифа 1757 г., когда ефимочная пошлина со ржи бралась по 25 к., а внутренняя по $32^{1}/_{2}$ к. съ кажд. четверти. Въ 1770 г., для устраненія возникшаго стѣсненія, состоялось распоряженіе о продленіи срока хлѣбнаго отпуска на 10 лѣтъ, съ дозволеніемъ купечеству остающійся въ магазинахъ отъ народной продажи хлѣбъ, продавать повольною цѣною и даже отпускать за море, если въ Казанской губерніи и въ Вятской провинціи будутъ хорошіе урожаи [5].

Съ 1762—1770 г. хлѣбною торговлею въ Архангельскѣ занимались нижеслѣдующіе купцы: мѣстные—Антонъ Барминъ, Семенъ и Иванъ Бусиновы, Василій Латышевъ и Иванъ Саванчаевъ; холмогорскій Яковъ Лыжинъ; вологодскій Матвей Колесовъ; устюжскіе Петръ Захаровъ, Андрей Усовъ, Артамонъ Сусловъ, Козьма Саблинъ и Семенъ Протопоповъ; иностранныя конторы: Родіона Фанбрина, Родде и Бейла, Генриха Фразера и К°, Лофтуса и Бекена, Степана де-Юнга и Артура Келли. Вообще, къ 1770 г. внѣшняя торговля Архангельска находилась уже *на половину* въ русскихъ рукахъ, какъ видимъ и изъ того, что количество отпускныхъ товаровъ иностраннымъ купечествомъ состояло, напр. въ 1767 г. на сумму 427881 р., а русскимъ купечествомъ—на сумму 296144 р.; за то же время иностранными купцами

(4) Дѣла Коммисіи о Коммерціи. № описи 58, № 310, связ. 17.

(5) Тамъ-же. Съ 1780 г. хлѣбный отпускъ былъ разрѣшенъ безъ оставленія уже $^{1}/_{5}$ ч.

получено было привозныхъ товаровъ на 131807 р., а русскими на 134,570 р. (6).

Не одна внѣшняя торговля получила у Архангельска оживленіе, ожила и промышленность съ истеченіемъ урочныхъ годовъ Шуваловской монополіи, ознаменовавшейся въ последнее время такимъ крайнимъ упадкомъ рыбнаго промысла и преимущественно тресковой ловли, что послѣдняя обратила на себя вниманіе Коммисіи о Коммерціи, начавшей свои дѣйствія съ 1764 г., при обширномъ полномочіи разсмотрѣть во всѣхъ отношеніяхъ торговлю и промышленность Россіи, съ цѣлью изысканія надежныхъ способовъ къ ихъ развитію. При изслѣдованіи причинъ упадка трескового промысла оказалось, что до сего времени всѣми вообще звѣриными и рыбными промыслами успѣшно занимались въ Кольскомъ острогѣ гарнизонные солдаты, въ числѣ 231 ч., которые имѣли на то дозволеніе по силѣ указа военной коллегіи 1732 г., и производили морскіе промыслы дѣйствительно въ широкихъ размѣрахъ, если судить по числившейся за ними въ Кольской сальной Шуваловской конторѣ недоимки, въ количествѣ 4793 р.,—суммѣ, взятой ими заимообразно на исправленіе судовъ и рыболовныхъ снастей. Въ 1765 г. эти рыболовы были переведены на службу въ Архангельскъ, и тресковый промыселъ съ того времени значительно упалъ. Такъ напр. въ 1764 г. трески въ уловѣ было 23650 пуд., а въ 1765 г. только 16094 пуд.; уменьшеніе дошло наконецъ до того, что спустя еще 3 года, отпускъ трески за море не превышалъ 114 пудовъ (7). Такое печальное обстоятельство говорило само за себя, вызывая мѣры для заселенія Кольскаго острога колонистами, чтобы поднять промыселъ... Но въ 1768 г., по истеченіи срока Шуваловской монополіи на сальные и др. промыслы, и по ходатайству архангелогородскаго купечества, состоялся весьма важный для мѣстной промышленности указъ отъ 1 іюля, которымъ разрѣшалось «отдать какъ промыселъ того сала, такъ кожъ, морскихъ звѣрей, моржоваго зубья и трески рыбы промышленникамъ Архангелогородской губерніи

(6) *Крестининъ*. Исторія города Арх., стр. 252.
(7) Дѣла Коммисіи о Коммерціи. 1768 г. № описи 238, № 421, связ. 25.

и всѣмъ тамошнимъ обывателямъ...въ вольную и свободную куплю и продажу; а выпускъ сала за море отдать на десять лѣтъ одному только купечеству города Архангельскаго..» ([8]). Освобожденная отъ путъ, промышленность края съ этого времени получила возможность развиваться естественнымъ ходомъ, такъ что Шуваловскія операціи совершенно поблѣднѣли предъ операціями вольнаго промысла. Такъ напр. при 20-лѣтней привиллегіи отпускалось за границу сала ежегодно отъ 1800 до 8800 бочекъ; за время-же 20-лѣтней льготы Архангелогородскому купечеству отпускъ сала происходилъ въ количествѣ отъ 5680 и до 14,080 бочекъ ежегодно, черезъ что произошелъ перевѣсъ на 36,645 бочекъ, по цѣнѣ на 491956 руб. ([9]).

Еще рельефнѣе выразилось превосходство вольной продажи предъ монополіею въ смольномъ торгѣ. Для видимости приведемъ сравнительныя цифры казенной и вольной продажи смолы у Архангельска за 1751—1759, и за 1770—1779 г.г. ([10]).

Годы.	Количество бочекъ въ казенной продажѣ.	На какую сумму.	Годы.	Количество бочекъ въ вольной продажѣ.	На какую сумму.
1751	1094	765 р.	1770	44,735	38,462 р.
1752	3615	2530	1771	76,786	71,976
1753	2748	1923	1772	56,962	63,776
1754	2748	1923	1773	34,131	34,532
1755	4698	3088	1774	50,281	49,809
1756	5310	3491	1775	42,585	44,682
1757	7157	4705	1776	74,884	153,314
1758	6478	4259	1777	73,389	211,336
1759	7678	5048	1778	119,947	343,469
Итого.	41,526	27,737 р.		573,700	1,011,356 р.

([8]) *Крестининг*. Стр. 35.

([9]) Дѣла Коммисіи о Коммерціи. № описи 1768 г., № 238, стр. 114.

([10]) Дѣла Коммерцъ-Коллегіи 1760 г., № описи 1226, эксп. 2, № 765, связ. 38, и 1779 г. № описи 1229, счетная, № 461, связ: 23.

Справка-же за 1778 годъ, относительно привоза къ Архангельску на продажу рыбы, показываетъ, что трески сухой было въ привозѣ 5603 пуд., и соленой 71575 пуд. Слѣдовательно, и рыбный промыселъ, сравнительно съ недавнимъ временемъ, тоже далъ значительный перевѣсъ въ уловѣ.

Одинъ только *сельдяной* промыселъ, учрежденный было правительствомъ на твердыхъ основаніяхъ, не далъ желанныхъ результатовъ ни прежде, ни послѣ. Еще въ 1742 г., когда всѣ наши промыслы находились въ казенномъ содержаніи, Коммерцъ-Коллегія обратила на уловъ сельдей свое особое вниманіе, когда освѣдомилась, что въ Кандалажскомъ заливѣ и въ устьѣ Бѣлаго моря ежегодно появляется большое ихъ количество. Съ того времени этотъ промыселъ поступилъ въ казенное содержаніе. Но какъ не было еще извѣстно, могутъ-ли наши сельди равняться въ добротѣ съ голландскими, то въ 1747 г. Коммерцъ-Коллегія распорядилась, чтобы бывшая тогда въ Архангельскѣ Коммерцъ-Контора прислала на пробу въ Петербургъ мѣстныя сельди, осоленныя знающими людьми. Это дѣло было сперва поручено гамбургскому уроженцу Кейкину, но какъ пробныя сельди не могли быть хорошо осолены русскою солью, то въ 1748 г. была разрѣщена къ привозу въ Архангельскъ французская соль, бывшая подъ тарифнымъ запрещеніемъ. Чтобы новозаводимый сельдяной промыселъ развить успѣшнѣе, правительство пригласило, по рекомендаціи Коммерцъ-Коллегіи, Даніеля Рара, купца, дерптскаго уроженца, въ качествѣ директора при новомъ промыслѣ, и не ошиблось въ выборѣ, потому что присланные изъ Архангельска образцы мѣстныхъ сельдей, изготовленные по способу Рара, оказались вполнѣ хорошими. Но и при всемъ томъ, дальнѣйшаго развитія сельдяной промышленности, подъ управленіемъ того-же директора не послѣдовало. Должно быть, и тутъ повторилась та же исторія, что и съ китовымъ промысломъ. Казна, вмѣсто прибылей, понесла убытки, и содержаніе промысла далеко не соотвѣтствовало количеству заготовлявшихся на народную продажу сельдей, какъ показываютъ нижеслѣдующіе факты.

Въ 1748 г. сельдей было приготовлено 2 анкерка и 20 полуанкерковъ, промыселъ которыхъ стоилъ 24 р. 73¹/₄ к.

Въ 1749 г.—1 полубочка, 59 четвертинокъ, 14 осьмушекъ и 37 полуанкерковъ; промыселъ стоилъ 212 р. 83¹/₄ к.

Въ 1750 г.—132 полубочки, 44 четвертинки, 70 осьмушекъ и анчоусныхъ 38 четвертинокъ; промыселъ стоилъ 389 р. 9¹/₂ к.

Въ 1752 г.—79 полубочекъ, 131 четвертинокъ и 130 осьмушекъ; промыселъ стоилъ 934 р. 45¹/₂ к.

Въ 1754 г.—11 полубочекъ, 124 четвертинки, 157 осьмушекъ; промыселъ стоилъ 319 р. 28¹/₂ коп. Изъ заготовленнаго количества часть посылалась въ Коммерцъ-Коллегію, а остальная поступала на продажу въ Архангельскѣ, и каждая бочка сельдей обходилась по 6 и болѣе рублей ([11]).

Въ 1765 г., когда число *четвертинокъ* и *осьмушекъ*, посланныхъ изъ Архангельска въ Петербургъ съ приготовленными сельдями, осоленными на пробу Испанскою и Илецкою солью, достигло 4 (четвертинокъ) и 114 (осьмушекъ), казна отступилась отъ попытки и передала сельдяной промыселъ въ компанію архангельскимъ купцамъ Маркову, Прибыткову и Свѣшникову на 10 лѣтъ; по истеченіи срока въ 1776 г., за тѣмъ-же неуспѣхомъ, промыселъ былъ, наконецъ, отданъ въ вольное пользованіе, и болѣе казною не возобновлялся до начала текущаго столѣтія. Въ 1781 г. была впрочемъ сдѣлана еще попытка того же характера: объявлено лицамъ, производившимъ сельдяной промыселъ въ Кандалажской и Кольской губахъ, при всѣхъ берегахъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана до норвежской границы, что за лучшія сельди, привезенныя въ Петербургъ, казна будетъ выдавать денежныя преміи въ теченіи 4 лѣтъ, за 1 бочку 50 коп., за 10 боч. 6 руб., за 50 боч. 40 р., за 100 боч. 100 р. и т. д., по 1 рублю за каждую бочку, сверхъ ста. Кромѣ сего казна обѣщала, за привезенныя въ *дубовыхъ* бочкахъ сельди, дать по 10% на ту самую цѣну, какая положена въ награду за привозъ лучшихъ сельдей ([12]).

([11]) Дѣла Д-а Внѣшней Торговли. № описи 3943, № 15, связ. 343.

([12]) Тамъ-же.

Но изъ архивныхъ дѣлъ Д-а Таможенныхъ Сборовъ мы не видѣли, чтобы кто, когда нибудь воспользовался этими преміями.

Слѣдуя цѣли нашей задачи, обратимся теперь собственно къ Архангельску, чтобы видѣть, въ какой степени отразились на немъ благодѣтельныя перемѣны царствованія Великой Государыни.

Глава XV.

Экономическое положеніе горожанъ въ первые годы царствованія Екатерины II.— Выборъ городскаго депутата въ Коммисію для сочиненія проекта новаго уложенія. — Наказъ архангелогородскаго посада. — А. И. Фоминъ. — В. В. Крестининъ. — Е. А. Головцынъ. — Плоды привиллегіи по сальному торгу. — Торговопромышленная дѣятельность Архангельскаго порта. — С. Кочневъ. — Количество таможенныхъ сборовъ.— Законоположеніе 1775 г.— Статистика Архангельска.— Цвѣтущее положеніе торговли и промышленности. — Городской пожаръ 1793 г.

Въ первые годы по обнародованіи льготнаго указа 1762 г. особой перемѣны въ экономическомъ положеніи горожанъ Архангельска не восчувствовалось, по причинѣ прежняго гражданскаго неблагоустройства. Лучшими торговыми мѣстами на городскомъ берегу продолжали владѣть либо гарнизонные солдаты, либо иногородные; поэтому лавочные торги посадскихъ терпѣли всевозможныя стѣсненія, и заставляли иныхъ, ради своего пропитанія, искать осѣдлости внѣ города. Третья ревизія 1763 г. показала, что изъ 1243, душъ, бывшихъ при второй ревизіи, посадское населеніе умельшилось до 968 душъ. Скудости лавочныхъ на посадѣ торговъ много способствовало также и мѣстное духовенство. Въ 1763 г. количество лавокъ въ городѣ насчитывалось всего 212, и изъ этого числа принадлежало:

Архангельскому монастырю 15 лав.; Троицкому Собору 43; Соловецкому монастырю 9; Корельскому 13; Сійскому 11; Рождественской церкви 3; Архіерею 2; итого 96.

Изъ остальныхъ-же 116 лавокъ одному Бармину принадлежало 22 лавки (1). Та же скудость отражалась и на числѣ

(1) Дѣла Коммерцъ-Коллегіи. № описи 1516, эксп. 4, № 1381, свяв. 36.

городскихъ ремесленниковъ, которыхъ къ 1762 г. имѣлось только *96 челов.*, подраздѣлявшихся на слѣдующія категоріи: серебренниковъ 10; мѣдно-котельниковъ 5, портныхъ 9, сапожниковъ и башмачниковъ 9, шапочниковъ 6, ровдужниковъ 2, кузнецовъ 12, коптильщиковъ 4, мыльниковъ 4, прядильщиковъ 19, скорняковъ 2, кожевниковъ 14 (²). Съ другой стороны и мѣстное купечество, въ силу состоявшагося распоряженія Коммерцъ-Коллегіи о новоположенныхъ денежныхъ сборахъ за помѣщеніе товаровъ въ казенныхъ палатахъ Гостиныхъ дворовъ, почувствовало не малое для себя стѣсненіе при возвышеніи платы на оброчныя мѣста. Прежде, гостинодворскія палаты отдавались подъ товары изъ оброку по 33 р. въ годъ въ нижнемъ этажѣ, и по 30 р.— въ верхнемъ, черезъ что занимались охотно, и сумма городскаго дохода увеличивалась. Напр. въ 1762 г. съ Нѣмецкаго Гостинаго двора поступило до 2650 р., съ Русскаго до 1530 р., всего до 4180 руб. Но Коммерцъ-Коллегія въ 1765 г. возвысила съ палатъ оброчную плату до 41 р. 25 к. за нижній этажъ, да съ верхнихъ палатъ до 37 р. 50 к., тогда какъ по ветхости Гостиныхъ дворовъ очень много помѣщеній съ давнихъ поръ оставалось въ нижнемъ этажѣ незанятыхъ, за сыростью. Какъ бы ни было, но такая надбавка была тогда высокою, и посему купечество стало неохотно помѣщать товары въ Гостиныхъ дворахъ, а потому и сумма городскаго дохода замѣтно уменьшилась.

Въ 1765 г.	съ Гостинныхъ дворовъ поступило только	1528	р.
1766 г.	» »	1108	»
1767 г.		1012	»
1768 г.		889	

Лавочнаго-же сбора за эти годы было собрано всего 1490 р. (³) Очевидно, что городская торговля продолжала идти вяло по причинѣ существовавшихъ торговыхъ непорядковъ, допущенныхъ слабымъ магистратскимъ управленіемъ. Службы—служ-

(²) Дѣла Коммисіи о Коммерціи. № описи 478, № 152, связ. 8.
(³) Дѣла Коммерцъ-Коллегіи. № описи 1518, эксп. 4, № 1518, связ. 42.

бами, но большую помѣху городской торговлѣ причиняли уѣздные крестьяне, привозившіе въ городъ не только харчевые припасы большими партіями, подъ видомъ своей пахоты и промысла, но и пеньку, и ленъ, и льняное сѣмя и прочіе товары, сбывая ихъ въ розницу дешевле лавочныхъ цѣнъ. Эти-то торговцы и обижали посадскихъ. При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, только одна ремесленная промышленность города сдѣлала за это время быстрые успѣхи, по причинѣ расширенія портовой дѣятельности. Такъ, въ 1764 г. число различныхъ ремесленниковъ съ 96 возросло до 200, а именно: серебрянниковъ 13, мѣдниковъ 7, мѣднокотельщиковъ 4, кузнецовъ 12, оловяничникъ 1, оконничниковъ 4, ровдужниковъ 4, костяниковъ 2, кожевниковъ 15, портныхъ 25, чеботниковъ 40, прядильщиковъ 38, красильникъ 1, плотниковъ 4, переплетчикъ 1, скорнякъ 1, калачникъ 1, шапочниковъ 8, коптильщиковъ 4 и каменьщиковъ 15 ([4]). По сравненію съ городами, богатѣвшими отъ Архангельской торговли, какъ напр. съ Вологдою, Устюгомъ Великимъ и Тотьмою оказывается, что торгово-промышленный классъ Архангельска занималъ въ это время едва не послѣднюю роль ([5]).

([4]) Академикъ Лепехинъ въ своихъ Дневныхъ Запискахъ 1771 г. отзывается объ архангельскихъ ремесленникахъ съ похвалою, особливо о *мѣдникахъ* и *оловяничникахъ*. «Вообще—говоритъ онъ—жители сея страны, по природному ихъ остроумію, весьма замысловаты; я видалъ изъ крестьянъ такихъ искусниковъ, которые безъ дальняго показанія, сдѣлали настольные часы съ курантами, выписнымъ англійскимъ, подобные. Рѣзная на кости работа Архангелогородцевъ... въ Россіи довольно извѣстна, и тамошніе искусники не только укладываютъ разными костяными узорами ящики, комоды и т. п., но и вырѣзываютъ образа и портреты.... Женскій полъ превосходитъ многихъ Россіянокъ въ собственной ему работѣ, какъ напр. *пряжа нитокъ* и *тканіе холстовъ*».

([5]) Дѣла Коммисіи о Коммерціи, 1764 г., № описи 441, № 260, связ. 15; и къ № 445, связ. 46. О Холмогорской торговлѣ мы неупоминаемъ потому, что Холмогоры къ сему времени совсѣмъ захудалъ, и въ немъ только 3 купца вели черезъ Архангельскъ заграничную торговлю на сумму не свыше 500 р. въ общей сложности, хотя въ немъ и считалось купечества 472 ч., но изъ этого числа 271 ч. только принадлежали къ купеческому сословію, и не имѣли ни торговъ, ни какихъ либо мастерствъ.

	въ Вологдѣ.	въ Устюгѣ.	въ Арханг.	въ Тотьмѣ.
Въ 1764 г. имѣлось купечества	1439	1893	963	932
изъ сего числа торговало къ портамъ	87	193	14	59
изъ сего числа торговало въ городѣ	366	242	347	63
Цеховыхъ и ремесленниковъ	279	441	200	139

Такія неудовлетворительныя условія городской вообще жизни настоятельно вызывали законодательныя распоряженія, которыя-бы лучше опредѣляли права и преимущества городскаго состоянія. Починъ такого рода распоряженій былъ сдѣланъ въ 1766 г. учрежденіемъ въ Москвѣ *Коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія*, куда требовались отъ всѣхъ городовъ депутаты, долженствовавшіе предъявить въ коммисію нужды и желанія горожанъ, для безошибочнаго разрѣшенія вопросовъ экономическаго и юридическаго характера данной мѣстности. При выборѣ изъ среды гражданъ депутата, согласно распубликованнымъ правиламъ, надлежало предварительно избрать баллотировкою въ каждомъ городѣ *городскаго голову*, которому присвоивалось названіе *степеннаго*, и который долженъ быть избираемъ на два года, при чемъ необходимыми качествами отъ избираемаго на эту должность требовалось: 1) чтобы онъ имѣлъ въ городѣ домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или, наконецъ, домъ и промыселъ; 2) не подвергавшійся ни банкротству, ни штрафамъ, ни подозрѣніямъ, и 3) быть доброй совѣсти и не зазорнаго поведенія ([6]). Тѣмъ-же качествамъ долженъ былъ удовлетворять и *депутатъ*, освобождавшійся на всю жизнь отъ смертной казни, пытки и тѣлеснаго наказанія, и долженствовавшій состоять подъ непосредственнымъ Ея Величества охраненіемъ ([7]).

Городскимъ Головою въ Архангельскѣ былъ избранъ первостатейный купецъ Иванъ Никифоровичъ Баженинъ, а депутатомъ отъ архангелогородскаго посада купецъ-же Николай

([6]) П. С. З. № 12,801.

([7]) Тамъ-же.

Алексѣевичъ Свѣшниковъ, «мужъ разумный и искусный», по удостовѣренію одного изъ современниковъ.

Наказъ, данный депутату Свѣшникову, искуствомъ изложенія и трезвостью взгляда на предметы, подлежавшіе ходатайству, представляетъ интересное литературное произведеніе. Онъ состоитъ изъ двухъ частей, подраздѣленныхъ каждая на три главы. Въ первой части описаны нужды и недостатки архангелогородскаго гражданства; во второй — просьбы объ исправленіи этихъ нуждъ и недостатковъ. Такъ какъ Наказъ, существующій пока въ рукописи, имѣетъ прямое отношеніе къ цѣли нашей задачи, то мы приведемъ изъ него выдержку о предметѣ, наиболѣе важномъ по существу. Вотъ напр. какія тогда существовали затрудненія при Архангельскомъ портѣ по судостроенію и плаванію, устранить которыя Наказъ ходатайствовалъ. «Въ началѣ судовой промышленникъ, желающій построить новое судно, обязанъ исходатайствовать на чертежъ онаго отъ адмиралтейскихъ мастеровъ свидѣтельство, и достатѣ отъ нихъ необходимо роспись: сколько къ строенію того судна лѣсовъ потребно, а потомъ достать изъ Конторы надъ портомъ сообщеніе о требованіи отъ канцеляріи указу о позволеніи валдмейстерамъ тотъ лѣсъ вырубить, которымъ по ходатайству Губернская Канцелярія и снабдѣваетъ. При семъ первомъ предпріятіи, приказный порядокъ неупустительно надлежитъ челобитчику исполнять слѣдующее: подачу чертежа для свидѣтельства въ Контору надъ портомъ при доношеніи; оной опредѣленіе и указъ корабельному мастеру о свидѣтельствѣ и о росписи на лѣса; взносъ отъ него при рапортѣ росписи и чертежа обратно въ Контору; оной опредѣленіе и сообщеніе о дачѣ позволенія просить о вырубкѣ лѣсовъ, и подача въ Губернскую Канцелярію доношенія съ нее на оное опреленіемъ и указомъ. Потомъ на построенное же судно обязанъ хозяинъ онаго неминуемо достать свидѣтельство отъ корабельныхъ вышеписанныхъ мастеровъ на корпусъ, что оный по чертежу и съ довольными укрѣпленіями построенъ, а отъ такелажмейстера, что оно оснащено исправно. Сисканіе сихъ свидѣтельствъ не иначе бываетъ, какъ по вышеписанному-жъ чрезъ Контору надъ портомъ приказному обряду и слѣдова-

тельно—съ доношеніями и повлаченіями. Потомъ, доставъ оное свидѣтельство, должно объявить въ Магистратѣ, для полученія свидѣтельствованнаго письма, что̀ дается не безъ приказныхъ же, хотя и меньшихъ обрядовъ, и не безъ новаго, по указу 1729 года, свидѣтельства. Таковымъ порядкомъ, постройка новаго судна по приказнымъ мѣстамъ повлаченіе имѣетъ, а все дѣло производится на гербовой бумагѣ съ платежемъ пошлинъ за подачу доношеній, и совершается явкою Магистратскаго свидѣтельственнаго письма въ Канцеляріи, въ таможнѣ и въ Конторѣ надъ портомъ. Новопостроенное судно, когда вознамѣрено будетъ употребить въ дѣло, то есть въ перевозки купеческихъ тяжестей отъ здѣшняго въ Кольскій и Онежскій порты, или на взморье на догрузку отходящихъ за море кораблей, тогда, первое дѣло, надлежитъ достать отъ Губернской Канцеляріи позволительный о пропускѣ мимо заставы указъ на одинъ путь, или на все лѣто, который потому каждый годъ достается; въ немъ прописывается, чтобъ судно, и на немъ кормщика и работныхъ людей, по имѣющимся у нихъ паспортамъ, явленнымъ въ полиціи, мимо Новодвинскую крѣпость съ надлежащимъ освидѣтельствованіемъ пропускать въ одно Березовское устье, а въ прочія устья пропускать и хозяину входить и выходить запрещается. Сверхъ того прописывается запрещеніе, чтобъ работники никакихъ заповѣдныхъ товаровъ, корчемныхъ питей и невѣдомо какихъ французскихъ порошковъ, называемыхъ діесъ-пудресъ, не возили, и въ Финмаркскія воды и городы отнюдь бы не ѣздили подъ штрафомъ. Оный указъ въ Конторѣ надъ портомъ и въ Таможнѣ надлежитъ явить, потомъ подать въ таможню объявленіе, и отъ оной при опредѣленномъ цѣловальникѣ грузить, а по нагрузкѣ взять пропускъ. Нагрузя и выступя въ путь, во первыхъ должно явиться въ Конторѣ надъ портомъ, подать доношеніе о пропускѣ мимо поставленной на пути брантвахты, и потому исходатайствовать паспортъ. Оный по близости на первой брантвахтѣ, не вынимая якоря, объявляется; и такъ оттуда судовой вояжъ свободенъ отъ остановки на десять верстъ, гдѣ лежитъ Новодвинская застава, у которой остановясь, должно объявить таможенный пропускъ. Окончивъ тутъ дѣло, надлежитъ

подвинуться въ пути съ версту и остановиться противъ Ново-двинской крѣпости и дожидаться, ежели ночью случится, утра, для объявленія канцелярскаго указа о свободѣ въ проѣздѣ; а затѣмъ, опять поднявъ якорь, слѣдовать къ адмиралтейской на выходѣ въ море лежащей брантвахты, при которой, брося якорь, объявить паспортъ, данный отъ Конторы надъ портомъ. По окончаніи сего и за тѣмъ, что уже рѣка кончится, и не осталось болѣе заставъ, свободный остается выходъ въ море ([8]) ...». Съ такою-же обстоятельностью были разсмотрѣны въ Наказѣ и другіе вопросы, затруднявшіе естественное развитіе мѣстной торговли и промышленности, между которыми съ особою убѣдительностью указывалось на самый существенный — на отсутствіе въ Архангельскѣ *коммерческаго училища*, какъ главнаго двигателя успѣховъ коммерціи, безъ котораго, по словамъ Наказа, «коммерція лишается искусныхъ негоціантовъ, каковыми просвѣщенная Европа наполнена будучи, всегда имѣетъ верхъ одерживать въ своихъ прибыткахъ и того ради Россія можетъ уподоблена быть такой мануфактурѣ, которая имѣя хорошіе матеріалы, а неисправные инструменты, не можетъ достигнуть совершенства». Надъ этимъ замѣчательнымъ Наказомъ трудились лучшіе изъ архангелогородцевъ, между которыми наибольшее участіе принималъ А. И. Фоминъ, имѣвшій на своихъ согражданъ неотразимое вліяніе по безупречной своей жизни, разнообразной общественной дѣятельности и по своему основательному образованію. Такія свѣтлыя личности заслуживаютъ почетнаго мѣста въ очеркѣ исторіи Архангельска.

Сынъ извѣстнаго мѣстнаго купца Ивана Исаковича Фомина, Александръ Ивановичъ Фоминъ родился въ 1733 г. и свое первоначальное образованіе, какъ надо полагать, получилъ въ духовной школѣ, потому что кромѣ этой школы, за исключеніемъ гарнизонныхъ школъ, другихъ какихъ либо въ Архангельскѣ воспитательныхъ учрежденій, тогда еще не существовало.

Дальнѣйшее усовершенствованіе въ наукахъ, при выдавав-

([8]) Архивъ бывшаго II Отдѣленія Канцеляріи Его И. В. Наказы по Арханг. губерніи. Съ № 483—504. Часть I, Отд. I, Раздѣлъ 2, № 498.

шихся умственныхъ способностяхъ, было достигнуто Фоминымъ самообразованіемъ на столько основательно, что въ 1759 г., будучи только 26 л. отъ роду, Ал. Ив. уже состоялъ, въ числѣ иниціаторовъ, членомъ образовавшагося тогда въ Архангельскѣ частнаго *Историческаго общества*, вмѣстѣ съ достойными уваженія своими согражданами: Василіемъ Нарышкинымъ, Никифоромъ Зыковымъ, Алексѣемъ Свѣшниковымъ и Василіемъ Крестининымъ (⁹). Цѣлью Общества было—изученіе старины

(⁹) *Крестининъ.* Исторія города Арханг., стр. 244.

Василій Васильевичъ Крестининъ безспорно былъ тоже замѣчательнѣйшимъ изъ сыновъ Архангельска. Онъ родился въ 1729 г. отъ первостатейнаго купца Василія Крестинина, избраннаго въ 1724 г. мѣстнымъ городскимъ обществомъ въ Оберъ-Цолнеры портовой таможни, для тарифнаго сбора, а позже — бывшаго Ратушскимъ бургомистромъ. Свое образованіе В. В. получилъ, какъ и Фоминъ, безъ сомнѣнія, въ той же духовной школѣ. Подготовивъ себя основательно къ историческимъ занятіямъ, и не будучи чуждымъ классическаго образованія, Крестининъ отдался всецѣло изученію исторіи мѣстнаго края, и плодомъ этихъ занятій явились въ высшей степени добросовѣстные труды, печатавшіеся, большею частью, въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ, а иные вышедшіе и отдѣльно. Вотъ перечень его сочиненій: 1) Исторія о древнихъ обитателяхъ Архангелогородскихъ. Напеч. въ 1783 г. 2) Историческія начатки о Двинскомъ народѣ древнихъ, среднихъ и новѣйшихъ временъ по 1762 г. Напеч. въ 1784 г. 3) Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домоводствѣ Двинскаго народа въ Сѣверѣ. Напеч. въ 1785 г. 4) Въ 1787 г. прислалъ въ Академію Наукъ списокъ изъ одной рукописной старинной Кормчей: Уставы св. князя Владиміра и князя Ярослава Володиміровича съ Русскою Правдою. Напеч. въ 1788 г. 5) Историческое извѣстіе о нравственномъ воспитаніи дѣтей въ Двинскомъ народѣ и — Географическое извѣстіе о Новой Землѣ полуночнаго края, а также и примѣчаніе на древнее въ Россійскомъ языкѣ реченіе *гридинъ*. Напеч. между 1785 — 1793 г. 6) Объ островѣ Колгуевѣ. Напеч. въ 1787 г. въ Истор. Календарѣ. 7) Начертаніе исторіи города Холмогоръ. Напеч. 1790 г. 8) Чертежъ ежегодныхъ историческихъ записокъ, служащихъ основаніемъ къ продолженію исторіи города Архангельскаго отъ 1780 г., а въ 1791 г. было напечатано Академіей Наукъ сокращеніе изъ его Исторіи о городѣ Архангельскомъ, и — Любопытное письмо о старинныхъ продажныхъ и крѣпостныхъ сдѣлкахъ. 9) Историческія примѣчанія о коммерческомъ кредитѣ внѣшнія торговли по дѣламъ прошедшаго вѣка Россійскихъ купцовъ вообще и по дѣйствіямъ нынѣшняго столѣтія Архангелогородскихъ купцовъ особливо. 10) Историческій опытъ о Внѣшней торговлѣ отъ 1693 по 1719 г. и — Замѣчаніе о морошечномъ квасѣ, предохранительномъ отъ цынги. Скончался въ Архангельскѣ въ 1795 г. мая 5. Получалъ неоднократно денежныя награды отъ Академіи Наукъ, которой съ 1786 г. состоялъ корреспондентомъ; съ 1791 г. пользовался полнымъ Академическимъ пенсіономъ по 200 р. въ годъ. Написалъ поэму о Минінѣ и Пожарскомъ, существовавшую въ рукописи у его наслѣдниковъ; сохранилось ли она — неизвѣстно. (Словарь свѣтскихъ писателей — Митрополита Евгенія. Стр. 319).

мѣстнаго края по архивамъ городскимъ и монастырскимъ. Такое важное по тому времени учрежденіе просуществовало не болѣе 9 лѣтъ, по причинѣ недружелюбнаго взгляда должностныхъ въ Архангельскѣ лицъ, взглянувшихъ на занятія ученыхъ дѣятелей, какъ на что-то незаконное, непредусмотрѣнное приказными порядками..... Благодаря трудолюбивымъ изысканіямъ членовъ общества, починъ для мѣстной исторической науки былъ сдѣланъ. А. И. Фоминъ безъ пятна и упрека проходилъ по трудной и тернистой стезѣ разнообразныхъ должностей, соединяя въ себѣ нравственныя качества съ выдававшимися коммерческими способностями. Такъ, съ 1759 и по 1793 г., имѣя званіе публичнаго нотаріуса, онъ въ то же время исправлялъ еще и слѣдующія должности: гражданскаго окладчика подушнаго и расходнаго платежа (1763, 1767, 1773 и 1778 г.); былъ депутатомъ при сочиненіи городовой обывательской книги (1785 и 1786 г.); засѣдателемъ Совѣстнаго Суда (1785 — 1793), гласнымъ Городовой Думы (1786, 1799 г.) и — членомъ коммисіи о разводѣ дворовыхъ мѣстъ (1793 г.). Съ 1785 г. въ теченіи 10 лѣтъ съ честію носилъ званіе Директора Народныхъ училищъ, не оставляя въ то же время и своей коммерческой дѣятельности, какъ сахарозаводчикъ и купецъ по внѣшней и внутренней торговлѣ. Отзывчивый на все полезное, А. И. не отклонялъ отъ себя ходатайствъ городскаго общества, и принималъ живое всегда участіе въ нуждахъ послѣдняго, какъ напр. при составленіи вышесказаннаго Наказа. Его дѣятельная натура находила время заниматься съ любовью историческими трудами по изученію роднаго края, и плодами занятій служатъ его сочиненія: 1) Опытъ историческій о морскихъ звѣряхъ и рыбахъ, промышляемыхъ Архангелогородской губерніи жителями въ Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ и Ледовитомъ океанѣ, съ описаніемъ образа тѣхъ промысловъ; 2) Описаніе Бѣлаго моря съ его берегами и островами; 3) О происходимыхъ въ Архангелогородской губерніи промыслахъ, о промыслѣ терпентинномъ, о куреніи смольномъ и дехтярномъ, также терпентинномъ маслѣ и пекѣ, и 4) Извѣстія о худыхъ успѣхахъ Бѣломорской сельдяной компаніи. Подобные труды обратили на себя вниманіе различныхъ

ученыхъ учрежденій, съ членами которыхъ, какъ напр. съ Эйлеромъ, Лепехинымъ, Озерецковскимъ, Малыгинымъ и др. А. И. имѣлъ постоянную переписку. Съ 1794 г. онъ носилъ званіе корреспондента Академіи Наукъ, и былъ членомъ Императорскаго Вольно-Экономическаго общества. Скончался въ Архангельскѣ въ 1802 г. ([10]).

Такіе почтенныя дѣятели, какъ Фоминъ и Крестининъ, неутомимо заботившіеся о сохраненіи отъ забвенія исторіи сѣвернаго края, достойны жить въ памяти нашей.

За время начала Екатерининскаго царствованія, главнымъ административнымъ въ краѣ лицомъ, вліявшимъ такъ или иначе на торговую жизнь Архангельска, былъ губернаторъ Е. А. Головцынъ, правившій Архангелогородскою губерніею 17 лѣтъ ([11]). На его долю выпала не легкая задача осуществлять всѣ благія мѣропріятія, клонившіяся къ поднятію Архангельской торговли и промышленности, и представлять иногда по нимъ такія соображенія, которыя, видимо, не входили въ кругъ его компетентности. Поэтому задача оказывалась не всегда по силамъ, и были случаи, когда усердіе губернатора радикально расходилось со взглядами новаго правительства, какъ напр. по вопросу о монополіи морскихъ и рѣчныхъ промысловъ, признававшейся Головцынымъ полезною

([10]) Арх. губ. В. 1839 г., №№ 1 и 2.

([11]) Егоръ Андреевичъ Головцынъ, родившійся въ 1717 г.; получилъ воспитаніе въ Сухопутномъ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, и въ 1740 г. былъ выпущенъ въ армію съ чиномъ подпоручика. Свою молодость провелъ въ военныхъ походахъ противъ шведовъ въ Финляндіи, гдѣ при Вильманстрандѣ въ 1741 г. участвовалъ въ сраженіи, при взятіи штурмомъ этого города. Въ секундъ-маіоры былъ произведенъ въ 1751 г. и чрезъ 4 года — въ подполковники. Въ прусскую войну 1758 г. былъ при арміи въ должности учредителя хлѣбныхъ магазиновъ въ Силезіи, и въ должности коменданта въ городѣ Ландсбергѣ. Въ 1759 г. получилъ назначеніе состоять генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантомъ арміи, но за болѣзнію былъ уволенъ отъ этой должности и получилъ чинъ бригадира. По выздоровленіи, съ 1760—1763 г. исправлялъ должность присутствующаго въ главномъ Кригсъ-Комисаріатѣ, управлялъ московскимъ генеральнымъ сухопутнымъ госпиталемъ, и въ 1763 г., будучи пожалованъ въ генералъ-маіоры, назначенъ на должность Архангелогородскаго губернатора. Въ 1764 г. награжденъ орденомъ св. Анны, и въ 1771 г. — чиномъ генералъ-поручика. Предъ открытіемъ Вологодскаго намѣстничества въ 1780 г., Е. А. былъ уволенъ въ отставку съ пенсіономъ полнаго по чину содержанія. (Арх. губ. В. 1850 г., № 40).

государственною мѣрою; но тѣмъ не менѣе нельзя отказать ему въ ловкости и умѣньи прилаживаться къ вѣяніямъ времени, чтобы удерживать за собою въ вліятельныхъ сферахъ репутацію свѣдущаго хозяина губерніи, въ чемъ и успѣлъ. Напротивъ, совершенно иного рода репутацію заслужилъ Головцынъ отъ архангелогородскихъ гражданъ за свой личный, черствый характеръ, не чуждый жестокости, за свой узкій формализмъ, за явную пріязнь къ иностранному и за оппозицію къ мѣстному русскому купечеству, съ которымъ онъ менѣе всего церемонился. Послѣднее навлекало губернаторскій гнѣвъ частыми отступленіями отъ установленныхъ бюрократическихъ формъ въ магистратскихъ дѣлахъ, за что подвергалось не только денежнымъ штрафамъ и арестамъ, но и тѣлеснымъ наказаніямъ, что всего болѣе возмущало все торговое сословіе города... Спуску не дѣлалъ никому изъ подчиненныхъ. Вообще, какъ говорится, Головцынъ пришелся не ко двору архангелогородцамъ, и его Губернская канцелярія вполнѣ поддержала сложившуюся издавна о ней репутацію, какъ о «страшномъ розыскными дѣлами судилищѣ».

Не мало событій, болѣе или менѣе важныхъ, произошло въ Архангельскѣ за время губернаторства Головцына, и между ними 10-лѣтняя привиллегія 1768 г. мѣстному купечеству на сальный торгъ занимаетъ первое мѣсто, какъ милость Императрицы, дарованная Архангельску по ходатайству гражданъ, дѣйствовавшихъ въ данномъ случаѣ, помимо своего губернатора, чрезъ депутата Свѣшникова. При этомъ рождается невольно вопросъ: какъ воспользовалось купечество дарованнымъ ему правомъ на сальный торгъ? Увы, отвѣчаемъ, оно воспользовалось самымъ безалабернѣйшимъ образомъ, благодаря чертѣ нравовъ нашего торгующаго сословія, благодаря неумѣнью сплотиться, сдѣлать что либо въ видахъ взаимной самопомощи, и желанію покорыстоваться насчетъ своего ближняго. Чрезвычайно поучителенъ и интересенъ по этому поводу разсказъ современника.

За годъ до окончанія 20-лѣтней Шуваловской привиллегіи, городскія иностранныя конторы, въ чаяніи грядущихъ благъ отъ перемѣны привиллегіи, закупили въ 1767 и 1768 г.г. въ

запасъ все звѣриное сало, для отпуска за море, но свѣдавъ о состоявшемся указѣ, поняли всю невозможность своего первоначальнаго намѣренія, и въ срединѣ ярмарки 1768 г. стали убѣждать нашихъ купцовъ, чтобъ тѣ позволили оставить закупленное сало въ рукахъ конторъ, и отпустить заграницу грузъ при объявленіяхъ въ таможнѣ на имена мѣстныхъ купцовъ, обѣщая за это уплатить съ конторъ по 5 коп. съ пуда. Благоразумные изъ купцовъ, какъ напр. Семенъ Башмаковъ и Никифоръ Зыковъ совѣтовали своимъ товарищамъ по торговлѣ согласиться на уступку перваго сальнаго отпуска, и полученную за это сумму употребить на дѣла богоугодныя: на Московскій Воспитательный домъ, на устройство въ городѣ сиротской школы и на платежъ за бѣдныхъ подушныхъ денегъ, а на будущее время уже принять зависящія мѣры въ новой отрасли торговли. Но, къ сожалѣнію, нашелся корыстолюбецъ, нарушившій благое намѣреніе мѣстнаго купечества. Купецъ Семенъ Бусинъ сталъ предлагать богачамъ Антону Бармину и Никитѣ Крылову, скупить все сало у нѣмцевъ и отпустить за море на собственный счетъ въ то же лѣто. Барминъ изъ угожденія къ своимъ пріятелямъ иностранцамъ не принялъ совѣта Бусинова, а въ переговорахъ съ Башмаковымъ и Зыковымъ подавалъ наружно согласіе на ихъ человѣколюбивый планъ. Но, сверхъ всякаго чаянія, вдругъ поступило въ таможню отъ того-же Бармина объявленіе, что онъ-де отпускаетъ нѣсколько тысячъ пудовъ звѣринаго сала на счетъ иностранныхъ купцовъ.

Городское купечество ахнуло отъ такого неожиданнаго пассажа и не желая допустить Бармина собрать одному всю жатву, стало дѣйствовать въ разсыпную, кто какъ могъ, чтобъ переманить иностранныхъ купцовъ на свою сторону, и заполучить по 5 коп. съ пуда. Головцынъ видѣлъ эту погоню, и во все льготное время не противодѣйствовалъ такимъ страннымъ торгамъ; давая возможность при такой розни обдѣлывать иностранцамъ успѣшно свои торговыя дѣла по сальному отпуску. Дѣло въ томъ, что по предложенію иностранныхъ конторъ о доставкѣ къ Архангельску звѣринаго продукта, наше купечество законтрактовало себя на такой подрядъ, и

получивъ деньги впередъ, дѣйствовало въ разсыпную, перебивая одинъ у другаго закупку сала въ поморскихъ деревняхъ. когда промышленники не приступали еще къ промысламъ, Этою междоусобицею въ поморьѣ отлично воспользовались, и въ результатѣ получилось то, что купленное у промышленниковъ высокою цѣною сало, сдавалось иностранцамъ по контрактной цѣнѣ, въ прямой себѣ убытокъ ([12]).

Слѣдовательно, привиллегія, съ ея выгодами, принесла барыши чужимъ, а не своимъ. Такое веденіе дѣла повело за собою обширное банкротство между городскими купцами, которые, какъ дѣти, обрадовались было дарованной привиллегіи, и праздновали эту монаршую милость невиданнымъ еще въ Архангельскѣ двухдневнымъ торжествомъ съ обѣдами, маскарадами и фейерверками. «Такъ кончился пиръ ихъ бѣдою». Вообще подобныя привиллегіи не пошли въ прокъ архангельскому купечеству, какъ доказалъ это и хлѣбный отпускъ, разрѣшенный, какъ мы видѣли, въ 1770 г. на 10 лѣтъ.

Въ 1771 г. архангельскіе и иногородные купцы подрядились доставить на иностранныя конторы 515610 четвертей хлѣба, и получили впередъ деньги. Къ несчастію поставщиковъ, случилось весною на р.р. Лузѣ, Югѣ, Сысолѣ и Двинѣ такое маловодье, что барки съ хлѣбомъ не могли придти къ Архангельску, и хлѣбъ пришлось доставлять берегомъ отъ Устюга за дорогую плату; притомъ въ это же время два сильные пожара въ Устюгѣ уничтожили часть заготовленнаго къ отпуску хлѣба на 191 т. рубл. Иностранцы, зафрахтовавъ корабли, тщетно ждали выполненія контрактовъ, и принужденные отослать корабли назадъ частію пустыми, а частію нагруженными за двойную цѣну смолою, подали въ таможню на поставщиковъ искъ за понесенные убытки, въ количествѣ 822694 р. Всего въ этой операціи пострадало до 28 купцовъ, и изъ нихъ архангельскіе: Никифоръ Зыковъ, Матвей Стукачевъ, Алексѣй Свѣшниковъ,. Иванъ Саванчаевъ, Петръ, Василій, Матвей и

([12]) *Крестининъ*. Стр. 37—40. Тоже повторилось и въ слѣдующую съ 1778 10-лѣтнюю-же привиллегію.

Андрей Латышевы и Прокофій Пругавинъ. По доведеніи Головцынымъ Императрицѣ о такомъ приключеніи, состоялось разрѣшеніе на усиленный выпускъ хлѣба за море изъ Архангельска въ слѣдующемъ 1772 г., чтобы этимъ способомъ поправить купеческія у города дѣла, при чемъ отечески было замѣчено указомъ, «чтобы наши купцы на будущее время поступали осторожнѣе въ контрактахъ» ([13]).

Многимъ изъ купечества такое снисхожденіе принесло свою пользу, но не спасло иныхъ отъ полнаго раззоренія. Въ послѣдней категоріи находился Прокофій Пругавинъ, имѣвшій въ Маймаксѣ корабельную о двухъ элингахъ верфь, учрежденную имъ въ 1772 г., на которой съ подряда строились казенные фрегаты и гукоры, и гдѣ имѣлась пильная мельница.

Къ 1776 г. коммерческія дѣла Пругавина пришли въ такое разстройство, что магистратъ призналъ его несостоятельнымъ; одновременно съ нимъ обанкрутился купецъ Фюрстъ, обладавшій въ Архангельскѣ великолѣпнымъ домомъ, стоившимъ по тому времени 6 тыс. руб. Сумма-же взысканій съ Фюрста простиралась до 200 тыс. руб. Надо замѣтить, что торговыя неудачи и роскошный образъ жизни нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ купцовъ, съ ихъ «концертами, балами и клопсами», пошатнули даже дѣла и такихъ коммерческихъ тузовъ, какими были напр. Баженины, между которыми Степанъ Никифоровичъ въ особенности любилъ свѣтло пожить. Въ томъ-же 1776 г. и Баженинымъ грозило банкротство, еслибы ихъ не выручилъ изъ бѣды благородный поступокъ главнаго командира Архангельскаго военнаго порта, Л. К. Ваксeля, внесшаго свои деньги по ихъ векселямъ, скупленнымъ въ одни руки однимъ изъ купцовъ, пожелавшимъ на раззореніи этой славной фамиліи основать собственное благополучіе. По сему поводу, въ письмѣ къ президенту адмиралтействъ-коллегіи графу И. Г. Чернышеву, Ваксель, оправдываясь отъ грязнаго навѣта, взведеннаго Пругавинымъ, что будто-бы онъ владѣетъ нынѣ баженинскою верфью, писалъ: «я самъ, занявъ деньги, далъ имъ на сей случай, а чтобъ въ полученіи денегъ я увѣренъ

([13]) Дѣла Коммисіи о Коммерціи, № описи 57, № 874, связ. 48.

былъ, то и принялъ верфь въ закладъ, и поставилъ ихъ на прежнюю степень, и строеніе *они* производятъ и контрактуются, а не я. Мнѣ-же и малоприбыльно верфь имѣть, неимѣя привиллегіи суда строить, потому что Конторскій Ваксель арестуетъ построеніе Ваксельское... Здѣсь всѣ купцы одинъ другово подрываютъ»—заключилъ Ваксель свое письмо ([14]).

И такъ, вотъ какого рода послѣдствія повлекли за собою привиллегіи, дарованныя мѣстному купечеству для улучшенія внѣшней торговли. Что эта торговля увеличилась—мы видѣли изъ приведенныхъ выше фактовъ, но не можемъ сказать, чтобы улучшеніе, особливо въ началѣ царствованія Великой Государыни, распространилось равномѣрно на все торгующее у Архангельска русское купечество. Большую долю барышей пришлось уступить иностранцамъ.

Изъ числа другихъ мѣстныхъ событій, происшедшихъ при при губернаторѣ Головцынѣ и относящихся до нашего предмета, заслуживаютъ вниманіе: 1) Возникновеніе на посадѣ въ 1767 г. «гражданской коммисіи» по почину Магистрата, изъ его членовъ, для улучшенія лавочнаго торга,—коммисіи, которая успѣшно наблюдала за правильностью городской торговли, вмѣсто городовыхъ старостъ, посредствомъ недопущенія иногородныхъ продавать на посадѣ товары въ розницу, но которая просуществовала не болѣе 14 мѣсяцевъ и прекратилась сама собою, потому что ея дѣйствія были видимо не желательными Головцыну, и шли въ разрѣзъ съ его убѣжденіями о свободѣ торговли. 2) Состоявшееся въ 1771 г. освобожденіе посада отъ службы по питейному сбору, замѣненной введеніемъ *виннаго откупа*, который оказалъ посадскимъ истинное благодѣяніе, освободивъ ихъ отъ крупныхъ денежныхъ взысканій за усышки и утечки, и отъ развращенія добрыхъ нравовъ, неизбѣжно сопрягавшагося съ этого рода службою, требовавшею притомъ въ послѣднее время ежегодно до 60 чел. 3) Раздѣленіе посада въ 1775 г. на *купечество и мѣщанство*, точнѣе опредѣлявшее юридическія права тѣхъ и другихъ. Такое раздѣленіе вызывалось настоятельною потребностью раз

([14]) Описаніе дѣлъ глав. мор. архива. Томъ V. Дѣла графа Чернышева, стр. 585.

граничить права посадскихъ, занимавшихся торговлею, и носившихъ до этого времени общее названіе *купцовъ*, на соотвѣтствующія категоріи, согласно имущественному цензу, чтобы каждый могъ дѣйствовать безъ помѣшательства другому въ кругѣ своей торговли. Такого раздѣленія требовали и прямые интересы коммерціи, потому что купецъ, имѣющій валовой торгъ съ иностранными государствами, ничѣмъ не отличался отъ простаго лавочника, и какъ тотъ, такъ и этотъ почитались въ казенныхъ присутственныхъ мѣстахъ одинаково за *мужиковъ*, а чрезъ то, естественно, страдала амбиція негоціанта. Законоположеніе 1775 г., имѣя въ виду различіе дѣятельности тѣхъ и другихъ, при раздѣленіи купечества на 3 гильдіи, постановило брать съ купцовъ, въ отличіе отъ мѣщанства, вмѣсто подушной подати, ежегодно по 1% съ объявленнаго по совѣсти капитала ([15]).

При раздѣленіи городскаго общества на купечество и мѣщанство оказалось, что общее число посадскихъ въ Архангельскѣ въ 1775 г., противъ ревизіи 1763 г. возросло до 1033 душъ, и изъ этого числа купеческихъ семействъ всѣхъ трехъ гильдій составилось 108, а мѣщанскихъ 304—всего 412 семействъ, изъ которыхъ оптовыми торгами занималось 42, и розничною или лавочною продажею 118 семействъ. Кромѣ этого, рыбниковъ было 21, пивоваровъ 6, прикащиковъ и сидѣльцевъ 17—всего 204. Ремесленниковъ, промышленниковъ и чернорабочихъ 168. Купеческій капиталъ на 1775 г. составлялъ 116,290 р. Для заграничнаго торга мѣстное купечество имѣло собственныхъ 4 корабля, а для бѣломорскаго каботажа 58 ластовыхъ судовъ ([16]).

Такимъ образомъ, сравнительно съ 1764 г., замѣчается значительное улучшеніе въ торгово-промышленномъ отношеніи. Подобное улучшеніе свидѣтельствовало о вниманіи къ положенію городскаго населенія, которое съ сего времени стало болѣе и болѣе чувствовать подъ собою юридическую почву. Внутренняя жизнь города тоже почувствовала перемѣну, а съ нею стала увеличиваться и городская обстройка, хотя внѣш-

---

([15]) П. С. З. № 14 275, пунктъ 47.
([16]) Арх. Губ. В. 1885 г., № 36.

ній видъ Архангельска все еще представлялъ прежнее безобразіе и лабиринтъ.

Изъ магистратскаго описанія города 1779 г. видимъ, что число жителей обоего пола было въ немъ и въ Соломбалѣ 10823 ч.; число домовъ 1857, находившихся въ нижеслѣдующихъ церковныхъ приходахъ: въ Соборномъ Троицкомъ 165 домовъ; въ Рождественскомъ 305; въ Архангело-Михаиловскомъ 175; въ Воскресенскомъ 63; въ Благовѣщенскомъ 100; въ Успенскомъ Боровскомъ 106; въ Госпитальномъ Зосимо-Савватіевскомъ 44; въ Кузнечевскомъ Троицкомъ 182; въ Соломбальскомъ Никольскомъ 717.

Улицы, какъ и прежде, дѣлились по обывателямъ на *стрѣлецкія*, *посадскія и нѣмецкія*. Единственная площадь у Собора до 1778 г. не была свободною отъ строенія и на ней имѣлись: гарнизонная школа, артиллерійскія кузницы, сараи, мастерскія и инженерный дворъ; даже пороховой погребъ находился по близости у этой площади, между Гостиными дворами и Губернаторскимъ домомъ. Но съ 1778 г. площадь была уже очищена, и бывшіе на ней строенія перенесены въ Кузнечиху; пороховой-же погребъ—за Кузнечиху, гдѣ и нынѣ. Мостовая города была по прежнему бревенчатая, и на набережной проходы и проѣзды были настолько узкими, что по свидѣтельству мѣстной полиціймейстерской конторы «по мостамъ не только что проѣздъ имѣть можно, но и пѣшіе съ нуждою ходятъ» ([17]). Освѣщенія городскихъ улицъ по вечерамъ и ночамъ не полагалось, и его не было до первыхъ годовъ текущаго столѣтія. Впрочемъ, вопросъ объ освѣщеніи улицъ нельзя сказать, чтобы не подымался за это время. Мѣстный прокуроръ Нарышкинъ въ 1767 г. обратился было въ губернскую канцелярію съ просьбою о соглашеніи архангельскихъ гражданъ освѣщать, хотя-бы осенью, улицы фонорями, а то «ночи-де столь темны бываютъ, что совсѣмъ человѣку человѣка видѣть не можно, и не рѣдко-де случаются по ночамъ не только воровства, но и смертоубійства, а въ недавнихъ-де годахъ въ такое осеннее время было и зажига-

([17]) Дѣла Коммерцъ-Коллегіи 1766 г. № описи 1518, эксп. 4, № 1518, связ. 42.

тельство» ([13]). Но этотъ-то послѣдній аргументъ и затормозилъ все дѣло. Магистратъ отклонилъ вопросъ объ освѣщеніи улицъ именно этимъ аргументомъ, находя, что рогаточные караулы весьма достаточны, чтобы предупреждать злодѣйства, а отъ фонарей можетъ-де произойти и зажигательство.

Православныхъ церквей въ городѣ было 10, изъ которыхъ каменныхъ 8 и деревянныхъ 2. Кромѣ городскихъ церквей, еще имѣлись загородныя, кладбищенскія: *Преображенская*, деревянная, за Архангельскимъ монастыремъ, построенная въ 1775 г. на средства мѣстнаго купца Юсова; здѣсь погребаются усопшіе Соборнаго, Воскресенскаго, Архангело-Михайловскаго, Рождественскаго и Благовѣщенскаго. *Устьжновенская*—на Кузнечевскомъ кладбищѣ, деревянная-же, построена въ 1778 г., гдѣ погребаются усопшіе изъ Кузнечевскаго, Успенскаго и госпитальнаго приходовъ. Иностранцамъ принадлежали: Лютеранская (каменная) и Реформатская деревянная. Торговыхъ рядовъ имѣлось 7: *хлѣбный*, *рыбный*, *мясной*, *кожевеный*, *желѣзный*, *москотильный и пряничный*; въ нихъ лавокъ считалось: посадскихъ 138 и церковныхъ 89, всего 227. Между этими рядами, скученными въ безпорядкѣ на городскомъ берегу, вблизи губернаторскаго дома, стоявшаго на самомъ Пуръ-Наволокскомъ мысу, въ сосѣдствѣ съ бойнями, имѣлись и деревянная торговая баня и мѣдныя кузницы, обращенныя какъ разъ къ городскимъ домамъ. Госпитальныхъ строеній было въ городѣ два, изъ нихъ *горнизонная госпиталь* находилась въ самой верхней части города, вблизи монастыря; *морская* на городскомъ берегу ближе къ Кузнечихѣ, въ тѣсномъ сосѣдствѣ купеческихъ домовъ. Заводовъ въ городѣ имѣлось: канатныхъ 7, кожевенныхъ 7, солодиленныхъ и пивоваренныхъ по 7. Къ числу заводскихъ промысловъ причислялся судовой, мореходный промыселъ, производившійся на Шпицбергенъ и Новую Землю, для моржовой добычи, частію при лапландскихъ берегахъ, для тресковаго рыболовства и частію же для перевоза богомольцевъ въ Соловецкій монастырь. Число такихъ

([18]) Арх. губ. Вѣд. 1874 г., № 9.

мореходныхъ судовъ считалось у архангельскаго купечества въ 1779 г.—104. Ко времени же ярмарки приходило ежегодно къ городу поморскихъ судовъ до 300. Конторъ иностранныхъ было 7. Солепромышленностью занимались три мѣстные купца: два изъ нихъ имѣли варницы въ Ненокскомъ посадѣ, третій въ Мезенскомъ уѣздѣ, при р. Кулой. Якорный заводъ мѣстнаго же купца Ивана Денисова, заведенный около 1760 г., имѣлся въ 30 верстахъ отъ Архангельска при р. Лаѣ, и дѣйствовалъ успѣшно. Торговымъ днемъ въ Архангельскѣ былъ *вторникъ*. Главные отъѣзжіе торги направлялись въ Шацкую провинцію, откуда вывозилась пенька для канатныхъ заводовъ, и въ Сибирь на Ирбитскую ярмарку, для промѣна заморскихъ товаровъ на деньги и на сибирскіе пушные. Въ столицы же ѣздили обыкновенно съ рыбою.

Такое положеніе занималъ Архангельскъ къ 1780 г. ([19]).

Частное судостроеніе въ это время получило такой внѣшній толчекъ, что верфи, какъ грибы, стали учреждаться не только подлѣ Архангельска, на берегахъ Двины, но и на р. Пинегѣ, Кехтѣ и на другихъ притокахъ. Къ сожалѣнію, такая судостроительная лихорадка вызывалась не стремленіемъ купечества умножать свой скудный торговый флотъ, но, большею частію, расчетами иного рода, ничего общаго съ этимъ умноженіемъ неимѣвшими. Дѣло въ томъ, что съ одной стороны усилилась постройка военныхъ судовъ въ Архангельскомъ адмиралтействѣ, вызвавшая особую дѣятельность на частныхъ верфяхъ, гдѣ съ подряда строились не только мелкія портовыя суда, но и корабли и фрегаты; съ другой—дешевизна и прочность постройки Баженинскихъ и Крыловскихъ судовъ послужила соблазномъ для иностранцевъ, пожелавшихъ имѣть въ составѣ своего торговаго флота суда русской постройки; въ совокупности этихъ

([19]) Временникъ Москов. Общ. Исторіи и древн. 1857 г. См. статью: «Магистратское описаніе города Архангельскаго въ 1779 г.». Два сильные пожара, случившіеся въ Архангельскѣ въ 1779 г., изъ которыхъ первый начался съ губернаторскаго дома, не только истребили всѣ старинные ряды лавокъ, безобразившихъ городскую набережную, но истребили и драгоцѣнный для исторіи города и всего мѣстнаго края архивъ губернской канцеляріи, гдѣ хранились между позднѣйшими дѣлами и дѣла прежняго воеводскаго правленія.

обстоятельствъ и слѣдуетъ искать разгадку усилившагося въ краѣ судостроенія. Возьмемъ на выдержку 1782 г. На Вавчужской верфи Ивана Баженина строилось одновременно 6 судовъ, предназначенные въ продажу англійскимъ купцамъ Эгерсъ и К°.

На верфи купца Алексѣя Свѣшникова (бывшей Гомовской) 3 судна для конторы Артура Келли и К°.

На верфи купца Семена Крылова—3 судна, строившіяся англичаниномъ.

На верфи купца Алексѣя Голубина въ Маймаксѣ, въ 5 верст. отъ города, 3 судна, для купца Фанбрина. На верфи того же Голубина, на р. Кехтѣ—2 судна.

На Заостровской верфи купца Дубленнаго (Наледина) въ 5 верст. отъ города—2 судна, и на его же верфи на р. Пинегѣ въ 280 вер. отъ города—3 судна.

Итого, въ одномъ 1782 г. строилось 22 судна, и изъ этого числа 12 на продажу ([20]).

Лучшимъ корабельнымъ мастеромъ почитался крестьянинъ Степанъ *Кочневъ*, работа котораго по собственнымъ чертежамъ была на столько хороша, что морское вѣдомство въ 1785 г. предлагало Кочневу поступить на коронную службу, отъ которой однако нашъ сарваеръ-самоучка уклонился подъ предлогомъ, что своимъ-де состояніемъ всегда бываю доволенъ. И дѣйствительно, не было въ то время въ краѣ лучшаго корабельнаго мастера, какимъ былъ Кочневъ, Степанъ Тимофѣевичъ, холмогорскій уроженецъ, родившійся въ 1739 г., и пользовавшійся расположеніемъ знаменитаго своего земляка М. В. Ломоносова. Кочневъ имѣлъ отъ трехъ иностранныхъ въ Архангельскѣ конторъ, за подписью купцовъ Фанбрина, Келли и Эгерса, аттестаты съ засвидѣтельствованіемъ публичнаго нотаріуса о томъ, что съ 1781—1784 г. на верфяхъ купца Баженина въ Вавчугѣ и купца Наледина на р. Пинегѣ, имъ—Кочневымъ, для сихъ конторъ было построено 12 судовъ англійской конструкціи, отъ 200—400 ластовъ, которыя суда по прибытіи въ Англію, оказались во всѣхъ отношеніяхъ похвальными. За свое мастерство Кочневъ получалъ съ каждаго

([20]) Описаніе дѣлъ главн. морск. арх. Т. V. Дѣла графа Чернышева, стр. 725.

построеннаго имъ судна по 400 руб. ([21]). Умеръ въ 1828 г.

Настоящая фамилія его была Негодяевъ, а Кочневъ уличное прозвище ([22]).

При такой усиленной судостроительной дѣятельности и при такомъ искусномъ мастерѣ, какія же собственно причины мѣшали умножать нашъ торговый флотъ, чтобы производить на немъ непосредственную коммерцію съ чужими государствами?

Главныя причины, препятствовавшія купечеству имѣть сильную внѣшнюю коммерцію на собственныхъ корабляхъ, были двоякаго рода: къ первому принадлежали — незнаніе нашимъ купечествомъ коммерческаго искусства и скудность капиталовъ, ко второму—незнаніе мореходныхъ обстоятельствъ и отсутствіе искусныхъ шхиперовъ и штурмановъ. Истина старая, что если знаніе не предшествуетъ какому либо дѣлу, то не видитъ и благополучнаго конца. Купечество наше въ предметахъ первоначальнаго своего обученія, за весьма ничтожнымъ исключеніемъ, было совершенно невѣжественно. Едва знавшее грамоту, умѣвшее только считать на счетахъ, оно обладало смутнымъ понятіемъ объ иностранныхъ монетахъ, мѣрахъ и вѣсахъ, и чуждое географическихъ знаній, платило иногда въ простотѣ

([21]) Тамъ же, стр. 744.

([22]) Арх. губ. В. 1868 г., № 86. Не менѣе лестною рекомендаціею Кочневу служитъ нижеслѣдующій отзывъ Москов. Вѣдом. 1787 г., въ № 54: «на находящейся при городѣ Архангельскомъ верфи корабельной купца Свѣшникова весьма удачно спущены на воду 12 іюня, въ присутствіи множества зрителей, два мореходные судна «Архангельскъ», и «Сѣверная Двина», вновь построенные насчетъ Архангелогородскаго купца Брехова, которые *на штапелъ совсѣмъ уже были оснащены*, и по спускѣ на воду препровождены къ пристани для нагрузки товаровъ.

Убѣждаясь паче пользою сего удачнаго опыта, нежели величавымъ видомъ спуска судовъ, на сушѣ совсѣмъ оснащенныхъ, украшенныхъ флагами и представляющихъ зрѣлище весьма поразительное, спускаясь съ элинговъ совсѣмъ готовыми къ плаванію, должно отдать справедливость искуству мастера мореходныхъ ластовыхъ судовъ государственной Ровдогорской волости поселянину Степану Кочневу, строившему сіи суда, который въ послѣднюю между морскихъ державъ войну прочною съ особливымъ искусствомъ постройкою многихъ судовъ насчетъ иностранныхъ, снискалъ въ чужихъ краяхъ ласкательное весьма довѣріе, такъ что давая коммисіи о постройкѣ судовъ на здѣшнихъ верфяхъ, всегда включаютъ иностранные купцы въ своихъ по сему предмету предписаніяхъ здѣшнимъ ихъ корреспондентамъ, чтобъ корабль строенъ былъ *мастеромъ Кочневымъ*, какъ равномѣрно и за построенные Кочневымъ безъ коммисіи на продажу охотно даютъ лишнюю плату». (Императ. Публичная библіотека).

души одинаковый фрахтъ, какъ отъ Лондона въ Кадиксъ, такъ и отъ Амстердама до Лондона ([23]). Съ такими данными, безъ знанія къ тому же иностранныхъ языковъ и купеческихъ правъ, какъ россійскаго, такъ и другихъ государствъ, наши коммерсанты вели внѣшнюю торговлю совершенно ощупью, довѣряясь коммисіонерамъ и приказнымъ людямъ, и поневолѣ старались болѣе ограничиваться торговыми сношеніями съ излюбленнымъ Амстердамомъ или съ Гамбургомъ, съ которыми имѣли охотно дѣла и отцы ихъ, нежели съ Франціею и съ другими западными государствами. Да и построивъ свои корабли, они не имѣли возможности отправить ихъ въ море безъ того, чтобы предварительно не выписать изъ Голландіи шхиперовъ и штурмановъ, а какъ искусные шхипера всегда были на перечетъ, то и высылались чаще такіе, которые изъ худшихъ сходили за лучшихъ, и поэтому съ такими горе-шхиперами и штурманами наши корабли нерѣдко терпѣли крушенія въ виду береговъ, едва выйдя изъ рѣчнаго фарватера за баръ. Русскіе кормщики нанимаемы были только до Норвежскихъ береговъ, не далѣе Бергена. Безъ сомнѣнія, торговая политика иностранцевъ стремилась къ тому, чтобы обезславить русское мореплаваніе, и отбить у него охоту къ непосредственной морской торговлѣ, чему очевиднымъ подтвержденіемъ служила неравномѣрность страховой преміи, бравшейся съ судовъ русской постройки, и съ судовъ иностранныхъ. Съ русскихъ брали не менѣе какъ по 16%, а съ иностранныхъ только по 10%, когда сами же иностранцы охотно покупали наши суда, и одобряли ихъ морскія качества и прочность постройки. Такія причины, служившія ко вреду нашей внѣшней коммерціи, были прекрасно сознаваемы не только Коммисіею о Коммерціи, но и лучшими изъ архангелогородскихъ купцовъ, которые еще въ 1764 г. ходатайствовали объ учрежденіи въ Архангельскѣ *гражданской гимназіи* и *Государственнаго банка*.

Свое ходатайство о гимназіи мотивировали въ такихъ выраженіяхъ: «нужда коммерціи требуетъ необходимо просвѣщенныхъ, хотя по нѣскольку, негоціантовъ. А когда просвѣщеніе разумовъ происходитъ отъ ученій, то мы за надежное средство

[23]) Дѣла Коммисіи о Коммерціи. Къ № 445, связ. 47.

признаемъ заведеніе здѣсь въ городѣ Архангельскомъ гимназіи для всѣхъ купеческихъ дѣтей Архангелогородской губерніи.

А какъ оная гимназія для обученія приготовляющихся къ купеческой профессіи дѣтей быть должна, то и всѣ въ ней трактуемыя науки къ тому же намѣренію необходимы» ([24]).

Съ своей стороны, Коммисія о Коммерціи, изыскивая надежныя средства къ поправленію нашей внѣшней торговли, признавала необходимымъ: 1) поощрять россійское судостроеніе, 2) предлагать удобные способы для заведенія купеческаго флота, 3) ободрять русскихъ купцовъ всякими преимуществами, чтобы они непремѣнно старались вывозить изъ Россіи товары на своихъ корабляхъ, и 4) посылать способныхъ молодыхъ людей изъ купеческаго званія въ чужіе края на 7 лѣтъ, особливо въ Англію, Голландію, Францію, Италію и Германію, для изученія иностранной коммерціи съ тѣмъ, чтобы способнѣйшіе изъ нихъ могли быть со временемъ факторами россійскаго купечества при заграничныхъ сношеніяхъ ([25]).

Вообще, вопросомъ о развитіи торговаго флота, въ царствованіе Великой Государыни занимались не только члены Коммисіи о Коммерціи, но и лица непричастные къ этой коммисіи, какъ Щербатовъ, Воронцовъ, Вяземскій и др. Этимъже вопросомъ занята была въ 1769 г. и Адмиралтействъ-Коллегія признавшая за полезное, для снабженія шхиперами и штурманами купеческихъ кораблей, учредить въ С.-Петербургѣ, Архангельскѣ, Астрахани и Иркутскѣ *навигацкія школы*, для дѣтей купеческаго и крестьянскаго сословій, и ввести въ этихъ школахъ обученіе голландскому и англійскому языкамъ. Обучившихся теоріи мореплаванія, признано принимать на военныя суда для морской практики и для прохожденія штурманской обязанности, а по экзаменѣ выдавать аттестаты, съ которыми обученные штурмана могли бы поступать на купеческія суда съ званіемъ шхипера или штурмана ([26]).

([24]) Тамъ-же.

([25]) Дѣла Коммисіи о Коммерціи, № описи 11, № 860, связ. 48.

([26]) *Ѳ. Ѳ. Веселаго.* Матеріалы для исторіи русскаго флота. Т. XI, стр. 459. Тутъ же имѣется постановленіе Адмиралт.-Коллегіи и о россійскихъ матросахъ.

И такъ, вотъ когда еще мы встрѣчаемся съ вопросомъ о навигаціонныхъ школахъ!

Не знаемъ только, существовала ли въ Архангельскѣ такая навигацкая школа, и какіе были отъ нея плоды, — по архивнымъ справкамъ мы нигдѣ съ нею не встрѣчались.

Но какъ бы то ни было, а наша коммерція, поощряемая на каждомъ шагу особымъ правительственнымъ вниманіемъ, не могла стоять на одномъ мѣстѣ, и стала дѣлать быстрые шаги по всѣмъ отраслямъ внутренняго производства, чему много способствовалъ вновь изданный тарифъ 1782 г., внутренній смыслъ котораго вполнѣ отвѣчалъ началамъ свободной торговли. При его составленіи воля Императрицы клонилась къ тому, чтобы россійскіе товары и продукты болѣе прежняго были поощрены къ заморскому отпуску умѣренною пошлиною; чтобы тою же умѣренностію облегчены были и тѣ изъ привозныхъ товаровъ, которые пока еще необходимы для россійскихъ подданныхъ, и чтобы, наконецъ, внутренняя торговля ни въ чемъ не имѣла стѣсненія при переѣздахъ купечества съ товарами. До какой степени Императрица принимала близко къ сердцу интересы россійской торговли, прекрасною иллюстраціею служитъ ея резолюція, написанная въ 1770 г. на одномъ изъ докладовъ Коммисіи о Коммерціи, по поводу отсутствія въ Россіи купеческаго кредита, скораго правосудія и банкротскаго устава: *«что же вы дѣлали въ Коммисіи о Коммерціи, если о поправленіи торговли не помышляли, а она учреждена въ 1763 году, итого понынѣ семь лѣтъ — время, въ которое и Іовъ вновь домомъ завелся»* ([27]).

Число приходившихъ къ Архангельску иностранныхъ кораблей возросло, противъ прежняго, до 206 (въ 1772 г.). Привозъ товаровъ среднимъ числомъ простирался на сумму отъ 300 т. до 500 т. руб., тогда какъ отпускъ — до 2 м. руб. Для лучшей наглядности, какое значеніе получилъ Архангельскій портъ за Екатерининское время, по отношенію къ другимъ нашимъ портамъ, помѣщаемъ сравнительныя данныя привоза, отпуска товаровъ и суммы таможенныхъ пошлинъ,

---

([27]) Арх. Д-та Там. Сбор. Копіи съ Именныхъ повелѣній, съ 1763—1797 г., стр. 441.

съ 1773—1787 г.г. главныхъ въ то время нашихъ портовъ: Петербургскаго, Рижскаго и Архангельскаго, тогда какъ

Годы.		С.-Петербургскій	Рижскій	Архангельскій
		рубли	рубли	рубли
1773	Привозъ товаровъ .	8,548,035	1,761,570	874,506
	Вывозъ	8,867,608	3,738,806	2,058,536
	Пошлинный сборъ .	2,077,004	520,155	224,198
1774	Привозъ .	8,829,591	1,482,802	335,132
	Вывозъ	9,086,215	4,896,615	1,453,660
	Пошлинный сборъ .	2,056,161	537,257	146,360
1775	Привозъ .	6,892,833	1,950,803	281,748
	Вывозъ	8,299,585	4,619,798	1,367,926
	Пошлинный сборъ .	1,699,212	590,629	145,064
1776	Привозъ .	7,006,730	1,684,749	317,896
	Вывозъ	8,966,157	3,643,328	1,416,288
	Пошлинный сборъ .	1,686,421	435,008	147,555
1777	Привозъ .	7,626,220	2.915,954	292,070
	Вывозъ	11,116,938	4,433,543	1,261,327
	Пошлинный сборъ .	1,768,449	490,979	124,007
1778	Привозъ .	6,592,144	3,166,790	341,255
	Вывозъ	10,210,488	4,515,435	1,582,058
	Пошлинный сборъ .	1,729,051	505,033	140,585
1779	Привозъ .	8,651,601	2,848,070	282,844
	Вывозъ	11,175,049	4,647,957	1,129,445
	Пошлинный сборъ .	2,162,872	495,922	128,731
1780	Привозъ .	8,656,379	2,251,085	295,755
	Вывозъ	10,941,129	3,861,869	1,474,592
	Пошлинный сборъ .	2,434,204	615,082	169,805
1781	Привозъ , .	9,582,353	1,970,212	332,541
	Вывозъ	12,954,440	3,696,780	1,313,855
	Пошлинный сборъ .	2,541,833	527,899	229,302
1784	Привозъ .	12,172,345	1,476,394	437,311
	Вывозъ	12,941,513	6,560,776	1,469,408
	Пошлинный сборъ .	3,157,215	997,743	189,435
1785	Привозъ .	10,064,695	1,623,993	400,548
	Вывозъ	13,497,645	5,407,253	1,553,999
	Пошлинный сборъ .	3,147,213	933,451	208,486
1786	Привозъ .	11,775,577	1,491,167	519,661
	Вывозъ	13,360,011	4,484,726	1,661,833
	Пошлинный сборъ .	3,343,984	705,675	245,047
1787	Привозъ .	15,564,553	1,489.663	428,608
	Вывозъ	16,086,799	4,333,556	1,671,020
	Пошлинный сборъ .	3,984,250	680,059	238,765

прочіе того времени порты Нарвскій, Ревельскій и Астраханскій, по крайней ограниченности своихъ торговыхъ оборотовъ, и въ сравненіе идти не могутъ ([28]).

Самый Архангельскъ, относительно прироста населенія, внутренняго благоустройства и умноженія торгово-промышленныхъ заведеній, шелъ быстро по пути развитія, благодаря законоположеніямъ, клонившимся къ лучшему административному устройству (внутренняго) городоваго управленія, и къ огражденію личныхъ правъ городскихъ сословій. Духъ этихъ законоположеній явно свидѣтельствовалъ о стремленіяхъ Великой Екатерины достойно завершить преобразованія, прерванныя смертью Петра Великаго.

Въ такомъ направленіи былъ изданъ указъ 1775 г., относившійся до управленія губерніями, и въ частности—до устройства городскихъ судебныхъ учрежденій. По смыслу сего указа, отправленіе правосудія въ городахъ и посадахъ сосредоточивалось въ Городовыхъ Магистратахъ и Ратушахъ, съ состоящими при нихъ *Городовыми Сиротскими Судами*, въ *Губернскихъ Магистратахъ* и въ *Словесныхъ Судахъ*. Этимъ законоположеніемъ въ достаточной степени ограждались права гражданъ въ дѣлахъ уголовныхъ, тяжебныхъ, наслѣдственныхъ, опекунскихъ и др. ([29]). Но еще болѣе важнымъ законоположеніемъ по внутреннему устройству городовъ была *Жалованная Грамота* 1785 г. апрѣля 21 д. *на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи*,—грамота, служащая и понынѣ краеугольнымъ камнемъ городскаго самоуправленія. Въ ней, въ первый разъ, является новое городское учрежденіе—*Городская Общая Дума*, независимо Магистратовъ. Въ грамотѣ весьма точно были разграничены городскіе обыватели на *именитыхъ гражданъ*, на *вписавшихся въ гильдію*, на *вписавшихся въ цехъ*, на *иногородныхъ и иностранныхъ гостей*; и на *посадскихъ*, кормящихся промысломъ, рукодѣліемъ или работою. Въ ней предоставлялись права, какъ городскому обществу, такъ и отдѣльно каждому лицу, по различію со-

---

([28]) Тамъ-же. Балансовыя вѣдомости. Данныхъ за 1782 и 1783 г. нѣтъ.
([29]) П. С. З. № 14,392.

словій, относительно пользованій: недвижимою городскою собственностью, производства городской промышленности, городскими доходами, и по учрежденію общественныхъ заведеній и общественныхъ собраній ([30]). Всѣ подобные права клонились къ тому, чтобы предоставить городамъ такія дѣйствительно выгоды и преимущества, какихъ до сего времени они никогда не имѣли. До времени преобразованія городовъ, была сдѣлана въ 1780 г. попытка измѣнить самое административное положеніе Архангельска, присоединеніемъ его, за силою указа 1775 г. объ управленіи губерній, къ Вологодскому намѣстничеству, съ переименованіемъ изъ губернскаго въ областной городъ, — попытка противоестественная, и потому спустя 4 года оставленная за непрактичностью, и Намѣстническое правленіе было учреждено въ Архангельскѣ, съ подчиненіемъ однако сего послѣдняго главному завѣдыванію Вологодскаго и Ярославскаго Генералъ-Губернатора А. П. Мельгунова.

Чтобы судить объ успѣшномъ развитіи за это время Архангельска, приведемъ статистическія данныя.

Въ полицейскомъ отношеніи, городъ, какъ и ранѣе, раздѣлялся на *двѣ* части, изъ которыхъ *Верхняя*, какъ по числу строеній казенныхъ и частныхъ, такъ и по числу жителей, всегда почиталась главною. Въ ней же имѣлись въ 1785 г. и слѣдующія присутственныя мѣста:

1) Намѣстническое правленіе.
2) Палата Уголовнаго Суда.
3) Палата Гражданскаго Суда.
4) Казенная Палата.
5) Управа Благочинія.
6) Верхній Надворный Судъ въ двухъ департаментахъ.
7) Нижній » » »
8) Нижній Земскій Судъ.
9) Уѣздное Казначейство.
10) Совѣстный Судъ.
11) Городовой Магистратъ.

([30]) Тамъ-же. 1785 г. № 16,187.

12) Сиротскій Судъ.
13) Губернскій Магистратъ въ двухъ департаментахъ.
14) Верхняя Расправа » »
15) Нижняя Расправа.
16) Приказъ Общественнаго Призрѣнія.
17) Оберъ-Комендантская Канцелярія.
18) Портовая Таможня.
и 19) Духовная Консисторія.

Обывательскихъ домовъ имѣлось 756, во второй *Нижней* части—692, и всего въ городѣ 1448 домовъ, при которыхъ насчитывалось: бань 552, конюшенъ 232, хлѣвовъ 312, амбаровъ 468 и огородовъ 360. Каменныхъ домовъ только два: Епархіальнаго Архіерея (съ 1779 г.) и купца Крылова, а остальные всѣ деревянные. Жителей считалось 7537, подраздѣлявшихся на нижеслѣдующія категоріи:

Духовныхъ обоего пола	271
Гражданскихъ	632
Военныхъ	2868
Купечества	765
Мѣщанства .	1582
Крестьянъ	425
Иностранцевъ	239
Отставн. гарниз. чиновъ.	348
» адмиралт. »	101
Крѣпостныхъ служителей .	305

На Соломбалѣ въ семъ же году обывательскихъ домовъ было 748, а постоянныхъ жителей обоего пола 1895 г. ([31]).

Казенныхъ деревянныхъ зданій имѣлось 7, принадлежавшихъ мѣстной администраціи и учрежденіямъ. Мельницъ

([31]) Всѣ эти и дальнѣйшія статистическія свѣдѣнія за извѣстное время взяты нами изъ Арх. Г. В. 1850 г. № 34 и изъ Московс. архива М. И. Д., гдѣ хранится рукопись. «Топографическое и историческое описаніе Арх. губерніи за 1786 г.», при библіотекѣ архива. Свѣдѣнія, сообщаемыя рукописью, не во всемъ сходятся съ свѣдѣніями Губ. Вѣдом. Такъ напр. число жителей въ Архангельскѣ въ 1786 г. по рукописи значится 9343 (вѣроятно, съ Соломбалою), купечества обоего пола 565, мѣщанъ 2503, иностранцевъ 226. Тоже и относительно числа фабрикъ и заводовъ, противъ приводимыхъ Губ. В. Въ текстѣ о фабрикахъ и заводахъ мы приводимъ свѣдѣнія по московской рукописи.

вѣтряныхъ въ городѣ имѣлось двѣ: лѣсопильная адмиралтейская и мукомольная гарнизонная. Частныхъ 30. Лавокъ въ восьми рядахъ 254; ряды были: *мучной*, *рыбный*, *мясной*, *кожевенный*, *желѣзный*, *москотильный*, *серебрянный* и *мѣдный*. Кузницъ 17. Фабрикъ и заводовъ: Сахарный 1, Медоваренный 1, Водочный 1, Пивоваренныхъ 16, Солодовенныхъ 9, Сушиленныхъ 8, Свѣчной 1, Пековаренныхъ 7, Кожевенныхъ 6, Канатныхъ 10, Прядиленныхъ 14, Мыловаренныхъ 3, Салотопенныхъ 9, Коптиленныхъ 6, Кирпичныхъ 2, Лѣсопильныхъ 6, Якорныхъ 3, и Красильный 1. Корабельныхъ верфей въ городѣ было 4, изъ нихъ одна — купца Лобанова, винназо въ городѣ откупщика. Собственно торговлею изъ купечества занималось 381 ч., и изъ этого числа лавочными торгами 164 ч., промыслами 43 ч., и 8 рукодѣльями. Цеховыхъ и ремесленниковъ считалось 194 ч., подраздѣлявшихся на такія категоріи: серебренниковъ 11, каменьщиковъ 3, кузнецовъ 11, портныхъ 22, башмачниковъ 35, мѣдниковъ 14, рукавичниковъ 3, оконничниковъ 6, плотниковъ 19, хлѣбниковъ 3, часовщикъ 1, столяровъ 11, бочаровъ 11, шапочниковъ 8, ровдужниковъ 6, костяниковъ 6, слесарь 1, скорняковъ 5, красильщиковъ 7, печатальщиковъ набойки 3, кожевенниковъ 5, переплетчикъ 1, малярный мастеръ 1, пробирный мастеръ 1. Россійскихъ купцовъ, производившихъ гуртовой торгъ, считалось 37 семей, изъ которыхъ $^1/_3$ отпускала товары на свой счетъ и на собственныхъ корабляхъ. Такихъ мореходныхъ кораблей имѣлось 15, а для каботажа 84. Купеческихъ капиталовъ на 1785 г. было объявлено на 150 т. руб. Иностранныхъ конторъ въ городѣ было 5.

За исключеніемъ торгующихъ и ремесленниковъ, прочіе обыватели имѣли пропитаніе отъ работъ, производившихся на фабрикахъ и заводахъ, отъ содержанія постоялыхъ дворовъ, отъ извоза, отъ плаванія на догрузныхъ судахъ и отъ биржевыхъ работъ. Женскій полъ занимался пряжею шерсти и льну, вязаніемъ разныхъ сортовъ чулковъ, шитьемъ бѣлья, тканіемъ холста и полотенъ и т. п. работами.

Прошеніемъ милостыни занималось въ городѣ 227 ч. и,

какъ характеристику времени, слѣдуетъ замѣтить, что изъ сего числа взрослыхъ было только 7 мужчинъ, а женщинъ 211; остальные малолѣтніе. У 20 ч. нищихъ имѣлись даже собственные домики. Богоугодныхъ заведеній было три: 2 богадѣльни, содержимыя на частныя средства благотворителей, и *воспитательный домъ*, учрежденный въ 1777 г.

Учебныя заведенія были: Епархіальная семинарія и школы Гарнизонная и Артиллерійская. Частныхъ нѣмецкихъ школъ было 4, основанныя при церквахъ Евангелической и Реформатской. Въ Холмогорахъ съ 1781 г. имѣлась *мореходная школа*, въ которой, кромѣ морскихъ наукъ, обучали языкамъ нѣмецкому, англійскому и французскому (32).

Вотъ въ какомъ состояніи находился Архангельскъ подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ Екатерининскаго царствованія!

Даже во внѣшнемъ видѣ Архангельскъ почувствовалъ громадную перемѣну. Въ 1784 г. былъ присланъ Высочайше-конфирмованный планъ новому расположенію городскихъ строеній, въ силу котораго скученность построекъ замѣнялась правильно распланированными улицами, проектированными какъ въ длину города, параллельно набережной, такъ и въ ширину, чрезъ что избѣгалась опасность пожарныхъ случаевъ, опустошавшихъ прежній Архангельскъ. Новый планъ близко соотвѣтствовалъ нынѣ существующему. Тогда же былъ произведенъ и обмѣръ стариннымъ Гостинымъ дворамъ, всѣмъ городскимъ церквамъ и единственной Соборной площади. Измѣреніе Гостиныхъ дворовъ дало слѣдующіе результаты: общая длина по набережной оказалась въ 194½ саж.; собственно Русскій Гостиный дворъ занималъ подъ собою 55½ с., средняя часть или *Замокъ* 59 с. и Нѣмецкій Гостиный дворъ 80 саж. Ширина вездѣ была 90 с.; высота стѣнъ 5 саж. 2½ арш. Все строеніе къ сему времени уже носило на себѣ слѣды ветхости и разрушенія. Въ средней части имѣлись всѣ присутственныя мѣста и денежная кладовая, а во дворѣ — деревянный острогъ съ кордегардіей. Въ палатахъ Русскаго двора хранились только казенное вино и др. предметы, принадле-

(32) Словарь Щекатова, т. VI.

жавшіе морскому и артиллерійскому вѣдомствамъ; въ Нѣмецкомъ же дворѣ, какъ лучше сохранившемся, помѣщались портовая таможня, пакхаузы и кладовыя подъ купеческіе товары, изъ которыхъ 40 палатъ были заняты иностранными купцами, и 44—русскими; тутъ же находились караульная изба, штемпель-мейстерская свѣтелка, биржа, ново-учрежденная *Банковая контора* и шлюпочные сараи.

Новая обстройка города производилась, конечно, постепенно. Путешествовавшій въ 1791 г. по сѣвернымъ губерніямъ Россіи П. И. Челищевъ, нашелъ Архангельскъ измѣнившимся къ лучшему во всѣхъ отношеніяхъ. При немъ общее число городскихъ жителей было уже 13570 ч., сообразно чему измѣнились цифры и сословныхъ категорій. Такъ, духовныхъ обоего пола оказалось 417, купечества 951, мѣщанства 2611, иностранцевъ 383 (Евангелическаго 269 и Реформатскаго 114). Относительно городской обстройки тоже большая перемѣна. Въ первой части города, во время Челищева, находились: гарнизонный батальонный дворъ, сухопутный Госпиталь, адмиралтейская аптека, оберъ-комендантскій домъ, *Народное училище*, гдѣ обучалось 335 мальчиковъ; вновь строился каменный домъ для присутственныхъ мѣстъ; имѣлась каменная больница, построенная отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, для леченія безденежно больныхъ неимущихъ; стояли 2 старыя богадѣльни, въ которыхъ находились 19 мужч. и 16 женщинъ. Строился отъ городскаго общества каменный большой *театръ* (24 саж. длины и 12 с. ширины); имѣлось старыхъ деревянныхъ 186 лавокъ, кромѣ мясныхъ съ находившимися при нихъ бойнями; вновь строились каменныя лавки; домовъ купеческихъ и мѣщанскихъ старыхъ, деревянныхъ 1087, каменныхъ 7, деревянныхъ на каменномъ фундаментѣ, по новому городскому плану—42, да отъ приказа строилось на продажу 4 деревянные дома на каменномъ же фундаментѣ. Во *второй* городской части имѣлись: комендантскій домъ, гарнизонная школа, батальонный домъ съ госпиталью, генералъ-губернаторскій домъ, обывательскихъ 489 домовъ; новыхъ, по плану, деревянныхъ на каменномъ фундаментѣ 5 домовъ; строился малый деревянный театръ отъ того же общества.

Дѣйствительныхъ иностранныхъ купцовъ было въ городѣ 36, а русскихъ, производившихъ гуртовые торги—39. Лавочною торговлею занималось 204 семьи. Фабрикъ и заводовъ, построенныхъ отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія было: 1) *Прядильная и полотняная фабрика*, предназначенная для обученія дѣвицъ пряжи и тканью ([33]); 2) *Горшечный* заводъ; 3) *Кирпичный* заводъ и 4) двѣ пильныя мельницы, для городскихъ нуждъ при постройкахъ по новому плану домовъ.

Частныхъ фабрикъ и заводовъ: Прядильно-канатныхъ 70, Пековаренныхъ 30, Скипидарныхъ 15, Салотопенныхъ 50, Солодовенныхъ 12, Мыловаренныхъ 4, Сушиленныхъ 5, Коптильныхъ 8, Кожевенныхъ 9, Кирпичныхъ 3, Пивоваренныхъ 10, Водочный 1, Медоваренный 1 и Сахарная фабрика купца Мекера, находившаяся внизу по р. Кузнечихѣ, на концѣ города. На фабрику привозилось сахарнаго песку ежегодно до 300 бочекъ, и вываривалось сахару отъ 12 т. до 15 т. пудовъ, который продавался въ Архангельской, Пермской, Тобольской, Уфимской и Иркутской губерніяхъ, и по всему за-Уралью. Цѣна сахара не превышала 46 коп. за фунтъ.

Итого, всѣхъ частныхъ заводовъ и фабрикъ имѣлось въ 1791 г. въ Архангельскѣ 219. Цеховыхъ и ремесленниковъ въ этомъ году было: серебренниковъ 16, костяниковъ 9, мѣдниковъ 20, портныхъ 29, башмачниковъ 47, кузнецовъ 19, слесарей 3, столяровъ 25, плотниковъ 19, оконничниковъ 10, бочаровъ 5, ровдужниковъ 8, шапочниковъ 6, красильниковъ 9, печатальщиковъ набойки 4, кожевниковъ 9, скорниковъ 5, рукавичниковъ 3, замшениковъ 2, каменьщиковъ 5, хлѣбниковъ

([33]) По поводу учрежденія этой фабрики, прекратившейся почти въ самомъ началѣ, Челищевъ замѣчаетъ: «поелику съ самаго съ начала зачали собирать всякую *сволочь*, то матери добраго житія своихъ дочерей туда идти и недопустили, а особливо, когда они примѣтили, что за работу работницамъ ничего не платятъ и на всякое испотребство ихъ попущаютъ, да и услышали еще пустые слухи, попущенные отъ нѣкоторыхъ недоброжелательныхъ головъ, *а можетъ быть и отъ Нѣмцевъ*, что будто тѣ, которыхъ на фабрикѣ обучаютъ, уже совсѣмъ домой неотпустятся, то вселившійся въ матерей страхъ, вмѣсто омерзенія, совершенно истребилъ охоту навсегда отдавать своихъ дѣтей въ сіе обученіе, и симъ пресѣклось полезное сіе постановленіе». (Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 г. Стр. 90).

4, переплетчиковъ 3, часовщикъ 1. Женскій трудъ состоялъ въ тканіи золотыхъ и серебренныхъ позументовъ, шелковыхъ женскихъ поясовъ, пряжи шерсти и льна, вязаньи шерстяныхъ, нитяныхъ и бумажныхъ чулковъ и колпаковъ, тканьи тонкихъ полотенъ ([34]).

Изъ всего вышесказаннаго усматриваемъ, что Архангельскъ, какъ торгово-промышленный центръ сѣвернаго края, развилъ свою коммерческую дѣятельность къ концу XVIII в. до такой степени, что оттѣснилъ иностранное купечество на второй планъ и занялъ съ честію мѣсто, подобающее россійскому портовому городу. Иностранныхъ конторъ къ сему времени было въ городѣ только четыре: 1) *Родіона Фанбрина сыновей*, купцовъ петербургскихъ, 2) датскихъ купцовъ подъ фирмою *Беккеръ*, *Родде и К°*, 3) Гессенъ-Касельскаго купца Конрада *Дорбекера* и 4) англійскаго купца *Артура Кейли*. Торговые же домы *архангельскихъ* купцовъ: Алексѣя Попова съ сыномъ, Степана Дорофѣева, Козьмы и Афанасья Амосовыхъ, Матвея Стукачева, Кордеса и Киніуса, Ивана и Якова Лыжиныхъ съ сыномъ, Гавріила Ласкина, Ивана Шундера и Егора Латышева. Общій торговый ихъ оборотъ простирался на сумму отъ 330 т. до 350 т. руб.

Домы *вологодскихъ* купцовъ: Григорія Попова-Веденскаго, Гавріила и Афанасья Митрополовыхъ, Гавріила Митрополова съ сыномъ, Егора Макарова, Петра Ягодникова сыновья, Ивана Рыбникова, Дмитрія Сумкина, Іосифа Ханжина, Петра Свѣшникова, Ивана и Василія Щапкиныхъ, Алексѣя Никифорова и Якова Спѣшилова. Общій торговый оборотъ простирался отъ 400 т. и до 800 т. руб.

Кромѣ этихъ купцовъ, имѣли заграничный торгъ: *Чухломскій* купецъ Михаилъ Юдинъ, оборотъ котораго былъ отъ 200 т. до 250 т. р. *Устюжскіе*—Левъ и Степанъ Захаровы, Григорій Нелединъ и Иванъ Курочкинъ. Оборотъ простирался отъ 150 т. до 200 т. р.

Вятскіе—Афанасій Машковцовъ, Николай и Василій Калинины и Григорій Колошинъ. Оборотъ ихъ отъ 40 т. до 90 т. р.

([34]) *Челищевъ*. Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 г. Изданіе Общества древней письменности. 1886 г. Стр. 79—98.

Слободскіе—Илья Платуновъ, Лука и Ксенофонтъ Анфилатовы. Оборотъ отъ 35 т. до 130 т. р.

Верхо-Важескіе—Иванъ Александровъ и Иванъ Өедоровъ Давыдовы. Оборотъ до 10 т. р.

Лальскій купецъ Петръ Савватѣевъ—до 10 т. р.

Тотемскій—Иванъ Кузнецовъ—до 7 т. р.

Изъ иностранныхъ же конторъ имѣли торговый оборотъ: *Фанбрина*—до 500 т. р., *Дорбекера*—до 120 т. р., *Кейли*—до 200 т. р., *Беккера*—до 220 т. руб. ([35]).

Купцовъ 1-й гильдіи въ Архангельскѣ, производившихъ оптовую торговлю, имѣлось въ 1794 г., изъ *русскихъ*: Яковъ Никоновъ, Алексѣй Поповъ, Александръ Башмаковъ, Иванъ и Гавріилъ Ласкины, Козьма Амосовъ, Егоръ Латышевъ, Михаилъ Плотниковъ, Яковъ Шунгинъ, вдова Анна Плотникова съ сыновьями Алексѣемъ и Гавріиломъ, Степанъ Латышевъ и Иванъ Истоминъ; *иностранные*: Антонъ Менсендейкъ, Христіанъ Родде, Кондратій Дорбекеръ, Карлъ Лофтусъ, Захаръ Фанбринъ и Иванъ Шундеръ.

Купцовъ 2-й гильдіи изъ *русскихъ*: Яковъ Вагановъ, Михаилъ Дудинъ, Матвей Стукачевъ, Дмитрій Поповъ, Егоръ Ершовъ, Иванъ Баженинъ, Василій Сидоровъ, Григорій Плотниковъ, Андрей Егоровъ, Алексѣй Бѣлой, Степанъ Латышевъ, Фотій Сорокинъ, Яковъ Осетровъ, Игнатій Карбасниковъ, Иванъ Циваревъ, Василій Лукичевъ, Иванъ Сковородкинъ и Петръ Карякинъ; *иностранные*: Карлъ Морганъ, Иванъ Десъ-Фонтейнесъ, Иванъ Фюрстъ, Логинъ Бекенъ.

Изъ купцовъ-же 3-й гильдіи сохранились понынѣ еще фамиліи Фоминыхъ, Ершовыхъ, Ерюхиныхъ, Сидоровыхъ, Ширкиныхъ, Смолиныхъ, Жебелевыхъ, Шубныхъ, Калининыхъ, Бурачкиныхъ и др. весьма немногихъ ([36]).

Одновременно съ Архангельскомъ, благодаря заграничной

([35]) *В. Поповъ*. Отвѣтъ дворянину на разсужденіе его о вывозѣ звонкой монеты. Стр. 113—126, 156. Арх. Губ. В. 1853 г., №№ 11—17.

([36]) Тамъ-же, и 1876 г. №№ 25 и 27.

торговлѣ, шли къ развитію и города Вологда и Устюгъ Великій. Напр. въ 1791 г.

	Въ Вологдѣ.	Устюгѣ.	Арханг.
Купечества имѣлось .	1921 ч.	1170 ч.	951 ч.
Мѣщанства	2852 »	3852 »	2611 »
Мастеровыхъ и ремесленниковъ.	494 »	417 »	261 »
Фабрикъ и заводовъ .	82 »	48 »	219 »

Это сопоставленіе показываетъ, что заводская промышленность всецѣло сосредоточилась тогда въ одномъ Архангельскѣ, какъ въ единственномъ жизненномъ пунктѣ всей торгово-промышленной дѣятельности нашихъ сѣверныхъ губерній.

Онъ-же, Архангельскъ, по удобству своего положенія, и по причинѣ существовавшаго заграницею спроса, вызвалъ и громадную судостроительную дѣятельность не только въ прилежащихъ къ нему мѣстахъ, но даже и за предѣлами губерніи. Такъ, къ концу XVIII в. въ одной Архангельской губерніи насчитывалось до 15 корабельныхъ верфей, и 7 в Вологодской.

Одновременно съ такою крупною промышленностью, плоды которой, къ сожалѣнію шли большею частію на усиленіе иностранныхъ флотовъ, умножалось и наше Бѣломорское судоходство въ такихъ приморскихъ пунктахъ, каковы Кола, Кемь, Сума, Онега и Мезень. Ежегодно къ Архангельской ярмаркѣ приходило до 300 и болѣе поморскихъ судовъ съ продуктами, добытыми на Мурманѣ, Новой Землѣ и на Шпицбергенѣ, для промѣна на муку и др. харчевые припасы. Тогдашнія цѣны всѣмъ продуктамъ и припасамъ стояли на ярмаркѣ слѣдующія:

Соленая семга продавалась	отъ	80 к.	до 1 р.	80 к.	пудъ.
Палтосина		70 »	» 1 »	60 »	»
Треска соленая		35 »	» — »	70 »	
сухая		90 »	1 »	80 »	
Сало тресковое		60 »	1 »	75 »	»
Морошка		25 »	1 »	50 »	ушатъ,

что доказываетъ тожественность прежнихъ и нынѣшнихъ цѣнъ на вышесказанные предметы, и что разница только въ самой цѣнности денегъ: считавшееся прежде на ассигнаціи, нынѣ

уже считается на серебро. То же слѣдуетъ сказать и относительно цѣнъ на харчевые припасы.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины Великой, установившаяся было наша торговая политика, по отношенію внѣшней торговли, пошатнулась значительно и подверглась колебаніямъ, по причинѣ возникшаго усложненія политическихъ отношеній Россіи съ тѣми государствами, съ которыми издавна она вела коммерцію. Въ 1793 г., прерывая сношенія съ Франціею, по милости начавшагося тамъ республиканскаго движенія, Императрица новымъ тарифомъ сего года воспретила приходъ къ россійскимъ портамъ французскихъ судовъ съ товарами и за товарами, и въ то же время были ею подвергнуты строжайшему запрещенію ко ввозу въ Россію многіе мануфактурные товары и предметы роскоши, какъ галантерейныя вещи, французскія вина, высшіе сорты тканей, посуда, обои, кареты, зеркала и т. п. ([37]).

Преемникъ ея, Императоръ Павелъ, относясь къ французской республикѣ болѣе снисходительно, тотъ часъ же снялъ запрещеніе, тяготѣвшее надъ французскими товарами, и дозволилъ привозить послѣдніе къ россійскимъ портамъ на нейтральныхъ судахъ, кромѣ впрочемъ предметовъ роскоши. За тѣмъ, отмѣнивъ тарифъ 1793 г., опубликовалъ въ 1797 г. новый, съ увеличеніемъ пошлинъ на такіе ввозные предметы, какъ сахаръ, вина, фрукты и т. п., и на малую часть вывозныхъ товаровъ, въ числѣ которыхъ напр. хлѣбъ, подвергся удвоенной пошлинѣ, при отпускѣ его за море. Самая пошлина, по новому тарифу, устанавливалась ефимками въ 1 р. 40 к. каждый, а не въ 1 р. 25 к., какая была установлена тарифомъ 1793 г. Запрещеніе-же привоза въ Россію предметовъ роскоши оставлено въ полной силѣ и по новому тарифу ([38]).

Всѣ эти мѣры, существеннымъ образомъ, преслѣдовали главную экономическую цѣль: возстановить, по возможности, процентное отношеніе пошлинъ къ современнымъ цѣнамъ то-

([37]) *Лодыженскій*. Исторія Русскаго таможеннаго тарифа. Стр. 152 и 153.

([38]) *Лодыженскій*. Исторія Русскаго таможеннаго тарифа. Стр. 157.

варовъ, много повысившихся къ концу XVIII в., сравнительно съ прежними цѣнами.

Не много позже, въ силу новыхъ политическихъ комбинацій, Павелъ подвергъ Англію почти такому же запрещенію, какому Екатерина подвергла французскую республику. Словомъ, наша внѣшняя государственная политика съ конца XVIII в. взяла видимый перевѣсъ надъ торговою, и стала сообразоваться съ союзными договорами болѣе, нежели съ экономическими потребностями государства.

Но и при такихъ тарифныхъ перемѣнахъ, торговая инерція была на столько сильна, что цифры привоза и отпуска товаровъ не только не уменьшились, но наоборотъ, постепенно увеличивались, и особенно при Петербургскомъ и Рижскомъ портахъ, куда исключительно дозволено было привозить всѣ незапрещенные тарифомъ товары. Все это говоритъ въ пользу взаимныхъ народныхъ нуждъ, не поддававшихся никакимъ тарифнымъ запрещеніямъ. Такъ напр.:

Въ 1797 г. къ Арханг. порту было	привезено на	574,909	руб.
	отпущено на	2,420,657	»
1798 »	привезено на	646,892	
	отпущено на	2,521,425	
» 1799 »	привезено на	460,028	
	отпущено на	2,555,252	
1800 »	привезено на	264,157	
	отпущено на	3,289,988	
1801 »	привезено на	444,393	
	отпущено на	3,659,303	

Такимъ образомъ, торговый перевѣсъ въ пользу отпуска русскихъ товаровъ, былъ въ 1801 г. на 3 милл. 213 тысячъ рублей. Но еще громаднѣе торговый балансъ былъ за это время у другихъ нашихъ портовъ.

	Къ Петербург. порту.	къ Рижскому.
Въ томъ-же 1797 г. привезено было товаровъ на	19,374,114 р.	2,490,540 р.
отпущено	32,213,900 »	10,412,383 »
Въ томъ-же 1798 г. привезено было товаровъ на	26,830,175 »	4,150,783 »
отпущено	36,130,191 »	11,849,184 »
Въ томъ-же 1799 г. привезено было товаровъ на	20,531,154 »	2,803,390 »
отпущено	38,169,924 »	12,514,092 »

	Къ Петербург. порту.		въ Рижскому.	
Въ томъ-же 1800 г. привезено было товаровъ на	20,070,935	»	5,075,001	»
отпущено	32,100,296	»	9,881,035	»
Въ томъ-же 1801 г. привезено было товаровъ на	27,074,118	»	5,182,234	»
отпущено	30,918,515	»	14,323,905	»

Въ черноморскихъ-же портахъ за это время привозъ товаровъ превышалъ вывозъ ([39]).

И такъ, вотъ какое торговое движеніе сказалось во время царствованія Императора Павла I, когда протекціонная система стала уступать мѣсто новѣйшимъ экономическимъ ученіямъ о свободѣ торговли.

Въ заключеніе этой главы, намъ остается упомянуть о событіи, завершившемъ грознымъ образомъ для Архангельска XVIII вѣкъ.

Въ 1793 г.. іюня 26, въ день памяти св. мученицы Параскевы, когда по заведенному обычаю горожане почти поголовно отправлялись для празднованія и гулянья на Кегостровъ, противоположный городу островъ, въ центрѣ Архангельска вспыхнулъ такой сильный пожаръ, какого старожилы, видавшіе на своемъ вѣку пожары, не могли и запомнить. Разлитію пламени, при поднявшемся вихрѣ, очень много помогли бревенчатыя мостовыя и тѣсная постройка старинныхъ домовъ, съ ихъ крытыми дворовыми мѣстами. Пылали не только дома и мостовыя, но горѣла и самая тундристая подъ ними почва, такъ что при пустотѣ города локализовать огонь не представлялось никакой возможности даже для лучшей пожарной команды, а не только для тогдашней, совершенно ничтожной, по огнегасительнымъ средствамъ.

Пожаръ длился двое сутокъ и очистилъ старый Архангельскъ на пространствѣ отъ нынѣшней Воскресенской улицы до Театральной—съ одной стороны, а съ другой—отъ береговаго обруба и до самыхъ болотъ, лежащихъ позади обывательскихъ строеній. Погорѣли: три каменныя церкви (Троицкій соборъ, Рождественская и Воскресенская); уничтожено: 18 казенныхъ домовъ, между которыми сгорѣли Банковая

([39]) Ахр. Д-а Там. Сбор. Балансовыя вѣдомости.

контора, Городской Магистратъ, домы Приказа Общественнаго Призрѣнія, гдѣ помѣщались присутственныя мѣста и Главное Народное училище; 883 дома обывательскихъ, изъ которыхъ 6 каменныхъ, и 180 лавокъ. Всего-же погорѣло 14 каменныхъ и 1075 деревянныхъ строеній ([40]). Про этотъ пожаръ можно уже сказать, что онъ дѣйствительно способствовалъ украшенію города. Получивъ въ ссуду, милостью Императрицы 38 т. руб., Архангельскъ сталъ обстраиваться по вновь присланному въ 1794 г. плану, отвѣчающему въ главныхъ деталяхъ нынѣшнему городскому расположенію. Этому возрожденію изъ пепла предшествовала перестройка старинныхъ Гостинныхъ дворовъ, оконченная въ 1790 г. превращеніемъ Русскаго Гостиннаго двора въ нынѣ существующій *Таможенный замокъ*. Средняя часть обширныхъ дворовъ не безъ особаго труда была сломана, и на очищенномъ мѣстѣ поставленъ тогда-же деревянный тюремный замокъ. Сѣверный-же корпусъ, т. е. бывшій Нѣмецкій Гостиный дворъ, былъ приспособленъ для монетнаго дѣла, но по отдаленности рудныхъ пріисковъ, мысль о чеканкѣ монеты не получила своего осуществленія, и зданіе оставалось долгое время празднымъ, продолжая однако носить названіе *Монетнаго двора*. Только въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, бывшій Нѣмецкій Гостиный дворъ, или, вѣрнѣе сказать, его руины, своеобразно украшавшія городъ своею сѣдою стариною, были окончательно сломаны, и этимъ уничтоженіемъ зданія старипнаго зодчества, какъ-бы прерывалась уже всякая связь съ прошедшимъ величіемъ Архангельска,—тѣмъ величіемъ, на которое такъ краснорѣчиво указывало самое долголѣтнее существованіе этихъ безмолвныхъ руинъ.

([40]) Арх. Губ. В. 1843 г., № 52, и 1847 г. № 37.

Глава XVI.

Развитіе купеческаго судостроенія при Императорѣ Александрѣ I. — Начало сношеній съ Сѣверо-Американскими Штатами. — Бѣломорская сельдяная компанія. — Золотые годы Архангельскаго порта. — В. А. Поповъ и его промышленная дѣятельность.

Царствованіе Императора Александра I, совпавшее съ началомъ текущаго столѣтія, раскрыло окончательно основную мысль Екатерининской эпохи. Для Александра I, какъ и для Екатерины II, вещественное и нравственное благосостояніе всѣхъ россійскихъ сословій служило цѣлью, а государство— средствомъ. Торговля и промышленность первыми почуяли на себѣ слѣды этой царственной заботливости, чему доказательствомъ служатъ законоположенія, относящіяся до судостроенія.

Такъ въ 1800 г. состоялось разрѣшеніе на постройку русскихъ коммерческихъ судовъ изъ казенныхъ дачъ, съ умѣренною платою попенныхъ денегъ, сообразуясь съ длиною строившагося судна, причемъ для лучшей постройки было дозволено брать корабельнаго мастера отъ ближайшаго адмиралтейства. Снабженное отъ послѣдняго аттестатомъ, новопостроенное судно могло уже пускаться въ дальнее плаваніе (¹). На основаніи этой льготы, Архангельская губернія къ 1804 г. имѣла уже построенными 58 коммерческихъ судовъ, принадлежавшихъ мѣстному купечеству (²). Тому же купечеству раз-

(¹) П. С. З. 1800 г., № 16724. Немного ранѣе сего, въ 1799 г., еще Императоръ Павелъ въ видахъ поощренія судостроенія разрѣшилъ Колянамъ, Кемлянамъ, Онежанамъ, Сумлянамъ и Мезенцамъ вырубать лѣса безъ платежа попенныхъ денегъ, съ тѣмъ однако, чтобы вырубленный лѣсъ они употребили единственно на свои надобности, но отнюдь не для отпуска за море. (П. С. З., указъ 1799 г. марта 13).

(²) П. С. З. 1806 г. № 21,996. Къ 1806 г. одинъ Сумскій посадъ имѣлъ уже до 148 судовъ, изъ которыхъ 80 было собственно мореходныхъ. (Тамъ же № 22,207).

рѣшалось отправлять за море сосновый и еловый лѣсъ въ половину корабельнаго груза, тогда какъ иностранцамъ подобная отправка воспрещалась, кромѣ необходимо нужнаго на дрова ([3]). Въ томъ же 1800 г., для поощренія русскаго купечества вести непосредственную заграничную коммерцію, были установлены денежныя *преміи* за каждый рейсъ съ товарами къ иностраннымъ портамъ, и обратно, при чемъ пользованіе преміей разрѣшалось въ теченіи 8 лѣтъ со времени ея учрежденія, считая время со дня выдачи судоваго аттестата хозяину судна. Экипажъ же каждаго новаго корабля снабжался паспортомъ на 3 года ([4]). При этомъ льготномъ условіи, въ случаѣ недостатка въ вольнонаемныхъ матросахъ, разрѣшалось купечеству требовать отъ адмиралтейства по 4 матроса на корабль, съ платою за ихъ службу отъ Коммерцъ-Коллегіи ([5]). Ликвидаціонныя въ портахъ коммисіи, учрежденныя Императоромъ Павломъ въ 1800 г., по причинѣ наложенія амбарго на англійскіе корабли, были немедленно закрыты, и англійская торговля получила свободный доступъ къ нашимъ портамъ, какъ и всѣхъ другихъ націй. Казалось, внѣшней и внутренней нашей торговлѣ и промышленности предстояло испытать тѣ-же благодѣтельныя послѣдствія, какими ознаменовалась Екатерининская эпоха, и испытаніе это наступило бы непремѣнно, еслибы Наполеоновскія войны не повліяли на благія намѣренія юнаго Государя. «Извѣстно всѣмъ,—объявлялъ Императоръ Александръ I въ своемъ манифестѣ 1801 г.,—что съ пресѣченіемъ торговли и отпуска россійскихъ произведеній за море, земледѣльцы и поселяне, лишаясь способовъ сбывать свои избытки, лишились бы съ тѣмъ вмѣстѣ и средства къ безбѣдному себя содержанію. Уваженіе къ ихъ состоянію паче, нежели другіе виды, заставило насъ отверзть всѣ источники торговли, и поставить ее въ полномъ ея теченіи, дабы польза ея, развиваясь на всѣ

---

(3) П. С. З. 1800 г. № 16,724.

(4) Тамъ же, № 19,624.

(5) Тамъ же, 1802 г. № 20,225. Воспользовалось ли наше купечество преміями—никакихъ свѣдѣній мы въ архивахъ не нашли.

состоянія, наипаче способствовала къ поощренію земледѣлія» ([6]).

Такіе широкіе начала легли было въ основу новаго царствованія. Они не замедлили принести свои плоды и отразились, между прочимъ, и на Архангельской внѣшней торговлѣ. Къ 1804 г. въ Архангельскѣ имѣлись 4 русскія коммерческія конторы, ни въ чемъ неуступавшія иностраннымъ: Алексѣя Попова съ сыновьями, Степана Митрополова, Ксенофонта Анфилатова и Павла Дудина. Кромѣ этихъ конторъ, непосредственную заграничную торговлю вели Машковцовы, вдова Латышева съ сыномъ, Башмаковъ, Савватѣевы, Платуновы и др. Всѣ они производили коммерцію за свой счетъ и, большею частію, на своихъ корабляхъ. Изъ нихъ вологодской купецъ Митрополовъ и вятской Анфилатовъ имѣли даже съ 1802 г. свою торговую контору въ Лондонѣ. Иностранныхъ же коммерческихъ конторъ насчитывалось за это время въ Архангельскѣ восемь: Родіона Фанбрина; Беккера, Бранта и Родде; Брюста и К°; Артура Кейли и К°; Менсендейка, Гембри и К°; Моргана и К°; Гаррисона и К° и Даніеля Мекензи ([7]).

Обороты внѣшней торговли у Архангельскаго порта съ 1801—1807 г. были слѣдующіе:

Годы.	Число кораблей.	Привозъ иностр. товаровъ.	Отпускъ русскихъ товаровъ.
1801	160	446,393 р.	3,659,303 р.
1802	216	549,677	4,663,020
1803	267	504,506	4,770,547
1804	102	388,668	2,221,552
1805	238	389,872	3,728,545
1806	218	285,733	4,030,296
1807	177	587,263	3,235,666

([6]) П. С. З. № 19,812.

([7]) Дѣла Коммерцъ-Коллегіи 1802 г. № описи 275, № 496, связ. 15; 1805 г. № описи 144, эксп. 2, № 1123, связ. 32. *Фонъ-Пошманъ.* Опис. Арх. губ. 1802 г. Т. II.

Слѣдовательно, наибольшій перевѣсъ русскихъ товаровъ составлялъ сумму въ 4,266,041 р., въ 1803 г. (8). Сообразно торговому балансу, таможенная пошлина достигала до 358 т. руб. Хлѣбные и другіе припасы для заграничнаго отпуска подвозились къ Архангельску на баркахъ, полубаркахъ, обласахъ, павозкахъ, карбасахъ, лодкахъ, плотахъ, паромахъ и завозняхъ. На нихъ же подвозились предметы и для внутренней торговли, какъ напр. солодъ, лукъ, уголье, кора березовая на кожевенную надобность, льняное, маковое и орѣховое масла, быки и коровы, окорока и соленая говядина, языки, медъ и воскъ, яблоки, пряники, орѣхи, чай черный и зеленый, хмѣль, проволока желѣзная, краски, клей, крахмалъ, огурцы и сибирскіе пушные товары. Въ какомъ количествѣ было развито за это время наше внутреннее плаваніе, чтобы доставить требовавшіеся припасы на архангельскую ярмарку и для заграничнаго отпуска, видимъ изъ данныхъ за 1804 и 1805 годы, во время которыхъ въ приплавѣ имѣлось:

барокъ	въ 1804 г.	119,	въ 1805 г.		144.
полубарокъ	»	» 22	»	»	23
каюковъ		59			64
обласовъ		65			78
павозковъ		19			24
карбасовъ		337			367
плотовъ		1460			1444
паромовъ		60			33
лодокъ		55			62
завозней		14			11.

Число рабочихъ на всѣхъ этихъ судахъ простиралось въ 1804 г. до 8168 ч. и въ 1805 г. 9300 ч. Поморскихъ же судовъ приходило къ ярмаркѣ отъ 400 и до 550, такъ что торговый оборотъ промышленниковъ былъ на сумму отъ 466 т. и до 597 т. рублей (9).

Промышленныхъ заведеній въ Архангельскѣ имѣлось: кир-

(8) Арх. Д-а Т. Сб. Балансовыя вѣдомости съ 1797 и по 1807 г.

(9) Дѣла Коммерцъ-Коллегіи 1805 г. № описи 144, эксп. 2, № 1123, связ. 32

пичныхѣ заводовъ 2, каменной посуды 1, смольныхъ 3, коптиленныхъ 4, салотопенныхъ 5, красиленныхъ 9, для дѣланія сажи 1, мыловаренныхъ 2, кожевенныхъ 6, канатныхъ 12, прядильныхъ 7, певоваренныхъ 2, свѣчныхъ 3, сушиленныхъ 6, солодовенныхъ 8, пивоваренныхъ 9, медоваренныхъ 1, водочной 1, сахарный 1, кузницъ 28, мельницъ вѣтряныхъ 5.

Смотря на число промышленныхъ заведеній за данное время, находимъ, что промышленное производство, сравнительно съ производствомъ 1791 г., значительно уменьшилось, и что причину этого явленія искать слѣдуетъ не только въ духѣ времени, быстро измѣняющемъ занятія жителей, но и въ уменьшеніи заграничнаго спроса на нѣкоторые предметы, какъ напр. на канатное производство; а также уменьшеніе стало дѣйствительно замѣчаться съ той поры, какъ иностранцы, и особливо англичане, пожелали разводить коноплю на мѣстѣ, въ своихъ колоніяхъ.

Изъ болѣе замѣчательныхъ мѣстныхъ купцовъ, выступившихъ на коммерческую арену въ концѣ прошлаго XVIII в., обращаетъ на себя вниманіе Алексѣй Ивановичъ Поповъ, какъ пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ не только въ своемъ отечествѣ, но и заграницею, между тамошними коммерсантами, имѣвшими съ Поповымъ торговыя дѣла.

Происходя изъ крестьянъ Архангельской губерніи и уѣзда, Поповъ родился въ 1743 г., и первая торговая его дѣятельность началась не ранѣе 1774 г., когда онъ послалъ въ Амстердамъ собственный корабль съ хлѣбнымъ товаромъ. Прочность корабля, и его морскія качества, обратили на себя вниманіе голландцевъ, и съ того времени, по ихъ заказамъ, Поповъ ежегодно на своей корабельной верфи (бывшей Крыловской) сталъ строить на продажу суда, при помощи такого извѣстнаго мастера, какимъ былъ Кочневъ, и въ то же время на своихъ корабляхъ повелъ самостоятельную внѣшнюю торговлю съ Англіей, Голландіей и Гамбургомъ. Съ 1790 г., коммерческая его дѣятельность настолько расширилась, что онъ учредилъ въ Архангельскѣ первый торговый домъ подъ фирмою *Алексѣй Поповъ съ сыномъ*. За свою честную, безукоризненную дѣятельность, А. И. получилъ неограниченное

довѣріе въ средѣ голландскихъ и гамбургскихъ купцовъ, поручавшихъ ему вести ихъ коммисіонныя дѣла. За успѣхи по кораблестроенію и по отправленію общественныхъ въ городѣ обязанностей по званію Городскаго Головы, Поповъ въ 1805 г. былъ награжденъ золотою медалью на Александровской лентѣ, а ранѣе этого, въ 1799 г. московское купечество избрало его въ члены Коммерцъ-Коллегіи, какъ человѣка, обладавшаго по коммерціи большими практическими свѣдѣніями. Онъ умеръ въ 1805 г. ([10]).

Сынъ его, Василій, былъ еще болѣе замѣчательнымъ дѣятелемъ на коммерческомъ поприщѣ, но объ его дѣятельности сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Поощреніе, которымъ стали пользоваться россійское судостроеніе и мореплаваніе, не замедлило возбудить въ средѣ купечества особую предпріимчивость въ изысканіи новыхъ рынковъ, для возможнаго расширенія раіона торговыхъ операцій. Не далѣе, какъ въ 1805 г., къ тогдашнему Министру Коммерціи графу Н. П. Румянцеву поступила отъ вятскаго купца Анфилатова, имѣвшаго, какъ мы видѣли, торговый домъ въ Архангельскѣ, нижеслѣдующая просьба, которую, какъ характеристику времени, помѣщаемъ дословно:

«Поощряемъ будучи неусыпнымъ Вашего Сіятельства о распространеніи Россійской внѣшней торговли и кораблеплаванія попеченіемъ, построилъ я въ Архангельскѣ собственно мнѣ принадлежащихъ пять кораблей, которые нынѣ продолжаютъ плавать только въ Европейскіе порта.

Мое желаніе—стремиться начать торговлю непосредственно въ Сѣверо-Американскія области и доставлять туда наши продукты и товары, а напротивъ того, привозить оттолѣ тамошнія произведенія на собственныхъ Россійскихъ корабляхъ, куда и намѣренъ отправить отъ С.-Петербургскаго и Архангельскаго портовъ изъ оныхъ три корабля. Но какъ первый опытъ сопряженъ со многими излишними расходами, сверхъ того статься можетъ по новости, что наши товары тамъ, а тамошніе здѣсь продать по необходимости должно

([10]) Арх. Губ. В. 1852 г., № 10.

будетъ въ убытокъ, въ вознагражденіе чего осмѣливаюсь Ваше Сіятельство покорнѣйше просить исходатайствовать у Его Императорскаго Величества Высокомонаршую милость, какую Высочайшей волѣ даровать будетъ благоугодно». Высочайшая воля послѣдовала того же 1805 г. декабря 29. «Я поручаю вамъ—говорилось въ именномъ указѣ на имя Министра Коммерціи—объявить ему (Анфилатову) Мое благоволеніе и принять мѣры, чтобы первые три корабля въ Россіи построенные и ему, Анфилатову, принадлежащіе и отправленные отъ него изъ здѣшняго или Архангельскаго порта съ Россійскими товарами въ Соединенные Штаты, отпущены были безъ взиманія тарифныхъ пошлинъ; и равнымъ образомъ какъ скоро помянутые три корабля съ Американскими товарами прибудутъ въ которые либо порты Наши, пошлинъ съ привозимыхъ на тѣхъ корабляхъ товаровъ не брать...» (11).

Такая Монаршая милость была безпримѣрна въ лѣтописяхъ россійской внѣшней торговли.

Корабли «Іоганнесъ Бабтистъ», «Михаилъ» и «Ксенофонтъ», вышедшіе въ 1806 г. къ американскимъ берегамъ, возвратились благополучно въ свои порты, привезя нижеслѣдующіе колоніальные товары: гвоздику, гвоздичную головку, мушкатные орѣхи, перецъ, инбирь, какао, каролинское пшено, сахарный песокъ, сандалъ различныхъ цвѣтовъ, брусковую краску, лавръ, корицу, красное дерево, кофе, ромъ, шоколадъ и ликеры. Со всего количества привезенныхъ товаровъ, по исчисленію таможенъ, требовалось бы заплатить пошлины до 1 м. руб.,—сумму, пожертвованную, такъ сказать, успѣху частнаго торговаго предпріятія!

Но не одно только русское мореплаваніе пользовалось такою щедростью; не меньшее поощреніе было оказано въ то же время и нашей морской промышленности.

Въ 1803 г., подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государя Императора, состоялось акціонерное учрежденіе, такъ называвшейся, *Бѣломорской компаніи*, по проекту архан-

(11) Арх. Д-та Т. Сбор. Дѣло Министра Коммерціи 1805 г. № описи 670, Эксп. 1, № 1128, связ. 32.

гельскихъ купцовъ Дорбекера, Анфилатова и Попова, цѣлью которой имѣлось возможное усовершенствованіе и распространеніе сельдяныхъ и китоловныхъ на сѣверѣ промысловъ, по образцу, существовавшему въ Голландіи. Важности задачи соотвѣтствовали и безпримѣрныя привиллегіи, дарованныя компаніи на 25 лѣтъ. Они состояли въ слѣдующемъ: 1) Компанейскіе корабли освобождались отъ всякихъ казенныхъ надобностей въ военное время и отъ платежа ластовыхъ денегъ въ россійскихъ портахъ. 2) Компанейскимъ кораблямъ дарована премія, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія 1 ноября 1800 г. 3) Морское министерство обязывалось, по требованію компаніи, давать на ея корабли матросовъ и офицеровъ. 4) Дозволялось компаніи, на время ея существованія, привозить безпошлинно изъ Испаніи и Португаліи соль, для посола рыбы, въ количествѣ до 50 т. пуд. 5) Привозить изъ Норвегіи безпошлинно рыбу и торговать ею внутри и внѣ государства. 6) Раіонъ дѣйствій компаніи обнималъ не только Бѣлое море, но и острова Шпицбергенъ, Новую Землю, Колгуевъ, вообще Сѣверный океанъ и Ледовитое море. ([12]).

Екатерининская гавань (въ Кольской губѣ) и самая Кола поступили въ распоряженіе компаніи, первая—для компанейскихъ судовъ, вторая—какъ складочный пунктъ.

Казалось, при такихъ преимуществахъ, какъ не быть успѣху дѣла, когда въ немъ патріотическое участіе принималъ самъ Министръ Коммерціи, но практика показала, что одной доброй воли еще далеко недостаточно при предпріятіяхъ подобнаго рода, и что требовались для того выборъ свѣдущихъ лицъ и изученіе мѣстныхъ условій, безъ чего и доброе намѣреніе уподоблялось зданію, созидаемому на пескѣ. Акціонерный капиталъ (по 250 р. акція) былъ собранъ только въ количествѣ 139 т. руб., а съ пособіемъ отъ казны достигъ до 444 т. руб. Выборъ лица, для веденія всего дѣла, палъ на Гессенъ-Кассельскаго купца Дорбекера, ведшаго въ Ар-

---

([12]) П. С. З. 1803 г. № 20,893.
Дѣла Д-та Внѣшней Торговли 1829 г. № описи 3943, № 15, связ. 343.

хангельскѣ заграничную торговлю, и доказалъ въ сотый разъ, что уроки прошедшаго пропали для насъ безслѣдно, и что мы со времени Петра Великаго ничему не научились.

Директоръ компаніи, не сдѣлавъ никакихъ предварительныхъ распоряженій по части устройства рыбацкой ватаги, солильнаго завода и бочарнаго заведенія, какъ обезпечивавшихъ начало дѣла, приступилъ немедленно къ пріобрѣтенію морскихъ судовъ, неводовъ, къ выпискѣ изъ Голландіи 15 ч. мастеровъ (фишеровъ) за дорогую плату и на готовое содержаніе, чтобы въ первый же годъ начать производить ловъ сельдей; но, увы, и самыя суда и невода оказались на опытѣ никуда непригодными, какъ приготовленные для ловли сельдей, по голландскому образцу, на отмелыхъ мѣстахъ, тогда какъ въ Бѣломъ морѣ, при его глубинѣ и сильномъ теченіи, сельди ловятся только при берегахъ. Это то пренебреженіе мѣстныхъ условій и уронило все предпріятіе въ самомъ корнѣ. А между тѣмъ, на наемъ судовъ, на покупку неводовъ, на дорогое содержаніе фишеровъ, конторъ, прикащиковъ и рабочихъ, большая часть собраннаго капитала ушла безвозвратно. Графъ Румянцевъ, какъ покровитель компаніи, видя такую неудачу, далъ отъ себя 70 т. р. съ тѣмъ, чтобы къ сельдяной промышленности прибавить еще новую—отпускъ судовъ на Шпицбергенъ для промысла моржей, песцовъ и оленей. Опять была сдѣлана закупка всего необходимаго, и построили три корабля, изъ которыхъ одинъ предназначался для китовой ловли, два же другихъ—для отвоза рыбы въ С.-Петербургъ.

Но—деньги таяли, а результатъ получался микроскопическій. Пробовала было компанія въ 1806 г. отвозить на своихъ корабляхъ хлѣбъ въ Норвегію, для промѣна на рыбу, но этотъ опытъ, какъ и ловъ сельдей у береговъ, встрѣтилъ сильную оппозицію поморовъ, увидѣвшихъ, что компанія рѣшилась окончательно лишить ихъ куска хлѣба своими дѣйствіями, почему новая комбинація компаніи осталась безуспѣшною. Въ распоряженіи компаніи находилось 11 кораблей и столько же транспортовъ ([13]). Главное правленіе находилось

([13]) Тамъ же.

Богдановичъ. Исторія царствованія Императора Александра I. Т. I, стр. 241.

въ Петербургѣ. Разрушенію компанейскихъ дѣлъ помогли дѣятельно иностранцы, никогда не могшіе видѣть равнодушно усиленія торговаго флота Россіи и успѣха морскихъ промысловъ; на этотъ разъ они прибѣгли уже не къ скрытымъ проискамъ, какъ дѣлывали ранѣе, но къ открытой военной силѣ. Въ 1806 г., появившееся въ Сѣверномъ океанѣ военное судно подъ французскимъ флагомъ, сожгло нашъ китоловный трехъмачтовый корабль, вышедшій было въ море на промыслы, а въ 1809 г. англичане, по случаю войны съ Россіею, придя къ Кольской губѣ, истребили въ Екатерининской гавани большую часть компанейскаго имущества. Влача кое-какъ дальнѣйшее существованіе, пресловутая Бѣломорская компанія въ 1813 г. ликвидировала свои дѣла. Гора родила мышь.

Помимо неумѣлости, причина безуспѣшности скрывалась глубже, и именно—въ тѣхъ политическихъ обстоятельствахъ, въ какихъ тогда находилось наше отечество, ведя послѣдовательно войны то съ Франціею, то съ Англіею,—войны, парализовавшія свободное плаваніе не только компанейскихъ, но и всѣхъ россійскихъ судовъ. То была тяжелая пора для Россіи.

Вся наша внѣшняя торговля, условіями Тильзитскаго мира, поставлена была въ весьма критическое положеніе, потому-что этими условіями Россія приняла на себя обязательство, по отношенію къ Англіи, дѣйствовать во всемъ согласно съ видами Императора французовъ, а эти виды были направлены къ нанесенію ущерба англійской торговлѣ. На дѣлѣ же оказалось, что система дѣйствій Наполеона причиняла вредъ не однимъ англичанамъ, но и намъ. Напр. въ 1808 г., въ силу принятыхъ Россіею обязательствъ, прекращены были съ Англіею всѣ торговыя сношенія, и корабли ея въ нашихъ портахъ были конфискованы; слѣдствіемъ же этой конфискаціи было то, что сумма отпуска сырыхъ нашихъ произведеній тогда же понизилась, что вредно отразилось на всемъ нашемъ государственномъ хозяйствѣ. Для того, чтобы выйти изъ затруднительнаго и унизительнаго положенія, былъ изданъ правительствомъ въ 1810 г. новый тарифъ, статьями котораго разрѣшался привозъ колоніальныхъ товаровъ на судахъ подъ

нейтральнымъ флагомъ, а слѣдовательно могли быть продукты и изъ британскихъ колоній. Этимъ разрѣшеніемъ Россія открыто снимала съ себя путы Тильзитскихъ условій, и открывала свои порты всѣмъ нейтральнымъ судамъ.

Новый тарифъ былъ приснаровленъ къ тому, чтобы поправить финансовое положеніе государства увеличеніемъ отпуска россійскихъ товаровъ и ограниченіемъ въ тоже время привоза иностранныхъ, а особливо предметовъ роскоши. Чрезъ запрещеніе-же привоза иностранныхъ фабрикатовъ получалась возможность оживить русскую промышленность ([14]).

Хотя Европейскія моря и не представляли, по видимому, гарантіи для свободнаго плаванія торговымъ судамъ, по причинѣ бдительнаго надзора Франціи за своею и англійскою торговлею, и вообще за соблюденіемъ континентальной системы, тѣмъ не менѣе, въ силу новаго тарифа, торговые корабли устремились ко всѣмъ нашимъ портамъ, и произвели въ нихъ чрезвычайное, небывалое оживленіе. Этотъ фактъ до очевидности показалъ, какое удручающее вліяніе имѣла континентальная система на всю вообще Европейскую торговлю, система, противная первымъ здравымъ началамъ государственной экономіи. Благодаря принятію Россіей торговли какъ-бы подъ свою защиту, получился, такъ сказать, широкій каналъ, при помощи котораго Европейскія государства могли получать изъ Россіи всѣ главные предметы для своихъ необходимыхъ потребностей и для своихъ мануфактуръ, равно и сбывать въ нее излишекъ своихъ товаровъ. Слѣдствіемъ такой обоюдной потребности, торговый балансъ Россіи быстро возвысился, и достигъ во время Отечественной войны до небывалаго размѣра. Такъ напр. въ 1804 г. общій привозъ иностранныхъ товаровъ достигалъ до 49 м. р., а вывозъ до 59 м. р., тогда какъ въ 1812 г. привозъ составлялъ 89 м. р. и вывозъ 147 м. р. Къ однимъ балтійскимъ портамъ, находившимся всего ближе къ театру военныхъ дѣйствій, привозъ товаровъ былъ на сумму 47 м. р., и отпускъ на 83 м. р., и это въ

([14]) *Лодыженскій.* Стр. 165 и 167.

іюлѣ, августѣ и сентябрѣ, когда Наполеоновы полчища подступили къ самому сердцу Россіи ([15]).

Не одни Европейцы, но и Американцы устремились въ россійскіе порты. Въ это время и Архангельскій портъ торговалъ на славу.

Въ 1809 г. привозъ составлялъ	5,304,141 р.,	отпускъ	7,053,721 р.
1810 г. » »	9,043,695 р.,	»	11,361,677 р.
1811 г, » »	13,898,577 р.,	»	9,011,201 р.
1812 г. » »	8,713,083 р.,	»	10,609.158 р.

Такимъ образомъ, въ 1811 г., благодаря географическому положенію Архангельска, исключавшему всякую опасность для торговаго движенія судовъ, привозъ товаровъ былъ такъ великъ, что превышалъ отпускъ на 5 м. руб.; такая торговля при огромномъ количествѣ выпущенныхъ ассигнацій, приносила явный ущербъ нашимъ финансовымъ интересамъ, потому что достоинство ассигнаціоннаго рубля, упавшаго къ 1812 г. до 50 к. цѣнности, понизилось при вексельномъ его курсѣ до такой степени, что напр. въ 1805 г. нашъ рубль принимался не иначе, какъ за 1 р. 25 к., въ 1809 г. уже за 2 р. 39 к., а въ 1811 г. за 4 р. 15 к. ([16]).

Главнѣйшими статьями привоза въ это время были: сахарный песокъ, шолкъ, хлопчатая бумага, шерсть, бумажныя матеріи, металлы, соль, чай, аптекарскіе матеріалы и масло деревянное.

Слѣдуетъ замѣтить, что при вышесказанной торговой горячкѣ, когда привозными товарами переполнялись купеческіе амбары и палаты гостиныхъ дворовъ, приходъ къ Архангельску кораблей былъ, сравнительно съ прежними годами, не только не великъ, какъ-бы слѣдовало ожидать, но даже малъ, за исключеніемъ одного лишь 1810 г., когда въ приходѣ было 309, а въ отходѣ 368. Въ 1811 г. было въ приходѣ 152, въ отходѣ 244 кор., и въ 1812 г. въ приходѣ только 148, въ томъ числѣ русскихъ 45, въ отходѣ 116, въ томъ числѣ русскихъ 29.

([15]) Дѣла Д-та Внѣшней Торговли. 1814—1816 г. № описи 3639, разд. 4, связ. 276.

([16]) Тамъ же. *Богдановичъ:* Императоръ Александръ I-й и его время. 1869 г. Т. III, прилож. къ главѣ 27.

За это горячее торговое время русское купечество было уже окончательно оттѣснено иностранцами на послѣдній планъ во внѣшней торговлѣ. Такъ въ 1812 г., изъ иностранныхъ у Архангельска купцовъ, Амбургеръ велъ внѣшній торгъ на сумму 2,613,677 р.; Брантъ, Родде и К° на сумму 1,455,647 р., Лауеръ, Дэвисъ и К° на сумму 1,634,391 р., Морганъ на сумму 825,807 р., Ольдекопъ на сумму 1,157,972 р., Шольцъ на 1,227,500 р., и изъ русскихъ только фирма Попова на сумму 109,236 руб. (17).

Коснувшись этой почтенной фирмы, не можемъ не остановиться на ея дѣятельности, потому что въ первые годы текущаго столѣтія, дѣятельность фирмы служила какъ бы фокусомъ всѣхъ россійскихъ интересовъ въ краѣ въ торгово-промышленномъ отношеніи.

Представителемъ фирмы былъ Василій Алексѣевичъ Поповъ, достойнѣйшій сынъ А. И. Попова, крупный коммерческій дѣятель, заслуживающій благодарную память потомства. По чрезвычайной своей разносторонности и плодотворности, эта дѣятельность и поучительна и любопытна.

Она началась съ 1784 г., когда будучи еще 17-лѣтнимъ юношею, В. А. уже вступилъ въ управленіе отцовскими дѣлами по отпускной хлѣбной торговлѣ. Основательно образованный по тому времени и лично знакомый съ торговыми центрами Англіи и Голландіи, Поповъ настолько поддержалъ славу россійскихъ кораблей отцовской верфи, что съ 1804 и по 1819 г. состоялъ въ Архангельскѣ повѣреннымъ по страхованію судовъ отъ 34 гамбургскихъ страховыхъ обществъ.

Въ этотъ же періодъ онъ успѣлъ принести пользу не только родному Архангельску и краю, но, скажемъ смѣло, и отечеству.

Такъ въ 1805 г., бывъ избраннымъ на должность архангельскаго Городского Головы, В. А. подаетъ по начальству проектъ о сооруженіи черезъ р. Кузнечиху *плавучаго моста*, для соединенія, на время навигаціи, города съ Соломбалою, вмѣсто существовавшаго изстари карбаснаго перевоза; и

---

(17) См. Виды внѣшней торговли за 1812 г.

самъ же осуществляетъ свой проектъ, оказавъ, такимъ образомъ, благодѣтельное вліяніе не только горожанамъ и соломбальцамъ, но и торговому сношенію Архангельска съ купеческою гаванью въ Соломбалѣ. Въ это-же время, чрезвычайно разумными доводами отражаетъ предъ Министромъ Коммерціи проектъ купца Анфилатова о перенесеніи торговли изъ Соломбальской гавани въ р. Маймаксу, проектъ, бывшій уже близкимъ къ осуществленію, поддержанный иностраннымъ купечествомъ и частью русскаго, въ видахъ яко-бы лучшаго движенія торговли на избранномъ въ р. Маймаксѣ мѣстѣ.

43 русскихъ иногородныхъ купцовъ и морское вѣдомство во главѣ, поддержали доводы Попова, и этою солидною поддержкою портовая торговля была избавлена отъ неудобнаго и пагубнаго въ пожарномъ отношеніи перемѣщенія центра скопленія судовъ, изъ обширной гавани въ узкость Маймаксскаго рукава. Въ 1804 г. по проекту В. А. учреждается въ Архангельскѣ общественный запасный хлѣбный магазинъ, дающій возможность купечеству не оставлять 1/5 съ отпуска хлѣба, возобновленной было съ 1801 г., а вносить лишь по 25 коп. съ каждой отпускавшейся за море четверти ржи и пшеницы.

Въ 1806 г. Поповъ получаетъ разрѣшеніе доставить по контракту 30 т. пудовъ муки русскимъ войскамъ, находившимся въ Пруссіи, и доставляетъ этотъ хлѣбъ въ Мемель на своихъ 6 корабляхъ, жертвуя при этомъ отъ себя на милицію 7,250 пуд. муки. Въ 1808 г., по случаю начавшейся войны между Даніей и Англіей, зная, что норвежскіе порты блокируются англичанами, и что поэтому Норвегія нуждается въ хлѣбѣ, Поповъ, по заключеніи условія съ датскимъ министромъ Блюмомъ, поставляетъ въ Норвегію благополучно 18 т. четвертей ржи, а въ 1809 г. еще 50 т. четвертей на 55 корабляхъ, изъ которыхъ нѣкоторые терпятъ въ море крушенія, три корабля достаются въ руки англійскимъ крейсерамъ, но остальные достигаютъ цѣли и сдаютъ хлѣбный грузъ. Не менѣе изумительна и судостроительная предпріимчивость В. А.

Онъ производилъ постройку не только коммерческихъ, но и военныхъ судовъ. Въ 1809 г. на р. Свири имъ было построено, съ подряда, 134 военныя судна; въ 1810 г. при

Архангельскомъ портѣ 25 торговыхъ кораблей на продажу, а собственныхъ имѣлъ онъ къ сему времени до 26 кораблей, совершавшихъ рисковыя заграничныя плаванія. Всего-же, за время коммерческой дѣятельности, имъ было построено свыше 200 судовъ! Весьма понятно, что счастіе не всегда сопутствовало патріотическимъ его предпріятіямъ, что корабли его, случалось, терпѣли крушенія и погибали вмѣстѣ съ грузомъ, или-же становились добычею непріятельскихъ крейсеровъ; подобныя неудачи и привели наконецъ въ разстройство торговыя дѣла Попова, который около 1816 г. настолько вынужденъ былъ сократить свои торговые обороты, что производилъ заграничную коммерцію хлѣбомъ и льнянымъ сѣменемъ только уже на 6 своихъ корабляхъ, а въ 1818 г. его торговый домъ и окончательно закрылся. Оцѣнивая полезные труды русскаго негоціанта, правительство въ 1806 г. наградило Попова золотою медалью на Андреевской лентѣ, за проектъ хлѣбнаго магазина; въ 1808 г. возвело его въ званіе Коммерціи Совѣтника; въ 1809 г. золотою медалью, бриліантами украшенною, на Владимірской лентѣ, за усердіе къ пользѣ казны постройкою 70 военныхъ судовъ, и за мѣры, предохранившія архангельскій портъ отъ покушенія непріятеля; въ 1814 г. бронзовою медалью въ память войны 1812 г., за пожертвованіе 5 т. руб. на ополченіе. Будучи не разъ избираемъ на должность архангельскаго Городского Головы, В. А. исправлялъ одно время и обязанность норвежскаго Консула въ Архангельскѣ. Мало того, онъ же былъ сахарнымъ заводчикомъ съ 1809 г., когда по случаю войны Россіи съ Англіею, начался усиленный привозъ къ нашимъ портамъ сахарнаго песку, вмѣсто прежде доставлявшагося англичанами рафинированнаго сахара. Выгода отъ такой замѣны была для заводчиковъ очевидная, потому что рафинадъ стоилъ тогда въ продажѣ до 70 р. пудъ, сахарный-же песокъ до 35 р. пудъ.

Съ этого времени стали повсемѣстно открываться въ Россіи сахарные заводы, почему Поповъ не замедлилъ построить въ Архангельскѣ два сахарные завода. Послѣднимъ актомъ его плодотворной дѣятельности было учрежденіе въ 1847 г., по его проекту, въ Архангельскѣ Городскаго Общественнаго

Банка, на счетъ мѣстныхъ доходовъ. В. А. скончался въ званіи биржеваго маклера въ Петербургѣ, въ томъ-же 1847 г., ноября 15 ([8]).

Будучи членомъ Коммерческаго Совѣта, Поповъ какъ человѣкъ съ свѣтлымъ умомъ, глубокими практическими познаніями и вѣрнымъ взглядомъ, оставилъ потомству нѣсколько брошюръ о нашей внутренней и внѣшней торговлѣ, о торговомъ балансѣ, о вексельномъ курсѣ и пр., напечатанныхъ въ 1831 и 1833 г.г. Здѣсь у мѣста привести его мнѣнія о различныхъ торговыхъ вопросахъ, не потерявшихъ своего значенія и понынѣ, чтобы достойнымъ образомъ заключить очеркъ коммерческой дѣятельности этого по истинѣ замѣчательнаго въ торговомъ мірѣ человѣка.

Такъ, въ одной изъ своихъ брошюръ, касавшейся нашей льняной промышленности, В. А. писалъ, что «Россія, обладая въ большомъ количествѣ отличнѣйшимъ произведеніемъ — льномъ, отдаетъ его три пуда за одинъ пудъ хлопчатой бумаги, а за одинъ пудъ бумажной пряжи отдаетъ отъ 8 до 10 пудовъ льна. Крестьянки наши — говоритъ онъ — издревле пряли изъ своего льна пряжу, ткали полотна тонкія и толстыя, употребляя ихъ на рубашки и окрашивая для сарафановъ, не находя въ бумажныхъ тканяхъ никакой надобности; но употребляя ихъ, мы тогда и десятой части ихъ не получали изъ чужихъ краевъ, а слѣдовательно и денегъ иностранцамъ не платили; нынѣ же, когда крестьянки обратились къ употребленію бумажныхъ издѣлій, хотя льняныя втрое добротнѣе первыхъ, то за 500 т. пудовъ бумажной пряжи и тканей, получаемыхъ нами отъ англичанъ, мы отдаемъ 5 м. пудовъ льна и пеньки и еще доплачиваемъ наличными до 10 м. рублей асс.!...

Изъ этого оказывается, — продолжаетъ онъ, — что наше государство платитъ иностранцамъ великія суммы за тотъ

([18]) Арх. Губ. В. 1852 г., № 10.

Арх. Д-а Т. Сбор. Дѣла Коммерцъ-Коллегіи 1805 г. № описи 1521, Экс. 2, № 1122, связ. 32.

В. А. Поповъ. «Разсужденіе о балансѣ торговомъ». 1831 г., стр. 58.

Дѣла Д-а Внѣшней Торговли. № описи 1719 г., № 552, связ. 151.

трудъ, которымъ сами мы можемъ и должны заняться, и тѣмъ сберегать капиталы, нерѣдко вовсе напрасно отъ насъ выходящіе. Впрочемъ, хотя бы наши полотна и не дошли еще прочностью до Голландскихъ, но уже любовь къ отечеству заставляетъ предпочтительнѣе употреблять собственное издѣліе, чѣмъ иностранное. Въ Австріи — говоритъ Поповъ — не стѣсняя любителей иностраннаго, дозволено выписывать заграничныя сукна и другія ткани, но не на продажу, а только для собственнаго потребленія, и съ платежемъ пошлины 60°/₀. Взгляните на Индію: еще не прошло ста лѣтъ, какъ она снабжала всѣ четыре части свѣта бумажными тканями, а теперь сама получаетъ ихъ изъ Англіи. Россію снабжали мануфактурными издѣліями и другими тканями Франція, Голландія и Англія, а теперь мы сами уже многое дѣлаемъ для себя, и даже для отпуска за границу. По обширности нашего отечества, разнообразію нашего климата, богатству почвы, по многолюдству и нашимъ способностямъ, почему мы не можемъ предполагать возможнымъ довести нашу промышленность до того, чтобъ не только довольствовать себя всѣмъ нужнымъ своимъ, но и отправлять избытки другимъ народамъ? Это зависитъ совершенно отъ насъ самихъ, а не отъ кого-либо другаго. Во многомъ мы еще мало имѣли опытовъ, *чтобы оцѣнить себя*, и узнать тѣ огромныя средства, которыми надѣлила насъ природа; мы мало разсуждали, и теперь только усматриваемъ, что у насъ есть, и что мы можемъ дѣлать. *Еслибы* — заключалъ Поповъ — *корабельная промышленность у насъ распространилась, и если во внѣшней торговлѣ мы будемъ снабжены особенными правами, тогда вывозъ нашихъ произведеній весьма умножится; тогда большую часть нашихъ произведеній мы сами будемъ вывозить за море, а тѣмъ и внутренняя наша промышленность усилится, процвѣтетъ, праздныя руки займутся дѣломъ, и трудъ достойно будетъ цѣниться»* (¹⁹). Вотъ золотая правда человѣка, всю жизнь трудившагося для пользы отечества на торговопромышленномъ поприщѣ! Мы желали обратить на нее особенное

(¹⁹) «Разсужденіе о балансѣ торговомъ, о внѣшней торговлѣ и о вексельномъ курсѣ».

вниманіе лицъ, интересующихся торгово-промышленнымъ состояніемъ современной России.

Глава XVII.

Архангельскъ въ первые годы текущаго столѣтія. — А. Θ. Клокачевъ. — Слѣды посѣщенія Архангельска Императоромъ Александромъ I. — Тарифъ 1819 г. — Прекращеніе русской заграничной коммерціи. — Вильгельмъ Брандтъ. — Упадокъ купеческаго судостроенія. — Пререканія русскаго купечества съ мѣстною администраціею.

Послѣ огромнаго пожара 1793 г., опустошившаго Архангельскъ, городъ сталъ быстро обстраиваться, благодаря денежному вспомоществованію Императрицы Екатерины II и средствамъ мѣстнаго купечества. Погорѣвшія церкви были возобновлены къ 1805 г., и въ этотъ промежутокъ времени въ Нѣмецкой слободѣ успѣли построить реформатскую каменную церковь, вмѣсто деревянной, а въ верхней части города, на кладбищѣ, въ 1807 г. возникла новая каменная *Ильинская* церковь, на средства мѣстнаго купца Якова Никонова. Такимъ образомъ, число всѣхъ церквей насчитывалось къ 1812 г. въ Архангельскѣ 12, и изъ нихъ деревянныхъ было только 2. Прочаго строенія, послѣ пожара 1793 г. тоже, сравнительно, увеличилось, какъ видимъ изъ того, что въ 1812 г. уже имѣлись: казенныхъ каменныхъ домовъ 16, деревянныхъ 18, общественныхъ каменныхъ 4, деревянныхъ 12 и обывательскихъ: каменныхъ 17, деревянныхъ до 1000 домовъ. Лавокъ имѣлось каменныхъ 36, деревянныхъ 183. Сообразно этой обстройкѣ, возросло и городское населеніе: въ 1803 г. жителей было 10,369 ч., а къ 1812 г. 15,098 ч. (¹). Только въ наличномъ числѣ городскихъ училищъ не произошло перемѣнъ. Число осталось то же, но перемѣнились названія, сообразно духу времени.

Народное училище было переименовано въ 1803 г. въ *Губернскую гимназію*; находившаяся съ 1786 г. при Народномъ училищѣ Мореходная школа, переведенная изъ Холмо-

(¹) Дѣла Коммерцъ-Коллегіи 1805 г. № описи 144, эксп. 2, № 1123, связ. 32.

торъ, была присоединена въ 1802 г. *къ Военно-сиротскому отдѣленію*, замѣнившему съ 1798 г. старинную гарнизонную городскую школу. По отношенію-же внѣшняго благоустройства, Архангельскъ въ это время на столько не щеголялъ чистотою своихъ улицъ, что весною и осенью послѣднія представляли невылазную грязь, вслѣдствіе того, что уничтоженная пожаромъ 1793 г. деревянная мостовая улицъ не была уже возобновляема. Хотя въ 1803 г. и началось было мощеніе улицъ камнемъ, при военномъ губернаторѣ Беклешевѣ, но не продолжалось его преемниками. Весьма недурною иллюстраціею, рисующею Архангельскъ съ этой именно стороны, можетъ служить маленькій инцидентъ съ каретою адмирала Спиридова, которая на главной улицѣ, передъ домомъ гражданскаго губернатора, завязла въ глубокой грязи такъ, что только усиліями многихъ людей была вытащена изъ ямы!... Но съ 1814 г., со времени вступленія въ должность военнаго губернатора и главнаго командира архангельскаго порта контръ-адмирала А. Ѳ. Клокачева (²), Архангельскъ ощутилъ

(²) Алексѣй Ѳедотовичъ Клокачевъ, сынъ вице-адмирала Ѳ. А. Клокачева, дѣятеля Екатерининскаго времени, началъ службу въ Преображенскомъ полку сержантомъ, и въ 1783 г. былъ опредѣленъ на флотъ съ чиномъ лейтенанта и съ назначеніемъ въ адъютанты къ Ѳ. А. Клокачеву. Съ 1785 — 1788 г. ежегодно находился въ кампаніяхъ въ Балтійскомъ морѣ, а со времени начала шведской войны участвовалъ въ сраженіяхъ Гогландскомъ и Роченсальмскомъ, командуя въ послѣднемъ катеромъ «Соколъ». За отличіе, оказанное въ Роченсальмскомъ сраженіи, въ 1789 г., былъ произведенъ въ первый штабъ офицерскій чинъ. По 1795 г. плавалъ ежегодно на судахъ гребнаго флота въ Финскомъ заливѣ, а съ 1795 — 1796 г., командуя фрегатомъ «Ревель», въ эскадрѣ В. А. Ханыкова, находился въ крейсерствѣ у береговъ Англіи и въ Нѣмецкомъ морѣ, послѣ чего командовалъ фрегатомъ «Эммануилъ», на которомъ въ 1797 г. Императоръ Павелъ I совершилъ плаваніе съ флотомъ отъ Кронштадта до Сескаря. Въ слѣдующемъ году, командуя кораблемъ «Изяславъ», А. Ѳ. былъ вторично у англійскихъ береговъ въ эскадрѣ в.—а. Макарова, и возвратился въ Кронштадтъ въ 1799 г., имѣя уже чинъ капитана 1 ранга. Въ 1802 г. за спасеніе съ погибшаго въ Нѣмецкомъ морѣ корабля «Принцъ Густавъ», флагмана, офицеровъ и команды, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст., и тогда же за 18 морскихъ кампаній, совершенныхъ на моряхъ Азовскомъ, Черномъ, Балтійскомъ и Нѣмецкомъ— орденомъ св. Георгія 4 класса. Въ 1808 г. А. Ѳ. произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ въ должность Ѳеодосійскаго военнаго губернатора. Въ 1811 г. онъ состоялъ въ должности флотскаго начальника при Арханг. портѣ, а въ 1813 г. ноября 4 вступилъ въ должность главнаго командира того же порта

крупную перемѣну во всѣхъ отношеніяхъ. Разносторонняя дѣятельность новаго военнаго губернатора благотворно обнимала не только Архангельскъ, съ его городскими и торговыми интересами, не только самый военный портъ съ Соломбалою включительно, но простиралась и до дальныхъ уѣздовъ губерніи. Это былъ замѣчательный администраторъ и хозяинъ, чему подтвержденіемъ служатъ нижеслѣдующіе неопровержимые факты. Начнемъ съ его преобразованій по военному адмиралтейству.

1) При вступленіи своемъ въ должность, Клокачевъ увидѣлъ, что въ адмиралтействѣ не имѣлось ни одной доски, ни для кораблестроенія, ни для береговыхъ строеній, и ни одного бревна, для распиловки въ доски. Не было ни мачтоваго сарая, и ни одной сколько нибудь годной мастерской, потому что старые по ветхости были уже разломаны, а новыхъ возводить было не изъ чего. Въ такомъ критическомъ положеніи, Клокачевъ тогда-же прибѣгнулъ къ содѣйствію частныхъ лицъ, испросивъ у послѣднихъ заимообразно лѣсъ, и возвелъ не только мастерскія, но и устроилъ, для разбивки корабельныхъ членовъ *чертежную*, которой до этого времени не существовало при портѣ. 2) Прежде при портѣ было обыкновеніе имѣть всегда для кораблестроенія вольныхъ плотниковъ и прочихъ мастеровыхъ, на наемъ которыхъ шла сумма отъ 100 т. до 300 т. руб. въ годъ. При Клокачевѣ же кораблестроеніе стало производиться одними казенными людьми безъ всякаго вольнаго найма. Сбереженіе казенныхъ денегъ было чувствительное. 3) Такъ какъ для перевозки полнаго за баръ груза, всегда требовалось большое число вольнонаемныхъ судовъ, по крайней ограниченности казенныхъ транспортовъ, то и было въ правилѣ подряжать эту перевозку по условлен-

---

и военнаго губернатора, съ управленіемъ и гражданскою частью. Въ 1819 г. А. Ѳ. былъ произведенъ въ вице-адмиралы, а въ слѣдующемъ назначенъ въ должность военнаго губернатора трехъ смежныхъ губерній: Архангельской, Вологодской и Олонецкой, и въ этомъ новомъ званіи пробылъ по день своей смерти, послѣдовавшей въ 1823 г. янв. 7, въ Вологдѣ. Имѣлъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, св. Анны 1 ст. и св. Владиміра 2 ст. (*Ѳ. Ѳ. Веселаго*: Общій морской списокъ. Т. III).

ной цѣнѣ съ пуда, но съ тѣмъ, чтобы нанятыя суда, вымѣривъ въ длину, ширину и глубину, вычислить, какое количество пудовъ груза можетъ поднять судно, и за это исчисленное число платились судохозяину фрахтовыя деньги, что вело иногда къ тому, что за судно, нагруженное пустыми бочками или сухарями, вѣсъ которыхъ составлялъ примѣрно 2 т. пудовъ, платилось однако за 10 т. пуд. грузу, согласно сдѣланному судовому обмѣру. Клокачевъ повелъ дѣло хозяйственно. Онъ постановилъ правиломъ: не дѣлать ни вычисленій, ни обмѣровъ, но платить фрахтовыя деньги за дѣйствительное количество груза, и съ этою цѣлью всѣ безъ изъятія корабельныя вещи, отъ пушки и баласта до послѣдняго блока и веревки, были приведены въ точный вѣсъ. Такимъ распоряженіемъ Клокачевъ достигнулъ новой значительной экономіи для казны, и т. д. въ этомъ родѣ.

Скажемъ теперь, что сдѣлалъ Клокачевъ собственно для Архангельска и его коммерціи, и какія заслуги были имъ оказаны въ хозяйственномъ отношеніи для всей губерніи.

1) Систематическою осушкою города, вымощеніемъ всѣхъ главныхъ улицъ камнемъ, съ устроенными вдоль всѣхъ домовъ деревянными тротуарами, и разведеніемъ въ 1820 г. общественнаго городскаго сада, Клокачевъ сообщилъ Архангельску тотъ чистоплотный видъ, которымъ городъ щеголяетъ и понынѣ.

2) До 1816 г. Архангельскіе жители были крайне отягощаемы различными городовыми повинностями, на удовлетвореніе которыхъ, по недостатку мѣстныхъ доходовъ, должны были дѣлать ежегодно особенный денежный сборъ, ложившійся всею тяжестью на мѣщанство. Для облегченія послѣдняго, по мысли В. А. Попова, Клокачевъ исходатайствовалъ скидку этого сбораза—мѣною *полупроцентнаго* взиманія въ пользу городскихъ доходовъ со всѣхъ привозныхъ и отпускныхъ отъ порта товаровъ, чрезъ что избавилъ и крестьянъ отъ ежегоднаго платежа 18 т. руб., собиравшагося съ нихъ въ пособіе Архангельску на содержаніе воинскаго постоя, а городъ сталъ получать ежегодно отъ 20 т. и даже до 90 т. рублей. 3) При вступленіи Клокачева въ должность военнаго

губернатора оказалось, что общественный городской хлѣбный магазинъ, устроенный, какъ мы видѣли, купечествомъ въ 1804 г., не имѣлъ въ 1814 г. и половины той положенной пропорціи хлѣба, какая въ количествѣ до 400 т. пуд. должна была имѣться въ магазинѣ. Кромѣ сего, и отпущенная въ разныя времена заимообразно отъ казны мѣстному обществу сумма до 400 т. рублей, на заведеніе этого магазина, не только не была еще вся выплачена, но даже не всѣ поступили и проценты. Чрезъ такое упущеніе, допущенное предшественниками Клокачева, и произошло, что когда въ 1810 г. случился въ губерніи неурожай, то общественный магазинъ не принесъ никакой пользы, а Высочайше ассигнованная въ томъ году на пособіе жителямъ сумма свыше 100 т. руб., по несвоевременности, не достигла цѣли, и въ 1811 г. крестьяне остались и безъ сѣмянъ и безъ хлѣба. Повторившійся неурожай 1814 г. грозилъ уѣздамъ Пинежскому и Мезенскому совершеннымъ голодомъ. Клокачевъ, въ данномъ случаѣ распорядился энергично и разумно. Онъ успѣлъ склонить немедленно почетное мѣстное купечество къ денежному пожертвованію, которое и собрано въ количествѣ 23 т. р. На эту сумму закупилъ и роздалъ въ сказанные уѣзды хлѣбъ и доставилъ туда-же потребное количество сѣмянъ, для засѣва полей къ слѣдующему 1815 г., чѣмъ и предотвратилъ грозившія краю бѣдствія. Но чтобы и на будущее время отстранить подобную нужду, Клокачевъ прибѣгнулъ къ содѣйствію того же купечества, и своими благоразумными доводами успѣлъ достигнуть того, что съ 1815 г. купечество согласилось платить по 50 к. съ четверти ржи и пшеницы, а съ 1817 г. — уже по 1 руб., и этимъ способомъ запасный магазинъ былъ наполненъ положенною пропорціею хлѣба, а къ 1820 г. и весь заимообразный капиталъ, выданный обществу, былъ уплаченъ въ казну сполна. Затѣмъ, по внесеніи этого капитала, Клокачевъ съумѣлъ убѣдить торгующее при портѣ купечество вносить *навсегда* по 25 коп. съ каждой четверти отпускавшагося за море хлѣба, и по 10 к. съ овса и ячменя, и этимъ способомъ составился особый при хлѣбномъ магазинѣ капиталъ,

помощію котораго явилась возможность на будущее время постоянно пополнять запасы, не прибѣгая болѣе къ пособіямъ казны, и въ то же время учреждать въ мѣстахъ наиболѣе безхлѣбныхъ свои запасные сельскіе магазины, по образцу учрежденныхъ въ 1816 г. Клокачевымъ магазиновъ въ уѣздахъ Пинежскомъ, Мезенскомъ и Кемскомъ. Въ благодарность за содѣйствіе купечества, Клокачевъ былъ усерднымъ ходатаемъ о всевозможныхъ нуждахъ послѣдняго по облегченію торговли при портѣ.

4) По его ходатайству въ 1818 г., согласно желанію купцовъ: Алексѣя Попова сыновей, Афанасія Амосова, Ксенофонта Анфилатова, Родде, Брандта, Штопа, Гернета, Клефекера, Гольбома, Ольдекопа, Шольца, Беккера и Гамбургера, была упразднена Новодвинская таможенная застава, какъ служившая къ одному только тормазу и вреду архангельской коммерціи, и перенесена къ Соломбальской гавани, гдѣ и нынѣ находится. 5) По ходатайству того-же купечества, для лучшаго успѣха дѣла, Клокачевъ усилилъ лоцманскую станцію на Мудьюжскомъ островѣ, а въ 1818 г. перенесъ эту станцію далѣе за баръ, на Никольскую косу, чтобы идущіе съ моря корабли уже не встрѣчали никакого затрудненія въ лоцманахъ, причемъ и самый баръ оградилъ большимъ количествомъ бакановъ. 6) Въ видахъ облегченія частнаго судостроенія въ губерніи, исходатайствовалъ въ 1820 г. разрѣшеніе о присылкѣ плановъ и чертежей судовъ на утвержденіе въ контору главнаго командира Архангельскаго порта, а не въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, куда обыкновенно такіе чертежи отсылались судохозяевами, и этимъ разрѣшеніемъ значительно выигрывалось у послѣднихъ время при постройкѣ судовъ ([3]). И такъ, вотъ неотъемлемыя заслуги А. Ѳ. Клокачева предъ Архангельскимъ портомъ за 19-лѣтнее его управленіе губерніею.

1819 годъ—годъ посѣщенія Архангельска Государемъ Императоромъ Александромъ Благословеннымъ, увѣнчалъ, такъ ска-

---

([3]) Главн. Морс. арх. Дѣла канцеляріи Морскаго Министра. 1818 и 1820 г. №№ 3852 и 692.

зать, заслуги военнаго губернатора новыми Монаршими милостями, испрошенными имъ, преимущественно въ пользу Архангельска, для успѣшнаго развитія портовой торговли. Императоръ прибылъ 28 іюля, вечеромъ, и посѣтивъ Троицкій Соборъ, остановился въ домѣ купца Брандта, находившемся на набережной, противъ сахарнаго завода. Слѣдующіе два дня были посвящены Государемъ подробному осмотру городскихъ учрежденій, военнаго порта и Новодвинской крѣпости; затѣмъ былъ принятъ балъ, данный городскимъ обществомъ въ домѣ купца Ольдекопа на Менсенденковской улицѣ. Обѣщавъ гражданамъ черезъ два года снова посѣтить Архангельскъ, Государь выѣхалъ 31 іюля въ обратный путь, (1) оставя неизгладимое впечатлѣніе въ сердцахъ очевидцевъ. Въ память же своего посѣщенія, дарованы были Государемъ архангельскому городскому обществу нижеслѣдующія льготы, перечисленныя въ указѣ, данномъ Сенату отъ 10 марта 1820 года.

1) «Архангелогородское купеческое общество всѣхъ гильдій, прочнымъ образомъ въономъ водворенное, равно и мѣщанство, освободить на 20 лѣтъ отъ платежа въ казну всѣхъ установленныхъ по гильдіямъ и по мѣщанству сборовъ и податей, исключая взимаемыхъ на удовлетвореніе городскихъ расходовъ и прочихъ земскихъ повинностей».

2) «Вновь записывающихся въ Архангелогородское купечество и мѣщанство, какъ изъ иностранцевъ, вступающихъ въ подданство Россіи, такъ и изъ внутреннихъ губерній, кои водворятся въ Архангельскѣ прочнымъ образомъ, и дѣйствительно торговлю и промысла при портѣ и въ городѣ производить будутъ, освобождать отъ платежа въ казну податей и сборовъ по гильдіямъ и мѣщанству въ теченіи 20 лѣтъ».

3) «Къ большему облегченію записывающихся вновь въ Архангелогородское градское общество освобождать отъ выборовъ въ общественныя службы и должности изъ иногородныхъ впродолженіи одного трехлѣтія, а изъ иностранцевъ впродолженіи двухъ трехлѣтій».

---

(1). Подробности пребыванія Государя Императора Александра I въ Архангельскѣ заключаются въ Арх. Губ. В. 1839 г., №№ 50 и 51.

4) «Всякій вновь поселяющійся въ Архангельскѣ и записывающійся въ Архангелогородское градское общество обязанъ внести въ Думу, купецъ за одинъ годъ ту самую сумму, какую бы онъ долженъ заплатить въ казну съ объявленнаго своего капитала, а мѣщанинъ 50 рублей, разумѣя сборъ сей въ пользу города, кромѣ того, что по обыкновенной раскладкѣ общества съ купцовъ и мѣщанъ слѣдовать будетъ на городскія общественныя нужды и повинности».

5) «Третьей гильдіи купцовъ не принимать иначе въ 1-ю и 2-ю гильдіи, какъ по одобренію купцовъ сихъ же самыхъ гильдій, Думы и Магистрата, предоставя особенный за симъ имѣть надзоръ Военному Губернатору».

6) «При всякомъ переводѣ купцовъ изъ низшей въ высшую гильдію предоставить Архангелогородской градской Думѣ получать въ пользу города ту самую сумму, какую бы должно ему было внести за годъ въ казну съ объявленнаго капитала, разумѣя оный доходъ кромѣ того, что по обыкновенной раскладкѣ общества доводиться будетъ на городскія общественныя нужды и повинности».

7) «Обанкротившіеся купцы не могутъ записываться и быть принимаемы въ купцы 1-й и 2-й гильдіи города Архангельска, какъ постепенно вступая по гильдіямъ, начиная съ низшей 3-й гильдіи и переходя изъ одной въ другую черезъ 5 лѣтъ, т. е. съ начала изъ мѣщанъ въ 3-ю, потомъ черезъ 5 лѣтъ во 2-ю и т. д.» ([5]). Кромѣ сего, въ указѣ отъ 20 января того же 1820 г. обыватели города Архангельска были освобождены отъ воинскаго постоя, и Высочайше повелѣвалось: всѣ городскія казармы, полковой дворъ, гауптвахты, караульни, ордонансъ-гаузъ, которые содержались отъ города, и Новодвинскую крѣпость, обратить на содержаніе казны. Въ день же отъѣзда Государя изъ Архангельска, по представленію Военнаго Губернатора, были освобождены навсегда отъ пошлиннаго сбора, установленнаго въ 1818 г., всѣ рѣчныя, мелкія суда и плоты. Разрѣшено строить по набережной

([5]) Этотъ указъ нами найденъ въ частныхъ бумагахъ вице-адмирала А. Ѳ. Клокачева, сохраняющихся у родственника его капитана 2 ранга гвардейскаго экипажа Модеста Дмитріевича Клокачева, въ С.-Петербургѣ.

Двины деревянные дома, какъ болѣе соотвѣтствующіе климату, взамѣнъ каменныхъ, и—крестьянамъ уѣздовъ Архангельскаго, Кемскаго и Кольскаго, прощено до 67 т. руб. разнаго рода недоимокъ ([6]). Въ 1820 же году, указомъ отъ 7 марта, состоялось разрѣшеніе для архангельскихъ сахарнозаводчиковъ Брандта и Амосова, начавшихъ дѣятельность этого рода съ 1812 г., вносить въ казну *половинную* по тарифу пошлину съ получаемаго ими изъ заграницы сахарнаго песку, если послѣдній дѣйствительно будетъ перевариваться на мѣстныхъ заводахъ въ разные сорты головнаго сахара, для народной распродажи ([7]).

Признательные архангельцы, движимые благодарностью къ ходатайствамъ А. Ѳ. Клокачева, увѣнчавшимся такимъ блестящимъ образомъ, въ адресѣ отъ 13 января 1821 г., при поднесеніи Военному Губернатору золотаго кубка, выражали, что «праведно и нелицемѣрно чувствуя въ сердцахъ своихъ изліянныя отъ Монаршаго престола милости и благодѣянія, они всегда будутъ весьма благодарны своему Военному Губернатору за всѣ оказанныя Архангельскому городскому обществу заботы и попеченія; при чемъ подъ адресомъ значились слѣдующія подписи: Городскаго Головы Игнатія Карбасникова, купцовъ 1 гильдіи—Франца Шольца, Афанасія Амосова, Вильгельма Брандта, Карла Амбургера, Самуила Беккера, Егора Классена, Федора Клеферіера; купцовъ 2 гильдіи—Василія Амосова, Ивана Цинуева, Алексѣя Черепанова, Александра Плотникова, Семена Чернышева, Матвея Чернышева, Ивана Демидова, Николая Луговаго, Ѳедора Ермолина, Ивана Штутцера, Андрея Долгошеина, Александра Пятунникова, Якова Онегина; купцовъ 3 гильдіи — Ивана Гембри, Ивана Шундера, Ивана Вачанова, Василія Спиридонова, Семена Бурачкина, Ѳедора Денисова, Андрея Шамахова, Ивана Попова, Алексѣя Пятунникова, Василія Треушкова, Андрея Очапова, Михаила Полежаева, Матвея Первушина, Бориса Родде, Ивана Крысанова, Ѳедора Пругавина, Якова

([6]) Тамъ-же.

([7]) Дѣла Д-та Внѣшней Торговли. 1820 г. № описи 1502, № 335, связ. 138

Кустова, Александра Сидорова, Ивана Гернета и—мѣщанъ 19 ч. ([8]).

При отпѣваніи тѣла почившаго Военнаго Губернатора, въ Вологдѣ, января 9 1823 г., проповѣдникъ въ рѣчи своей охарактеризовалъ покойнаго дѣятеля, что онъ былъ великъ безъ гордости, снисходителенъ безъ лести и униженія, и заключилъ слово обращеніемъ къ гробу усопшаго: «Рыдаетъ о тебѣ Архангельскъ, яко лишился столь успѣшнаго ходатая предъ престоломъ Монарха Милосердаго». ([9]).

Познакомившись съ полезною дѣятельностью А. Ѳ. Клокачева, приступимъ теперь къ дальнѣйшему изложенію торговой жизни Архангельска, вступленіе которой въ новое, текущее столѣтіе было, какъ мы видѣли, весьма счастливое. Но, увы, это счастіе, въ смыслѣ собственно-русскихъ интересовъ, было однако непродолжительно, и портовою коммерціею завладѣло иностранное купечество, прочно водворившееся не только подъ благодѣтельнымъ небомъ Архангельска, но и при другихъ россійскихъ портахъ. Кромѣ мало-капитальности русскаго купечества, одною изъ весьма важныхъ причинъ, повліявшею окончательно на упадокъ его торговыхъ фирмъ былъ, по мнѣнію компетентныхъ торговыхъ дѣятелей, принципъ *свободной торговли*, вытѣснившій изъ позднѣйшихъ тарифовъ ту протекціонную систему, которая до времени царствованія Императора Павла I существовала напр. для русскихъ судовъ, производившихъ заграничную коммерцію. Пока преимущества сохраняли силу, цвѣла и русская заграничная торговля, и господствовали при нашихъ портахъ русскія торговыя фирмы. Но установившееся съ 1797 г. равенство тарифовъ, быстро измѣнило торговый характеръ и перевело всѣ выгоды на сторону иностранцевъ, какъ сильнѣйшихъ капиталами и опытностью. Тогда какъ тѣ же иностранцы, въ своихъ тарифахъ постоянно удерживали преимущества для торговли съ другими націями. Напр. въ англійскомъ тарифѣ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія бралась особая возвышенная пошлина съ това-

---

([8]) Частныя бумаги А. Ѳ. Клокачева.
([9]) Тамъ-же.

ровъ, привозившихся въ Англію не на англійскихъ, а на другихъ корабляхъ. Во французскомъ тарифѣ, за то же время, привозимые на иностранныхъ корабляхъ товары облагались въ пошлинахъ 25% выше, нежели на французскихъ. То же было и въ Испаніи, въ Швеціи, Голландіи и въ Америкѣ. (10).

Духъ *свободной торговли* всего рельефнѣе выразился въ 1819 г., когда наше правительство поспѣшило идти на встрѣчу установившимся, послѣ Наполеоновскихъ войнъ, дружественнымъ торговымъ связямъ между европейскими народами, и когда тарифомъ 1819 г. разрѣшило иностранцамъ ввозъ всевозможныхъ издѣлій въ россійскіе порты, освободивъ при этомъ отъ запрещенія даже предметы роскоши, ревниво до сего не дозволявшіеся къ привозу,—ввозъ, ознаменовавшійся въ 1820 г., такимъ громаднымъ наплывомъ къ нашимъ портамъ всякихъ безполезныхъ и ненужныхъ товаровъ, что сумма стоимости ихъ достигала не одной сотни милліоновъ! Въ этомъ году и къ Архангельскому порту привезено было товаровъ на сумму 5 м. р., тогда какъ около этого времени средній привозъ простирался не свыше 1 м. р. Очевидно, что такая свободная торговля грозила убить въ конецъ нашу мануфактурную промышленность, еслибы новый тарифъ 1822 г. не возстановилъ запретительныя статьи, введенныя тарифомъ 1816 г. Всѣ такія неблагопріятныя обстоятельства на столько дурно отразились на русской коммерціи при нашихъ портахъ, что по свидѣтельству современника, *въ 1828 г. отъ С.-Петербургскаго порта въ числѣ 109 отпускателей товаровъ, коренныхъ Россіянъ было только 4 дома, а въ Архангельскѣ не было уже ни одного, и тамъ уже третій годъ биржи нѣтъ, т. е. купечество на биржу не собирается.* (11).

И дѣйствительно, съ 1823 г. мы уже не встрѣчаемъ ни одного истинно-русскаго купца въ числѣ непосредственныхъ торговыхъ дѣятелей по отпускной торговлѣ Архангельска, но портовая коммерція съ этого именно времени получила не бывалое еще развитіе. Мѣстный купецъ Афанасій Амосовъ,

(10) *В. Поповъ.* Разсужденіе о торговомъ балансѣ и пр. 1831 г. Стр. 76.
(11) Тамъ-же. Стр. 80.

по упадкѣ торговаго дома Поповыхъ, былъ преимущественно корабельнымъ заводчикомъ въ Архангельскѣ, а за его смертію въ 1832 г. прекратилась у города и этого рода русская промышленность. Одна только Маймаксская корабельная верфь (бывшая Фанбрина), принадлежавшая купцу Вильгельму Брандту, продолжала долгое время съ успѣхомъ судостроеніе, напоминая собою минувшую дѣятельность такихъ крупныхъ заводчиковъ, какимъ нѣкогда былъ В. А. Поповъ. Въ то же время Брандтъ былъ и капитальнѣйшимъ представителемъ архангельской заграничной торговли, производившейся, кромѣ него, купцами Гамбургеромъ, Беккеромъ, Клефекеромъ, Морґаномъ, Мекензи, Родде, Кларкомъ, Молво и т. п. Умножаясь изъ году въ годъ, коммерческій оборотъ иностраннаго купечества у Архангельска достигъ въ 1831 г. до 15 м. р., и изъ этой суммы перевѣсъ въ пользу отпуска составлялъ небывалую еще цифру 13 м. руб! Однихъ таможенныхъ пошлинъ поступило въ 1831 г. 1 224 124 руб. ([12]). Что же вызвало неслыханную еще при архангельскомъ портѣ такую крупную коммерческую дѣятельность? Отвѣчаемъ—мѣропріятія тогдашняго министра финансовъ графа Канкрина, который съ полнымъ знаніемъ дѣла слѣдилъ вообще за успѣхами отечественной коммерціи, и за приращеніемъ таможенныхъ доходовъ, послѣдовательно подвергая тарифъ 1822 г. измѣненіямъ, въ смыслѣ увеличенія пошлинъ на привозные товары, сообразно съ потребностями внутренней нашей промышленности. Потому то за это время портовая коммерція процвѣтала не у одного Архангельска. И не грустно ли, что въ спискѣ дѣятелей по привозо-отвозу товаровъ, мы уже не видимъ ни одного купца съ русскимъ именемъ! Да, Фомины, Поповы, Митрополовы, Анфилатовы,—уступили свои мѣста болѣе счастливымъ соперникамъ.

Чтобы видѣть постепенный ходъ торговли у Архангельска, помѣщаемъ данныя съ 1823—1831 г., извлеченныя нами изъ *Видовъ Внѣшней торговли* за эти годы.

([12]) Дѣла Д-та Внѣшней Торговли. № описи 3714, № 23, раздѣлъ 4.

Въ 1823	г.	привозъ	товар.	былъ	на сум.	752,310	р.,	отвозъ	на	5,725,280	р.
1824	»	»	»	»	»	792,856	»	»	»	4,781,678	»
1825	»	»	»	»	»	834,024	»	»	»	7,788,540	»
1826	»	»	»	»	»	915,281	»	»	»	4,762,109	»
1827	»	»	»	»	»	1,338,285	»	»	»	9,018,483	»
1828	»	»	»	»	»	1,560,271	»	»	»	7,704,995	»
1829	»	»	»	»	»	1,290,444	»	»	»	13,640,367	»
1830	»	»	»	»	»	1,719,579	»	»	»	18,845,088	»
1831	»	»	»	»	»	1,155,872	»	»	»	14,750,756	»

Разсматривая за эти годы количество отпуска россійскихъ произведеній отъ Архангельскаго порта, замѣчаемъ весьма быстрое увеличеніе иностраннаго спроса на товары, составляющіе принадлежность *къ рукодѣліямъ и фабрикамъ*, также— на *обработанные въ разныхъ издѣліяхъ* и—*на жизненные припасы*. Въ отношеніи же привоза изъ за моря товаровъ, видимъ обратное явленіе по послѣднимъ двумъ категоріямъ: спросъ уменьшался; возросталъ же только на товары, служащіе къ рукодѣліямъ и фабрикамъ, т. е. что иностранная и россійская промышленность одинаково нуждались въ товарахъ этой категоріи. Среднее число приходившихъ ежегодно къ Архангельскому порту кораблей, за означенный періодъ было 354; всего болѣе было англійскихъ, потомъ шведскихъ, голландскихъ, гамбургскихъ, бременскихъ, ростокскихъ, датскихъ, французскихъ, португальскихъ и американскихъ.

За этотъ-же періодъ торговля другихъ нашихъ главныхъ портовъ, выражается въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Годы.	Число кораблей.		С.-Петербургскій.	Рижскій.	Одесскій.
1824	1098	Привезено на сумму.	120,423,890	13,915,868	6,946,714
	932				
	413	Отпущено.	97,066,608	41,065,728	13,039,573
1825	1263	Привезено	126,355,180	18,827,620	5,801,012
	1002				
	489	Отпущено.	116,472,244	45,150,657	20,029,370
1826	957	Привезено	1!2,949,607	14,494,060	6,879,504
	1002				
	579	Отпущено.	84,951,697	34,936,936	14,711,834
1827	1257	Привезено	122,851,307	16,410,875	10,185,367
	1396				
	855	Отпущено.	106,321,782	40,668,678	18,479,652

Годы.	Число кораблей.		С.-Петербургскій.	Рижскій.	Одесскій.
1828	1266	Привезено	121,235,300	15,440,299	5,735,225
	1162				
	180	Отпущено.	103,163,087	32,714,004	1,248,543
1829	1510	Привезено	131,460,969	16,014,753	5,416,468
	1403				
	285	Отпущено.	102,914,445	38,688,257	6,408,260
1830	1423	Привезено	113,637,633	13,747,489	10,505,219
	1241				
	844	Отпущено.	104,276,389	41,126,200	30,214,802
1831	936	Привезено	110,545,440	11,464,008	9,749,716
	1221				
	211	Отпущено.	105,397,128	47,326,151	19,019,420
1832	1404	Привезено	114,335,104	12,173,690	12,837,841
	1522				
	628	Отпущено.	106,913,975	39,203,813	22,184,387

Изъ этого сравненія видимъ, что по важности коммерческихъ оборотовъ, самыми выгодными для Россіи торговыми пунктами были *Рига*, *Одесса* и *Архангельскъ*.

Большинство иностраннаго купечества у Архангельска, за это время производило торговлю, каждый до 1 м. руб., а Вильгельмъ Брандтъ даже до 4 м. руб., независимо тѣхъ торговыхъ его операцій, которыя имъ производились одновременно и при Петербургскомъ портѣ. Вообще, въ исторіи Архангельской внѣшней торговли крупная дѣятельность этого коммерческаго свѣтила обращаетъ на себя исключительное вниманіе по грандіознымъ торговымъ размѣрамъ.

Вотъ нѣкоторыя біографическія данныя о Брандтѣ.

Уроженецъ Гамбурга, Брандтъ прибылъ въ Архангельскъ въ 1793 г. Здѣсь, ознакомившись зъ торговыми дѣлами фирмы Беккеръ и К°, онъ въ сообществѣ купца Родде открылъ въ 1801 г. торговый домъ подъ фирмою Родде, Брандтъ и К°, а съ 1812 г. сталъ дѣйствовать уже самостоятельно на торговомъ поприщѣ подъ фирмою «Вильгельмъ Брандтъ». Въ 1816 г. онъ прекратилъ было свою коммерческую дѣятельность, и даже оставилъ Архангельскъ, но не на долго, потому что съ 1820 г. мы видимъ Брандта снова въ Архангельскѣ,

владѣльцемъ Маймакской корабельной верфи, при которой онъ построилъ, совмѣстно съ купцомъ Классеномъ, лѣсопильный *паровой* заводъ для каждогодной распилки 50 т. деревъ, вырубавшихся по Двинѣ и ея притокамъ, и въ то же время капитальнѣйшимъ купцомъ, производившимъ заграничную коммерцію на собственныхъ корабляхъ. По свидѣтельству *Видовъ Внѣшней Торговли за 1826 г.*, одиннадцать кораблей Брандта плавали въ этомъ году съ товарами у береговъ Англіи и Америки, а всего къ 1832 г., онъ имѣлъ собственныхъ 23 большихъ корабля. Что корабли его, построенные русскимъ сарваеромъ крестьяниномъ Василіемъ Хабаровымъ, имѣли всѣ отличныя морскія качества и репутацію прочности, доказательствомъ служатъ тѣ-же *Виды Торговли* за 1824 г., гдѣ сказано, что Брантовскіе корабли пользуются въ Англіи и въ Америкѣ такимъ солиднымъ довѣріемъ, что за застрахованіе берется съ нихъ по 1%, наравнѣ съ лучшими англійскими дубовыми кораблями. Въ 1827 г. Брандтъ учредилъ свой торговый домъ и въ С.-Петербургѣ. При неустанной дѣятельности, строгой честности и благоразумной осторожности, онъ пріобрѣлъ заграницею такое неограниченное довѣріе къ своей фирмѣ, что иностранные купцы охотно адресовали корабли на его имя, такъ что въ 1827 г. онъ успѣлъ отправить за море съ товарами до 283 судовъ.

Независимо такой обширной дѣятельности, Брандтъ былъ одновременно и крупнымъ сахаро-заводчикомъ. Большой каменный его заводъ, прекратившій работу лишь въ 1855 г., понынѣ своею архитектурою служитъ украшеніемъ Архангельской набережной. Вступивъ съ 1809 г. въ подданство Россіи, Брандтъ настолько обрусѣлъ и полюбилъ свое второе отечество, что въ послѣдній періодъ жизни (около 1832 г.) состоялъ въ Архангельскѣ Городскимъ Головою, ктиторомъ одной изъ церквей и попечителемъ школы, въ пользу которыхъ было имъ сдѣлано пожертвованій на сумму до 150 т. руб.

Актомъ его предпріимчивости и готовности оказать содѣйствіе всякому полезному начинанію, служитъ снаряженная при его главномъ посредствѣ въ 1832 г. экспедиція извѣстнаго штурманскаго офицера П. К. Пахтусова на восточный берегъ

Новой Земли, и лейтенанта Кротова къ р. Енисею,—экспедиція, во время сборовъ которой Брандтъ скончался скоропостижно въ Архангельскѣ, имѣя званіе Россійскаго Коммерціи Совѣтника, бывъ консуломъ Ганноверскимъ, Нидерландскимъ, Датскимъ и Бременскимъ, и генеральнымъ консуломъ Гамбургскимъ ([13]). Съ его смертію, вскорѣ пресѣклась и въ Маймаксѣ кораблестроительная дѣятельность; но заграничная торговля подъ фирмою «Вильгельмъ Брандтъ сыновья» продолжалась безостановочно, и кредитъ фирмы, по прежнему, былъ такъ великъ, что на ея имя еще въ 1847 г. пришло къ Архангельску до 210 кораблей.

Вообще иностранныя фирмы такъ прочно овладѣли заграничною торговлею Архангельскаго порта, что совершенно заслонили собою мѣстное русское купечество, которое, увы, къ концу 30-хъ годовъ, изъ самостоятельныхъ нѣкогда дѣятелей превратилось, не по своей винѣ, въ простыхъ поставщиковъ товара на конторы, т. е. въ то опять первобытное состояніе, изъ котораго только что извлечены были могучею волею Петра I и Екатерины II. Даже мѣстная администрація обнаружила въ это время явное неблаговоленіе къ русскому купечеству въ торговыхъ вопросахъ, предпочитая угожденіе иностраннымъ интересамъ болѣе, нежели предъ своими, отечественными. Это то угожденіе и дало поводъ «иностраннымъ гостямъ» смѣло игнорировать своихъ хозяевъ, чему примѣры находимъ въ лѣтописяхъ того же Архангельскаго порта. Вотъ факты говорящіе сами за себя: въ 1833 г. русское иногородное купечество, въ числѣ 26 ч., имѣвши у Архангельска торгъ сыпными товарами, подняло вопросъ объ упраздненіи брака на эти товары, какъ безцѣльно существовавшаго при портѣ, доказывая, что всѣ подобные товары нынѣ покупаются всегда *по пробамъ* и на *вѣсъ*, а потому въ сущности они никогда не подлежатъ браку, и что бракованіе сыпныхъ товаровъ уже давно не практикуется при петербургскомъ портѣ. Адмиралъ Галлъ, бывшій тогда Генералъ-Губернаторомъ Архангельскимъ, Воло-

---

(13) *Старчевскій*. Энциклопедическій словарь, № 7.

годскимъ и Олонецкимъ, передалъ просьбу купечества на обсужденіе въ мѣстное отдѣленіе Коммерческаго Совѣта, а это послѣднее, основываясь на приговорѣ всего торгующаго при портѣ купечества русскаго и иностраннаго, признало просьбу на столько уважительною, что готовилось уже дать ей дальнѣйшій ходъ въ благопріятномъ купечеству смыслѣ, чему не противился и Департаментъ Внѣшней Торговли, какъ въ это самое время прибывшій на мѣсто адмирала Галла контръ-адмиралъ Сулима (въ 1836 г.), даетъ дѣлу иной оборотъ, донося Министру Финансовъ, что отмѣна-де брака сыпныхъ товаровъ усугубитъ жалобы иностранцевъ на подобную мѣру. Браковщики были оставлены при портѣ. Въ 1841 г., по смѣнѣ Сулимы, иногородное купечество, въ числѣ 32 ч., возобновило свою просьбу о томъ же предметѣ, и на этотъ разъ обратилось уже непосредственно къ графу Канкрину, съ подробнымъ изложеніемъ всего дѣла о безполезности брака сыпныхъ товаровъ, и объ отягощеніи купечества, обязаннаго содержать непроизводительно браковщиковъ. Оно поясняло, что существованіе брака на рожь, пшеницу, льняное сѣмя, и на овесъ, не имѣетъ въ настоящее время смысла, потому что отправители покупаютъ эти товары лично и чрезъ биржевыхъ маклеровъ, сѣмя же—*по пробамъ*, которыя и хранятся до сдачи товара за общими покупателя, продавца и маклера печатями; рожь, пшеница и овесъ—*по тяжести вѣса*, равно и прочіе наличные товары по осмотру на мѣстѣ покупателями, и что всѣ такія закупки происходятъ безъ всякаго участія браковщика, а въ случаѣ спора, дѣло рѣшаетъ экспертъ, и слѣдовательно опять таки браковщикъ тутъ не причемъ. Онъде только по окончаніи навигаціи подписываетъ счеты, и за это получаетъ установленное вознагражденіе. Въ то самое время находившіяся въ Архангельскѣ иностранныя конторы Вильгельма Брандта, Томаса Моберли, Гладстона и Вайдета, Кларка, Моргана и К°, Грибанова, Фонтейнеса и Люрса, подали съ своей стороны прошеніе Министру Финансовъ, въ которомъ не отвергая безполезнаго существованія брака, находили однако, что браковщики-де могутъ пригодиться въ будущемъ, и потому желательны при портѣ. Только что всту-

пившій въ должность Архангельскаго Военнаго Губернатора генералъ-маіоръ А. И. Маркизъ-де-Траверзе, узнавъ въ чемъ дѣло, поспѣшилъ поддержать доводы иностраннаго купечества, взглянувъ между тѣмъ очень косо *на домогательства* русскихъ купцовъ. Переписка длилась 4 года, между Министерствомъ Финансовъ, Департаментомъ Внѣшней Торговли, Коммерческимъ Совѣтомъ и канцеляріею Архангельскаго Военнаго Губернатора. Только въ 1844 г. состоялось рѣшеніе, что-де бракъ сыпныхъ товаровъ оставить пока на два года, но съ предоставленіемъ на волю продавцамъ и отправителямъ, по обоюдному ихъ между собою соглашенію, подвергать и не подвергать браку сыпные товары ([14]).

Очевидно, что сама администрація не могла не раздѣлять доводовъ русскаго купечества, и склонилась уже къ мысли о дѣйствительной безполезности брака сыпныхъ товаровъ, но дѣйствовала въ данномъ случаѣ по какому-то внутреннему противорѣчію, изъ простой оппозиціи, лишь бы не прогнѣвить иностранцевъ. Что же вышло въ концѣ концовъ? Вышло то, что оппозиція Маркиза-де-Траверзе ни къ чему не привела, и что бракъ сыпныхъ товаровъ, по истеченіи двухъ навигацій, признанъ самими иностранцами безполезнымъ, и потому былъ упраздненъ. Аналогичное сему явленіе повторилось и въ 1842 г., при томъ же Военномъ Губернаторѣ, когда Коммерціи Совѣтникъ В. А. Поповъ, ревнуя о расширеніи отечественной торговли, предлагалъ учредить въ Архангельскѣ городской общественный банкъ. Не доказывалъ ли онъ въ своемъ проектѣ, что архангельское купечество, не имѣя достаточныхъ капиталовъ, малосильно и лишено всякой возможности участвовать, не говоря во внѣшней, но въ производствѣ и внутренней торговли, потому что иностранные купцы, бывъ *гостями* въ Архангельскѣ, записали своихъ прикащиковъ и артельщиковъ въ гильдію, чтобы этимъ способомъ закупать товары изъ первыхъ рукъ, почему и успѣли завладѣть всею внутреннею торговлею; учрежденіе же банка представляется единственнымъ средствомъ выхода изъ подъ ино-

---

([14]) Дѣла Д-а Внѣшней Торговли 1841 г. № описи 1865 г., № 698, связ. 160.

страннаго гнета. Но на всѣ эти доказательства Военный Губернаторъ, тотъ же Маркизъ-де-Траверзе, для котораго интересы иностранцевъ, видимо, были ближе, чѣмъ интересы отечественные, доносилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Перовскому, что-де городъ Архангельскъ, «имѣя достаточныя средства въ займахъ, не нуждается въ заведеніи новаго Банка потому что здѣшнія кредитныя установленія, взятыя совокупно, представляютъ болѣе способовъ къ кредитованію (15). Но къ счастію для Архангельска, Министръ не склонился на доводы своего подчиненнаго, и распорядился иначе, дѣйствуя чрезъ Городскую Думу, результатомъ чего состоялся Высочайше утвержденный Уставъ Городскаго Банка въ 1847 г.

О Полярной Компаніи, гдѣ фигурировалъ опять таки Маркизъ-де-Траверзе, мы скажемъ ниже.

Да! при такихъ странныхъ отношеніяхъ мѣстной администраціи къ экономическимъ вопросамъ края, неудивительно, что получились въ средѣ мѣстнаго купечества застой и апатія ко всему тому, что когда то двигало предпріимчивость русскаго человѣка, встрѣчавшаго на торговомъ пути не тормазы, а поддержку и сочувствіе лицъ, симпатизировавшихъ оживленію отечественной торговли и промышленности....

---

(15) Арх. Губ. В. 1867 г., № 23. Здѣсь мы обязаны снять несправедливый укоръ, взведенный Арх. Губ. В. на Военнаго Губернатора А. Ѳ. Клокачева, который будто бы не далъ законнаго хода въ 1817 г. проекту В. А. Попова объ учрежденіи въ Архангельскѣ Городскаго Банка. Не знаемъ, существовалъ ли даже тогда у Попова подобный проектъ, и если существовалъ, то этотъ проектъ не былъ замятъ, чему служитъ доказательствомъ отчетъ Клокачева, представленный въ 1818 г. о ввѣренномъ ему портѣ и губерніи тогдашнему Морскому Министру адмиралу Маркизу-де-Траверзе, отцу Архангельскаго Военнаго Губернатора. Въ своемъ отчетѣ, Клокачевъ не безъ особаго удовольствія заявляетъ, что онъ уже сдѣлалъ представленіе объ учрежденіи городоваго купеческаго Банка изъ добровольныхъ складовъ и частію изъ дохода отъ полупроцентнаго сбора съ получаемыхъ и отпускаемыхъ товаровъ, и что *таковой Банкъ, кажется, будетъ первозаведенный въ Россіи*. (Глав. М. арх. Дѣла Канц. М. Министра 1818 г. № 3852). Ясно, что не Клокачевъ замялъ проектъ, но замяли его другіе.

VI. Состояніе торговли и промышленности во вторую половину текущаго столѣтія.

Глава XVIII.

Дальнѣйшая торгово-промышленная портовая дѣятельность. — Сѣверо-Двинское пароходство.—Промышленность Поморскаго края.—Упадокъ солеваренія.—Полярная компанія.—Оживленіе Поморья, въ связи съ упадкомъ Архангельскаго порта.—Вторая Бѣломорская кампанія.

Съ легкой руки военнаго губернатора А. Ѳ. Клокачева, много порадѣвшаго о благоустройствѣ Архангельска, городъ въ строительномъ и санитарномъ отношеніяхъ годъ отъ году сталъ охорашиваться, и къ половинѣ текущаго столѣтія принялъ уже вполнѣ тотъ благоустроенный видъ, какой приличествуетъ понятію о губернскомъ городѣ, объ административномъ и торгово-промышленномъ центрѣ всего сѣвернаго края. Въ это время имѣлось въ Архангельскѣ до 55 улицъ и переулковъ и 7 площадей, вмѣсто прежде существовавшей одной, Соборной. Эти площади находились: 1) при самомъ въѣздѣ въ городъ съ южной стороны, у шлагбаума; 2) въ южной-же части, называвшаяся *сѣннымъ рынкомъ*; 3) Соборная; 4) *плацъ-парадная*, позади таможеннаго замка, между нынѣшнимъ зданіемъ думы и соборомъ; 5) *казарменная*, по въѣзжей дорогѣ между городомъ и Кузнечевскимъ селеніемъ; 6) въ Кузнечихѣ, на Двинской набережной, противъ зданія, занимавшагося полубаталіономъ военныхъ кантонистовъ; и 7) при въѣздѣ изъ Кузнечевскаго селенія къ морскому госпиталю, въ самой сѣверной части города. На одной изъ центральныхъ площадей, на плацъ-парадной, воздвигнутъ въ

1832 г. бронзовый памятникъ первоначальнику отечественной науки и преобразователю роднаго языка — М. В. Ломоносову.

Въ годъ постановки памятника имѣлось въ городѣ всего 985 домовъ, изъ которыхъ 59 каменныхъ, но въ 1844 г. городскихъ строеній уже было 1010, въ томъ числѣ каменныхъ 53 дома. Находившаяся прежде въ сосѣдствѣ съ Таможеннымъ Замкомъ городская тюрма, перенесена была уже въ болѣе подходящее мѣсто, на восточный край города, *на мохъ,* около 1856 г., гдѣ и существуетъ по настоящее время. Въ центральной городской части, на юго-востокъ отъ каѳедральнаго собора, въ мѣстности болѣе другихъ населенной, стояли каменные двухъ-этажные дома, между которыми, по своему значенію, выдѣлялись дома Губернской Гимназіи, Почтовой Конторы, Коммерческаго Банка, и подворій Соловецкаго и Никольскаго монастырей. Торговыя лавки съ рынкомъ находились, какъ и нынѣ, въ этой-же части города, вблизи Двинскаго берега, позади *рыбныхъ рядовъ,* имѣвшихъ передъ собою пристань для поморскихъ лодей и др. судовъ, приходящихъ обыкновенно сюда съ рыбой ко времени открытія городской ярмарки, къ 1 сентября. Въ сословномъ отношеніи, горожане, по мѣстожительству, сохранили прежній порядокъ, т. е. въ южной части города поселилось преимущественно торговое сословіе; въ центрѣ, гдѣ имѣются и понынѣ казенныя общественныя учрежденія—служащее сословіе, а въ сѣверной городской части, въ Нѣмецкой слободѣ, сплошь застроенной на протяженіи версты деревянными, красивыми домами—иностранцы. Каменный сахарный заводъ Брандта примыкалъ къ этой-же слободѣ, по южную ея сторону. За городскою чертою, на противуположныхъ окраинахъ, стояли различные амбары, хозяйственные магазины, смольный буянъ, и др., безопасность которыхъ требовала нахожденія вдали отъ жилыхъ строеній. Число церквей осталось то же. Склонъ городской набережной началъ выстилаться съ 1824 г. булыжнымъ камнемъ, которымъ вымощены были послѣ 1832 г. и отдаленныя улицы. Кузнечевскій мостъ, сооружавшійся до 1844 г. на барочныхъ днищахъ, сталъ съ этого времени строиться на сваяхъ, чрезъ что мостовая настилка, будучи

значительно приподнята отъ горизонта воды, остается уже всегда сухою при сильныхъ вѣтрахъ, къ большому удобству пѣшеходовъ. Всѣхъ пристаней въ 1844 г. было 14, изъ коихъ 2 постоянныхъ. Городскихъ жителей имѣлось 10347 ч., и въ этомъ числѣ купечества 1-й гильдіи 15, 2-й гильдіи 42 и 3-й гильдіи 174, и мѣщанъ 3029 ч. Остальное-же количество составляли духовные, гражданскіе и военные чиновники, кантонисты и т. п. Изъ общественныхъ благотворительныхъ заведеній были тогда: больница, домъ умалишенныхъ, воспитательный домъ, богадѣльня и дѣтскій пріютъ; изъ исправительныхъ—смирительный домъ и тюремный замокъ. Разрядъ учебныхъ заведеній, кромѣ гимназіи, умножился уѣзднымъ и приходскимъ училищами и училищемъ для дѣтей канцелярскихъ служителей, независимо частныхъ школъ, содержавшихся въ Нѣмецкой слободѣ иностранцами. Съ 1842 г. имѣлись въ городѣ и *Шкиперскіе учебные курсы*, обязанные своимъ возникновеніемъ министру финансовъ, графу Канкрину. Такіе-же курсы и въ то-же время были открыты и въ Кеми. Городскіе промыслы и ремесла остались къ этому времени тѣ-же, но заводская промышленность, противъ прежнихъ лѣтъ, значительно умалилась. Такъ, въ 1844 г. въ Архангельскѣ состояло заводовъ: канатныхъ и прядиленныхъ 7, кожевенный 1, салотопенныхъ 6, красильныхъ и набивныхъ 3, коптильныхъ 3, кирпичныхъ 3, водочный 1, сахарныхъ 1 дѣйствовавшій и 3 недѣйствовавшихъ—всего 25, а въ 1805 г. заводовъ имѣлось 83. Городской доходъ, достигавшій прежде свыше 50 т. р., уменьшился до 36 т. р. (¹).

Въ коммерческомъ отношеніи Архангельскъ продолжалъ состоять однимъ изъ первоклассныхъ россійскихъ торговыхъ портовъ, и отпускная его торговля заключалась въ это время изъ нижеслѣдующихъ главныхъ предметовъ: *лѣсной товаръ*—доставлялся изъ Вологодской и Архангельской губерній; *смола* густая и жидкая—изъ тѣхъ-же губерній; *рогожи* изъ Кост-

---

(¹) *Пушкаревъ*. Описан. Арх. губ.

Рейнеке. Гидр. опис. Сѣвер. берега Россіи. Часть I, стр. 437—441. Полупроцентный сборъ, поступавшій въ городской доходъ, былъ отмѣненъ въ 1864 г., отпускомъ изъ Госуд. казначейства опредѣленной ежегодно суммы (28270 р.).

ройской; *сало свѣчное* изъ губерній Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской и Тобольской; *кожи сырыя* изъ Вологды; *мясо соленое* изъ Архангельской и Вологодской; *сало ворванное*—съ морскихъ Бѣломорскихъ и Новоземельскихъ промысловъ; *ленъ* чистый и льняная пакля—изъ Вологодской, Ярославской, Владимірской и Олонецкой губерній; *сѣмя льняное*—изъ Вятки, Вологды и Костромы; *пенька*—изъ Калуги, Тамбова, Тулы и Курска; *зерновой хлѣбъ*—изъ Вологды, Вятки, Костромы, Ярославля, Казани и Перми, равно оттуда-же доставлялась и *ржаная мука*. Вотъ какой широкій раіонъ дѣйствій для экспорта имѣлъ Архангельскій портъ еще въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія! Цѣны на товаръ были: *рожь* отъ 5 и до 7 р. четверть, *овесъ* отъ 3 до 4 рублей, *пшеница* отъ 7—10 р., *ячмень* отъ 4—5 р., *мука ржаная* отъ 57—80 к. пудъ, *сѣмя льняное* отъ 7 р. четверть, *сало говяжье* отъ 30—36 р. берковецъ, *сало ворванное* 1 р. 45 к. пудъ, *смола* жидкая 2 р. 45 к. бочка и густая 34 коп. пудъ (²) Привозная состояла изъ *сахара-сырца*, *кофе*, *масла деревяннаго*, *сандала въ полѣньяхъ*, *соли поваренной*, *свинца*, *крѣпкихъ напитковъ*, *портера*, *виноградныхъ винъ*, *фруктовъ* свѣжихъ и сухихъ и т. п.

Не смотря на строго-охранительную систему новаго тарифа 1842 г., слѣдствіемъ которой пошлина была возвышена на всѣ привозные товары, и наоборотъ, не только понижена на отпускные, но нѣкоторые товары допущены были къ вывозу и совсѣмъ безпошлинно, заграничная торговля у Архангельска продолжала идти съ прежнимъ успѣхомъ, и если стали замѣчаться колебанія въ количествѣ привозныхъ товаровъ, колебанія часто зависѣвшія отъ экономическихъ причинъ заграницею, какъ напр, отъ неурожая винограда, отъ денежныхъ кризисовъ въ Англіи и т. п., за то съ отпускными товарами, выражаясь биржевымъ терминомъ, было всегда *твердо*. Эту твердость они преимущественно получили съ 1837 г., т. е. со времени учрежденія при Архангельскомъ портѣ комитета о надзорѣ за бракомъ товаровъ, въ вѣденіе котораго посту-

---

(²) Арх. Д-та Т. Сбор. Отчетъ Начальника Арх. Тамож. Округа за 1847 г.

шили ленъ, пенька, смола, рогожи и сало. Всѣ эти предметы и въ особенности льняные товары, получили заграницею такой прочный кредитъ, что предпочтительно предъ другими портами, стали требоваться къ вывозу, также хлѣбъ и лѣсной товаръ.

Заграничные товары выписывались архангельскими купцами обыкновенно по мѣрѣ сбыта и потребленія, и по соображенію съ остатками отъ прежнихъ запасовъ, а потому-то чаще всего и замѣчались колебанія въ привозныхъ товарахъ. Притомъ, и самая выписка заграничнаго товара не всегда зависѣла отъ желаній купечества. Такъ напр. до 1847 г. изъ заграницы выписывались торговавшими у Архангельска купцами виноградныя вина, продажею которыхъ они свободно и занимались при портѣ; но съ установленіемъ акциза на вино, уже не всѣ купцы получили право свободной торговли, и поэтому привозъ винъ въ 1847 г. значительно уменьшился. Купцы, выписывавшіе заграничные товары у Архангельска, были тогда: Грибановъ (Яковъ), Гусевъ, Рѣпинъ, Никитинъ, Чернышевъ, Поповъ, Дьяконовъ и Тороповъ, а изъ иностранцевъ Шольцъ. Въ 1844 г. открылась въ Архангельскѣ еще новая торговая фирма *Братья Грель*, спеціальностью которой были заграничные крѣпкіе напитки и вина. Въ отношеніи привоза сахара-сырца повторилась та же исторія, что и съ винами.

Архангельскіе сахаро-заводчики Брандтъ, Грибановъ, Фонтейнесъ и К°, до 1852 г. выписывали этотъ товаръ въ большомъ количествѣ (до 40 т. пуд.), чтобы вываривать на своихъ заводахъ головной сахаръ, для продажи его въ Вяткѣ, Вологдѣ, Устюгѣ и даже на Ирбитской ярмаркѣ, большими партіями. На этихъ-же заводахъ выдѣлывалась и патока. Большою льготою въ промышленности этого рода существовала съ 1820 г. возвратная пошлина по 50 коп. съ пуда, за вываренное количество. Но съ 1852 г., когда льгота была отнята, наши сахаровары уже лишились получавшихся ими выгодъ, и съ того времени значительно ограничили самое производство, тѣмъ болѣе, когда оказалось, что въ вышеозначенныя мѣста доставка сахара стала дешевле обходиться изъ Петербурга, нежели изъ Архангельска, и въ 1855 г. заводъ Брандта окон-

чательно прекратилъ свою долголѣтнюю дѣятельность. Количество сахара-сырца уменьшилось поэтому и въ привозѣ. Возникшій-же въ послѣднее время сахарный заводъ купца Долгошеина существовалъ сравнительно не долго, и закрылся въ 60-хъ годахъ. Такъ постепенно сокращался радіусъ мѣстной промышленности и торговли, въ силу отнятія преимуществъ, служившихъ ранѣе побудительнымъ рычагомъ въ коммерческой дѣятельности края.....

Даже въ самой заграничной торговлѣ Архангельскаго порта, съ 50-хъ годовъ почувствовалось, если не умаленіе, то застой, по сравненію съ дѣятельностью прочихъ нашихъ портовъ, каковы Рига, Ревель, Одесса, Таганрогъ и др. Изъ разсмотрѣнныхъ нами отчетовъ по движенію заграничной торговли въ этихъ портахъ, увидѣли, что ежегодный привозъ и отвозъ товаровъ прогрессивно увеличивался къ 60-мъ годамъ, тогда какъ привозъ и отвозъ у Архангельска точно застылъ на одной и той-же цифрѣ: ни больше, ни меньше. Сумма-же таможенныхъ доходовъ, по причинѣ скидки пошлинъ съ отпускныхъ товаровъ и сокращенія оборотовъ привозной торговли, вслѣдствіе паденія нашего денежнаго за границею курса, чувствительно понизилась.

Такъ,	въ 1845 г.	пошлинъ было собрано	396,286 р.
»	1851 »		251,860 »
	1853 »		243,842 »
	1857 »		217,724 »
	1858 »		163,759 »
	1860 »		187,965 »
	1864 »		122,096 »

Вообще, послѣ Восточной войны осязательнѣе почувствовались торговымъ міромъ всѣ тѣ естественныя преграды, которыя препятствовали оживленію Архангельской внѣшней торговли,—преграды, при существованіи которыхъ открылись другіе болѣе удобные пути для отечественной коммерціи. И въ самомъ дѣлѣ, отдаленность Архангельска отъ хлѣбородныхъ мѣстностей Россіи, слабое заселеніе прилегающихъ къ порту мѣстностей и, главное, дурное состояніе путей сообщенія,

т. е. постепенное засореніе и ухудшеніе С. Двины—этой единственно дешевой дороги, по которой сплавляются всѣ грузы къ Архангельску—не могли, конечно, не повліять на торговый застой, когда явились притомъ въ Россіи желѣзныя дороги, связавшія рельсовымъ путемъ наши промышленные центры, откуда съ быстротою и удобствомъ стали передвигаться грузы ко всѣмъ портамъ, кромѣ Архангельска. Эти-то желѣзныя дороги и оттянули отъ Архангельскаго порта значительную часть предметовъ отпуска. Поэтому сумма торговыхъ оборотовъ стала сокращаться, а болѣе значительные капиталы направляться постепенно къ Петербургскому порту.

Но вникая въ сущность отпускной торговли Архангельскаго порта, можемъ утвердительно сказать, что три-четыре статьи ея установились такъ прочно, что могутъ не опасаться за свою будущность, это *льняной товаръ*, *льняное сѣмя, лѣсной товаръ и смола*. Въ самомъ дѣлѣ, ленъ и пакля, вывозимые изъ Архангельска, пользуются высокимъ уваженіемъ на Шотландскомъ и Французскомъ рынкахъ, и предпочитаются Петербургскому и Рижскому, для которыхъ отмѣненъ существующій въ Архангельскѣ обязательный бракъ; отпускъ льнянаго сѣмени и лѣсная промышленность стали все болѣе и болѣе усиливать свои обороты, а также и овесъ. Есть и еще нѣкоторыя статьи торговли, исключительно свойственныя сѣверному краю, какъ напр. ворванное сало, кожи невыдѣланныя и рогожи, но эти статьи давно уже не представляютъ особенной важности; къ тому-же уловъ морскаго звѣря сталъ падать съ каждымъ годомъ, и поэтому отпускъ ворваннаго сала. какъ продукта случайнаго, подверженъ частымъ колебаніямъ ([3]).

Вотъ, для наглядности, вѣдомость прочно установившимся статьямъ торговли у Архангельска за 13 лѣтъ.

По отношенію-же привозныхъ товаровъ, кругъ потребителей на нихъ сталъ ежегодно сокращаться и ограничиваться населеніемъ Архангельска, которое послѣ упраздненія военнаго порта, т. е. послѣ 1862 года, замѣтно уменьшилось въ своемъ составѣ, равно и ближайшія къ Архангельску

(3) Тамъ-же. См. Отчеты съ 1850—1870 г

Товары.	1849 г.	1850	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1866	1867	1868	1869	1870
Ленъ (въ пуд.) .	345,028	440,483	506,363	222,603	306,646	265,463	256,667	281,922	208,881	244,640	427,759	560,787	556,043
Льняная пакля .	320,276	310,497	503,539	201,359	307,270	256,842	277,477	332,836	339,498	253,255	415,882	587,338	527,647
Сѣмя льняное, четвертей	211,248 четв.	118,941	80,907	86,023	89,503	125,114	12,390	73,283	93,376	159,318	148,996	161,679	123,568
Смола густ. и жид. (бочки) . .	110,883	90,641	88,191	82,336	108,459	123,949	138,337	113,183	131,323	95,216	82,103	115,210	122,153
Лѣсной товаръ (въ рубл.)	92,066	135,651	260,236	252,571	244,952	424,294	360,210	612,577	504,446	443,382	417,203	500,825	543,475
Овесъ (въ пуд.) .	108,826	180,564	340,749	295,043	364,458	283,299	130,381 четв.	213,570	271,143	299,514	494,579	490,291	252,956

мѣстности Вологодской и отчасти Олонецкой губерній. Важнѣйшую часть привоза составляли чай (Кантонскій), виноградныя вина, крѣпкіе напитки и соль.

Весьма важнымъ подспорьемъ въ заграничной торговлѣ Архангельскаго порта явилось *Сѣверо-Двинское пароходство*, учредившееся въ 1858 г. для удобнѣйшей доставки воднымъ путемъ изъ верховыхъ городовъ товаровъ, подлежащихъ къ заграничному отпуску. Это новое учрежденіе, благодаря почину и содѣйствію Коммерціи Совѣтника Ильи Грибанова, почетнаго гражданина Филиппа Булычева и купеческаго сына Афанасія Булычева, сразу пополнило давно чувствовавшійся въ краѣ недостатокъ по передвиженію грузовъ рѣчнымъ путемъ съ верховьевъ Двины къ Архангельску, и отъ Архангельска въ верховые города.

Первоначальная цѣль такого полезнаго акціонернаго предпріятія, по смыслу устава, была—перевозка товаровъ и пассажировъ отъ Соловецкаго острова по Бѣлому морю, рѣкамъ С. Двинѣ, Сухонѣ, Вологдѣ, Кубенскому озеру, рѣкамъ Порозовицѣ, Шекснѣ, Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ. Но потомъ, въ виду возникшаго въ 1861 г. на Бѣломъ морѣ самостоятельнаго пароходства Соловецкаго монастыря, Сѣверо-Двинское пароходство ограничилось осуществленіемъ второй половины задачи, и сперва двумя товаро-пассажирскими пароходами «Двина» и «Югъ» доставляло на баржахъ товары только отъ Устюга къ Архангельску, и обратно. Спустя 10 лѣтъ, общество обладало уже 5 пароходами и рейсы продолжило до Вологды. Баржи строило оно въ Архангельскѣ. Они имѣютъ отъ 26—35 саж. длины, и вмѣщаютъ грузу отъ 15 т. до 50 т. пуд., тогда какъ барка подымаетъ грузу только до 25 т. пуд. Каждая баржа обходится Обществу отъ 5 т. до 7 т. руб. Пароходъ ведетъ за собою до 3 баржъ. Этотъ родъ мелко-сидящихъ судовъ, по своей прочной конструкціи и большой вмѣстимости, приспособленный для перевозки льна, пеньки и сыпныхъ товаровъ, буксируемый къ тому же пароходами, сталъ мало по малу вытѣснять традиціонныя барки, полубарки и т. п. староманерныя суда, цѣнный грузъ на которыхъ подвергался нерѣдко опасности, по милости неуклюжей конструк-

ціи судовъ, особливо барокъ, часто садящихся на мель, взаимно сталкивающихся на быстромъ рѣчномъ теченіи, и плывущихъ черепашьимъ ходомъ къ Архангельску. Новый способъ передвиженія грузовъ имѣлъ за собою всѣ преимущества.

Расширяя постепенно свои промышленныя операціи, Сѣверо-Двинское пароходство обладаетъ нынѣ десятками паровыхъ судовъ и баржъ, и служитъ соединительнымъ нервомъ промышленности и торговли мѣстъ прилегающихъ къ Двинскому и Волжскому бассейнамъ, съ торговлею и промышленностію сѣвернаго края. Въ виду такихъ неисчислимыхъ удобствъ, внутренняя торговля края не могла своевременно не оцѣнить всю благодѣтельность подобнаго учрежденія. Въ то же время Сѣверо-Двинское пароходство оказало чрезвычайную услугу и передвиженію рабочихъ классовъ, получившихъ возможность по разгрузкѣ у порта барокъ, возвращаться немедленно съ заработкомъ въ свои деревни, вмѣсто традиціоннаго способа, практиковавшагося обыкновенно рабочимъ людомъ въ прежнее время, т. е. вмѣсто пѣшаго хожденія.

Да, только при помощи явившагося на сѣверныхъ водахъ пароходства, какъ фактора, способствовавшаго быстрому и удобному передвиженію не однихъ грузовъ, но и самихъ промышленниковъ, получилась, наконецъ, возможность улучшенія экономическихъ условій и въ такой отдаленной мѣстности, какъ нашъ Поморскій край, для котораго, какъ для темнаго царства, пароходство явилось своего рода какъ бы лучемъ свѣта! Этотъ лучъ, проникнувъ до Мурмана, освѣтилъ весьма многое, не любившее свѣта. Время же его проникновенія наступило однако не ранѣе 1875 года.

Попытки поднять экономическія условія отдаленнаго сѣвернаго края при помощи различныхъ *компаній*, оставались, какъ мы видѣли, большею частію, неудачными по причинѣ не только малаго, но иногда и совершеннаго незнакомства съ предметомъ. Такъ было въ XVIII в.; то же повторилось и въ началѣ текущаго столѣтія. Послѣ такого ряда неудачъ, промышленность и торговля Поморскаго края, одно время, были предоставлены самимъ себѣ. По прежнему они заключались въ морскихъ и рѣчныхъ промыслахъ, въ судостроеніи,

солевареніе и въ плаваніяхъ до Норвежскихъ портовъ для мѣновой торговли. На основаніи тарифа 1821 г. судостроеніе въ Поморскомъ краѣ производилось безпошлинно, и потому эта отрасль промышленности, относительно, находилась въ хорошемъ состояніи. Центръ тяжести кораблестроительныхъ работъ передвинулся изъ Архангельска на дальній сѣверъ, гдѣ выработались свои корабельные мастера, неимѣвшіе, правда, по большей части, никакого теоретическаго представленія о судостроительныхъ тонкостяхъ, но тѣмъ не менѣе отлично справлявшіеся съ своею задачею, благодаря простой смёткѣ и навыку.

За то въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ находились къ 20-мъ годамъ текущаго столѣтія наши звѣриные и рыбные промыслы и солеваренная промышленность. По прекращеніи пресловутой Бѣломорской компаніи, архангельскіе и кольскіе купцы и старообрядцы Данилова скита стали было продолжать посылку промысловыхъ судовъ къ берегамъ Шпицбергена и Новой Земли, въ чаяніи на хорошій сбытъ промысла, и преимущественно моржовыхъ шкуръ за границу, гдѣ эти шкуры шли обыкновенно на выдѣлку гужей и шоръ; но по причинѣ бывшаго съ Англіею разрыва, уже измѣнились условія сбыта, и моржовыя шкуры замѣнились съ того времени сыромятными кожами, которыя постепенно и вытѣснили спросъ на продуктъ нашего промысла, черезъ что въ 1828 г. къ Шпицбергену плавало уже только одно судно, принадлежавшее архангельскому купцу Корняеву. Бѣлужій промыселъ, производившійся прежде крестьянами уѣздовъ Архангельскаго, Мезенскаго, и Кольскаго, къ этому же времени сталъ прекращаться по невыгодности улова, сопряженнаго съ большими издержками. О китоловствѣ мы уже не говоримъ. Этотъ промыселъ былъ давно оставленъ, какъ признававшійся мѣстнымъ купечествомъ промысломъ рискованнымъ. Въ рыбныхъ промыслахъ встрѣтился тоже весьма важный недостатокъ, обрекавшій ихъ на полное ничтожество, и именно—недостатокъ въ *соли*. До 20-хъ годовъ Архангельская губернія довольствовалась обыкновенно солью *морянкою*, вываривающеюся изъ морской воды. При отправленіи рыбнаго товара за море, недостатокъ мѣстной соли

сталъ восполняться иностранною (Ливерпульскою и Испанскою) солью, привозившеюся ежегодно къ Архангельскому порту около 65 т. пуд. Но какъ въ Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ, по примѣрному исчисленію, вылавливается ежегодно рыбнаго товара до 800 т. пуд., то если положить на каждый пудъ рыбы только по 6 фунтовъ соли, требуется, слѣдовательно, употреблять до 120 т. пуд., а съ домашнимъ обиходомъ и всѣ 230 т. пуд. Между тѣмъ, по офиціальнымъ даннымъ того времени, соли вываривалось только до 130 т. пуд., что съ иностранною составляло 195 т. пуд.,—недочетъ значительный, тѣмъ болѣе что по удостовѣренію фонъ-Понмана, въ 1800 г. на 44 поморскихъ варницахъ получалось соли до 208 т. пуд. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, въ Кольскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ, тамъ, гдѣ преимущественно производится рыболовная промышленность, не было ни одного солеваренного завода, и соль доставлялась туда либо на морскихъ судахъ, либо на оленяхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, такъ что доставка соли въ Печорскій край, съ провозомъ обходилась рыбопромышленнику въ 40 к. пудъ, а въ 1845 г. уже по 70 коп. пудъ. Ясно, что въ такомъ важнѣйшемъ хозяйственномъ продуктѣ, какъ соль, чувствовался тогда большой недостатокъ, отзывавшійся на успѣхъ рыбныхъ промысловъ. Къ тому же, по причинѣ техническихъ несовершенствъ и дурной, рутинной постановки самаго дѣла, выварка бѣломорской соли дошла, наконецъ, до такой степени негодности, что продуктъ сталъ получаться ноздреватымъ, сѣрымъ и весьма слабымъ, почему и потерялъ то необходимое качество, которое требовалось при заготовкѣ въ прокъ рыбнаго товара. Дурной посолъ рыбы обезцѣнивалъ и самый товаръ. Опасеніе за успѣхъ рыбныхъ промысловъ побудило въ 1828 г. Кемскихъ рыбопромышленниковъ ходатайствовать предъ министромъ финансовъ о допущеніи привоза на Россійскій Мурманскій берегъ иностранной соли безпошлинно до 20 т. пуд., на собственныхъ ихъ судахъ, въ теченіи 6 лѣтъ; при чемъ они ссылались на необходимость имѣтъ въ Кеми *мореходное училище*, при содѣйствіи котораго могло бы де скорѣе осуществиться желаніе

поморовъ завязать торговыя сношенія края съ Петербургомъ, по предмету сбыта соленой рыбы ([4]).

Но просьба о безпошлинномъ ввозѣ иностранной соли на Мурманъ расходилась съ охранительною системою тогдашняго министра, графа Канкрина, и потому не была принята подъ предлогомъ *ея несвоевременности*, такъ какъ поморскіе-де рыбопромышленники не пріобрѣли еще искусства солить рыбу, по примѣру иностранцевъ, и имъ было указано довольствоваться, по прежнему, своею морянкою, или-же получать иностранную соль изъ Архангельска за установленную пошлину (по 20 к. съ пуда). Вообще, за время управленія финансами графомъ Канкринымъ, поморское населеніе, между мелочными льготами, получило только одну болѣе крупную: въ 1826 г. дозволено вывозить въ Норвегію изъ Архангельскаго запаснаго магазина безпошлинно хлѣбъ, не свыше 6 т. пуд., для вымѣна на рыбу, въ теченіи 5 лѣтъ ([5]). Такъ продолжались дѣла Поморскаго края до 30-хъ годовъ. Съ этого же времени мы видимъ уже послѣдовательный рядъ льготъ, направленныхъ къ улучшенію экономическаго положенія жителей, путемъ дозволенія безпошлиннаго вывоза и привоза предметовъ, играющихъ важную роль при мѣновой съ Норвегіею торговлѣ, а также и допущеніемъ вести эту торговлю безъ всякихъ гильдейскихъ свидѣтельствъ, съ значительнымъ притомъ облегченіемъ, касательно сроковъ таможеннымъ паспортамъ, на рейсы въ Норвегію и къ Новой Землѣ, и т. п. Одно только солевареніе не было поставлено въ соотвѣтственныя льготныя условія, и въ 1838 г., вмѣсто существовавшаго безпошлиннаго отпуска на варницы дровъ и лѣса, предписано съ этихъ предметовъ взыскивать непремѣнно пошлины, черезъ что соляная промышленность упала еще болѣе.

Тогда, на помощь правительственнымъ мѣропріятіямъ явилась было частная предпріимчивость.

Извѣстный капиталистъ Илья Грибановъ, вятскіе купцы Филиппъ Булычевъ, Степанъ Изергинъ, Платонъ и Степанъ

([4]) Дѣла Д-а Внѣшней Торговли, 1829 г. № описи 3943, связ. 343.

([5]) Тамъ же.

Рѣпины, надворный совѣтникъ Тустановскій и чиновникъ особыхъ порученій Архангельской казенной палаты Іосифъ Богуславъ, представили въ 1844 г. на утвержденіе правительства проектъ акціонерной компаніи, подъ наименованіемъ Полярной, въ которомъ испрашивалось: 1) исключительное на 10 лѣтъ право производить клей изъ оленьихъ роговъ въ Кемскомъ, Кольскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ, съ тѣмъ, что по прошествіи срока, компанія обязывалась платить въ казну по 2°/₀ пошлинъ съ суммы, имѣвшейся выручаться за продажу своего клея; 2) дозволеніе на производство изъ травъ и лѣсовъ Лапландскихъ поташу, смолы и всѣхъ лѣсныхъ издѣлій по озерамъ Имандрѣ и Нотъ-озеру съ притоками, для отправленія за море прямо съ Кольскаго рейда, съ тѣмъ, чтобы компанія, съ начатія Лапландской лѣсной операціи, въ первые 5 лѣтъ не платила никакой пошлины, а въ остальные за тѣмъ годы вносила половину пошлинъ, взимаемыхъ съ лѣсныхъ издѣлій въ Архангельскомъ портѣ; и 3) дозволеніекомпаніи въ первое пятилѣтіе выписывать безпошлинно заграничную соль до устройства своихъ солеваренныхъ заводовъ, чтобы распространить и улучшить звѣриные и рыбные промыслы ([6]). При этомъ, повѣренный компаніи Богуславъ, касательно соляной промышленности, подалъ министру финансовъ графу Вронченко особую записку, которою доказывалъ, что испанская соль хотя и дешева, и въ практикѣ превосходна, *но зависимость отъ иностранцевъ вредна*; что для необходимаго улучшенія мѣстнаго солеваренія, компанія поведетъ дѣло не рутинными способами, и судя по сдѣланному уже имъ, Богуславомъ, опыту, она расчитываетъ достигнуть превосходнаго результата.. Очевидно, что учредители Полярной компаніи встали на раціональную почву, и стремились не только принести пользу краю, но пользу и государственную, извлеченіемъ доходовъ изъ новыхъ отраслей мѣстной промышленности, коснѣвшей вообще въ застоѣ. Имена учредителей служили въ томъ порукою. Подвергнутый всестороннему обсужденію со стороны заинтересованныхъ въ дѣлѣ учрежденій, проектъ вызвалъ со

([6]) Тамъ-же. 1844 г., № описи 3965, № 37, связ. 344.

стороны Ученаго Комитета и Совѣта Министерства Государственныхъ Имуществъ, нижеслѣдующій отзывъ предъ министромъ финансовъ: «по разсмотрѣніи новаго проекта Устава Полярной компаніи, признавъ учрежденіе сей компаніи весьма полезнымъ, нашли возможнымъ предоставить оной: 1) исключительное право заниматься въ продолженіи *15 лѣтъ* на Бѣломъ морѣ и въ Сѣверномъ океанѣ сельдянымъ и китоловнымъ промыслами, также вываркою клея изъ оленьихъ роговъ; 2) право пользоваться безденежнымъ отпускомъ казеннаго лѣса въ уѣздахъ Кольскомъ, Кемскомъ и Мезенскомъ, собственно на постройку во время существованія компаніи *семи* кораблей, мелкихъ судовъ, заводовъ: салотопныхъ, клеевыхъ, рыбныхъ и для заготовленія разной посуды; 3) право на отводъ пустопорожнихъ и ненужныхъ земель въ морскихъ губахъ, для устройства заведеній, заводовъ и магазиновъ. Сверхъ сего, для успѣха означенной компаніи признали полезнымъ предоставить оной купеческія права 1-й гильдіи, безъ взноса гильдейскихъ повинностей, и право какъ на привозъ ежегодно по 70 т. пуд. иностранной соли безъ пошлинъ, въ первые 10 лѣтъ, и съ половинною пошлиною въ остальные годы, также и на устройство солеваренныхъ заводовъ въ Мезенскомъ и Кемскомъ уѣздахъ, первое пятилѣтіе безъ акциза, второе—съ половиннымъ, а въ остальные—съ полнымъ акцизомъ съ тѣмъ, чтобы привозная и вывариваемая соль употреблялась исключительно на операціи компаніи» ([7]). Съ своей стороны, министръ Государственныхъ Имуществъ графъ Киселевъ, относительно дарованія Полярной компаніи права безъакцизнаго солеваренія и безпошлиннаго привоза иностранной соли, доносилъ министру финансовъ, «что это облегченіе не можетъ повредить выгодамъ казны, но напротивъ, должно послужить къ ихъ возвышенію, потому что развитіе дѣйствій компаніи потребуетъ значительнаго количества соли, что, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, доставитъ въ казну большой сборъ акцизный и пошлинный; что пожертвованіе казны будетъ только воображаемое, ибо отказавшись отъ пошлинъ за при-

---

([7]) Тамъ-же. Л. л. 45 и 46.

возную соль для компаніи и отъ акциза на соль, вывариваемую на компанейскихъ солеварняхъ, казна потеряетъ акцизъ и пошлины, которыя она можетъ получить только при существованіи компаніи безъ испрашиваемыхъ преимуществъ; отказъ же въ нихъ можетъ вовсе остановить учрежденіе этого полезнаго предпріятія» ([8]).

Но иностранное купечество Архангельскаго порта не дремало. Оно взглянуло на все это дѣло иначе, и не на шутку встревожилось, узнавъ о сущности предпріятія, шедшаго въ разрѣзъ ихъ торговымъ интересамъ, потому что оно явно грозило уменьшеніемъ торговыхъ оборотовъ по смольной, соляной, и др. статьямъ. Встревоженное, оно, по обыкновенію, обратилось подъ защиту Архангельскаго военнаго губернатора маркиза-де-Траверзе и не ошиблось въ надеждѣ на него. Маркизъ съ энергіею, достойною лучшаго дѣла, взглянувъ на предпріятіе русскихъ людей, ловко повелъ дѣло къ разрушенію задуманной компаніею цѣли. Въ 1845 г. при представленіи соображеній министру финансовъ, военный губернаторъ, между прочимъ, ссылался на то, что купцы (конечно иностранные) привозящіе заграничную къ Архангельску соль, прекратятъ ею торговлю, если компанія получитъ право на безпошлинный ввозъ соли, чрезъ что казна лишится своего дохода; равно, операціи компаніи по вывозу изъ Лапландіи смолы, могутъ-де подорвать у порта смольную торговлю, и лишить заработковъ Шенкурскихъ крестьянъ. Свое представленіе маркизъ заключилъ такимъ аргументомъ: *«крестьянамъ Поморскаго края дозволяется привозить иностранную соль въ свои мѣста также неиначе, какъ за пошлину, слѣдственно, безпошлинное разрѣшеніе компаніи привоза иностранной соли будетъ имѣть неблагопріятное вліяніе и на сказанныхъ крестьянъ»* ([9]).

Съ этого момента, полезное предпріятіе изъ области благихъ надеждъ перешло на реальную почву казеннаго интереса. Ходатайства компаніи о льготахъ встрѣтили прямой отпоръ въ финансовомъ учрежденіи, отъ котораго существеннымъ

([8]) Тамъ-же. Л. 47.
([9]) Тамъ-же. Л. л. 17 и 21.

образомъ и зависѣлъ весь успѣхъ компаніи. Такимъ образомъ резоны архангельскаго губернатора одержали верхъ надъ всѣми другими соображеніями, и предпріятіе компаніи рушилось.

А между тѣмъ, тотъ-же военный губернаторъ «для облегченія бѣдныхъ рыбопромышленниковъ» исходатайствовалъ въ 1847 г. разрѣшеніе на безпошлинный ввозъ въ рыболовныя становища Архангельской губерніи иностранной соли въ неопредѣленномъ количествѣ, чѣмъ и нанесенъ былъ рѣшительный ударъ мѣстному солеваренію, отъ котораго оно уже не могло поправиться. Съ той поры солеваренная промышленность стала сокращаться все болѣе и болѣе, потому что, по естественному порядку вещей, каждый рыбопромышленникъ, имѣя возможность пріобрѣтать для посола рыбы соль лучшую, не сталъ покупать дурной бѣломорской соли.

Преемникъ маркиза, военный губернаторъ Боиль, въ дѣлѣ облагодѣтельствованія Архангельской губерніи предметомъ первой необходимости, шагнулъ еще дальше: онъ исходатайствовалъ въ 1852 г. разрѣшеніе на привозъ иностранной соли къ Архангельску въ неограниченномъ количествѣ и кромѣ того на безпошлинный привозъ соли въ размѣрѣ до 21 т. пуд. во всѣ Бѣломорскіе порты, для лучшаго посола рыбы ([10]).

Послѣдовательный упадокъ мѣстнаго солеваренія выразился слѣдующими цифровыми данными: ([11])

Въ 1855 году было выварено соли	128,677 пуд.
1856 »	111,869 —
» 1857	109,869 —
1858	120,776 —
1859	107,384 —
1865	81,738 —

Упадокъ одной изъ главныхъ отраслей промышленности Поморскаго края вознаграждался съ избыткомъ тамошнею

([10]) Арх. Губ. В. 1866 г., № 16. Безпошлинный привозъ соли въ количествѣ 21 т. пуд. къ Бѣломорскимъ портамъ былъ отмѣненъ только въ 1868 г., въ видахъ развитія мѣстнаго солеваренія.

([11]) Тамъ-же, 1867 г., № 15.

судостроительною дѣятельностью и торговымъ движеніемъ, которое съ 40-хъ годовъ постепенно стало возрастать, благодаря опытамъ замѣны традиціонныхъ лодей судами новѣйшей конструкціи, *шхунами* и *шлюпами*, способными выдерживать дальнія безопасныя плаванія. Такъ, до начала Восточной войны, уже Кольскіе купцы Шабунинъ и Базарный посылали неоднократно свои шхуны въ Петербургъ и къ берегамъ Англіи, а послѣ нихъ такое дальное плаваніе уже не казалось поморамъ необычнымъ, Но относительно первыхъ опытовъ постройки новѣйшаго типа судовъ, справедливость требуетъ сказать, что Соловецкіе монахи и въ этомъ дѣлѣ опередили поморцевъ, какъ и во многомъ другомъ. Еще въ 1827 г. монастырь построилъ у себя два трехмачтовые шлюпа, мѣрою по килю 87½, а по палубѣ 112 футъ. По спускѣ на воду, эти шлюпы, какъ повѣствуетъ Соловецкій лѣтописецъ, «были оснащены на манеръ военныхъ судовъ лучшимъ мастерствомъ; сіи корабли—заключаетъ онъ не безъ самодовольствія—величиною и красотою превосходятъ нынѣ всѣ суда, каковые находятся въ Бѣломъ морѣ, у здѣшнихъ торговыхъ людей». (12)

Наибольшее судостроеніе производили всегда уѣзды Кемскій, и Кольскій, за ними — Мезенскій и Онежскій. По свѣдѣніямъ С.-Петербургскихъ Коммерческихъ Вѣдомостей за 1803 г. (№ 3) видимъ, что въ 1802 г. поморскихъ судовъ приходило къ Архангельску съ товарами всего448, тогда какъ въ 1847 г. ихъ приходило уже 832.

Но чтобы нагляднѣе судить о движеніи Бѣломорскихъ судовъ, приходившихъ къ Архангельску съ товарами изъ Норвегіи, изъ приморскихъ мѣстъ, съ Мурманскаго берега и съ Новой Земли, беремъ послѣдовательный рядъ годовъ, и взглянемъ въ то же время, на какую сумму были совершаемы торговые обороты поморскими жителями. Эти данные всего лучше покажутъ состояніе торговли и промышленности Поморскаго края за извѣстное время (13).

---

(12) Лѣтописецъ Солов. 1833 г., стр. 146.
(13) См. Отчеты Начальн Арх. Тамож. округа.

Изъ какихъ мѣстъ	1847		1850		1851		1852		1860		1862		1864		1866		1868		1870	
	Число судовъ.	Сумма оборот.	Число судовъ.	Сумма оборот.	Число судовъ.	Сумма оборот.	Число судовъ.	Сумма оборот.	Число судовъ.	Сумма оборот.	Число судовъ.	Сумма оборот.	Число судовъ.	Сумма оборот	Число судовъ.	Сумма оборот.	Число судовъ.	Сумма оборот.	Число судовъ.	Сумма оборот.
Съ товарами изъ Норв.	116	неизвѣстна	111	на 358,091 руб.	93	на 363,405 руб.	172	на 304,140 руб.	228	на 701,930 руб.	195	на 699,318 руб.	222	на 713,407 руб.	239	на 888,600 руб.	196	на 1,001,013 руб.	»	на 1,170,195 руб.
Изъ приморск. мѣстъ.	465		516		520		454		603		510		598		561		608		566	
Съ Мурмана	247		219		248		311		191		169		139		111		140		115	
Съ Новой Земли	4		4		5		3		5		7		6		8		9		8	
Всего судовъ	832		910		866		940		1027		881		965		919		953		»	

При этомъ надо замѣтить, что мѣновая торговля съ Норвегіею происходила прежде на всемъ пространствѣ отъ Мурмана до Дронтгейма, и притомъ непосредственно съ тамошними промышленниками, что значительно облегчало торговыя сношенія; но съ 1834 г., по постановленію Норвежскаго правительства, раіонъ торговыхъ сношеній былъ ограниченъ, и пунктами для поморской торговли стали служить только города: Вард-э, Тромс-э и Гаммерфестъ. Съ этимъ ограниченіемъ измѣнились и самыя сношенія, незамедлившія отразиться на количествѣ приходившихъ въ Норвегію поморскихъ судовъ. Прежде число ихъ достигало до 150 и болѣе, а съ 1834 г. и по 1845 г. приходило только не свыше 80 судовъ, потому что при этой мѣновой торговлѣ поморы лишены были возможности имѣть дѣла съ самими промышленниками, т. е. покупать рыбу изъ первыхъ рукъ, а стали покупать товаръ уже отъ мѣстныхъ купцовъ, какъ отъ перекупщиковъ, что не одно и то же, и такая торговля не всякому помору сдѣлалась доступна ([14]).

Въ общемъ торговомъ движеніи поморскаго населенія, только портовой городъ Онега оставался и остается безучастнымъ,

---

([14]) *Рейнеке*. Т. I, стр. 456.

какъ находящійся съ 1839 г. въ тѣсной зависимости отъ иностранцевъ, хозяйничающихъ въ немъ по лѣсной операціи, сперва на основаніи контрактовъ съ казною, которая и завѣдывала Онежскимъ лѣснымъ торгомъ, а потомъ—на основаніи купчей крѣпости, передавшей лѣсную отпускную операцію изъ рукъ Брандтовъ и Шольцовъ, въ руки Шмальцевъ, Моргановъ и Кларковъ, исправно опустошающихъ Онежскіе лѣса. Городскіе обыватели, лишившись морскихъ промысловъ, лишились и торговли.

И такъ, когда портовое значеніе стариннаго Архангельска, въ силу естественныхъ и побочныхъ преградъ, стало значительно малиться и блекнуть, и уступать свое историческое первенство другимъ россійскимъ портамъ, находящимся въ условіяхъ болѣе счастливыхъ. Поморскій край, напротивъ, сталъ понемногу выходить на широкую дорогу, относительно своей торгово-промышленной дѣятельности. Благодаря лишь одной мѣновой торговлѣ, основанной на вывозѣ изъ Архангельска въ Норвегію муки, образовался и развился здѣсь единственный, чисто-національный торговый флотъ, наибольшую часть котораго составили двухъ-мачтовыя шхуны отъ 30—75 ластовъ вмѣстимости,—флотъ, правда, еще прибрежный, но могущій быть и дальновояжнымъ, при существованіи *кредита и страхованіи судовъ*, этихъ давно-желанныхъ могучихъ факторовъ, которыхъ пока еще нѣтъ въ краѣ, но безъ которыхъ никакой коммерческій флотъ существовать не можетъ.

И не только Поморскій край, но даже отдаленный Мурманъ, считавшійся долгое время царствомъ стужи и потому въ продолжительныя зимы изображавшій на семисотверстномъ разстояніи одну сплошную пустыню, и тотъ, со второй половины текущаго столѣтія, по изслѣдованіи климатическихъ условій, оказался мѣстностью, вполнѣ подходящею для осѣдлой жизни, и потому хотя еще медленно, но уже сталъ колонизироваться въ твердой надеждѣ дать поселенцамъ непрерывныя промысловыя занятія. Словомъ, духъ времени, коснувшійся такъ губительно Архангельска, отразился въ то же время весьма благотворно на мѣстностяхъ, лежащихъ

отъ Архангельска далеко къ сѣверу до самой Новой Земли, гдѣ колонизація становится уже твердою ногою.

На склонѣ 300-лѣтняго существованія Архангельскаго порта, вспыхнула было въ средѣ мѣстныхъ купцовъ, попытка воскресить кораблестроеніе и промышленное судоходство при портѣ, развитіемъ въ Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, и даже новыхъ отраслей промышленности, — попытка, осуществленная въ 1858 г. учрежденіемъ торговаго и промышленнаго акціонернаго общества подъ названіемъ *Бѣломорской компаніи*, но результатъ предпріятія получился такой-же печальный, какъ и соименной ему бывшей злополучной Компаніи. Учредителями Общества были архангельскіе 1-й гильдіи купцы Гуверякинъ, Гернетъ и Брандтъ, у котораго въ распоряженіи имѣлись готовыми: Маймакская корабельная верфь, канатная фабрика съ патентованными машинами и паровая лѣсопильня,—наслѣдіе отъ бывшаго крупнаго дѣятеля Вильгельма Брандта.

Въ кругъ дѣйствій Бѣломорской Компаніи входили заготовка и отпускъ за границу *льда* и лѣса, промышленныхъ продуктовъ и учрежденіе мукомольныхъ и маслобойныхъ заведеній. Для успѣха предпріятія разрѣшались безпошлинно: доставка изъ-заграницы металлическихъ кораблестроительныхъ матеріаловъ, опредѣленное количество иностранной соли и вывозъ льду. Имѣя основнаго капитала $1^1/_2$ м. руб., Компанія распорядилась широко: завела агентуру въ Лондонѣ, Парижѣ, Бременѣ, Ригѣ и Ревелѣ, приступила къ постройкѣ на Маймакской верфи цѣлой флотиліи кораблей въ 600 и 750 тоннъ вмѣстимости, и къ 1862 году имѣла на водѣ уже 10 кораблей: «Лабарданъ», «Метеоръ», «Москва», »Сива», «Кама», «Казань», «Вологда», «Вятка», «Двина» и «Нева». Шхиперами на нихъ были иностранцы. Пріобрѣла въ собственность Сереговской солеваренный заводъ, и устроила при послѣднемъ артезіанскій колодезь. Свои корабли она стала посылать съ рыбными и другими товарами изъ Архангельска въ Кронштадтъ и въ другіе попутные порта, а «Лабарданъ» промышлялъ спеціально звѣрей и рыбу у береговъ Исландіи. Къ 1865 г. Компанія построила на той-же верфи еще 4 корабля:

«Ида», «Марсъ», «Флора» и «Амуръ». ([15]). Но такой широкій радіусъ дѣйствій повлекъ за собою дефициты, при крушеніяхъ судовъ и при неудачныхъ торговыхъ операціяхъ, такъ что компанейскія дѣла пошатнулись едва еще не въ самомъ началѣ, и флотилія, быстро созданная, такъ же быстро и стала таять, какъ тотъ ледъ, которымъ она грузилась, и къ 1868 г, работало уже только 4 корабля, а въ 1871 г. ни одного! Всѣ корабли, для покрытія дефицита, пришлось продать, судостроеніе прекратить, а съ нимъ и производства— канатное, мукомольное и маслобойное. Дальнѣйшія дѣйствія Компаніи свелись на ординарный *лѣсной* торгъ съ Англіею, при помощи котораго она и влачила свое существованіе до 1883 года, т. е. до окончательнаго ликвидированія дѣлъ, которому помогъ и пожаръ, уничтожившій лѣсные склады Компаніи, — ликвидированія, бывшаго послѣднею лебединою пѣснью Архангельскаго купечества.

Глава XIX, и последняя.

Бѣломорское пароходство, и его результаты. — Посѣщеніе Сѣвера Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ. — Современное положеніе Архангельской торговли и промышленности.—Средства къ поднятію значенія Архангельскаго порта.

Изложивъ съ возможною подробностью за различныя эпохи историческій ходъ торговли и промышленности на нашемъ Сѣверѣ, пришли мы къ весьма неутѣшительному выводу, относительно причинъ умалившагося значенія собственно Архангельска; и въ то же время увидѣли возрастающій успѣхъ Поморскаго края, при развитіи въ послѣднемъ судостроенія, мореходства и торгово-промышленныхъ оборотовъ, успѣхъ, дающій надежду на полное всестороннее улучшеніе экономическихъ его силъ, при осуществленіи въ недалекомъ будущемъ того проектированнаго воднаго пути, который долженъ послужить соединительнымъ звѣномъ Бѣломорскихъ портовъ съ Петербургскимъ. Не малому оживленію Поморья и Мурмана способствовало Бѣломорское пароходство.

([15]) Архивъ Д-а Торговли и Мануфактуръ. Дѣло № 14, отдѣлъ 2-й.

Мысль о настоятельной необходимости этого пароходства не новая. Еще до 1870 г. ощущалась краемъ насущная въ немъ потребность, для удобнѣйшей перевозки грузовъ и самихъ промышленниковъ на пространствѣ между Архангельскомъ и Мурманскимъ берегомъ; и если предпріятіе до этого времени не получало фактическаго осуществленія, то причину тому надо искать не въ апатіи, или въ недостаткѣ предпріимчивости у мѣстныхъ капиталистовъ, но единственно въ распространенномъ убѣжденіи, что такому предпріятію не будетъ оказано правительственной поддержки, безъ которой новое, рискованное дѣло не могло стать, какъ говорится, на твердую сваю. Такъ, еще въ 1858 г. Сѣверо-Двинское пароходство предлагало готовность учредить и содержать морскую, пароходную линію между Архангельскомъ и Вардегузомъ, при правительственной субсидіи въ 25 т. руб. за 9 обязательныхъ въ каждую навигацію рейсовъ.

Но тогда предложеніе было категорически отклонено мѣстнымъ главнымъ командиромъ порта генералъ-адъютантомъ Б. А. Глазенапомъ, отказавшимся ходатайствовать о такого рода субсидіи. Въ 1866 г. мѣстный-же губернаторъ князь Н. П. Гагаринъ, самостоятельно поднялъ вопросъ о дѣйствительной необходимости Бѣломорскаго пароходства между вышесказанными пунктами, и ходатайствовалъ предъ правительствомъ о выдачѣ ежегодной субсидіи въ 28 т. за 20 обязательныхъ рейсовъ, но и въ этотъ разъ вопросъ потерпѣлъ неудачу, «по неимѣнію убѣжденія, что предпріятіе принесетъ-де для края существенную пользу». (1). Крушеніе въ Бѣломъ морѣ до 100 иностранныхъ судовъ, послѣдовавшее въ 1867 г., вызвало вторичное ходатайство того-же губернатора о необходимости имѣть въ Бѣломорскихъ водахъ пароходство, если не военное, то хотя частное, могущее при подобныхъ катастрофахъ оказывать своевременную помощь; но послѣдовавшій отказъ мотивировался на этотъ разъ тѣмъ, что «всякое промышленное предпріятіе не имѣетъ твердаго основанія, коль-

---

(1) Тамъ-же. 1867 г., № 9, части 1, отд. 3.

скоро требуетъ для своего осуществленія искуственной поддержки со стороны правительства» ([2]). Изъ этого видимъ, что полное незнакомство съ условіями Бѣломорскаго плаванія, сопряженныхъ съ господствующими туманами, лишало возможности обсудить лицамъ, власть имѣющимъ, всесторонне проектированное предпріятіе, и по причинѣ этого-то незнакомства вопросъ о мѣстномъ пароходствѣ замеръ до извѣстной поры, т. е. до 1870 г., пока обстоятельства не выдвинули его снова на первый планъ, при иной уже группировкѣ лицъ, содѣйствовавшихъ успѣху предпріятія.

Въ 1870 г. при энергическомъ представленіи архангельскаго губернатора Д. С. С. Н. А. Качалова о полезности учрежденія пароходства для оживленія промысловыхъ операцій и сближенія отдаленныхъ пунктовъ побережья съ Архангельскомъ, какъ центромъ торговой дѣятельности края, состоялся, наконецъ, Высочайше утвержденный уставъ товарищества *Бѣломорско-Мурманскаго срочнаго пароходства*, съ субсидіею отъ правительства по 30 т. руб. въ годъ за обязательные 12 рейсовъ. Учредителями этого товарищества были поморскіе промышленники: Кольскій-Мартемьянъ Базарный и Кемскіе—Василій Митрофановъ, Ѳедоръ Антоновъ, Иванъ Норкинъ, Ѳедоръ Дуракинъ, Дмитрій Ломовъ, Николай Судовиковъ, Ѳедоръ Бѣлоусовъ и Павелъ Елизаровъ. Капиталъ Товарищества былъ не великъ, всего 150 т. руб., позволившій содержать только два небольшіе парохода, которые поэтому могли плавать неиначе, какъ по прибрежью, укрываясь отъ бурь и непогодъ открытаго океана. Такое обстоятельство не только препятствовало исполненію срочности ихъ плаванія, и не позволило имъ ни разу выполнить обязательные для каждаго парохода рейсы, но и вводило притомъ въ постоянныя издержки часто повторявшимися аваріями пароходовъ. Въ концѣ концовъ Товарищество потеряло два свои парохода: «Великій Князь Алексій» и «Качаловъ», изъ которыхъ первый, въ 60 силъ, долженъ былъ плавать вдоль Мур-

---

([2]) Тамъ-же.

манскаго берега, а послѣдній, въ 40 силъ, въ Бѣломъ морѣ. Въ 1872 г. «В. К. Алексій», слѣдуя въ Англію, потерпѣлъ на пути сильную аварію, заставившую его зайти въ Тромс-э, откуда въ слѣдующемъ году, идя въ Архангельскъ, погибъ въ Бѣломъ морѣ. Такую же почти участь потерпѣлъ въ 1874 г. и «Качаловъ», плавая у Мурмана. Третій пароходъ «Поморъ», вновь пріобрѣтенный, оказался на столько плохимъ во всѣхъ отношеніяхъ, что ни одно страховое общество не рѣшалось принять его на страхъ, и поэтому онъ не могъ выдти изъ Архангельска. Предпріятіе, на которое въ началѣ возлагались надежды, рушилось въ 1875 г. по слабости основнаго капитала, внутренней неурядицѣ и по несоблюденію требовавшихся для пароходовъ условій океанскаго плаванія. А между тѣмъ, сложившіяся обстоятельства указывали на неотложность пароходнаго сообщенія между Бѣломорскими пунктами, потому что колонизація Мурмана, принявъ къ 1875 г. солидные размѣры, требовала удобнѣйшаго способа передвиженія грузовъ. Эта колонизація началась съ 1868 г., и благодаря дарованнымъ для переселенцевъ особымъ льготамъ, получила такія благопріятныя послѣдствія, что пустынный и безмолвный зимою Мурманскій берегъ, съ того времени сталъ успѣшно заселяться. Въ мѣстахъ, гдѣ еще въ 1867 г. не было ни одного жилья, имѣлось къ этому времени, т. е. къ 1875 г. уже 19 поселеній съ 730 душами переселенцевъ. Ими возведено до 435 построекъ, въ числѣ которыхъ находились 4 паровые завода, для добыванія тресковаго жира, и 4 простыхъ салотопни. Между своими каботажными судами, колонисты имѣли до 20 большихъ, мореходныхъ судовъ ([3]).

Новое товарищество *Архангельско-Мурманскаго пароходства*, состоявшееся въ томъ-же 1875 г., взялось вполнѣ умѣло за предпріятіе, и потому успѣхъ получился несомнѣнный. Главными учредителями были: надворный совѣтникъ Ѳ. В. Чижовъ, положившій душу въ это предпріятіе, капитанъ 1 ранга графъ К. Ѳ. Литке, коммерціи совѣтникъ Морозовъ, инже-

---

([3]) Тамъ-же. 1875 г. № 1.

неръ-генералъ-лейтенантъ баронъ Дельвигъ и потомственный почетный гражданинъ Смолинъ. Основный капиталъ товарищества простирался свыше 400 т. руб.

По новому уставу, за содержаніе правильнаго сообщенія между Архангельскомъ, Бѣломорскими прибрежными пунктами и дальнимъ Мурманомъ, товарищество получило право пользоваться правительственною субсидіею въ размѣрѣ 50 т. руб., если его пароходы въ теченіи навигаціи успѣютъ совершить 31 рейсъ, изъ которыхъ 11 вдоль Мурмана до Вард-э и Вадс-э, и 20 — въ Бѣломъ морѣ.

Заведя три парохода «Онега», «Кемь» и «Архангельскъ», оно въ первый годъ заработало судбидіи только 5 т. р., въ слѣдующій годъ—уже 30 т. р., а съ 1877 г. стало получать и всѣ 50 т. руб. Исправнымъ доставленіемъ грузовъ, новое товарищество постепенно вселило въ промышленникахъ полное довѣріе къ пароходству, и развило притомъ убѣжденіе, что перевозка грузовъ этимъ путемъ несравненно выгоднѣе для промысловъ, нежели практиковавшійся ранѣе способъ, помогавшій кулачеству монополизировать трудъ поморца, и располагать доставку рыбы на парусныхъ судахъ въ Архангельскъ по своему произволу. Эти-то монополисты, лишившіеся, черезъ пароходство, возможности эксплоатировать трудъ закабаленнаго ими промышленника, всего болѣе и роптали на дѣйствія товарищества и измышляли на него нареканія, пока практическіе результаты не восторжествовали надъ темными дѣйствіями недовольной среды. А результаты получились дѣйствительно поразительные. Чтобы наглядно показать степень постепенно возраставшаго довѣрія приморскихъ жителей къ дѣйствіямъ Архангельско-Мурманскаго Пароходства, приводимъ данныя за 10 лѣтній періодъ, относящіяся до перевозки грузовъ и пассажировъ по Мурманской и Бѣломорской линіямъ (1).

---

(1) Тамъ-же. Дѣло 1875 г., № 2, см. Отчеты товарищества.

Годы.	Мурманская линія.					Бѣломорская линія.				
	1-й классъ.	2-й классъ.	3-й классъ.	Всего.	Количество груза въ пуд.	1-й классъ.	2-й классъ.	3-й классъ.	Всего.	Количество груза въ пуд.
1875	84	16	305	405	неизвѣстно	—	4	47	51	61,476(по обѣимъ линіямъ.)
1876	89	116	625	830	28,159	28	56	246	330	7,976
1877	139	208	735	1082	54,067	155	203	1009	1367	29,019
1878	113	172	923	1208	44,280	148	249	1370	1767	75,401
1879	112	274	1128	1514	119,477	138	239	2279	2656	81,916
1880	нѣть	свѣ	дѣ	ній						
1881	129	193	1366	1688	165,247	207	298	3127	3632	68,656
1882	184	336	1794	2314	217,210	235	334	2972	3541	172,842
1883	211	437	2763	3411	247,143	238	392	3826	3956	111,531
1884	227	378	2661	3266	198,483	254	391	2973	3618	146,715
1885	180	395	2773	3349	193,945	255	372	3340	3967	142,052

Пароходы товарищества, плавая съ 1878 года ежегодно къ Петербургу съ рыбнымъ товаромъ, проложили торную дорогу и многимъ поморскимъ судамъ, умноживъ значительное число потребителей сѣвернаго рыбнаго богатства. Это-же пароходство значительно повліяло и на самые успѣхи морскихъ промысловъ — обезпеченіемъ своевременной доставки улова на главный рынокъ края, въ Архангельскъ, *въ теченіи всей навигаціи*, тогда какъ прежде поморскіе судохозяева подвозили уловъ только осенью, къ ярмарочному времени. Оно-же, поддерживая постоянное сообщеніе съ становищами Мурманскаго берега, доставляетъ туда и всѣ необходимые предметы для успѣха дѣла: продовольственные припасы, орудія промысла, бочки, соль и т. п., въ чемъ до учрежденія пароходства наши становища всегда терпѣли крайній недостатокъ, и что̀ неминуемо отражалось на качествѣ продуктовъ.

Главнымъ виновникомъ осуществленія Бѣломорскаго пароходства былъ Августѣйшій гость нашего Сѣвера, Его Императорское Высочество В. К. Алексѣй Александровичъ, предпринявшій въ 1870 г. поѣздку въ Архангельскъ. Его живое участіе и помогло дѣлу. Ознакомившись въ то же время съ нуждами Архангельскаго порта, Его Высочество пожелалъ видѣть на мѣстѣ наши морскіе промыслы, для чего на военномъ суднѣ посѣтилъ не только все наше Поморье и отдаленный Мурманскій берегъ до самой Норвежской границы, но и островъ Новой Земли, гдѣ только что водворены были слѣды первой нашей колонизаціи. Въ лѣтописяхъ Сѣвера этой поѣздкѣ слѣдуетъ приписать очень важное значеніе, потому что со времени ея осуществленія Архангельскій край еще болѣе усугубилъ къ себѣ вниманіе не только административныхъ лицъ, но и прессы, усиленно занявшейся разработкою вопросовъ объ его экономическомъ улучшеніи и о самомъ Архангельскомъ портѣ. Эта разработка на первыхъ порахъ привела къ крайне-невыгодному для нашего патріотизма сравненію Норвежскаго Финмаркена съ Россійскимъ Мурманомъ,— мѣстностей, лежащихъ почти въ однородныхъ географическихъ и климатическихъ условіяхъ, гдѣ такъ неравномѣрно эксплоатируется одинъ и тотъ же источникъ благосостоянія—морское богатство Ледовитаго океана. Контрастъ дѣйствительно поразительный, зависящій отъ культурныхъ условій той и другой народностей, и отъ самаго взгляда на дѣло.

Потребуется еще не мало времени, пока умѣнье и трудолюбіе не создадутъ и въ Россійскомъ Мурманѣ того-же идеальнаго благоустройства промысловыхъ колоній и даже городовъ, какое видимъ у норвежцевъ въ настоящее время. Но пока что, а наши рыбные и звѣриные промыслы, основанные на самыхъ примитивныхъ способахъ, при отсутствіи всякаго надъ ними контроля, не только не процвѣтаютъ, но все болѣе и болѣе вытѣсняются культурными сосѣдями, отнимающими у поморскаго промышленника насущный его хлѣбъ, въ силу самаго географическаго положенія Бѣломорскихъ береговъ. Норвежскій промышленникъ выходитъ на промыслы морскаго звѣря раннею весною, пока Бѣломорскія гавани

бываютъ еще заперты льдомъ, и въ волю хозяйничаетъ не только у береговъ Новой Земли, но и въ Карскомъ морѣ. Здѣсь, въ этомъ-то обстоятельствѣ, и кроется не малая доля неудачи въ нашихъ промыслахъ, а слѣдовательно и причина экономическаго неустройства русскаго поморца.

Если-бы наши промышленники, съ одной стороны, могли быть оберегаемы отъ вредныхъ хищническихъ дѣйствій иностранцевъ, такъ безсовѣстно эксплуатирующихъ русскія воды, а съ другой — поощрены нѣкоторою поддержкою со стороны правительства, какъ напр. въ безпошлинномъ отпускѣ лѣса на судостроеніе и въ учрежденіи дешеваго промышленнаго кредита для небогатыхъ поморцевъ и т. п., тогда, болѣе предпріимчивые изъ нихъ были бы поставлены въ возможность ходить на морской промыселъ звѣря въ то именно время года, когда этотъ промыселъ только и бываетъ выгоденъ. Мало того, будучи привлечены поощреніемъ правительства, отважные и смѣтливые отъ природы, наши промышленники, въ лицѣ молодаго поколѣнія, пріобрѣтающаго научныя свѣдѣнія въ мореходныхъ школахъ, смѣло начали-бы проникать все далѣе на востокъ, куда съ такою настойчивостью стремятся нынѣ норвежскія промышленныя суда, и суда другихъ націй, подъ предлогомъ *научныхъ изслѣдованій*.

Все дѣло за недостаткомъ средствъ у мѣстнаго населенія. Безъ дешеваго-же промышленнаго кредита, безъ правительственной поддержки, — немыслима никакая организація промысловыхъ артелей, а безъ послѣднихъ — и самое благосостояніе нашего Поморья.

Но обратимся теперь къ Архангельскому порту. Наступила пора подумать и объ немъ, потому что сѣверное бездорожье быстро отвлекло отъ него многіе грузы, лишивъ средствъ, которыми онъ могъ существовать съ пользою не только для края, но и для всего государства.

Первыя затруднительныя обстоятельства порта почувствовались еще съ 1865 г., со времени появленія въ Соломбальской гавани громадныхъ, выгодныхъ для фрахта, *паровыхъ* коммерческихъ судовъ. Ихъ глубокая осадка встрѣтила большія затрудненія при маневрированіяхъ въ Двинскомъ устьѣ

по причинѣ мелководныхъ мѣстъ, тянущихся по сторонамъ корабельнаго фарватера. Песчаныя наслоенія, образовавшіяся, такъ сказать, вѣками по всему нижнему теченію Двины, заняли собою очень большія пространства, обнажающіяся въ малую воду, особливо у Мосѣева острова, отъ котораго песчаная коса раздѣляетъ Двину у Соломбалы на двѣ половины. Между тѣмъ увеличивавшееся годъ отъ году число паровыхъ иностранныхъ судовъ, поднимающихъ грузу каждое едва не за 10 прежнихъ парусныхъ, выказало существенныя неудобства порта и по отношенію доставки и погрузки товаровъ, потому во первыхъ, что операція доставки буянскихъ товаровъ, расположенныхъ выше города, и нагрузка ихъ изъ барокъ въ корабли, по милости городской и Мосѣевской отмелей, стала ежегодно обходиться купечеству, среднею цифрою, свыше 35 т. руб., тогда какъ срытіе указанныхъ отмелей избавило-бы разъ навсегда отпускную торговлю Архангельска отъ непроизводительнаго расхода, и дало бы возможность подходить кораблямъ прямо къ городу, какъ бывало прежде; во вторыхъ, еще бо̀льшій расходъ потребовали Двинской баръ и вообще нижнія части Березовскаго устья, какъ болѣе отмелыя, почему пришлось совершать догрузку паровыхъ судовъ товарами уже за баромъ, при помощи наемныхъ мелкихъ судовъ, въ открытомъ морѣ, что̀ повлекло за собою страшную потерю времени, рискъ и лишніе расходы, достигающіе ежегодно до 220 т. руб. на переплату за фрахтъ; и въ третьихъ— отсутствіе желѣзнодорожнаго пути, лишившаго Архангельскъ всякой живой, органической связи съ внутренними рынками Россіи.

Къ усугубленію несчастія для торговаго значенія Архангельска, даже Сѣверо-Двинской бассейнъ, какъ самый важный водный путь для сплава за границу продуктовъ сосѣднихъ губерній, сталъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе не соотвѣтствовать той роли, какую самою природою предназначено ему играть въ дѣлѣ сѣверной торговли, и засорился до такой степени, что вопросъ объ углубленіи подъѣздныхъ путей выступилъ въ послѣднее время тоже на очередь.

Такимъ образомъ, съ одной стороны неудобства рѣчной

системы стали препятствовать подвозу отпускныхъ товаровъ, съ другой—неудобства входа съ моря въ порту стали препятствовать и самому отпуску товаровъ за море, и заставлять иностранныя паровыя суда искать себѣ лучшихъ, менѣе рискованныхъ мѣстъ для нагрузки. При такихъ то тяжелыхъ, невозможныхъ для Архангельска условіяхъ, становится понятнымъ, почему фрахты на Архангельскъ возвысились нынѣ на 10—15%, противъ фрахтовъ судовъ, значительно большей осадки, свободно приходящихъ къ другимъ Бѣломорскимъ портамъ, какъ напр. въ Сороку и даже въ Онегу.

Въ силу тѣхъ-же условій и въ связи съ крайнею затруднительностью зимнихъ путей, дороговизною сухопутнаго провоза и т. п., получилось то, что и слѣдовало ожидать, т. е. что отпускная Бѣломорская торговля стала замѣтно ослабѣвать, и простиравшаяся еще въ 1880 г. до 11 мил. руб., понизилась въ 1883 г. на 30%, и составила лишь 7,460,000 руб.

Чтобы еще болѣе нагляднѣе видѣть эту постепенность упадка торговли, прилагаемъ нижеслѣдующую вѣдомость ([5]).

Годы	Число паровыхъ судовъ	Число парусныхъ судовъ	Сумма вывоза тов. (въ руб.).
1876	69	450	9,139,500
1877	88	474	11,524,400
1878	72	352	9,527,360
1879	85	402	9,580,394
1880	107	409	10,631,350
1881	90	306	9,187,300
1882	81	294	8,258,305
1883	85	262	7,460,400
1884	122	186	7,653,455
1885	98	190	6,101,010
1886	93	173	4,685,460

Сумма же привоза собственно къ Архангельскому порту, стала простираться, среднимъ числомъ, не свыше на 200 т. р. Предметами отпускной торговли нынѣ служатъ: сѣмя льняное, овесъ, рожь, пшеница, ячмень, ленъ, сало ворванное, ческа кудельная, перо и полупушье, выбойка, канаты, веревки,

([5]) Тамъ же, 1883 г., дѣло подъ № 45.

кости, мука и крупа, лиственичная губа, скипидаръ, масло коровье, смола, пекъ, солонина, шкуры, рогожи, копченые языки и лѣсной товаръ.

Значительное уменьшеніе заграничной торговли Архангельска отразилось и на уменьшеніи заводской промышленности самаго города, въ которомъ за послѣднее время имѣются заводы: замшевый 1, овчинныхъ 2, мыловаренныхъ 2, свѣчныхъ 2, водочныхъ 3, пивоваренныхъ 3, канатныхъ 2, прядиленныхъ 2, красильныхъ 3, литейный 1, спичечный 1, коптильный 1 и лѣсопильныхъ 5—всего 28. Мало того,—уменьшеніе торговли отразилось и на промышленности артельной, той самой отрасли, которая при существованіи парусныхъ судовъ, требовавшихъ ручнаго труда, давала всегда при нагрузкѣ и выгрузкѣ хорошій заработокъ, но которая почувствовала сильный ударъ съ первымъ приходомъ къ порту паровыхъ кораблей, потому что механическія приспособленія послѣднихъ, давая громадный выигрышъ во времени, устранили артельныя услуги лицъ обоего пола, что, въ свою очередь, повело къ ухудшенію экономическаго положенія рабочаго люда. Буксирное пароходство на Двинскомъ устьѣ отняло заработокъ у карбасниковъ, отводившихъ и приводившихъ въ гавань грузовыя суда,—словомъ, гаванскія работы, кормившія прежде не одну сотню подгородныхъ крестьянъ, нынѣ сократились по всѣмъ статьямъ. Только лоцманская, да дрягильская промышленности стоятъ, выражаясь биржевымъ терминомъ, *твердо*.

И нельзя сказать, чтобы въ виду крайне-печальнаго положенія, занятаго Архангельскомъ въ ущербъ прежнему своему значенію, мѣстная администрація безмолвствовала. Нѣтъ, она съ 1868 г., т. е. со времени посѣтившаго въ 1867 г. Сѣверъ голода, рьяно, въ лицѣ архангельскаго губернатора князя С. П. Гагарина, подняла вопросы о расчисткѣ подъѣздныхъ путей, и о сооруженіи Вятско-Двинской желѣзной дороги, долженствовавшей соединить Камско-Волжскій бассейнъ съ Бѣлымъ моремъ, — вопросы, породившіе потомъ въ нашей печати цѣлую литературу, но, увы, доводы всѣхъ тѣхъ лицъ, кому дороги успѣхи сѣверной торговли, разбивались о непреодолимое препятствіе,—о недостатокъ государственныхъ

финансовъ,—но въ сущности, по мнѣнію компетентныхъ торговыхъ лицъ Сѣвера *«устройство желѣзной дороги на Архангельскъ мѣшало интересамъ большинства сильныхъ торговцевъ (Петербургскихъ и иныхъ), потому что въ устройствѣ такого пути, они предвидѣли утрату своей монополіи и оказывали противодѣйствіе*; притомъ и разногласіе въ выборѣ конечныхъ пунктовъ для дороги затормозило ея осуществленіе» (6). Время между тѣмъ шло. Наступилъ и 1881 годъ, памятный для истыхъ сѣверянъ губернаторствомъ Н. М. Баранова, энергично поведшаго дѣло о вопіющихъ нуждахъ сѣвернаго края,—дѣло, которому сочувствовалъ и тогдашній министръ Внутреннихъ Дѣлъ, графъ Н. П. Игнатьевъ. Въ Архангельскѣ учредилась коммисія изъ выдающихся членовъ купеческаго и промышленнаго классовъ, для обсужденія насущныхъ нуждъ Сѣвера и для изысканія мѣръ и средствъ къ ихъ удовлетворенію. Выдающимся плодомъ занятій этой коммисіи получился проектъ *Волжско-Двинской ж.-д.*, основанный на практическомъ изученіи предмета, и долженствующій, при осуществленіи, доставить въ недальнемъ будущемъ слѣдующія благодѣтельныя послѣдствія:

1) Обезпечитъ навсегда Сѣверный край отъ голода.

2) Упроститъ и облегчитъ способъ передачи русскихъ туземныхъ произведеній за границу.

3) Ускоритъ передвиженіе ихъ, доставляя тѣмъ выгоду производителямъ и быстроту оборотамъ капитала.

4) Удешевитъ провозную плату.

5) Избавитъ товары отъ скопленія массъ ихъ въ Рыбинскѣ и на путяхъ къ С.-Петербургу и Кронштадту, и возвратитъ Архангельску прежнее значеніе одного изъ главныхъ русскихъ торговыхъ портовъ.

6) Доставляя дешевый, здоровый и питательный продуктъ—рыбу—на внутренніе рынки Россійскіе, будетъ развивать промышленность и рыболовство. Возстановитъ русское торговое мореплаваніе и морское пароходство и облегчитъ колонизацію Мурманскаго берега и Новой Земли.

---

(6) Записка о Волжско-Двинской ж.-д., составленная по порученію Коммисіи для обсужденія нуждъ Сѣвера. 1882 г.

7) Разовьетъ рѣчное пароходство и судостроеніе въ широкихъ размѣрахъ.

8) Доставитъ сѣверному краю лѣтнія удобныя и быстрыя сношенія со всею Европою и Сибирью.

9) Откроетъ сбытъ неистощимому дровяному лѣсу изъ Вологодской и Архангельской губерній; доставляя подспорье въ топливѣ и строительныхъ матеріалахъ внутренней полосѣ Россіи, обезпечитъ ее отъ возрастающей дороговизны этихъ продуктовъ и совершеннаго истребленія лѣса.

10 Освободитъ земли удобныя для хлѣбопашества и переселенія малоземельныхъ крестьянъ; и

11) Вмѣсто приплаты гарантій изъ государственнаго казначейства, будетъ давать большой процентъ на затраченный капиталъ въ недалекомъ будущемъ ([7]).

Проектированная Волжско-Двинская ж. д. должна будетъ прорѣзать одну изъ главныхъ житницъ россійскихъ—Вятскую губернію, и соединить два главные водные бассейна, Волжскій и Сѣверо-Двинскій.

Результатомъ лихорадочной дѣятельности Барановской коммисіи получилось то, что расчистка Двинскаго устья была разрѣшена въ принципѣ въ 1884 г., сообщеніемъ Комитета Министровъ министру Финансовъ Высочайшей резолюціи, послѣдовавшей на докладѣ объ этомъ предметѣ: «Весьма желательно ускорить это дѣло» ([8]).

Что же касается до практическаго осуществленія остальныхъ главныхъ вопросовъ, т. е. расчистки Сѣверо-Двинскаго бассейна и постройки желѣзной дороги, то бывшій министръ Путей Сообщенія К. Н. Посьетъ, въ запискѣ своей, представленной въ 1886 г. въ Комитетъ Министровъ, писалъ о современномъ состояніи водныхъ путей нижеслѣдующее:

«Сѣверъ Россіи—по отзыву Министра Путей Сообщенія—не имѣетъ вовсе искуственныхъ дорогъ. Двина, и ея притоки и нѣкоторыя другія рѣки Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерній находятся въ первобытномъ состояніи, и

([7]) Тамъ же,

([8]) Тамъ-же, л 30.

оставленныя безъ поддержки, изъ года въ годъ ухудшаются. Короткое сѣверное лѣто—причиною весьма короткой навигаціи, которою судоходство можетъ пользоваться лишь во время непродолжительнаго весенняго половодія. Все остальное время навигаціи суда даже на главной части Двины, отъ устья ея до впаденія въ нее Вычегды (600 верстъ), принуждены два раза перегружаться въ болѣе легкія суда. При такомъ бездорожьи внутри, край этотъ остается отдѣленнымъ и отъ остальной Россіи, такъ какъ нѣтъ ни одной, кромѣ Ярославско-Вологодской желѣзной дороги, сколько нибудь удобной дороги, связующей его съ Имперіею. Виртембергская система, соединяющая Двинской бассейнъ съ Балтійскимъ моремъ, находится въ крайне-неудовлетворительномъ состояніи. Вятско-Двинская желѣзная дорога не осуществлена. Сѣверный Екатерининскій каналъ, открытый въ 1822 г. для соединенія Двинскаго водоема съ Камско-Волжскимъ, закрытъ въ 1837 г. Морское сообщеніе Архангельска тоже очень затруднено мелями, находящимися между портомъ и моремъ. Необходимо приступить хотя къ постепенному улучшенію путей Сѣвера, для развитія какъ населенія, такъ и его торговыхъ сношеній и промышленности. Выправленіе Сухоны, главнаго притока Двины, требуетъ значительныхъ затратъ, и потому необходимо нынѣ ограничиться вынутіемъ карчей, отдѣльныхъ камней и исправленіемъ бичевниковъ. Вятско-Двинская ж.—д. тоже требуетъ большихъ расходовъ. Сѣверный Екатерининскій каналъ вмѣстѣ съ Вычегдою, приведенные въ надлежащій видъ, могутъ принести всему Сѣверу большую пользу. Каналъ этотъ былъ закрытъ вслѣдствіе весьма малаго по немъ движенія бичевною тягою, какъ затруднительной противъ теченія Камы и Сѣверной Кельтмы.

Нынѣ, при паровомъ плаваніи, дѣло другое. Отъ Перми и вообще отъ верхней Камы до Архангельска, разстояніе болѣе чѣмъ на 1000 верстъ короче, чѣмъ до С.-Петербурга. Поэтому—заключилъ министръ свой докладъ—для Верхне-Камскихъ, Уральскихъ и Западно-Сибирскихъ грузовъ, идущихъ за границу, Архангельскій портъ болѣе удобенъ, чѣмъ С.-Петербургскій. При этомъ, плаваніе изъ Бѣлаго моря, напр. въ

Англію, безопаснѣе и фрахты дешевле, чѣмъ изъ Финскаго залива» ([9]).

Всѣ эти соображенія получили окончательную санкцію въ томъ-же 1886 г.

И такъ, дальнѣйшая судьба Архангельскаго порта всецѣло поставлена въ зависимость отъ *постепеннаго* осуществленія намѣченныхъ работъ. Пройдутъ слѣдовательно, многіе годы, пока дойдетъ очередь до выправленія Сухоны и до открытія, для паровыхъ судовъ, сѣвернаго Екатерининскаго канала; а до того времени Архангельскій портъ долженъ будетъ тянуть свое существованіе и не приходить въ окончательный упадокъ, послѣ котораго окажутся, пожалуй, и излишними намѣченныя для него, Архангельска, работы.

А между тѣмъ, отъ скорѣйшаго рѣшенія жизненныхъ, экономическихъ вопросовъ, не отвергаемыхъ запискою и министра Путей Сообщенія, зависитъ участь не одного только Архангельскаго порта, но участь и всей сѣверо-восточной половины Имперіи, заинтересованной въ торговомъ значеніи нашего приокеанскаго порта, самою природою предназначеннаго быть отпускнымъ портомъ. Вѣдь Бѣлое и Сѣверное моря—наши открытыя моря, и принадлежатъ всецѣло намъ, тогда какъ ключи Балтійскаго и Чернаго морей находятся у нашихъ сосѣдей. Скажемъ болѣе: на Мурманскомъ нашемъ побережьѣ имѣются круглый годъ незамерзающія гавани, о важномъ значеніи которыхъ еще въ 1866 г. иностранцы писали слѣдующее: «Россія имѣетъ въ Сѣверномъ океанѣ нѣсколько гаваней, способныхъ служить убѣжищемъ для цѣлыхъ флотовъ и можетъ такъ укрѣпить ихъ, что доступъ къ нимъ съ моря былъ бы очень труденъ, а почти и вовсе невозможенъ. Обладая этими гаванями, русскія вооруженныя суда могли бы во всякую пору нанести удары французскимъ и англійскимъ портамъ и съ помощію пара очутиться предъ ними чрезъ нѣсколько часовъ по снятіи съ якоря» ([10]).

([9]) Тамъ же.

([10]) Труды С.-Петербург. Отдѣленія Императорскаго общества для содѣйствія русскому торговому мореходству. 1877 г., стр. 275.

Такъ писали иностранцы. Затѣмъ, въ 1876 г. Августѣйшая Покровительница Общества спасанія на водахъ, принимая близко къ сердцу судьбу нашихъ отважныхъ поморцевъ, промышляющихъ морскаго звѣря у Новой Земли, въ рескриптѣ своемъ на имя тогдашняго министра финансовъ М. X. Рейтерна, выразила желаніе, чтобы «для охраны спасательныхъ станцій, такъ и самыхъ промысловъ *отъ самоуправства и произвола нашихъ сосѣдей, необходимо въ то же время устроить къ берегамъ Новой Земли охранительное крейсерство*» ([11]).

Въ виду важности огражденія отечественныхъ промышленныхъ интересовъ, существованіе военнаго крейсера въ Сѣверномъ океанѣ также необходимо, какъ необходимъ на Бѣломъ морѣ и военный флагъ. А между тѣмъ, мы и въ 1888 г. не видѣли этого желаннаго крейсера.

Какіе широкіе горизонты могли бы открыться для сѣверной торговли вообще и для нашихъ морскихъ промысловъ въ особенности, а слѣдовательно и для обогащенія государства, если бы этотъ сѣверный вопросъ получилъ благопріятное рѣшеніе! Но все дѣло въ томъ, что судьба нашего Сѣвера сложилась какъ-то чрезвычайно страннымъ образомъ. Въ добрыхъ пожеланіяхъ, благихъ намѣреніяхъ, самыхъ теплыхъ сочувствіяхъ, онъ никогда не встрѣчалъ недостатка; но какъ только вопросъ переходилъ отъ слова къ дѣлу, тутъ-то и являлись всегда непреоборимыя финансовыя препятствія, благодаря которымъ онъ и дожилъ до нынѣшняго печальнаго существованія.

Нынѣ Архангельскъ вступилъ въ четвертое столѣтіе. Что-то оно сулитъ ему? Историческая живучесть юбиляра-города, испытавшаго въ своей судьбѣ много тяжкихъ невзгодъ, служитъ порукою, что онъ дождется своего воскресенія, и займетъ подобающее ему мѣсто въ ряду другихъ нашихъ портовъ.

Съ такою свѣтлою надеждою на лучшее будущее мы и заключаемъ нашъ трудъ.

([11]) Пятый годовой отчетъ Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ. Стр. 67.